

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

KSF
1188

1907, 140-10-1

KC.F 1128 (120/110-10-11)

Вѣстникъ Знанія.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

Редакторъ-издатель В. В. БИТНЕРЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Е. М. Вольфа, Невскій, 126 (уг. Суворовскаго просп.).
1907.

Отъ Конторы Редакціи.

1. О доплатѣ подписныхъ денегъ.

Во избѣжаніе задержки въ высылкѣ журнала Контора просить г.г. подписчиковъ поторопиться со взносомъ подписныхъ денегъ за четвертую четверть тек. года.

2. Послѣдній срокъ выписки журнала за 1907 г.

Въ виду того, что почтамтъ въ настоящее время особенно тщательно слѣдитъ за своевременностью сдачи періодическихъ изданій на почту, и позже извѣстнаго срока пересылаетъ журналъ не по обычному тарифу, а какъ почтовую посылку, — Контора просить лицъ, желающихъ подписаться на „Вѣстн. Зн.“, прислать деньги съ такимъ расчетомъ, чтобы онѣ были получены не позже 20 декабря, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, имъ придется переплатить за пересылку.

3. О волшебномъ фонарѣ.

Въ виду того, что въ изготовленіи второй партіи фонарей произошло замедленіе и нѣкоторые подписчики успѣли за это время перемѣнить свои адреса, — Контора просить всѣхъ лицъ, подписавшихся на волшебный фонарь и не получившихъ его до настоящаго времени, сообщить свои точные адреса.

Кромѣ того, считаемъ нужнымъ напомнить подписчикамъ, что въ своихъ жалобахъ и заявленіяхъ Конторѣ они должны сообразоваться съ правилами, помѣщенными въ № 5 „В. Зн.“ с. г.

Учен. агр. Я. Лапинеръ.

Аграрный вопросъ въ Царствѣ Польскомъ.

I.

Русское общество изучаетъ польскихъ писателей, художниковъ и скульпторовъ, но не знаетъ Польши, говорятъ поляки. Въ этомъ упрекѣ есть доля правды, поскольку рѣчь идетъ о положеніи польской деревни. Странно было бы винить нашу интеллигенцію за недостаточно внимательное отношеніе къ нуждамъ польскаго крестьянина; послѣдній, несмотря на бурную политическую исторію Польши, стоялъ гдѣ-то вдали; событія творилъ не народъ, а шляхта, которая заслонила его собой. Въ дни величія Речи Посполитой, въ дни ея упадка, Европа знала только польское дворянство и мало интересовалось крестьяниномъ; дворянство же при посредствѣ всендзовъ держало народъ въ тяжелыхъ тискахъ и дѣлало его орудіемъ для достиженія своихъ политическихъ цѣлей. Такимъ образомъ польскій крестьянинъ остался внѣ поля зрѣнія русскаго наблюдателя.

Событія 63 года и реформа 64 года выдвинули польскаго мужика на историческую авансцену, и русское общество стало знакомиться съ этимъ своеобразнымъ существомъ по официальнымъ даннымъ и характеристикамъ. Послѣ реформы о немъ опять забыли и вспомнили только теперь, когда аграрный кризисъ въ русской деревнѣ достигъ необыкновенной остроты и заставляетъ о себѣ такъ много говорить. Русское общество заинтересовалось аграрными отношеніями на окраинахъ, главнымъ образомъ въ Привислянскомъ краѣ. Каковы земельныя отношенія въ Царствѣ Польскомъ? Существуетъ ли тамъ аграрный кризисъ?—вопросы, которые возникли по аналогіи съ Россіей.

Представители польскаго народа (коло) въ первой и второй государственной думѣ отвѣтили, что переживаемый Россіей земельный кризисъ не распространяется на Польшу; удовлетвореніе земельныхъ нуждъ русскаго крестьянства является основной проблемой только для Россіи; въ Польшѣ же нѣтъ аграрнаго вопроса, и польское крестьянство не ощущаетъ земельного голода. Остается только радоваться, что въ Россіи есть такой счастливый уголокъ, гдѣ пахарь блаженствуетъ, потому что не знаетъ голода. Оказывается, что не одна Польша находится въ столь счастливомъ поло-

господствующей въ Польшѣ системѣ хозяйства и полеводства съ одной стороны и крестьянскаго малоземелья — съ другой, являются самыми подвижными въ смыслъ перехода въ высшія или низшія группы; въ первомъ случаѣ отдѣльное хозяйство усиливается на счетъ сосѣднихъ, въ последнемъ мы наблюдаемъ обычное дробленіе.

Перейдемъ теперь къ помѣщичьему землевладѣнію. Если мы соединимъ всѣхъ собственниковъ, располагающихъ землей свыше 300 морговъ въ одну группу, то окажется, что 66,5 или 0,95 проц. общаго числа собственниковъ владѣютъ 43 проц. площади края и противостоятъ 606,463 собствен. или 89,5% располагающихъ лишь 46% земли.

При такомъ распредѣленіи земельной площади между различными общественными группами, рѣчь о благоденствіи крестьянъ является злой насмѣшкой надъ ихъ тяжелой участью. Только эти цифры объясняютъ, почему польское коло не допускаетъ принципа государственнаго вмѣшательства въ земельныя отношенія Ц. П. и такъ сладко поетъ на тему о крестьянскомъ благополучіи.

По отдѣльнымъ губерніямъ преобладающіи процентъ крупной собственности и крестьянское малоземелье выступаютъ еще болѣе рѣзко. Въ Варшавской губ. 97,8% собственниковъ первой и второй группы владѣютъ 38,4% площади губерніи, а на долю 2% собственниковъ той же губерніи, приходится 49% земли. Надо замѣтить, что Варшавская губернія считается наиболее промышленной въ Царствѣ Польскомъ, поэтому приведемъ также данныя по Люблинской губ., принадлежащей къ земледѣльческимъ, и являющейся въ отношеніи крестьянскаго малоземелья очень типичной: 12,900 собственниковъ первой группы пользуются лишь 3 проц. площади, а въ рукахъ графа Замойскаго сосредоточено 13% площади этой губерніи. Если принять во вниманіе численность деревенскаго пролетаріата въ Люблинской губерніи, доходящую до ста тысячъ, то существованіе такихъ колоссальныхъ владѣній, до 13% всей площади губерніи, обуславливаетъ самыя тяжелыя формы эксплуатаціи малоземельныхъ и безземельныхъ массъ.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду при характеристикѣ польской деревни, что сельское населеніе составляетъ тамъ 74,7 проц., а по отдѣльнымъ губерніямъ этотъ процентъ значительно выше, — Калишская 80,5 проц., Радомская 82; плотность населенія края опредѣляется въ 106,92 человекъ на 1 кв. версту.

Такимъ образомъ крестьянство въ царствѣ Польскомъ находится въ тяжелыхъ экономическихъ условіяхъ; преобладаніе крупной собственности съ одной стороны, и большой проц. сельскаго населенія съ другой, порождаютъ въ конечномъ счетѣ самую тяжелую форму аренды земель — производственную; сущность этой аренды заключается въ томъ, что крестьянинъ снимаетъ у помѣщика участокъ по такой высокой цѣнѣ, что за покрытіемъ аренды остатокъ отъ урожая ниже заработной платы въ странѣ. Только ужасъ голода заставляетъ крестьянина прибѣгать къ такой формѣ аренды!

Тѣснимый малоземельемъ и польскіи крестьянинъ былъ захваченъ потокомъ аграрныхъ безпорядковъ. Онъ производилъ массовыя порубки въ Петровской и Калишской губерніи. Въ Люблинской и Сѣдлецкой губерніяхъ крестьяне разобрали нѣсколько экономій, увезли хлѣбъ, скотъ и прочій инвентарь. Эти безпорядки были вызваны тяжелымъ экономическимъ положеніемъ польской деревни. Отвѣтомъ на это было обязательное постановленіе губернаторовъ вышеназванныхъ губерній, что «виновныя въ нападеніи на помѣщичьи усадьбы, въ захватѣ земель помѣщиковъ, въ предъявленіи помѣщикамъ разныхъ сопровождаемыхъ насиліемъ и угро-

зами требованій, будуть предаваемы военному суду и судимы по законамъ военного времени». Опубликованіе обязательнаго постановленія не могло малоземелья. оно фактъ, съ которымъ надо считаться.

Обнищаніе крестьянскихъ массъ выражается не въ одномъ разленіи его земельной площади на карликовые участки; есть цѣлый рядъ другихъ сопутствующихъ обстоятельствъ, которые въ сильнѣйшей степени подрываютъ крестьянское благосостояніе. Потеря скота окончательно нарушаетъ хозяйственное равновѣсіе крестьянина, и вопросъ тогда въ томъ, когда онъ вынужденъ будетъ продать свой клочекъ и перейти въ ряды безземельныхъ, чтобы жить исключительно продажей своего труда. Въ этомъ отношеніи интересны данныя польскихъ статистиковъ Гурскаго и Станишевскаго: послѣдніе считаютъ, что 126,295 крестьянскихъ хозяйствъ или 16 проц. имѣютъ земли не свыше $1\frac{1}{2}$ десятины. Судьба этихъ крестьянъ едва ли лучше настоящихъ пролетаріевъ. Въ то время, какъ послѣдній легко порываетъ съ деревней, и смѣло идетъ въ городъ въ надеждѣ лучшей доли, первый прикованъ къ своей парцеллѣ—поднимаетъ голодъ, аренду и понижаетъ заработную плату. «Малоземельные крестьяне—говоритъ Василевскій—находятся въ положеніи гораздо худшемъ, нежели безземельные. Послѣдніе живутъ исключительно заработками, нанимаясь въ большомъ количествѣ къ помѣщикамъ въ качествѣ годовыхъ рабочихъ, что для владѣльцевъ мелкихъ хозяйствъ не всегда доступно, потому что они какъ бы прикрѣплены къ мѣсту жительства своей землей и неспособны обработать ее». Изъ этой группы крестьянъ только 15 проц. имѣютъ своихъ лошадей и 70 проц. коровъ.

Къ убогимъ хозяйствамъ относятся вышеназванные авторы также и крестьянъ, владѣющихъ отъ $1\frac{1}{2}$ до 5 десятинъ; такихъ хозяйствъ 47 проц. или 365,349. Въ 1899 году въ этой группѣ было 26,4 проц. безлошадныхъ и 4,9 проц. безъ коровъ.

Такимъ образомъ, мы располагаемъ достаточнымъ матеріаломъ, чтобы судить объ экономическомъ положеніи польской деревни. Наши выводы не голословны, они опираются на проверенный статистическій матеріалъ. Съ реформы 64 года польское крестьянство было предоставлено естественному процессу отбора наиболѣе приспособившихся къ условіямъ рынка хозяйствъ. Въ результатъ на одномъ полюсѣ оказалась малоземельная масса крестьянъ—50% всего числа собственниковъ, потерявшая скотъ и влачащая самое жалкое существованіе; на другомъ полюсѣ—часть крестьянъ, достаточно устойчивыхъ экономически, чтобы продолжать борьбу съ крупными хозяйствами; кромѣ этого неизбежнаго процесса приходится указать также на то, что малоземельное и безземельное польское крестьянство эксплуатируется крупнымъ помѣщичьимъ землевладѣніемъ, какъ въ качествѣ арендаторовъ, такъ и въ качествѣ наемныхъ рабочихъ.

II.

Польское малоземельное и безземельное крестьянство не мирилось съ положеніемъ «обреченныхъ». Оно рвалось изъ тисковъ малоземелья, и только отдѣльнымъ личностямъ удалось укрѣпить свое благосостояніе. Въ моментъ настолько интересный, что мы остановимся на немъ подробно.

Во 2-ой половинѣ восьмидесятихъ годовъ сельскохозяйственный кризисъ вызвалъ усиленную ликвидацію помѣщичьихъ и не-крестьянскихъ хозяйствъ. Крупное хозяйство, поставлявшее на мировой рынокъ, главнымъ образомъ, зерно, не могло выдержать конкуренціи американскаго хлѣба. Америка, располагавшая огромными пространствами цѣльной земли, вывозила Европу своимъ хлѣбомъ: этотъ кризисъ обѣщалъ стать для евро-

польскаго земледѣлія явленіемъ хроническимъ, если оно будетъ продолжатъ производить зерновые продукты. Такимъ образомъ, крупному хозяйству оставалось два пути: преобразовать хозяйство, что требовало большихъ средствъ, которыхъ не было у польскаго помѣщика, или продать имѣніе: онъ и предпочелъ послѣднее. Даже тотъ обычный путь, путь займа, который пользуется помѣщикъ въ критическіе минуты своей хозяйственной дѣятельности, оказался очень скользкимъ. Сущность кризиса выражалась въ паденіи цѣнъ продуктовъ земледѣлія, что влечетъ паденіе цѣнъ земли и слѣдовательно возрастаніе относительной задолженности помѣщиковъ. Крестьянское хозяйство страдало отъ кризиса въ меньшей степени, такъ какъ оно въ меньшей степени зависитъ отъ рынка. Зерно, производимое польскимъ крестьяниномъ, потребляется имъ самимъ: на рынокъ онъ выноситъ избытокъ зерна; нужду же въ деньгахъ онъ покрываетъ продажей продуктовъ животноводства или заработками въ отхожихъ промыслахъ.

Открытие въ 1890 году въ Царствѣ Польскомъ отдѣленій крестьянскаго банка совпало, такимъ образомъ, съ стремленіемъ многихъ помѣщиковъ сбыть землю. Малоземельные и безземельные воспользовались помощью банка, и въ короткое время въ руки крестьянъ перешло нѣсколько тысячъ десятинъ. Съ цѣлью облегчить крестьянамъ доступъ къ продаваемой землѣ, банкъ включилъ въ свои задачи парцелляцію земли, которая лежала раньше на помѣщицѣ. Прикупка земли увеличила крестьянское землевладѣніе, сократила на нѣсколько сотыхъ процента количество безземельныхъ или малоземельныхъ; но не улучшила ихъ положенія. Они остались тѣми же бѣдняками, но съ тяжелой ношей на плечахъ — клочекъ земли, обремененный высокимъ долгомъ крестьянскому банку и деревенскимъ кулакамъ. Средняя величина отдѣльнаго хозяйства на купленной крестьянами землѣ оказывается значительно ниже (4 десят.) надѣльнаго хозяйства, величина котораго, по даннымъ 1904 года, опредѣлялась въ 5,9 десятинъ. Каково же истинное положеніе собственника, рожденнаго успѣхами банка? Отъ покупателей земли банкъ требовалъ участіе одной трети своихъ средствъ, скупившая свою ссуду двумя третями: банкъ не включилъ въ свои задачи снабженіе крестьянина живымъ и мертвымъ инвентаремъ, безъ которыхъ немисливо вести хозяйство человѣку, у котораго все сбереженія ушли на покрытіе требуемой банкомъ трети цѣны земли. И мужикъ чистъ въ кабалу къ деревенскому кулаку, на котораго онъ огненнымъ обязательствомъ работаетъ.

Ежегодные взносы банку разбойничьи проценты кулаку, и мужикъ бѣется, какъ рыба объ ледъ проклятая день, когда онъ задумалъ купить землю. Свое хозяйство, при отсутствіи живого и мертваго инвентаря, онъ ведетъ небрежно; земля удобряется слабо, урожайность низкая. Чтобы свести кое-какъ концы съ концами, онъ вынужденъ продавать свой трудъ сосѣднему помѣщику, который пользуется тяжелымъ экономическимъ положеніемъ крестьянина и учитываетъ мужицкую нужду на высотѣ заработной платы. Оказывается, что недостаточно еще оказывать крестьянину помощь при покупкѣ земли. Банкъ долженъ быть расширить свои задачи выдачей крестьянамъ ссудъ меллоративнаго характера на приобретеніе живого и мертваго инвентаря и вообще улучшеніе хозяйства.

За промежутокъ времени въ 30 лѣтъ (1873—1894) надѣльное землевладѣніе увеличилось на 11%, которые относятся главнымъ образомъ, на счетъ дѣятельности крестьянскаго банка. Если при этомъ принять во вниманіе также увеличеніе числа надѣльныхъ хозяйствъ, за тотъ же промежутокъ времени (31% или 185,000), то станетъ яснымъ, что дѣятельность банка сводится къ нулю, и польская деревня переживаетъ острый земельный кризисъ. Несовѣтствіе между увеличеніемъ площади и коли-

чествомъ хозяйствъ ведетъ къ распыленію крестьянскаго земледѣлія на мелкія парцеллы.

Конечно, при такихъ условіяхъ о высокой производительности въ сельскомъ хозяйствѣ говорить нечего. Въ Люблинской губерніи надѣльных хозяйствъ возрасла на 63 — 68%; здѣсь естественно ожидать распыленія крестьянскихъ участковъ, такъ какъ крестьянское землевладѣніе придумано колоссальными владѣніями графа Замойскаго и не можетъ увеличиваться прикупкой земли. Какія же причины породили видимую перенаселенность деревни? Польша является, главнымъ образомъ страной земледѣльческой, что видно изъ высокаго процента сельского населенія. Промышленность края, хотя развивалась быстрымъ темпомъ, могла поглотить естественнаго прироста населенія, и оно силой обстоятельствъ вынуждалось осѣдать въ деревнѣ, увеличивая число батковъ, ищущихъ труда. За время съ 1872—1897 населеніе возрасло съ 6,528,017 до 9,455,943, т. е. на 2,927,916 душъ; городское же население за то же время увеличилось съ 1,057,936 до 2,055,895, т. е. на 997,959. Такимъ образомъ 1,930,000 душъ не имѣло возможности размѣститься въ городахъ. Германія и Франція избытокъ сельского населенія отсылаютъ въ города, гдѣ они находятъ приложеніе своимъ силамъ въ индустріи; посредственнымъ результатомъ является ростъ производительности труда въ сельскомъ хозяйствѣ.

Крестьянское же хозяйство въ Польшѣ не можетъ интенсифицироваться на такихъ клочкахъ, и оно производитъ хлѣбъ, который выгоднѣе производить только въ крупныхъ хозяйствахъ. Рядомъ съ парцелляціей земли идетъ процессъ освобожденія малоземельныхъ отъ земли. По даннымъ Крживицкаго, за 29 лѣтъ (1870—1899) количество хозяйствъ ниже трехъ морговъ уменьшилось для всего края на 6,8 проц. или на 22,000 хозяйствъ. «Статистическій комитетъ приписываетъ это явленіе выкупу зажиточными сосѣдями крестьянъ, особенно въ пограничныхъ уѣздахъ, откуда населеніе эмигрируетъ»¹⁾. Мы уже указывали на это явленіе въ жизни польскаго крестьянства: освобожденіе экономически слабой части крестьянства отъ земли и усиленіе другой.

Нашъ анализъ экономическаго положенія польской деревни будучи не полнымъ, если мы обойдемъ молчаніемъ сравнительно высокую по численности группу сельского безземельнаго населенія. Къ реформѣ 1864 года численность этой группы населенія опредѣлялась въ 1,300,000. Надѣленіе крестьянъ землей уменьшило эту группу до 200,000. Въ настоящее время численность сельского пролетаріата достигаетъ снова милліона. По отдѣльнымъ губерніямъ количество безземельныхъ значительно колеблется и достигаетъ максимальной величины въ Варшавской губ.—21,8 проц.—въ Плоцкой—20 проц., въ Калишской—19% общаго количества населенія; минимумъ—8 проц.—приходится на Радомскую и Кѣлецкую. Почти весь сельскій пролетаріатъ за отсутствіемъ широкаго индустріальнаго рынка остается въ деревнѣ и продаетъ свой трудъ крупнымъ помѣщикамъ въ качествѣ фольварочныхъ служащихъ. Дѣйствительно, 369,378 или 44 проц. составляютъ фольварочные рабочіе, 317,904 или 38 проц. поденщиковъ и только 2,2 проц. составляютъ крестьянскіе рабочіе. Поденщики также работаютъ въ крупныхъ экономіяхъ, но они отличаются отъ фольварочныхъ служащихъ тѣмъ, что получаютъ поденную плату, тогда какъ послѣдніе являются годовыми рабочими.

Такимъ образомъ вся эта безземельная масса остается въ деревнѣ за неимѣніемъ другого выхода. Помѣщикъ-предприниматель, конечно, учи-

¹⁾ Крживицкій. Аграрный вопросъ. Стр. 289.

тѣмъ, что всѣ совокупности условій на высотѣ заработной платы, и годовые рабочіе получаютъ въ среднемъ, при наиболѣе благоприятныхъ условіяхъ. 30 коп. въ день. Кромѣ того, они обязаны по первому требованію помѣщика выставить одного подростка, а въ критическіе сезонные моменты обязана работать также жена рабочаго по расцѣнкѣ помѣщика, значительно ниже обычной. Современный аграрій стремится только къ получению высокой ренты. Малоземельное и безземельное крестьянство представляетъ въ этомъ отношеніи очень удобный матеріалъ для всякихъ формъ эксплуатаціи, и помѣщикъ этимъ пользуется. Сельскій рабочій получаетъ нищенскую заработную плату и питается крайне скудно. Извѣстный польскій писатель Прусь заявилъ на лекціи «о пищѣ простонародія», что западно-европейскій рабочій потерялъ бы свою работоспособность, если-бы питался такъ, какъ польскій батракъ.

Только перенаселенная деревня порождаетъ столь ненормальныя условія. Когда лѣтній рабочій день, продолжающій 15-16 часовъ, оплачивается 30 коп. При такомъ обиліи дешевыхъ рабочихъ рукъ нерѣдко оказывается болѣе выгоднымъ замѣнить машину рабочимъ. Въ то время, какъ Германія нуждается въ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, и количество машинъ въ ней растетъ, въ Польшѣ наблюдается обратное.

Прогрессъ сельскаго хозяйства задерживается даже въ крупныхъ хозяйствахъ, — поваторахъ въ отношеніи совершенствованія техники обработки. Что касается мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ, то одновременно съ распыленіемъ земли, падаетъ техника. и хозяйство регрессируетъ: сводъ мельчаетъ, урожайность падаетъ, да и качество хлѣба понижается. Крестьянинъ ищетъ выхода изъ этого заколдованнаго круга, потому что онъ стоитъ на той межѣ, которая отдѣляетъ полуголодное существованіе отъ голодной смерти.

Если задаться вопросомъ, какъ освободится польская деревня отъ избытка населенія, то представляется много путей для его рѣшенія. Въ такихъ случаяхъ указываютъ на то, что ростъ и развитіе промышленности разрѣдитъ сельское населеніе на столько, что создадутся благоприятныя условія для развитія сельскаго хозяйства. Этимъ путемъ шло развитіе Германіи, Франціи и цѣлаго ряда другихъ странъ.

Вопросы экономическіе очень легко разрѣшаются методомъ предположеній и аналогій, но этотъ приѣмъ не считается научнымъ, такъ какъ при этомъ затупеваются конкретныя условія. Въ 1871 году общее количество лишь занятыхъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности было 75,616; въ 1897 г. число это возросло до 243, 733. Изъ этихъ цифръ неопровержимо слѣдуетъ, что, если даже допустить, что промышленность Царства Польскаго будетъ развиваться тѣмъ же темпомъ, то она не вмѣститъ всего избытка населенія деревни. Польская индустрія развивалась и развивается не на счетъ вывоза въ другія страны, а, главнымъ образомъ, на счетъ русскаго внутренняго рынка; здѣсь же она встрѣтилась съ серьезнымъ конкурентомъ — донецкій бассейнъ въ горной промышленности, московскій районъ въ ситценабивной. При самыхъ благоприятныхъ условіяхъ развитія польской индустріи, она можетъ отвлечь только часть населенія.

Польскіе либеральные публицисты, указывая на перенаселенность деревни, пытались сдѣлать подсчетъ, сколько потребуется средствъ для надѣленія этого избытка населенія землей, чтобы создать достаточно устойчивыя хозяйства. Оказалось, что для этого требуется свыше 300 милліоновъ рублей. Эти публицисты отвергли это рѣшеніе, какъ несостоятельное на томъ основаніи, что безземельному и малоземельному крестьянству придется внести около 100 милліоновъ рублей, которыхъ у него нѣтъ. Конечно, если надѣленіе землей производить при помощи крестьянскаго банка.

то это благодѣяніе можетъ оказаться мертвой петлей на шее. Остается послѣдній путь, который народъ выработалъ стихійно, изгнаний, выселеній и отхожихъ промысловъ.

Въ жизни каждаго народа передвиженія играли большую роль, рычагъ, которымъ народъ инстинктивно приводилъ въ соотвѣтствіе свое объясненіе этимъ фактомъ. Въ глубокой древности эти передвиженія сопровождались войнами; побѣдитель истреблялъ покоренный народъ въ лучшемъ случаѣ, обращалъ его въ рабство и, такимъ образомъ, бождалъ себѣ мѣсто. «Поиски хлѣба — путь крови», говорили. Наше время выработало новыя формы. Передвиженія, иногда приводя къ мирному завоеванію края, куда направляется эмиграція.

Въ жизни польскаго крестьянина эмиграція играетъ очень важную роль.

Отходъ крестьянъ на заработки въ западную Европу, выселеніе въ Америку уменьшаютъ предложеніе труда въ странѣ, и заработная плата поднимается. На эту сторону эмиграціи не разъ указывали экономисты на ростъ заработной платы съ развитіемъ отхожихъ промысловъ жаловались польскіе помѣщики. «Несмотря на все, высказываемое о вѣтренности и непостоянствѣ человѣческой природы,—говоритъ Адамъ Смитъ,—наблюденія показываютъ, что изъ всѣхъ грузовъ труднѣе всего сдвинуть съ мѣста лѣнь». Тяжело человѣку оставить насиженное мѣсто, въ этомъ отношеніи правъ великій экономистъ! Но низкая заработная плата, длинный рабочий день, тяжелая дисциплина, существующая въ крупныхъ экономіяхъ, въ малоземельныхъ и, главнымъ образомъ, безземельныхъ съ насиженнымъ мѣстомъ въ далекіе страны, и они идутъ, гонимые голодомъ. По даннымъ варшавскаго статистическаго комитета, который значительно ниже действительныхъ цифръ, число крестьянъ, отправившихся на заграничныя заработки въ 1900 году, достигаетъ 119,284 чел. Наибольшій отливъ далъ ливская губернія, именно 55,836 чел. или 47%. Выходъ крестьянъ за границу изъ года въ годъ значительно возрастаетъ. По вычисленіямъ профессора Симоненко въ 1890 число выходцевъ достигло 25,000 чел., въ 1900—120,000, въ 1904—149,081. Не менѣе значительно число эмигрантовъ въ Америку: въ 1904 году число ихъ достигло 17,293, по даннымъ того же комитета. Необходимо замѣтить, что данныя варшавскаго статистическаго комитета не могутъ отличаться полнотой, такъ какъ большая часть крестьянъ предпочитаетъ самовольный переходъ границы. Рѣдко такая попытка кончается очень печально: нѣкоторыхъ убиваютъ, другихъ ранятъ. Но мы видѣли, какія тяжелыя условія гонятъ крестьянъ за границу, и насъ, конечно не удивляетъ то, что крестьянина не останавливаетъ перспектива паспортныхъ затрудненій и послѣдствія безплатнаго перехода границы: ружейный выстрѣлъ и штыковой ударъ. Мы подробно остановимся на отходѣ крестьянъ на заработки въ Пруссію и Саксонію. Этотъ моментъ очень богатъ типичными чертами, характерными съ одной стороны крестьянскую нужду, и съ другой—алчность польскаго и нѣмецкаго помѣщиковъ.

III.

Пачалась весна. Крестьяне тревожно настроены: собираются въ кружки толкуютъ объ отходѣ до поздней ночи. Одного тянетъ въ Пруссію, другого хвалить Англію, а третій мечтательно говоритъ объ Америкѣ, гдѣ доброе богатство очень легко. Чутко ловятъ крестьяне слухи, идущіе изъ дальнихъ и ближнихъ деревень.

Весенній вѣтерокъ и солнышко настроили ихъ мечтательно: они дѣлають предположенія относительно высоты заработной платы, соображаютъ сколько принесутъ съ собой домой и, увлекшись, уже распределяють доходъ—дѣлають закупки, платять долги, прикупають скотъ. Есть что-то печальное въ этомъ приподнятомъ настроеніи крестьянъ, напоминающее отлетъ птицъ поздней осенью.

Во всякомъ прохожемъ въ шляпѣ они склонны видѣть нѣмецкаго агента для найма сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и забрасываютъ его вопросами. Крестьянинъ радъ веснѣ, радъ наступающему лѣту; онъ любитъ родную деревню, которую ему жаль оставить въ ту пору, когда все приукрасилось и приодѣлось; но скованный тяжелой нуждой, которая сверлитъ ему мозгъ, онъ жадно ждетъ посланца отъ прускаго помѣщика, который не прочь эксплуатировать нужду польскаго мужика.

Крестьянину не приходится долго ждать предприимчиваго нѣмца, который изъ всего дѣлаетъ источникъ дохода. По Польшѣ снуютъ его агенты для найма рабочихъ, а въ газетѣ онъ печатаетъ объявленіе: «Съ 1 февраля 1907 года доставляемъ для полевыхъ работъ въ любомъ количествѣ рабочихъ изъ Галиціи и Царства Польскаго, мужчинъ, женщинъ и подростковъ». Далѣе указывается цѣна, адресъ конторы.

Пруссійскій помѣщикъ не любитъ польскаго мужика, котораго онъ ругаетъ *Polsche Schweine*, но жажда высокой ренты сильнѣе его національныхъ антипатій. Аграрій очень много говоритъ о томъ, что востоку Пруссіи грозитъ колонизація и русификація; однако патріотизмъ ему не мѣшаетъ выписывать ихъ все въ большемъ и большемъ числѣ и жестоко ихъ эксплуатировать. Много писалось о тяжелыхъ условіяхъ жизни польскихъ рабочихъ въ Пруссіи и Саксоніи, но ничего положительнаго изъ этихъ корреспонденцій не получилось. Польскіи рабочіи, оставляя родину и попадая въ Пруссію, оказываются совершенно беззащитнымъ. Особенно ужасно положеніе женщинъ.

Польскій помѣщикъ всячески ругаетъ крестьянина за склонность къ бродяжничеству. Не судьба крестьянина, конечно, безпокоить помѣщика, а тотъ фактъ, что усиленіе отхода поднимаетъ заработную плату. Помѣщикъ не прочь воспользоваться существующимъ избыткомъ рабочихъ силъ за недорогую плату и ополчается противъ всего того, что этому препятствуетъ. Однако, помѣщикъ откровенно не высказывается. Онъ печалится о судьбахъ народнаго хозяйства, о чистотѣ правовъ и религіозномъ чувствѣ крестьянъ. За всѣми этими жалобами слышится совѣтъ—останьтесь у меня работать, я буду вамъ платить 30 коп. въ день за уборку хлѣба, но зато вы сохраните царство небесное. Наиболее откровенные такъ характеризуютъ побывшихъ въ Германіи рабочихъ: «Люди эти становятся наглыми, дерзкими, гордыми и своимъ примѣромъ содѣйствуютъ ослабленію тѣхъ патріархальныхъ отношеній, которыя... существуютъ между рабочими и хозяевами»...

Як. Лапинеръ.

С.-Петербургъ.

Съ картины Нестерова.

Г. Пятигорскій.

Трудовая религіозная коммуна.

I.

Мнѣ не разъ приходилось слышать о религіозной коммуnѣ на Валаамѣ; то, что рассказывали мнѣ про братство, было полно глубокаго интереса. Воображеніе рисовало другой, особенный міръ, такъ мало похожій на нашъ. И мнѣ захотѣлось самому, собственными глазами повидать этотъ удивительный островъ, на которомъ живутъ трудовики-коммунисты; хотѣлось посмотрѣть, какъ они осуществляютъ въ дѣйствительности социалистическія начала:—общность имущества, труда, общность въ пользованіи продуктами труда. То, что я наблюдалъ, подтвердило многое изъ рассказовъ про островъ, подтвердило то, что указанныя социалистическія начала полностью осуществляются на Валаамѣ. На островѣ строго проводится одинъ изъ основныхъ принциповъ социализма—отрицаніе частной собственности. Имущество признается принадлежащимъ всей Валаамской общинѣ, а не отдѣльнымъ какимъ-либо лицамъ; частная собственность строго воспрещается. Трудъ (производство), распределеніе и потребленіе построены на началахъ коллективизма, вѣрнѣе коммунизма. Всѣ равно обязаны нести извѣстный трудъ (подробнѣе объ этомъ будетъ сказано далѣе); столъ для всѣхъ одинаковый; всѣ обѣдаютъ за однимъ столомъ—въ общей трапезѣ,—всѣ получаютъ пищу изъ одного котла.

Валаамская община—чисто демократическая. Въ настоящее время на Валаамѣ болѣе 1000 человекъ, изъ нихъ «приказанныхъ»—приписанныхъ къ братству—около 400 человекъ. Остальные трудящіеся мірскіе люди. Приходятъ жить на островъ, главнымъ образомъ, люди изъ рабочей среды—крестьяне, ремесленники, рабочіе; интеллигентовъ поселяется очень немного ¹⁾. Многіе поживутъ на островѣ годъ, другой—и уѣзжаютъ, не вынося суровой дисциплины и тяжелаго труда. На островѣ весьма охотно принимаются всѣ, знающіе какое-нибудь ремесло; принимаются здоровые не старые люди въ возрастѣ отъ 25 до 45 лѣтъ. Очень молодыхъ и очень старыхъ принимаютъ очень рѣдко, чтобы не увеличивать числа непродводительныхъ членовъ; вообще неохотно принимаются тѣ, которые не

¹⁾ Посѣщающихъ островъ ежегодно бываетъ нѣсколько десятковъ тысячъ.

могутъ быть полезны своимъ трудомъ, знаніемъ ремесла, какимъ-либо искусствомъ. На Валаамѣ стараются по возможности все дѣлать собственными средствами,—руками своихъ «братьевъ». Хозяйство на островѣ натуральное: все вырабатывается для нуждъ братства, а не на продажу. Въ продажу поступаютъ лишь нѣкоторыя кустарныя издѣлія: образки, крестики, деревянные ложки, четки, которыя въ значительномъ количествѣ (болѣе чѣмъ на 1000 руб.) покупаются финнами для ожерелій. На Валаамѣ готовятъ необходимыя для общины платье, обувь, деревянные и глиняныя издѣлія. На островѣ имѣется до десятка разныхъ мастерскихъ: плотничная, столярная, слесарная, токарная, переплетная, швальная, сапожная, кузницы, хлѣбопекарня, и нѣсколько заводовъ: кирпичный, свѣчной, лѣсопильный, гончарный, кожевенный; имѣется своя паровая мельница и водочка (доставляющая въ часъ слишкомъ 20 сороковыхъ бочекъ чистой воды). На островѣ осуществляется одна изъ идей Фурье—соединеніе промышленнаго труда съ земледѣльческимъ. Кромѣ перечисленныхъ отраслей хозяйства на островѣ ведется, правда, въ довольно ограниченномъ размѣрѣ, хлѣбопашество, огородничество и садоводство. Сбываютъ рожь, ячмень, овесъ. Расширять хлѣбопашество мѣшаютъ суровыя климатическія условія: рожь рѣдко дозрѣваетъ: большую часть ея приходится скашивать на кормъ скоту. На Валаамѣ имѣется небольшая молочная ферма—держатъ около сотни коровъ. Лошадей держатъ меньше,—штукъ 70, которыя предназначаются, главнымъ образомъ, для перевозки разнаго рода тяжестей—дровъ, кирпича, камней и т. п. На принадлежащихъ Валаамской общинѣ островахъ (остр. Св. Германа) есть собственные каменоломни: добывается, главнымъ образомъ, гранитъ и мраморъ (красный и черный). При добычѣ и обработкѣ гранита прибѣгаютъ и къ наемному труду. Прибѣгаютъ къ найму также для выполненія временныхъ, самыхъ грязныхъ работъ, напр. для очистки ретирдовъ. Всѣ-же остальные работы выполняются постоянными и временными членами общины. Въ общинѣ—свои плотники, столяры, печники, рѣзчики, позолотчики, иконописцы¹⁾, портные, сапожники, хлѣбопеки, садовники, рыболовы, скотники и т. д.

Организація труда не сложна, построена она на началахъ строжайшей дисциплины,—полной покорности волѣ старшаго или «хозяина дѣла». Во главѣ каждой отрасли хозяйства или извѣстнаго опредѣленнаго дѣла стоитъ «хозяинъ»,—напр. хозяинъ швальной, сапожной мастерской, хозяинъ рыбнаго промысла и т. д. У хозяина въ распоряженіи человекъ 30 и болѣе работниковъ; онъ руководитъ всѣмъ дѣломъ, наблюдаетъ за своими рабочими, даетъ указанія, иногда дѣлаетъ выговоры. Неправные, вообще малопрігодные въ извѣстномъ дѣлѣ, переводятся на другое дѣло, или, какъ тамъ говорятъ, на новое «послупаніе». Незнающихъ ремесла назначаютъ на различныя работы: въ кухню, въ просфорню, въ лѣсъ, —возить дрова, копать каналы, чинить дороги и т. п.

II.

Трудъ—одно изъ основныхъ началъ Валаамской общины; молитва и трудъ опредѣляютъ содержаніе дня. Работа начинается съ ранняго утра. Установленъ такой порядокъ дня. Въ 3 ч. утра начинается полунощница, за которой должны присутствовать всѣ, принадлежащіе къ общинѣ. Послѣ полунощницы, которая длится около часа, дается каждому въ распоряженіе около 2 часовъ; обыкновенно въ это время пьютъ чай. Около 6 часовъ на

¹⁾ Новый храмъ и Никоневскій Свѣтъ построены и украшены почти исключительно членами Валаамской общины.

дворѣ собираются всѣ ожидающіе того или иного дѣла; «наравѣ» главный распорядитель трудящимися, назначаетъ каждому работу и иное «послушаніе». Каждый безропотно долженъ исполнять данное послушаніе, какъ бы трудно и непріятно оно не было. Съ 6 часовъ на работу, которая продолжается до 10 часовъ. Въ 10 часовъ—обѣдъ, всѣ идутъ на трапезу. Послѣ обѣда небольшой отдыхъ до 12 часовъ. 12 часовъ работа продолжается до 3-хъ. Съ 3 до 4 часовъ вторично послѣ чаепитія работаютъ до вечера—лѣтомъ до 8, зимой до 6 часовъ. По окончаніи работъ идутъ на трапезу—на ужинъ. Послѣ ужина—«правило»,—чтеніе въ храмѣ молитвъ на сонъ грядущій. За «правиломъ» церкви, такъ же какъ и за полуношницей, обязаны быть всѣ, живущіе на островѣ. Послѣ «правила» всѣ расходятся по своимъ кельямъ. Для отдыха, такимъ образомъ, немного времени—около 6 часовъ. Въ эти часы всѣ освобождаются отъ работъ, за исключеніемъ самыхъ необходимыхъ (на кухнѣ, фермѣ и т. п.); но много времени уходитъ за церковною службой: всенощная продолжается 4 и болѣе часовъ, литургія (по вечерамъ) болѣе двухъ часовъ.

Въ соотвѣтствіи съ строгимъ характеромъ всей жизни, посвященной труду и молитвѣ, находится пища, одежда и жилище членовъ общины. Съ точки зрѣнія, какъ упоминалось выше, для всѣхъ одинаковъ; всѣ, начиная отъ игумена и кончая послѣднимъ послушникомъ, получаютъ пищу изъ одного источника. Пища, главнымъ образомъ, растительная, простая, хорошо приготовленная: супы, горохъ, картофель, каша. Въ мясоѣды даются и рыбныя шпанья,—но свѣжая рыба, какъ это не странно, за столомъ бываетъ вѣдь рѣдко: уха изъ свѣжей рыбы подается только по большимъ праздникамъ: Рождество, Пасха; большинство же свѣжей Валаамской рыбы поѣдается въ время архіерейскихъ наѣздовъ на островъ. За столомъ подается хорошаго сваренный квасъ.

Одежда у живущихъ на Валаамѣ изъ установленной монастырской извѣстной образца. Для работающихъ мірянъ—кафтаны изъ грубого сѣраго сукна; для послушниковъ—подрясникъ изъ чернаго сукна; для монаховъ—такой же подрясникъ и черная ряса. Зимой надѣваются овечьи полушубки. На ногахъ—высокіе сапоги изъ грубой кожи.

Жилище—тѣсныя кельи,—небольшія комнаты, аршинъ шесть длины и четырехъ ширины, освѣщаемыя однимъ окномъ. Столъ, нѣсколько грубо сдѣланныхъ стульевъ, скамья съ убогимъ войлокомъ и жесткой подушкой въ углу образъ съ лампадой,—вотъ и всѣ принадлежности кельи.

III.

Привлекаютъ на Валаамъ не только описанныя условія жизни, но и только религіозныя побужденія, и экономическая «нужда», но и природа острова. Валаамъ—одно изъ красивѣйшихъ мѣстъ Финляндіи. Природа острова очень живописна: кругомъ шумитъ вода, зеленые сосны, окаймляющія берега, спускаются какъ бы въ самое озеро; мѣстами красноты выступаютъ высокія гранитныя скалы. Видъ на Ладожское озеро съ холма, на которомъ расположены храмы и братскія помѣщенія, великолѣпный, особенно хорошо озеро лѣтомъ въ тихую ясную погоду. Великое художественное наслажденіе—прокатиться на другіе мелкіе острова,—въ свѣтъ на маленькомъ пароходикѣ или въ лодкѣ. А отсутствіе полиціи, пастуховъ, сыщиковъ, жандармовъ—развѣ не заставитъ васъ пріятно почувствовать перемѣну мѣста? За время пребыванія на островѣ я не видѣлъ никого, бражащаго оружіемъ. На Валаамѣ великолѣпно обходятся безъ полиціи и безъ паспортовъ: никакихъ видовъ на жительство и удосто-

нашей личности не требуется съ пріѣзжающихъ. Случаи, когда требовалось бы «административное вмѣшательство», весьма рѣдки. Мнѣ рассказывали, что на Валаамѣ крупныхъ ссоръ съ рукоприкладствомъ не бываетъ. Можетъ быть, этому способствуетъ отсутствіе пьянства; на Валаамѣ строго воспрещается водка, также какъ и куреніе табаку. Пріѣзжающіе въ данномъ случаѣ подчиняются установленному режиму. На островѣ вы не увидите ни пьяныхъ, ни курящихъ. Всѣ пріѣзжающіе на островъ принимаются радушно; каждый въ теченіе недѣли и болѣе пользуется даровымъ помѣщеніемъ и столомъ. На простой народъ Валаамъ производитъ хорошее впечатлѣніе. Мнѣ рассказывали про одного столяра, который живетъ теперь на Валаамѣ. Это хорошій мастеръ, но «былъ одержимъ недугомъ»,—любилъ выпить. А когда выпивалъ, буйствовалъ,—билъ жену, посуду, все, что попадало подъ руку. Въ минуты просвѣтлѣнія его говорили съѣздить на Валаамъ. Здѣсь его охотно приняли, какъ хорошаго ремесленника. Ему такъ понравились Валаамскіе порядки, что онъ рѣшилъ навсегда остаться на островѣ. «Они изъ меня человѣка сдѣлали», говоритъ онъ, «спасибо имъ. Теперь я молю Бога, чтобы и остатокъ дней провести здѣсь».—И такихъ примѣровъ сотни...

Г. Пятигорскій.

Д-ръ А. В. Бенетовъ.

О такъ называемыхъ „носителяхъ“ заразныхъ болѣзней.

Ученіе о, такъ называемыхъ. «носителяхъ» заразныхъ болѣзней является достояніемъ самаго послѣдняго времени.

Подъ именемъ носителей разумѣютъ людей, которые, перенеся заразную болѣзнь и выздоровѣвъ отъ послѣдней, тѣмъ не менѣе, сохраняютъ въ своемъ тѣлѣ заразное начало и. такимъ образомъ, являются распространителями данной болѣзни. Нерѣдко, «носителями» являются люди, перенесшіе очень легкую форму болѣзни, такъ что они сами и не могутъ иногда вспомнить о своемъ заболѣваніи. Къ этой категоріи можно отнести, на примѣръ, перенесшихъ, такъ называемый, амбулаторный тифъ, который встрѣчается нерѣдко и протекаетъ мало замѣтно для больныхъ и ихъ окружающихъ; при этомъ, больные продолжаютъ ходить и предаваться своимъ обычнымъ занятіямъ. Наконецъ, и совершенно здоровые люди иногда являются въ роли такихъ «носителей».

Такимъ образомъ распространяются: брюшной тифъ, холера, дифтерія, корь, скарлатина, а, можетъ быть, и другія заразныя болѣзни.

Такъ какъ наиболѣе изученнымъ является вопросъ о, такъ называемыхъ, «носителяхъ» палочекъ брюшнаго тифа, то мы на нихъ и остановимся подробнѣе.

Брюшной тифъ вызывается, какъ извѣстно, тифознымъ бацилломъ Эбертъ-Гафки, названнымъ такъ въ честь двухъ ученыхъ, нашедшихъ и изучившихъ его.

До самаго послѣдняго времени принято было думать, что тифозный бациллъ обычно живетъ и размножается, какъ сапрофитъ ¹⁾, во вѣшной природѣ, загрязненной почвѣ и водѣ, и что только отсюда происходить.

¹⁾ Микроорганизмы, растущіе на гниющихъ органическихъ веществахъ и безвредные для людей, называются *сапрофитами* въ отличіе отъ *паразитовъ*, размножающихся въ тѣлѣ людей и животныхъ и вызывающихъ заболѣваніе ихъ.

зараженіе человѣка тифомъ. Полагали, что роль паразита этотъ бациллъ принимаетъ на себя лишь временно, въ теченіе болѣзни, предпочитая, вообще, жить внѣ человеческого организма. Передача отъ человѣка къ человѣку не допускалась, и тифозные больные считались незаразительными.

Эти воззрѣнія и до сихъ поръ имѣютъ немало сторонниковъ среди врачей и глубоко отразились на постановкѣ дѣла больничнаго прирѣзніи тифозныхъ.

Благодаря имъ отсутствовуетъ строго проведенная изоляція тифозныхъ больныхъ въ нашихъ больницахъ и даже клиникахъ: тифозные размѣщаются, нерѣдко, въ общихъ палатахъ и, обратно, общие больные лежатъ среди тифозныхъ. Вместе съ тѣмъ не производится дезинфекція всѣхъ выделеній тифозныхъ, бѣлья и иныхъ предметовъ, бывшихъ съ ними въ соприкосновеніи. Все это на томъ основаніи, что тифозный ядъ, выделяемый больными, не заразителенъ и что онъ становится опаснымъ лишь послѣ нѣкотораго процесса созрѣванія во внѣшней природѣ, въ почвѣ, какъ училъ, напримѣръ, проф. Петтенкоферъ.

Важнымъ приобрѣтеніемъ послѣдняго времени слѣдуетъ считать опроверженіе этого воззрѣнія и установленіе того факта, что брюшной тифъ, какъ по свойствамъ своего болѣзнетворнаго начала, такъ и по способамъ его распространенія, ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ другихъ инфекціонныхъ болѣзней. Этимъ приобрѣтеніемъ наука обязана, главнымъ образомъ, проф. Роб. Коху и его ученикамъ, подвергшимъ ученіе о тифѣ основательной и многосторонней переработкѣ. Ихъ трудами было установлено, что тифозный бациллъ, подобно другимъ заразнымъ началамъ, представляетъ собою паразита, исключительно приспособленнаго къ жизни и размноженію въ человеческомъ тѣлѣ. Въ организмѣ человѣка, въ качествѣ сапрофита, онъ не способенъ къ самостоятельному существованію. Попадая въ почву или воду, куда онъ заносится вмѣстѣ съ отбросами зараженныхъ тифомъ людей, бациллъ относительно скоро гибнетъ, не находя здѣсь подходящихъ условій для своего развитія. Такимъ образомъ, его присутствіе во внѣшней средѣ является обыкновенно лишь случайнымъ и временнымъ, истиннымъ же и постояннымъ очагомъ его развитія служитъ самъ человѣкъ, распространяющій тифозную заразу, какъ въ окружающей его внѣшней средѣ, такъ и между приходящими съ нимъ въ соприкосновеніе людьми.

Внѣ человеческого организма, тифозный бациллъ можетъ сохранить свою жизнеспособность лишь нѣкоторое, правда, иногда (при защитѣ отъ дѣйствія свѣта и высыхания) довольно продолжительное время. Высокая температура дѣйствуетъ на него губительнымъ образомъ: нагреваніе при 60° С въ теченіе часа убиваетъ его. Холодъ тифозный бациллъ переноситъ хорошо; во льду онъ сохраняетъ заразительность въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ водѣ онъ сравнительно быстро погибаетъ, но въ илѣ, колодцахъ и озерахъ онъ сохраняется довольно долго.

Въ организмѣ человѣка тифозные бациллы попадаютъ черезъ ротъ. Они поселяются въ тонкихъ кишкахъ, гдѣ размножаются и откуда распространяются сперва въ лимфатическомъ аппаратѣ кишекъ, а затѣмъ и во всемъ организмѣ. Они въ большихъ массахъ находятся во всѣхъ органахъ, въ лимфатическихъ и другихъ железахъ, въ селезенкѣ, печени, почкахъ, легкихъ и проч., а также въ крови. Достоинно вниманія, наконецъ, ихъ постоянное и долгое пребываніе въ желчномъ пузырьѣ.

Такимъ образомъ, тѣло тифознаго въ разгаръ болѣзни оказывается переполненнымъ бациллами во всѣхъ своихъ частяхъ.

Естественно при такихъ условіяхъ ожидать, что и всѣ выделения больного будутъ содержать возбудителей болѣзни.

Помимо испражнений, въ которыхъ присутствіе заразнаго начала предполагалось еще въ прежнее время до развитія бактеріологіи, **бациллы** были обнаружены въ совершенно нормальной по виду мочѣ, въ слизи бронховъ, во всевозможныхъ гнойныхъ выдѣленіяхъ, не исключая и гнойныхъ истеченій изъ уха.

Само собою понятно, что, если какое-либо изъ перечисленныхъ выдѣленій попадетъ въ питьевую воду или на пищевыя вещества, то этимъ самымъ создадутся благоприятныя условія для зараженія.

Значеніе питьевой воды въ распространеніи тифозныхъ эпидемій—общеизвѣстно. Наблюденія въ этомъ отношеніи проще и яснѣе въ деревнѣ, гдѣ часто бываетъ очевиднымъ зараженіе открытых колодцевъ. вслѣдствіе притока отъ расположенныхъ поблизости, зараженныхъ выгребовъ или помойныхъ ямъ. При осмотрѣ колодцевъ большою частью удается установить боковые притоки черезъ непротычныя стѣнки. Ихъ можно узнать по полосамъ грязи на стѣнкахъ колодца. Иногда въ колодцы поступаетъ грязная вода прямо сверху, особенно при большихъ ливняхъ. Если затѣмъ извѣстно, что въ данномъ мѣстѣ человекъ былъ боленъ тифомъ, и при разспросахъ выясняется, что отбросы его выливались въ помойную яму или бѣлье его стиралось у колодца, то эпидемиологическое объясненіе тифозныхъ заболѣваній у людей, пившихъ воду изъ этого колодца, не представляетъ затрудненій.

Еще важнѣе зараженія колодцевъ, зараженіе центральныхъ водопроводовъ, снабжающихъ водой большіе города. Наиболѣе опасны фильтры, берущіе сырую воду изъ рѣкъ. Въ медицинской литературѣ описано много классическихъ примѣровъ такихъ эпидемій, при которыхъ мѣсто, откуда бралась вода для водопровода, находилось въ непосредственной близости отъ канализаціонныхъ трубъ или, какъ выяснилось, выдѣленія тифозныхъ больныхъ прямо выливались въ рѣку. Даже, если водопроводная вода предварительно фильтровалась, не исключена возможность зараженія питьевой воды, потому что всякая фильтрація, какъ извѣстно, можетъ иногда оказываться неэффективной. если отдѣльные слои фильтра не подвергаются постоянно самому тщательному бактеріологическому контролю въ отношеніи силы фильтраціи.

Кромѣ зараженія сырой воды водопроводныя эпидеміи могутъ вызываться зараженіемъ воды гдѣ-либо внутри водопроводной сѣти. Въ такомъ случаѣ, эпидемія распространяется лишь въ одномъ отдѣлѣ сѣти. Такого рода зараженія возможны, напр. при порчѣ и починкѣ водопроводныхъ трубъ, если поблизости дома возможно присасываніе воды изъ находящихся канализаціонныхъ трубъ или другого зараженнаго матеріала. Сущствующее въ водопроводныхъ трубахъ давленіе отнюдь не всегда исключаетъ возможность поступленія постороннихъ водъ, потому что, несмотря на это, при извѣстныхъ условіяхъ можетъ наступить присасывающее дѣйствіе. Однако условія для такого зараженія встрѣчаются рѣдко.

Эпидеміи отъ питьевой воды имѣютъ большою частью, характеръ семейный, т. е. приблизительно черезъ 2—3 недѣли, послѣ зараженія воды, одновременно обнаруживается большее число заболѣваній. Отдѣльные дома или семьи, которые не получаютъ этой воды, остаются пощажеными отъ заболѣваній. съ другой стороны всѣ тѣ части города или дома, которые употребляли зараженную воду, поражаются, приблизительно, въ одинаковой степени.

Рядомъ съ питьевой водой при распространеніи тифа иногда играетъ значительную роль также вода, употребляемая для другихъ надобностей. Если въ водѣ, содержащей бациллы, мостея столовая посуда, то и такимъ путемъ можетъ произойти зараженіе человека. Далѣе неоднократно опи—

сывались случаи тифа, которые безспорно слѣдуетъ отнести на счетъ зараженной воды для купанья.

Если обратиться теперь къ зараженіямъ тифомъ, которыя слѣдуетъ отнести на счетъ зараженныхъ пищевыхъ веществъ, то здѣсь, кромѣ воды самая значительная роль принадлежитъ молоку. Последнее, какъ извѣстно, представляетъ хорошую питательную среду для тифозныхъ бациллъ и этимъ обстоятельствомъ объясняется происхожденіе отъ молока болѣе значительныхъ эпидемій тифа. Нерѣдко удавалось установить, что молочные чаны споласкиваются зараженной тифомъ водой. Хотя на такихъ чанахъ остаются лишь незначительныя количества заразнаго начала, но при продолжительномъ храненіи и транспортированіи въ нихъ молоко претерпѣваетъ столь значительное размноженіе тифозныхъ бациллъ, что уже люди могутъ заразиться.

Всѣ пищевыя вещества, употребляемыя въ сыромъ видѣ, могутъ при случаѣ служить для переноса тифа. На первомъ планѣ стоятъ здѣсь салаты, фрукты и овощи, которые легко могутъ быть загрязнены зараженной водой, напр. на поляхъ орошенія, или руками поставщиковъ, если въ ихъ домахъ находятся тифозные больные. Масло и сыръ тоже могутъ, иногда, служить проводниками тифозныхъ бациллъ. Описаны также случаи тифа, послѣ употребленія зараженныхъ устрицъ. Мухи могутъ, какъ доказано экспериментальнымъ путемъ, переносить тифозныя бациллы съ испражнений на пищевыя вещества.

Почва лишь въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ дать поводъ къ распространенію тифозныхъ бациллъ. Извѣстно, правда, что тифозныя возбудители долгое время могутъ сохраняться въ почвѣ, но размноженія въ почвѣ, безъ сомнѣнія, не происходитъ. Что иногда при земляныхъ работахъ изъ зараженной почвы заносятся тифозныя зародыши руками, сапогами или платьемъ рабочихъ и могутъ быть причиной зараженія, этого нельзя оспаривать. Но, практически, возможность эта лишь рѣдко осуществляется такъ же, какъ и возможность загрязненія заразительными частичками почвы пищевыхъ продуктовъ.

Изъ сказаннаго само собою становится понятнымъ, что въ цѣляхъ борьбы съ заразой необходимо подвергать старательной дезинфекціи всѣ выдѣленія больныхъ.

Въ смыслѣ распространенія заразы особаго вниманія заслуживаютъ *испражненія* и *моча*. Изъ нихъ по постоянству нахожденія бациллъ на первомъ мѣстѣ стоятъ испражненія. Выдѣленіе кишечникомъ бациллъ начинается очень рано, съ первыхъ дней болѣзни и продолжается не только во все время болѣзни, но и въ періодъ выздоровленія и даже за его предѣлами.

Д-ръ *Дригальскій* въ теченіе 2 лѣтъ изслѣдовалъ въ Саарбрюкенѣ выписываемыхъ изъ госпиталя выздоровѣвшихъ, при чемъ обнаружилъ, что при отсутствіи какихъ либо болѣзненныхъ измѣненій въ органахъ и признакахъ болѣзни, выздоровѣвшіе отъ тифа люди могутъ сохранять въ своемъ кишечникѣ тифозныя бациллы отъ 10 недѣль до 1½ года.

Нечего и говорить, что такіе субъекты, будучи выписанными изъ больницы, являются живыми и неистощимыми источниками заразы. Ихъ, нѣмцы въ авторы называютъ «носителями тифозныхъ бациллъ».

Любопытно, что по наблюденіямъ д-ра *Lentz* а, большинство носителей составляютъ замужнія женщины. Благопріятствующимъ моментомъ для продолжительнаго выдѣленія бациллъ онъ считаетъ нарушеніе нормальнаго обмѣна веществъ, ведущаго къ ослабленію всѣхъ силъ организма. Для женщинъ такимъ моментомъ можетъ быть частая беременность, физическое переутомленіе; въ другихъ случаяхъ—болѣзни, напр. чахотка.

высокая степень нервности, огорченія и заботы, наконецъ, упадокъ и отсутствіе отдыха, послѣ перенесенной болѣзни.

Помимо выздоравливающихъ отъ тифа, въ контингентъ скрытыхъ носителей тифозныхъ бациллъ въ значительномъ количествѣ дѣятъ и такія лица, которые не перенесли клинически яснаго тифа, вообще не могутъ вспомнить, что они когда-либо раньше были больными. Хотя въ непосредственной связи съ больными тифомъ, эти люди принимали тифозную заразу, но благодаря ихъ естественной невосприимчивости, послѣдствіемъ этого было только размноженіе бациллъ въ слѣпой кишкѣ, но до зараженія всего организма дѣло не доходило. Эти лица, послѣ того, какъ они преодолѣли болѣзнь, иногда продолжаютъ некоторое время выдѣлять тифозныхъ бациллъ, являясь, такимъ образомъ, болѣе опасными носителями, такъ какъ окружающіе и они сами не замечаютъ даже и подозрѣвать объ этомъ.

Къ этой категоріи, такъ сказать, скрытыхъ носителей брюшнотифозной заразы, должны быть отнесены и лица, страдающія воспаленіемъ желчнаго пузыря или желчными камнями, развившимися послѣ зараженія пузыря бациллами брюшного тифа. Дѣло въ томъ, что носители бациллъ могутъ вызывать заболѣваніе желчнаго пузыря не только въ теченіе тифа, но и помимо его, первично, при чемъ въ однихъ случаяхъ развивается острое или хроническое воспаленіе пузыря, а въ другихъ болѣзнь выражается лишь скрытымъ развитіемъ желчныхъ камней.

При такомъ первичномъ зараженіи желчнаго пузыря тифозными бациллами, послѣднія, время отъ времени, попадаютъ съ желчью въ слѣпой каналъ, откуда выдѣляются вмѣстѣ съ испражненіями.

Не всѣ, конечно, случаи воспаленія желчнаго пузыря или желчныхъ камней зависятъ отъ зараженія бациллами брюшного тифа. Они могутъ также быть вызваны и другими микроорганизмами (например, палочкой и т. д.). Большинство изслѣдователей до сихъ поръ обращали вниманія на тифозныя бациллы и приписывали происхожденіе большинства заболѣваній именно другимъ микроорганизмамъ, такъ какъ въ настоящее время собрано еще очень мало данныхъ о томъ, какъ часто находятся при данныхъ страданіяхъ тѣ или другіе микробы. Дѣло въ томъ, что указать, какъ часто тифозныя бациллы обуславливаютъ воспаленіе желчнаго пузыря.

Иллюстраціей къ приведеннымъ даннымъ можетъ служить слѣдующій интересный случай, наблюдавшійся въ Страссбургѣ проф. докторомъ *Кайзеръ*.

Дѣло идетъ о 48-лѣтней душевно-больной, которая въ теченіе 12-ти лѣтъ содержалась въ психіатрической больницѣ; въ 1903 году она перенесла брюшной тифъ, который протекъ безъ особыхъ осложнений. Такъ какъ въ теченіе 2-хъ лѣтъ на женскомъ отдѣленіи больницы часто повторялись случаи заболѣванія тифомъ, то было предпринято систематическое изслѣдованіе всѣхъ больныхъ, и тогда оказалось, что эта больная постоянно выдѣляетъ съ испражненіями тифозныя палочки, т. е. является источникомъ зараженія для другихъ больныхъ; послѣ этого больной было отдѣлено. Черезъ годъ, т. е. въ 1906 году, у больной появилось повторное заболѣваніе, при чемъ на 11-ый день болѣзни она скончалась. При вскрытіи, кромѣ указанного заболѣванія, обнаружено въ желчномъ пузырьѣ присутствіе желчныхъ камней съ двойной бобъ величиной, и значительное количество тифозныхъ палочекъ.

Данный случай является, такимъ образомъ, какъ бы естественнымъ экспериментомъ, доказывающимъ выше изложенныя данныя.

Не меньшую опасность, чѣмъ испражненія, представляетъ въ случаѣ

распространенія заразы, *моча*. Появленіе бациллъ въ огромныхъ количествахъ, зачастую въ чистой культурѣ, въ мочѣ, много времени спустя послѣ выздоровленія представляетъ собой давно замѣченный фактъ, подтвержденный многими изслѣдователями.

Изъ изложеннаго видно, какаѧ важная роль въ распространеніи брюшного тифа должна принадлежать носителямъ бациллъ *Эберта*. За это говорятъ не только теоретическія соображенія, но и многочисленные факты.

Такъ, *Клингеръ* сообщаетъ, что въ теченіе 1905 года въ Страсбургѣ въ домѣ одной женщины заболѣли брюшнымъ тифомъ два лица — ей зять и комнатный шпелецъ. При выясненіи причинъ этихъ заболѣваній были изслѣдованы испраженія этой женщины и въ нихъ найдены тифозныя бациллы. Оказалось, что брюшной тифъ она перенесла 30 лѣтъ тому назадъ, и въ этомъ году была подѣ наблюденіемъ санитарной станціи, постоянно выдѣляя со стуломъ тифозныхъ бациллъ.

Но особенно поучительный въ данномъ смыслѣ примѣръ сообщаетъ д-ръ Розенталь изъ Геттингена. Случай этотъ обратилъ на себя вниманіе по слѣдующему поводу. Осенью и зимой 1905/6 года въ Геттингенѣ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль наблюдались въ одномъ домѣ 3 заболѣванія тифомъ, а въ сосѣднемъ съ нимъ — 4. Исслѣдованы были испраженія всѣхъ 13 жильцовъ этого дома, при чемъ выяснилось, что жена домохозяйкина, г-жа *S.*, выдѣляетъ со стуломъ чистыя культуры тифозныхъ бациллъ. Эта 72-х-лѣтняя женщина дала о себѣ такого рода свѣдѣнія. Она давно уже пользуется хорошимъ здоровьемъ и не чувствовала за это время никакихъ болѣзненныхъ симптомовъ ни со стороны желчнаго пузыря, ни со стороны другихъ какихъ-либо органовъ. Въ 1878 году, т. е. почти 28 лѣтъ тому назадъ, она перенесла тяжелую нервную лихорадку; тогда болѣла и ея единственный сынъ тяжелымъ кишечнымъ разстройствомъ. Дѣйствительно, въ этомъ году господствовала въ Геттингенѣ сильная тифозная эпидемія, и именно на этой улицѣ было много заболѣваній. Г-жа *S.* живетъ въ своемъ домѣ 25 лѣтъ, занимается огородничествомъ и продаетъ овощи на рынкѣ и у себя на дому. Кромѣ того, она сдаетъ комнату двумъ жильцамъ, получающимъ отъ нея завтракъ и ужинъ.

По собраннымъ справкамъ оказалось, что за послѣднія 10 лѣтъ 10% всѣхъ тифозныхъ заболѣваній въ Геттингенѣ (съ 35.000 жителей) находятъ свое объясненіе въ личныхъ сношеніяхъ съ г-жей *S.* (заболѣвали ея жильцы, посѣтителы, покупатели овощей и т. п.).

Здѣсь приведено только два, наиболѣе поучительныхъ примѣра. Но въ настоящее время въ медицинской литературѣ можно найти описаніе причинъ возникновенія цѣлыхъ эпидемій брюшного тифа. Теперь уже стали ясны давно извѣстныя эндеміи ¹⁾ брюшного тифа въ нѣкоторыхъ домахъ. Во всѣхъ случаяхъ удавалось обнаружить носителей тифозныхъ бациллъ.

Если эти повѣншія данныя о брюшномъ тифѣ приложить къ условіямъ нашей русской дѣйствительности, то придется сознаться, что о мѣрахъ общей санитаріи намъ, русскимъ, нечего въ настоящее время и говорить. Что касается болѣе узкаго вопроса о системѣ болыничнаго ухода за тифозными, то и въ этомъ отношеніи существующая система не только не предохраняетъ населеніе отъ новыхъ зараженій, а скорѣе способствуетъ имъ.

Мы не будемъ говорить о деревнѣ, гдѣ теперь и не можетъ быть рѣчи о какой-либо медицинской помощи. Если мы обратимся прямо къ

¹⁾ Эндемическими болѣзнями называютъ такія, которыя постоянно встречаются въ извѣстной мѣстности.

столицамъ (гдѣ медицинское дѣло поставлено лучше и богаче провинціаль-ныхъ городовъ), то и тамъ хроническое переполненіе городскихъ больницъ и недостатокъ мѣстъ въ нихъ вызываетъ необычную сѣбшность въ выпискѣ выздоравливающихъ, чтобы такимъ образомъ освободить хоть небольшое количество кроватей для вновь поступающихъ больныхъ. При этой сѣбшной выпискѣ не шадятъ обыкновенно и тифозныхъ. При этомъ совершенно не считаются съ тѣмъ обстоятельствомъ, насколько опасна для близкихъ больного такая ранняя выписка. Если бы изслѣдовать испражнения и мочу этихъ, выписанныхъ здоровыми субъектовъ, то навѣрное оказалось бы, что многіе изъ нихъ выделяютъ въ изобиліи тифозныхъ бациллъ.

С.-Петербургскій врачъ *Г. С. Кулешъ* взялся за рѣшеніе этого вопроса и произвелъ въ больницѣ св. Маріи Магдалины съ января по июль мѣсяцъ 1906 года надъ 150 выписными изслѣдованіе на содержаніе въ ихъ выделенияхъ тифозныхъ бациллъ. Всѣ эти 150 человекъ были выписаны выздоровѣвшими и не представляли никакихъ болѣзненныхъ проявленій.

Изъ 150 изслѣдованныхъ случаевъ въ 70 были найдены тифозные бациллы въ выделенияхъ. Изъ этихъ 70 выписанныхъ, 17 человекъ выделяли въ день выписки тифозную заразу въ стулѣ и мочѣ. 40 человекъ — только въ стулѣ и 13 человекъ — только мочей.

Въ общемъ же около половины выписанныхъ, точнѣе 46,6%, оставили больницу въ состояніи заразительности, представляя серьезную опасность для своихъ близкихъ и для тѣхъ окружающихъ, въ среду которыхъ вышли.

Такимъ образомъ, при выздоровленіи отъ брюшного тифа надо различать два момента: первый — восстановленіе разстроенныхъ болѣзнью физическихъ силъ больного, тѣлесное выздоровленіе, и второй — очищеніе организма отъ тифозной заразы, такъ сказать, бактериологическое выздоровленіе. Какъ это ни странно на первый взглядъ, оба эти явленія не всегда совпадаютъ другъ съ другомъ, и бактериологическое выздоровленіе по отношенію къ тѣлесному въ цѣломъ рядѣ случаевъ обыкновенно запаздываетъ. Организмъ, справившись съ заразнымъ началомъ, проникшимъ въ него, и обезвредивъ его вліяніе по отношенію къ себѣ, все же не въ состояніи вполне освободить себя отъ его присутствія и болѣе или менѣе долгое время хранитъ заразу на слизистыхъ оболочкахъ своего пищеварительнаго тракта и мочевыхъ путей.

Продолжительность этого хранения въ отдѣльныхъ случаяхъ различна. При правильномъ теченіи болѣзни организмъ, обыкновенно, освобождается отъ тифозныхъ бациллъ черезъ 8—10 недѣль по заболѣваніи.

Черѣдко выдѣленіе бациллъ задерживается, какъ мы уже видѣли, на многіе мѣсяцы и даже годы.

Такое запозданіе бактериологического выздоровленія не отражается вредно на самомъ носителѣ заразы и не проявляется замѣтными болѣзненными симптомами, влѣдствіе чего, клинически, оно не можетъ быть не только распознано, но даже и заподозрено: его открываетъ лишь бактериологическое изслѣдованіе выдѣленій.

Д-ръ *Кулешъ* собралъ свѣдѣнія за послѣднія 10 лѣтъ о количествѣ тифозныхъ больныхъ и о числѣ дней, проведенныхъ ими въ С.-Петербургскихъ городскихъ больницахъ. При этомъ оказалось, что выписка больныхъ въ среднемъ происходитъ черезъ 5 недѣль по заболѣваніи. Зная, что очищеніе организма отъ заразы (бактериологическое выздоровленіе) въ большинствѣ случаевъ происходитъ черезъ 8—10 недѣль по заболѣваніи, и располагая приведенными данными, нетрудно было вычислить количество

«носителей» среди выписанныхъ. По вычисленіямъ д-ра Кулеша около половины числа выписанныхъ—*дѣть,слишкомъ,тысячи человекъ—оставляютъ С.-Петербургскія городскія больницы, не достигши вполне бактериологическаго выздоровленія.*

Эти данныя въ достаточной степени обрисовываютъ величину той арміи живыхъ носителей тифозной заразы, которая создается ежегодно, благодаря преждевременной выпискѣ больныхъ.

На этомъ и обрываются интересныя изслѣдованія д-ра Г. С. Кулеша. Дальнѣйшіе вопросы о томъ, какое количество выписныхъ переходитъ въ хроническыхъ носителей тифозныхъ бациллъ, какое вліяніе они оказываютъ на распространеніе брюшного тифа и т. д., не могли быть имѣ рѣшены. Дѣло въ томъ, что по выпискѣ изъ городскихъ больницъ выздорѣвшихъ, о нихъ, обыкновенно, не имѣется никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній, за исключеніемъ чисто случайныхъ. Не только бываетъ неизвѣстна ихъ дальнѣйшая судьба, но даже не имѣется свѣдѣній о томъ, куда они переселяются по выходѣ изъ больницъ. А между тѣмъ, такіа свѣдѣнія являются крайне необходимыми для рѣшенія интересующаго насъ вопроса о распространѣніи брюшного тифа.

Само собою понятно, что рѣшеніе этого сложнаго вопроса могло бы имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если-бы собиравшеся свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ выписанныхъ, если-бы они время отъ времени изслѣдовались на выдѣленіе тифозныхъ бациллъ. Мы видимъ, что въ С.-Петербургѣ ничего подобнаго нѣтъ. Тоже самое можно сказать о другой столицѣ, Москвѣ, и о прочихъ нашихъ городахъ. Между тѣмъ безъ правильной постановки этого дѣла немислима рациональная борьба съ брюшнымъ тифомъ.

За границей эта борьба поставлена правильно. Въ Германіи, по почину Р. Коха, въ мѣстахъ наибольшаго развитія брюшного тифа были устроены особыя бактериологическія лабораторіи для борьбы съ этой болѣзью.

Главной обязанностью этихъ станцій является добросовѣстное обследованіе всѣхъ, встрѣчающихся въ ихъ районахъ случаевъ тифа и оказаніе помощи мѣстнымъ властямъ въ борьбѣ съ болѣзью. Особое вниманіе онѣ должны обращать на уничтоженіе заразы, выдѣляемой какъ больными и выздоравливающими, такъ и здоровыми носителями тифозной инфекціи. Помимо того, на нихъ возложена обязанность изучать общія гигиеническія условія, въ особенности же они должны слѣдить за удаленіемъ нечистотъ, водоснабженіемъ и состояніемъ жилищъ, а также оказывать содѣйствіе дѣйствительному устраненію замѣченныхъ при этомъ недостатковъ.

Такъ широко поставлено дѣло борьбы съ тифомъ въ Германіи. Неудивительно послѣ этого, что тамъ, при возникновеніи эпидемій, иногда удается обнаружить даже определенныхъ лицъ, виновниковъ распространенія болѣзни (вспомнимъ о г-жѣ S. изъ Геттингена).

Примѣру Германіи не замедлили послѣдовать Франція, Англія и Сѣверо-Американскіе Соединенные штаты.

У насъ же, обездоленныхъ рѣшительно во всемъ, рѣдко кто и знаетъ о существованіи на свѣтѣ подобныхъ учрежденій. А между тѣмъ, болѣющихъ брюшнымъ тифомъ и умирающихъ отъ него въ Россіи болѣе всего. Напримѣръ въ 1905 году въ С.-Петербургѣ отъ тифа умерло въ 21 разъ болѣе людей, чѣмъ въ главныхъ городахъ Европы.

Послѣ приведенныхъ данныхъ о брюшномъ тифѣ достаточно немногихъ словъ, чтобы составить ясное представленіе о способахъ зараженія холерой.

Послѣдняя, какъ извѣстно, обусловливается открытымъ Р. Кохомъ запятовиднымъ бацилломъ, такъ называемымъ холернымъ вибриономъ. Онъ

отличается сравнительно малой стойкостью. Такъ, нагрѣваніе въ часъ при 56° С. надежно убиваетъ возбудителей холеры, также нагрѣваніе въ теченіе 5 минутъ до 80° . Температура кипѣнія разрушаетъ ихъ моментально. Низкія температуры, напротивъ того, переносятся. Во льду холерныя бактеріи сохраняютъ жизнь и заразительность въ теченіе 4 дней. Солнечный свѣтъ и высушиваніе могутъ уничтожить ихъ очень быстро, приблизительно въ теченіе 1 часа.

Въ водопроводной водѣ холерный вибрионъ сохраняетъ жизнеспособность нѣсколько дней, а въ рѣчной и озерной водѣ, богатой питательными веществами, до нѣсколькихъ недѣль, а при особенно благоприятныхъ условіяхъ можетъ быть даже до нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Последнимъ обстоятельствомъ объясняется способность холернаго вибриона переживать

При особенно благоприятныхъ условіяхъ холерныя вибрионы могутъ сохранить жизнеспособность на поверхности испражнений, на бѣльѣ холерныхъ больныхъ и на зараженной почвѣ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, хотя въ общемъ итогѣ они погибаютъ вне человѣческаго тѣла въ теченіе нѣсколькихъ дней.

На пищевыхъ и вкусовыхъ средствахъ стойкость холерныхъ вибрионовъ колеблется въ зависимости отъ реакціи, температуры и влажности. Кислая реакція, высокая температура и высушиваніе значительно упрощаютъ гибель Коховскихъ запятыхъ.

Если мы поставимъ вопросъ о томъ, какъ происходитъ зараженіе, то должны будемъ прежде всего установить, что заразное начало холеры можетъ попасть только черезъ ротъ въ желудочно-кишечный каналъ и, такимъ образомъ, въ тонкія кишки, и что другія мѣста и ткани невосприимчивы для данного заразнаго начала. Большая часть холерныхъ вибрионовъ введенныхъ съ пищей или питьемъ, погибаетъ отъ дѣйствія содержимаго въ желудкѣ соляной кислоты. Очень часто, однако, отдѣльные вибрионы подвергаются дѣйствію кислоты, если они находятся внутри пищевой комка или вводятся въ холодной жидкости, которая очень быстро проходитъ черезъ пустой желудокъ.

Въ щелочной средѣ тонкихъ кишокъ происходитъ размноженіе вибрионовъ. Для зараженія необходимо, чтобы послѣдніе проникли въ тонкую слизистую оболочку кишокъ, чему способствуетъ ослабленіе покрывающей ее эпителиальнаго покрова, вызванное злоупотребленіями въ діетѣ, и другими причинами. Какъ только нарушается цѣлость эпителиальнаго покрова, вибрионы проникаютъ въ него, размножаются и разрушаютъ его своими ядами. Погибшій эпителий стѣсняется въ видѣ лоскутковъ и тогда начинается всасываніе выработанныхъ холерными бактеріями ядовъ, что и вызываетъ известную картину болѣзни.

Такъ происходитъ зараженіе холерой. Но послѣднее происходитъ не всегда. Иногда холерный вибрионъ можетъ во множествѣ водиться въ кишечномъ каналѣ человѣка, не вызывая у послѣдняго холеры. Дѣло можетъ ограничиться лишь ничтожнымъ разстройствомъ кишечныхъ отпращиваній или даже вовсе обойтись безъ малѣйшаго болѣзненнаго проявленія. Въ практической жизни именно эти здоровые субъекты особенно опасны, какъ разносители холерной заразы. Холерный больной прикованъ къ постели и обращаетъ на себя достаточное вниманіе окружающихъ для прінятія мѣръ предосторожности. Здоровые же или лица, страдающіе ничтожнымъ разстройствомъ кишокъ, продолжаютъ жить и вести себя попрежнему. Они передвигаются съ мѣста на мѣсто, входятъ въ общеніе и сообществомъ лицъ, со стороны которыхъ не вызываютъ ни малѣйшаго подозрѣнія, а между тѣмъ, они выделяютъ множество холерныхъ вибрионовъ.

Профессоръ И. Мечниковъ въ помѣщенной недавно въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» статьѣ, описываетъ слѣдующій интересный случай зараженія холерой черезъ такого «носителя» холерныхъ вибрионовъ. Дѣло произошло во время послѣдней холерной эпидеміи въ Александріи, въ Египтѣ.

«Тамъ умираетъ пожилая дама, съ давнихъ поръ страдавшая желудкомъ и соблюдавшая самую строгую діету. О сырой водѣ и сырой пищѣ въ ея питаніи не могло быть и рѣчи. Она пользовалась совѣтами лучшихъ докторовъ и жила согласно строгимъ правиламъ гігіены. Но вдругъ она заболѣваетъ холерными припадками и умираетъ отъ несомнѣнной азіатской холеры съ массой холерныхъ вибрионовъ въ испраженіяхъ. Откуда могла заразиться такая пациентка? Этотъ вопросъ задали себѣ ея доктора, которые, послѣ тщательныхъ разслѣдованій, установили слѣдующіе факты. Хронически больная желудкомъ, пожилая дама питалась, главнымъ образомъ, мяснымъ бульономъ, который, разумѣется, долго подвергался кипяченію. Но въ жаркое лѣто, она предпочитала пить бульонъ холоднымъ, и, передъ тѣмъ, какъ подавать его, бульонъ охлаждали на ледникѣ. Оказалось, что прислуга, ухаживавшая за дамой, страдала легкимъ расстройствомъ кишекъ, и что эта ничтожная «болѣзнь» сопровождалась выдѣленіемъ изъ ея организма (черезъ кишечникъ) множества холерныхъ вибрионовъ, присутствие которыхъ было доказано бактериологическимъ изслѣдованіемъ. Данные эти безъ труда объяснили загадку зараженія холерой. Дама пила охлажденный бульонъ, котораго должны были коснуться пальцы прислуги, недостаточно свободные отъ того матеріала, въ которомъ находились Коховскіе вибрионы. Бульонъ, какъ извѣстно, — отличная среда для размноженія всевозможныхъ бактерій. Благодаря лѣтней жарѣ, ничтожное количество внесенной въ него холерной заразы успѣло расплодиться въ достаточной мѣрѣ для того, чтобы причинить смертельную холеру».

Все сказанное о брюшномъ тифѣ и холерѣ можно распространить *mutatis mutandis*¹⁾ и на другія заразные болѣзни, какъ *дифтеритъ*, *корь* и *скарлатину*. Относительно перваго уже давно извѣстно, что по выздоровленіи отъ него, больные могутъ подолгу (иногда по нѣсколько мѣсяцевъ) сохранять на слизистой оболочкѣ полости рта и глотки дифтеритныхъ бациллъ и, такимъ образомъ, являться носителями дифтерита, вполне аналогичными носителямъ брюшно-тифозной и холерной заразы.

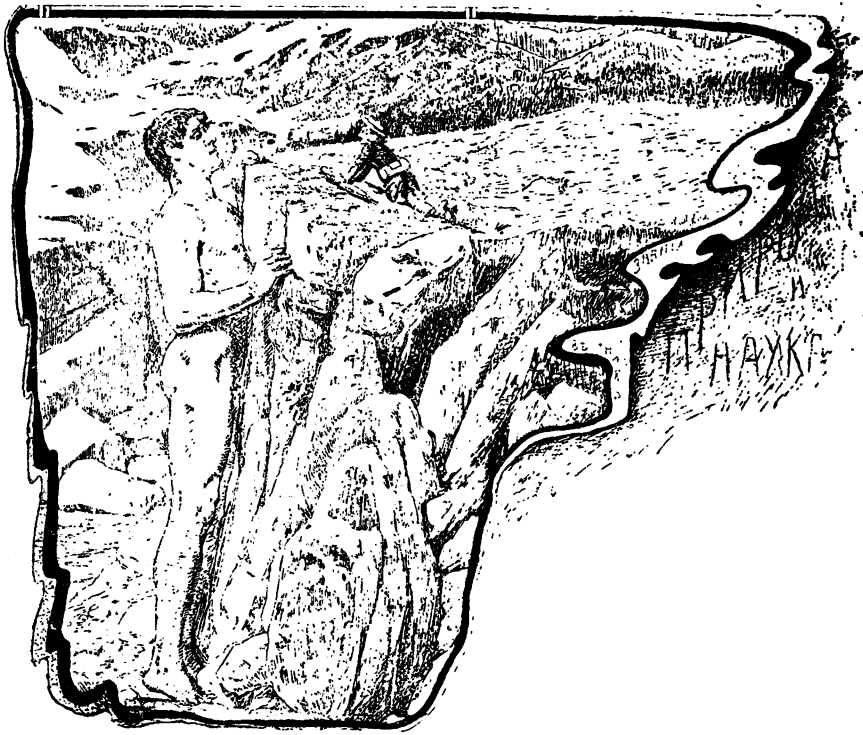
Хотя заразное начало кори и скарлатины пока и не найдено, тѣмъ не менѣе практическія наблюденія говорятъ за возможность передачи этихъ болѣзней носителями ихъ возбудителей.

Такимъ образомъ, можно ожидать, что описанная борьба съ брюшнымъ тифомъ въ будущемъ должна быть перенесена и на другія заразные болѣзни. При этомъ необходимо замѣтить, что указанныя выше германскія лабораторіи уже и въ настоящее время занимаются не только вопросомъ о брюшномъ тифѣ, но и вопросами о дифтеритѣ и прочихъ заразныхъ болѣзняхъ.

А. Бекетовъ.

Москва.

¹⁾ Т. е. переимѣнивъ что слѣдуетъ.

Проф. д-ръ О. Геккеръ.

Строение земной коры.

За послѣднія десятилѣтія наши физико-математическія познанія относительно строенія земной коры достигли такого развитія, что мы можемъ составить себѣ довольно законченную, въ основныхъ принципахъ, картину относительно распредѣленія массъ въ земной корѣ. Успѣхомъ этимъ мы преимущественно обязаны работамъ бюро международнаго измѣренія земли.

Центральное бюро этого замѣчательнаго предпріятія, въ которомъ принимаютъ участіе почти всѣ цивилизованныя государства, связано съ прусскимъ землемѣрнымъ институтомъ въ Потсдамѣ. Учрежденіе это ставитъ своей задачей свести воедино и связать всѣ, производимыя на землѣ, астрономически-геодезическія измѣренія, поскольку они могутъ служить для изученія строенія и размѣра земли, а также, въ случай надобности, поручать производить подобныя измѣренія въ большомъ мѣстѣ. Въ настоящее время оно насчитываетъ шесть астрономическихъ обсерваторій, распредѣленныхъ въ разныхъ частяхъ земного шара.

Былъ выработанъ, имѣющій большое значеніе, методъ, дающій возможность, посредствомъ простыхъ общеизвѣстныхъ физическихъ законовъ, опредѣлить расположеніе массъ въ земной корѣ, у насъ подъ ногами, въ глубинахъ, которыя никогда не будутъ доступны человѣку.

Опредѣленіе это основано на измѣреніи силы тяготѣнія. Подъ силой тяготѣнія мы понимаемъ размѣръ притяженія, испытываемаго тѣломъ на опредѣленномъ мѣстѣ земной поверхности. Величина эта

опредѣляется скоростью паденія свободного предмета въ течение секунды или, что еще легче измѣрить, продолжительностью качанія маятника, опредѣленной длины. Если въ одномъ мѣстѣ земной поверхности притяженіе сильнѣе, чѣмъ въ другомъ, то маятникъ тамъ качается быстрѣе. Такимъ образомъ, если мы опредѣлимъ продолжительность качанія маятника неизмѣнной величины въ различныхъ мѣстахъ на землѣ, то отсюда мы можемъ вычислить силу тяготѣнія въ этихъ пунктахъ.

Въ настоящее время произведено очень много такихъ измѣреній. Сравнивая ихъ между собою, мы видимъ, что размѣръ силы тяготѣнія увеличивается по направленію отъ экватора къ полюсамъ. Это согласно съ закономъ притяженія, которое производитъ сплюснутый шаръ на тѣло находящееся на поверхности шара.

Если намъ извѣстно увеличеніе силы притяженія отъ экватора къ полюсамъ, то мы можемъ изъ нашихъ измѣреній силы тяжести вычислить также размѣръ сплюснутости нашего земного шара. фигуру земли, если примемъ во вниманіе вліяніе центробѣжной силы, различной, вслѣдствіе вращенія оси, въ разныхъ географическихъ широтахъ.

Въ 1901 году директоромъ центрального бюро международнаго измѣренія земли, тайнымъ совѣтникомъ Гельмертомъ, были произведены такого рода измѣренія. На основаніи 1395 произведенныхъ въ разныхъ мѣстахъ земли измѣреній земного тяготѣнія, фигура оказалась эллипсоидомъ вращенія съ приплюснутостью у полюсовъ въ $\frac{1}{298}$ и была предложена формула, дающая возможность вычислить нормальную силу притяженія, соответствующую каждой географической широтѣ. Сравнивая вычисленные, такимъ образомъ, нормальные силы притяженія на отдѣльныхъ пунктахъ съ наблюдаемыми въ дѣйствительности,—прічемъ мѣста, которыя лежатъ не на уровнѣ моря, были приведены къ этому уровню,—нашли, въ большинствѣ случаевъ, большее или меньшее отклоненіе этихъ двухъ величинъ. Эти отклоненія илѣютъ величайшее значеніе для изученія распредѣленія массъ въ земной корѣ. Дѣло въ томъ, что если въ какомъ-нибудь мѣстѣ полученная наблюденіемъ сила притяженія больше, чѣмъ полученная теоретически, если маятникъ качается быстрѣе, то само собою ясно, что это можетъ быть вызвано только скопленіемъ массы въ земной корѣ. Земная кора, слѣдовательно, построена въ этомъ мѣстѣ изъ болѣе плотнаго матеріала.

Поднимаясь съ маятникомъ на болѣе высокую гору, и опредѣляя тамъ силу тяготѣнія, слѣдовало бы ожидать, что гора, какъ видимое скопленіе массы, должна содѣйствовать ускоренію качанія маятника. Наблюденія, слѣдовательно, (послѣ приведенія ихъ къ уровню моря) должны были бы дать большую силу тяготѣнія, чѣмъ нормальная. Между тѣмъ, въ большинствѣ случаевъ, этого не наблюдается, и сила тяготѣнія нормальна и остается той-же, что и на равнинѣ. Явленіе это допускаетъ только одно объясненіе,—именно, что избытокъ массы, который очевидно имѣется въ данномъ мѣстѣ на земной корѣ, устраняется разрыхленіемъ земной коры подъ горными нѣдрами. Разумѣется, разрыхленіе это не слѣдуетъ себѣ представлять въ видѣ пустоты, но нужно думать, что земная кора въ такомъ мѣстѣ построена изъ менѣе плотнаго матеріала, слѣдовательно, изъ породъ меньшаго удѣльнаго вѣса.

Если сила тяготѣнія на горѣ нормальна, если, слѣдовательно, видимыя скопленія массъ горы и подземный недостатокъ массы уравновѣшиваются въ ихъ вліяніи на материкъ, то говорятъ, что гора компенсирована (уравновѣшена).

Производимыя около середины прошлаго столѣтія *Гималаевъ* измѣренія силы притяженія доказали, что *Гималаи* и шей части уравнированы. Эти измѣренія привели къ гипотезѣ статическомъ составѣ земной коры, которая была затѣмъ тщательно изслѣдована Гельмертомъ. Затѣмъ Гельмертъ изслѣдовалъ, въ отношеніи, различныя горы. Онъ нашелъ, что *Кавказъ* также урѣшенъ (компенсированъ). Но горныя массы его уравниваются весьма странно недостаткомъ вещества, распределеннаго неравно подъ всей цѣпью, и сдвинутымъ болѣе къ югу.

Напротивъ, *Тирольскія Альпы* не вполне компенсированы, приблизительно только на половину уравниваются подземными статками массы и образуютъ, слѣдовательно, дѣйствительное скопленіе вещества въ земной корѣ. Не уравнивается также хребетъ *Гималаевъ*. Вообще же уравниваніе (компенсация) является общимъ правиломъ.

Въ какомъ же отношеніи находятся *материки и океаны*? Рѣшительные изслѣдователи предполагали, что притяженіе материковъ производится давлениемъ на море, достигающее до 1000 метровъ. На основаніи математическихъ разсужденій. Гельмертъ пришелъ въ 1884 году къ убѣжденію, что это несправедливо, что материки не представляютъ собств. скопленія массы въ земной корѣ, но что и они такъ же, какъ и въ океанахъ, уравниваются недостатками въ земной корѣ. Рѣшить вопросъ справедливо ли это воззрѣніе—можно было только непосредственно измѣреніемъ силы тяготѣнія на морѣ. Въ такомъ случаѣ сила тяготѣнія на морѣ должна бы была быть такъ же велика, какъ и на материкахъ.

На борту постоянно качающагося судна нельзя производить наблюденій надъ качаніемъ маятника. Но мнѣ удалось силу притяженія на морѣ опредѣлить по новому методу, именно сравненіемъ показаній ртутнаго барометра съ температурой кипѣнія.

По порученію учрежденія международнаго измѣренія земнаго притяженія произвелъ такія измѣренія въ 1901 году на Атлантическомъ, а въ 1904-5 на Индѣйскомъ океанѣ и пересѣкъ также два раза *Восточнаго океана*. Результаты подтвердили воззрѣніе Гельмерта. Поэтому, наклоненій мѣстнаго характера, можно считать *гипотезу Пратта* закономъ, имѣющимъ всеобщее примѣненіе. Такимъ образомъ, скопленія вещества въ земной корѣ; онѣ уравниваются, благодаря подземнымъ дефектамъ и меньшей плотности.

По отношенію къ морю уравниваніе носитъ обратный характеръ. Меньшій удѣльный вѣсъ воды въ океанѣ уравнивается болѣею плотностью морского дна.

Какъ на материкахъ, такъ и на моряхъ имѣются мѣста, гдѣ уравниваніе несовершенно. Такъ, напримѣръ, такое несовѣрное уравниваніе я могу установить надъ Тонгаринной (Tongarin) группой изъ величайшихъ морскихъ глубинъ (около 9000 метровъ).

Необходимо упомянуть еще, что относительно измѣренія глубины на которой происходитъ въ земной корѣ уравниваніе, въ Сѣверной Америкѣ достигли важныхъ результатовъ. На основаніи широко поставленныхъ, весьма точныхъ вычисленій нашли, что уравниваніе происходитъ въ среднемъ до глубины въ 114 километровъ.

На глубинѣ, болѣе значительной, чѣмъ 114 километровъ, въ Сѣверной Америкѣ должна обладать довольно равномерною плотностью.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

В. Θ. Тотоміанць ¹⁾.

ПОДЪЕМЪ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ ИТАЛІИ.

III.

Послѣ того, какъ мы познакомились съ товариществами для коллективной аренды земли, намъ остается еще обстоятельно изучить молочныя товарищества, которыя, хотя и не представляютъ оригинальнаго творенія итальянскаго гения, но тѣмъ не менѣе интересны, какъ удачныя производительныя общества.

Еще очень давно, а именно около 1200 года долина средняго теченія рѣки По считалась уже мѣстомъ главнаго производства и рынкомъ молочныхъ продуктовъ Европы; молочная промышленность, вытѣсненная до тѣхъ поръ въ горы и долины, спустилась въ равнину, перемѣнивъ не только мѣсто, но и характеръ.

Почти одновременно съ этимъ, производство сыра въ Альпахъ вошло въ новый фазисъ развитія: начали образовываться товарищества для совмѣстной обработки молока. Выяснилось, что сыровареніе не можетъ достигнуть цвѣтущаго положенія при изолированной обработкѣ небольшого количества молока, при тѣсныхъ помѣщеніяхъ и при недостаткѣ орудій. Вотъ почему въ Альпахъ зародился духъ кооперации, выразившійся въ появленіи примитивной формы молочныхъ товариществъ или «соціальныхъ молочныхъ».

Исторія не зарегистрировала времени ихъ появленія, а только эпоху ихъ существованія. Молочныя товарищества функционировали въ Трентинѣ уже въ 1400 году. Въ Вальтеллинѣ наблюдались примитивныя образчики товариществъ для совмѣстной обработки молока до 1500 года. во Фриули — около 1700 года. Альпійскія общинныя пастбища въ свою очередь обогатили распространеніе товариществъ, напримѣръ, въ Вальтеллинѣ, гдѣ крестьяне соединяли молоко своихъ коровъ, обрабатывали его и дѣлили продукты и издержки производства пропорціонально заинтересованности каждаго участника товарищества ²⁾.

¹⁾ См. Вѣстн. Зн., № 9.

²⁾ Almanacco per 1903 dell'Italia agricola. Milano 1903, стр. 82.

Однако, прежде чѣмъ перейти къ описанію современнаго положенія молочныхъ товариществъ, мы познакоимся съ различными типами этихъ товариществъ въ Италіи.

Различіе социально-экономическихъ причинъ, побудившихъ къ учрежденію молочныхъ товариществъ, разные періоды времени, въ которые онѣ возникали, медленный или быстрый сельскохозяйственный прогрессъ — все это создало въ Италіи разнообразные типы молочныхъ товариществъ.

Такое разнообразіе формъ молочныхъ товариществъ нуждается въ особой классификаціи.

Къ первому типу принадлежатъ круговыя семейныя молочныя (*latterie turnarie famigliari*) или товарищества для ссуженія молокомъ. Ко второму типу относятся круговыя социальныя молочныя (*latterie turnarie sociali*). Третій типъ заключается въ себѣ коллективныя кооперативныя молочныя (*latterie cooperative in nome collettivo*) съ распределеніемъ продуктовъ между членами и продажей ихъ членамъ. Наконецъ, къ четвертому типу принадлежатъ молочныя для продажи молока ¹⁾.

Круговыя семейныя молочныя базируются на взаимномъ довѣріи участниковъ. Обработка молока производится поочередно у каждаго изъ участниковъ. Каждый участникъ или членъ имѣетъ помѣщеніе и приспособленія для различной переработки молока. Членъ, за которымъ очередь, уже одолжилъ столько молока, сколько можно переработать въ день. Въ день переработки молока онъ присваиваетъ себѣ все продукты его. Если же количество молока, ссуженнаго имъ, меньше того, которое онъ перерабатываетъ во время своей очереди, то онъ вычитаетъ разницу изъ продуктовъ, а кромѣ того беретъ себѣ небольшую долю за труды.

Товарищества такого рода, встрѣчающіяся и у насъ въ Закавказьи ²⁾, представляютъ собою зародыши кооперации и какъ таковыя изобилуютъ недостатками. Прежде всего, основываясь на взаимномъ довѣріи членовъ и не будучи юридически оформлены и скрѣплены, онѣ представляютъ хрупкую и ненастоящую форму организаціи. Затѣмъ, онѣ не всегда считаются съ принципами равенства. Такъ, напримѣръ, случается, что зыръ выходитъ у того или другого товарища неудачнымъ не по его винѣ или очередь его приходитъ въ такое время, когда молочные продукты пали въ цѣнѣ. Наконецъ, такое товарищество исключаетъ возможность пользования совершенными орудіями, однимъ, специально построеннымъ помѣщеніемъ, и не даетъ возможности ни одному изъ товарищей усовершенствоваться въ переработкѣ молока.

Во второмъ типѣ, т. е. въ круговыхъ социальныхъ молочныхъ, товарищи снимаютъ или строятъ помѣщеніе и, снабдивъ его всѣмъ усовершенствованными орудіями, поручаютъ сыровару-специалисту, оплачиваемому сообща. Товарищи или члены приносятъ молоко въ общее помѣщеніе и каждый изъ нихъ получаетъ все продукты отъ переработки его послѣ того, какъ самъ доставитъ другимъ количество молока, нужное для переработки въ день. Въ свой очередной день членъ товарищества приноситъ въ сыроварню соль, сывороточную закваску, топливо и по окончаніи работы онъ забираетъ продукты, которые хранить на собственный рискъ.

Второй типъ молочнаго товарищества представляетъ, какъ мы видѣли, шагъ впередъ. Въ немъ многочисленность орудій и помѣщеній замѣнена немногими, несравненно болѣе совершенными, и все дѣло поручено специалисту. Но и этотъ типъ не связать членовъ юридическими нормами.

¹⁾ Такой классификаціи придерживаются Басси и Фасчетти, знатоки итальянской кооперации.

²⁾ См. нашу статью: Прimitives артели въ Закавказьи въ журналѣ «Союзъ Потребителей», отъ 14 марта 1905 г.

Кромѣ того, нѣтъ еще совмѣстности переработки молока, нѣтъ единства въ управленіи дѣлами товарищества, нѣтъ организациі сбыта продуктовъ и нѣтъ общаго помѣщенія для храненія послѣднихъ.

Самымъ совершеннымъ типомъ является третій, т. е. коллективный кооперативный молочный. Этотъ типъ появился во второй половинѣ прошлаго столѣтія и свидѣтельствуетъ о прогрессѣ молодой промышленности, какъ съ технической стороны, такъ и съ юридической, ибо онъ юридически санкціонированъ коммерческимъ кодексомъ. Однимъ словомъ, этотъ типъ представляетъ настоящую полную кооперацію, которая сдѣлала совмѣстнымъ все, кромѣ молока.

Участниками такого рода кооперативныхъ молочныхъ являются мелкіе и средніе собственники-крестьяне, располагающіе небольшимъ количествомъ молока и ничтожнымъ капиталомъ. Для устройства молочнаго товарищества они занимаютъ у кредитныхъ учреждений, гарантируя заемъ неограниченною отвѣтственностью. Молоко можетъ быть уступимо товариществу по фиксированной цѣнѣ, администрація обязуется продавать всѣ продукты, и тогда получается коллективная кооперативная молочная, продукты которой продаются членами; но бываетъ и такъ, что члены получаютъ въ обмѣнъ на молоко продукты съ вычетомъ издержекъ производства, и тогда получается коллективная кооперативная молочная, продукты которой распределяются между членами.

Четвертый типъ, т. е. анонимный молочный, самый современный. Онъ образуется легче всѣхъ и также урегулированъ опредѣленіемъ коммерческаго кодекса. Кооперативный принципъ уже вытѣсняется изъ молочныхъ этого типа, ибо на ряду съ членами-поставщиками молока допускаются и члены-капиталисты. Капиталь на оборудованіе молочной получается путемъ подписки членовъ обѣихъ категорій на акціи. Къ описываемому типу принадлежатъ самыя большія молочныя итальянской равнины.

Продукты анонимныхъ молочныхъ обыкновенно продаются администраціей за счетъ членовъ. Однако, существуютъ нѣсколько мелкихъ анонимныхъ молочныхъ, въ которыхъ продукты распределяются между членами. Анонимныя молочныя тѣмъ болѣе теряютъ свой кооперативный характеръ, чѣмъ больше акцій въ рукахъ членовъ-капиталистовъ и чѣмъ выше дивидендъ, за которымъ гонятся послѣдніе. Анонимнымъ молочнымъ покровительствуетъ законъ, установившій для нихъ ограниченную отвѣтственность.

Наконецъ, послѣдній типъ — молочныя для продажи молока — совершенно лишены кооперативнаго духа. Одинъ или два капиталиста, соединившись, устраиваютъ молочную и приобрѣтаютъ молоко у производителей по ежегодно обуславливаемой цѣнѣ и перерабатываютъ его сами. Эти капиталистическія молочныя встрѣчаются какъ въ мѣстахъ мелкой, такъ и крупной собственности. Единственной заслугой этихъ молочныхъ является расширеніе иностраннаго рынка для вывоза молочныхъ продуктовъ (Италія¹⁾).

Современные и повѣдшіе типы молочныхъ товариществъ получили импелсъ во вторую половину 19-го столѣтія, когда для молочной промышленности началась новая эра. Франко-прусская война, создавъ экстраординарный спросъ, была причиною обширнаго вывоза скота и молочныхъ продуктовъ изъ Ломбардіи. Это оживленіе въ молочной промышленности было поддержано итальянскимъ правительствомъ путемъ улучшенія организациі и техники молочнаго дѣла. Циркуляръ министерства земледѣлія отъ 29 апрѣля 1872 года учредилъ преміи для тѣхъ молочныхъ, которые

¹⁾ Almanacco per 1903 dell' Italia agricola, Milano, 1903, стр. 86.

имѣя не менѣ десяти членовъ, не только перерабатываютъ, но и совместно продукты. Результатомъ назначенія этихъ премій было основаніе двадцати новыхъ социальныхъ молочныхъ. Второй конкурсъ открытъ министерствомъ земледѣлія 30 іюня 1874 года: преміи были даны тѣмъ молочнымъ, которые удачно дѣлали иностранные сыры и утилизировали молочные остатки. Не менѣ правительства содействовали распространенію кооперативныхъ молочныхъ различныхъ обществъ и учреждений: сельскохозяйственные товарищества, съѣзды, выставки и т. д. что къ 1880 году вся, прилегающая къ Альпамъ, Італія была населена социальными молочными. Съ 1880 года число ихъ все увеличивалось, особенно въ районахъ мелкой земельной собственности, а съ 1885 года появились также тамъ, гдѣ господствуетъ крупная культура, имѣемъ въ виду крупныя молочныя въ Ломеллинѣ и въ нижней Ломбардіи.

Что касается общаго числа молочныхъ товариществъ, то въ 1890 году ихъ насчитывалось около 400 ²⁾. На опросъ «Национальной лиги итальянскихъ коопераций» въ 1902 году отвѣтило только 89 молочныхъ товариществъ 4.941 членомъ, съ капиталомъ въ 1.738,352 лиры 26 центезима, годовичнымъ оборотомъ въ 3.395,915 лиръ 3 центезима.

Познакомимся теперь съ молочными товариществами въ различныхъ областяхъ Італіи, причемъ сначала же замѣтимъ, что главнымъ типомъ ихъ является альпійская и прі-альпійская часть Італіи.

Провинція Пиемонтъ обладаетъ массою молочныхъ товариществъ, особенно съ горной части округовъ Новары и Турина. Это почти все социальные молочныя. Ихъ минимумъ 100, причемъ 1 находится въ провинціи Александрии, 3—въ Кунео, 32—въ Новарѣ, 66—въ области Турина. Мы привели приблизительное количество товариществъ. На самомъ же дѣлѣ больше, ибо въ Альпахъ есть много товариществъ, функционирующихъ только лѣтомъ и принадлежащихъ къ первому типу.

Въ округѣ Кунео статистическія данныя имѣются относительно одного молочнаго товарищества въ Сампейре. Последнее было основано въ 1886 года. Среднее годовичное производство масла равняется 2,221 килограмму, сыра—3,606 килограммамъ, общая стоимость которыхъ 14,000 лиръ. Оно держало 2 рабочихъ, а продукты продавались на рынкѣ и на рынокѣ Савильяно ³⁾.

Другое товарищество, достойное описанія, было основано въ 1867 году въ Бавено. Оно начало съ переработки молока 84 коровъ, принадлежащихъ 52 собственникамъ. Продукты, т. е. масло и сыръ продавались каждымъ въ отдѣльности. Сыръ выдерживался въ помѣщеніи молока, которая функционировала съ октября по апрѣль. Въ 1870 году товарищество получило серебряную медаль и премію въ 500 лиръ на сельскохозяйственной выставкѣ въ Палланцѣ. Затѣмъ, цѣлый рядъ наградъ получило за свои сыры на различныхъ сельскохозяйственныхъ выставкахъ въ 1871, 1874 и 1877 годахъ. Къ сожалѣнію, въ 1884 году эта компания прекратила свои дѣйствія, успѣвъ оказать благотворное влияние на улучшение скота и луговъ.

Туринскій округъ изобилуетъ молочными товариществами; особенно много ихъ въ долинахъ Аосты. Всего насчитывается не менѣ 70 товариществъ.

Сельскохозяйственный комитетъ Сузы въ своемъ отчетѣ отъ 25 іюня 1890 года давалъ свѣдѣнія о трехъ социальныхъ молочныхъ, изъ которыхъ

¹⁾ Almanacco per 1903 dell' Italia agricola. Milano, 1903, стр. 83.

²⁾ Prof. G. Valenti, La cooperazione rurale. Firenze, 1902, стр. 219.

³⁾ Statistica industriale della provincia di Cuneo. Roma, 1890.

одна была учреждена въ 1871, а двѣ другихъ въ 1873 году. Эти молочныя функционировали только три лѣтнихъ мѣсяца и насчитывали каждая 80—100 коровъ, дававшихъ ежедневно въ среднемъ 800—1000 литровъ молока. Онѣ приготовляли, главнымъ образомъ, такъ называемый швейцарскій сыръ, а также овечьй сыръ. Первый сыръ продавался на туринскомъ рынкѣ отъ 1 лиры 20 центезимовъ до 1 лиры 30 центезимовъ за килограммъ, а второй отъ 90 центезимовъ до 1 лиры 20 центезимовъ за килограммъ.

Въ Ломбардіи въ 1890 году насчитывалось 175 молочныхъ товариществъ. Товарищества горной Ломбардіи отличаются отъ товариществъ низменной. При этомъ, послѣднія функционируютъ періодически, т. е. лѣтомъ или зимою, какъ въ округахъ Сондрио и Бресчін. Въ округѣ Комо находится около двѣнадцати санкціонированныхъ молочныхъ, принадлежащихъ къ типу коопераций съ продуктами, распределяемыми между членами. Одну изъ этихъ молочныхъ мы сейчасъ опишемъ.

Санкціонированный юридически и довольно выдержанный кооперативный характеръ носитъ товарищество въ Монтевеккіѣ (около Комо). Оно было учреждено въ декабрь 1887 года, а затѣмъ скреплено юридически при содѣйствіи отца итальянской кооперации. Ф. Вигано. Стоимость пая товарищества равняется 50 лирамъ, которые можно выплачивать ежемѣсячными взносами въ 5 лиръ. Членами товарищества могутъ быть не одни только владѣльцы скота. Прибыль, по вычетѣ изъ нея издержекъ производства и дивидендовъ на акціи, распределяется такимъ образомъ: 65% идутъ членамъ, пропорціонально количеству доставленнаго молока, 10% акціонерамъ, 5% служащимъ, пропорціонально величинѣ ихъ жалованья и 20% отчисляется въ резервный фондъ.

Низменная Ломбардія обладаетъ самыми большими молочными Италіи, разбѣлными въ округахъ Милана, Павіи и Кремоны. Молочныя миланскаго округа раздѣляются на анонимныя кооперативныя молочныя, какъ, напримѣръ, въ Казалпастерленго, С.-Анджело, Кадзіано, и молочныя для продажи молока, какъ въ Секуньяго и въ Юш. Послѣдняя является самой большой молочной Италіи. Въ этой частіи Ломбардіи мы находимъ также зачатокъ къ образованію федераціи большихъ кооперативныхъ молочныхъ. Въ округѣ Кремоны, изобиловавшимъ одно время круговыми молочными, когда тамъ преобладала мелкая земельная собственность, теперь съ распространѣніемъ крупной собственности онѣ уступили мѣсто большимъ анонимнымъ кооперативнымъ молочнымъ, образчикомъ которыхъ можетъ служить молочная въ Сорезинѣ.

Изъ товариществъ миланскаго округа хорошо поставлена большая социальная молочная въ Гаджіано, въ окрестностяхъ города Милана, основанная въ 1898 году. Она перерабатываетъ въ день 70—80 гектолитровъ молока и производитъ масло и нѣсколько сортовъ сыра. У ней есть магазинъ для продажи молочныхъ продуктовъ въ Миланѣ. Молочная беретъ у членовъ молоко за 10½ центезимовъ литръ. Она владѣетъ удобнымъ помѣщеніемъ, снабженнымъ всѣми техническими усовершенствованіями. Ея паровая машина—въ 30 лошадиныхъ силъ. Кромѣ того, у нея есть машина для сниманія сливокъ, насосъ для выкачиванія воды, резервуаръ, изъ котораго вода проводится въ различныя отдѣленія. Прибыль товарищества распределяется слѣдующимъ образомъ: 75% идетъ поставщикамъ молока, 20% въ резервный фондъ, 5% служебному персоналу. Сыворотка возвращается членамъ по 70 центезимовъ за гектолитръ¹⁾.

Венеціанская провинція особенно благоприятна для образованія не-

1) E. Bassi, Le latterie sociali in Italia, Milano, 1900, стр. 53.

большихъ молочныхъ. Онѣ распространены специально въ округахъ: Виченца, Тревизо, Удине и Беллуно. Среди нихъ круговыя, семейныя и социальные молочныя, возникшія раньше. Товарищества, учрежденныя недавно, юридически оформлены.

Округъ Беллуно обладаетъ наибольшимъ количествомъ венеціанской провинціи и даетъ даже образчикъ федераціи товарныхъ обществъ, а именно въ Агордо. Округъ Удине изобилуетъ небольшими среди которыхъ извѣстностью пользуются 13 круговыхъ молочныхъ. Озоппо, члены которыхъ состоятъ изъ однихъ женщинъ ¹⁾. Это даетъ товарищества для приготовленія масла и сыра, которыя работаютъ женщинами каждую весну, въ селѣ Игдырь и другихъ деревняхъ этой губерніи ²⁾.

Кромѣ круговыхъ молочныхъ въ вышеназванномъ округѣ большое количество кооперативныхъ, основанныхъ большею частью на устныхъ договорахъ. Въ округахъ Тревизо и Виченца находится большое количество кооперативныхъ молочныхъ, основанныхъ на юридическихъ договорахъ. Въ территории Веронского округа находится нѣсколько небольшихъ молочныхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя работаютъ круглый годъ, а другія только зимой.

Остановимся теперь, специально, на двухъ молочныхъ округахъ и на федераціи товариществъ въ Агондо. Первая находится въ Фрассане и настолько развила свои операціи, что сбытаетъ свое молоко въ Австріи и въ Германіи. Она имѣла огромное благотворное влияние на муну. «Землепашецъ сталъ болѣе трудолюбивымъ, образованнымъ, инициативнымъ; распространеніе удобреній умножило кормовыя травы, и пашни увеличили количество скота; искусственныя луга расширились, луга болѣе плодородными; воровство уменьшилось; домашнее хозяйство было приведено въ порядокъ; посѣщеніе винныхъ лавокъ уменьшилось; среди крестьянъ развился духъ солидарности» ³⁾. Другая, еще болѣе развитая молочная находится въ Солиго. Ея коммерческія дѣла очень таковы, что она открыла въ Венеціи магазинъ для сбыта молочныхъ продуктовъ. Масло этой молочной, кромѣ Италіи отправляется и продается въ Египтъ, Испаніи и Константинополь. Она имѣетъ три сыроварни въ муняхъ Солиго и Коль-С.-Мартино. Первые двѣ приводятся въ дѣло водяной силой, а третья — паромъ. Онѣ перерабатываютъ минимумъ гектолитровъ молока въ день, производя масло и нѣсколько сортовъ сыра. Снабженное сепараторами системы «Александра» и «Лаваль» товарищество платитъ за молоко 11 центезимовъ литръ.

Его чистая прибыль достигаетъ иногда 30%. Къ началу 1900 года товарищество въ Солиго насчитывало 433 члена съ капиталомъ въ 100000 лиръ. Чистая прибыль за 1899 годъ равнялась 18,437 лирамъ, изъ которыхъ 2,947 лиръ были употреблены на дѣла, полезныя въ социальномъ и сельскохозяйственномъ смыслѣ.

Беллунскій округъ является первымъ въ дѣлѣ объединенія отдельныхъ товариществъ. Агординскія молочныя этого округа основаны въ 1888 году при содѣйствіи сельскохозяйственнаго комитета для улучшенія сбыта своихъ продуктовъ. Дѣло въ томъ, что сами производители продуктовъ сами диктовали цѣны молочнымъ товариществамъ. Послѣ этого, во избѣжаніе, на примѣръ, порчи масла принуждены были терпѣть атацію скупщиковъ. Не ограничиваясь этимъ, торговцы измѣняли

¹⁾ V. Niccoli, Cooperative rurali. Milano, 1899, стр. 109.

²⁾ Подробности — въ указанной уже статьѣ «Союза Потребителей».

³⁾ P. Della Lucia, Le latterie cooperative nella provincia di Belluno, 1884.

молочныхъ товариществъ и фальсифицировали ихъ продукты, чтобы подорвать доверіе потребителей къ нимъ. Правленіе и оптовый складъ федерации молочныхъ товариществъ находится въ Агордо. Тамъ сохраняется масло и продается за общій счетъ. Послѣ вычета издержекъ по содержанию склада, прибыль распределяется между всѣми молочными, пропорціонально количеству масла каждой. Правленіе федерации избирается руководителями всѣхъ товариществъ. Маслодѣль-специалистъ, называемый директоромъ, осматриваетъ масло, приносимое въ складъ отдѣльными товариществами и, въ случаѣ его недоброкачественности, бракуетъ. Товарищества (ихъ было въ 1894 году 35 съ 1527 членами-собственниками 2520 коровъ), образующія федерацию, не имѣютъ права сами продавать масло и въ силу такого обязательства представляютъ залогъ. Когда молочныя открываютъ свои дѣйствія, правленіе, приблизительно, опредѣляетъ цѣну масла, которая выплачивается отдѣльнымъ молочнымъ въ первые десять дней каждаго мѣсяца ¹⁾.

Въ провинціи Эмилиі въ 1880 году было много круговыхъ социальныхъ молочныхъ, превратившихся потомъ въ частныя молочныя. Ими особенно изобиловали округа Пармы и Реджіо-Эмилиі. Въ послѣднее время среди крестьянъ этой провинціи опять наблюдается сильное развитіе кооперативнаго духа, благодаря, главнымъ образомъ, станствующимъ кафедрамъ агрикультуры.

Что касается прочихъ провинцій Италіи, то онѣ не отличаются ни формой, ни количествомъ молочныхъ товариществъ. Въ Тосканѣ товарищества образуются спеціально для производства сыра. Въ Лигуріи собственно нѣтъ кооперативныхъ товариществъ. Въ Сициліи и въ Капитанатѣ встрѣчаются только примитивныя молочныя товарищества.

Въ настоящее время число кооперативныхъ молочныхъ доходитъ до 800 съ 40,000 членовъ. Ихъ продукты идутъ не только въ Болонью и Римъ, но и въ Испанію и Египетъ. До появленія товариществъ, молочные продукты сбывались посредниками за грошъ, теперь же доходъ членовъ повысился, благодаря коопераціи, процентовъ на 30.

IV.

Мы не дали бы болѣе или менѣе полной картины подъема сельскаго хозяйства въ Италіи, если бы въ заключеніе не остановились на одномъ социально-благотворительномъ обществѣ, которому нѣтъ равнаго въ мірѣ. Оно сдѣлало много не только для рабочихъ, но и для крестьянъ.

Это общество начало дѣйствовать съ 1902 года и называется *Umanitaria* въ знакъ тѣхъ услугъ, которое оно оказываетъ человѣчеству. Если можно признавать большое значеніе за благотворительностью, то только въ той формѣ, въ какой его оказываетъ это миланское общество, распространившее свое дѣйствіе на всю сѣверную Италію и руководимое социалистами.

Съ нимъ то и съ поучительной біографіей его учредителя мы сейчасъ и познакомимся. Общество *Umanitaria* возникло, благодаря пожертвованному, бывшимъ коммерсантомъ Лоріа (который не имѣетъ ничего общаго съ экономистомъ А. Лоріа) 10 милліонамъ франковъ. Просперъ-Моисей Лоріа происходилъ изъ бѣдной еврейской семьи венеціанской области и состояніе свое нажилъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, уѣхавъ сначала въ Триестъ, а затѣмъ въ Египетъ, и сдѣлавъ поставщикомъ египетскаго вице-короля. Его біографъ, социалистъ П. Вилера, рассказываетъ, что въ Египтѣ онъ не брезговалъ ничѣмъ, лишь бы нажечь капиталъ; говорятъ, что торговалъ даже рабами.

¹⁾ Dott. E. Bassi. Le latterie sociali in Italia. Milano, 1900, esp. 63.

Самъ Лоріа, возвратившись съ женой изъ Египта и поселившись для отдыха въ Миланѣ, не любилъ разсказывать о своемъ прошломъ и ни съ кѣмъ, поэтому, не сходясь. Въ Миланѣ онъ завелъ только одного знакомаго, котораго изрѣдка навѣщалъ. По смерти жены съ нимъ жилъ только лакей, хотя у него было нѣсколько братьевъ и племянниковъ. Рождественниковъ онъ не любилъ, съ лавшемъ былъ скупъ, даже во время частыхъ путешествій въ столицы Европы. Но и самъ на себя онъ много не тратилъ. Въ его погребѣ послѣ смерти оказалось только нѣсколько сотъ бутылокъ обыкновеннаго вина. Столъ у него былъ простой. Бѣднымъ родственникамъ подарковъ онъ почти никакихъ не дѣлалъ, а рѣдкихъ гостей угощалъ только хорошими сигарами и кофе.

Овладевъшая Лоріа въ концѣ его жизни идея собрать капиталъ, достаточный для созданія грандіознаго учрежденія на благо бѣднымъ сдѣлала его крайне скупымъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ думалъ, чтобы ему создать такое, что было бы полезно вѣсѣмъ людямъ. Какъ человѣкъ не образованный, онъ думалъ, что одною благотворительностью можно уничтожить нищенство, бродяжничество и безработицу. Не зная, что предпринять и на чемъ остановиться, онъ всюду осматривалъ благотворительныя учрежденія и, въ первыя минуты увлеченія, обшаривалъ даже одному изъ нихъ въ Туринѣ свой капиталъ.

При такихъ широкихъ планахъ и нѣкоторой самоувѣренности, можно представить себѣ его удивленіе, когда миланское городское управленіе отказалось принять пожертвованныя имъ сто тысячъ лиръ. Лоріа полагалъ, что на такія небольшія деньги можно сдѣлать много и ставить городу стѣснительныя условія.

Въ числѣ гласныхъ, голосовавшихъ противъ принятія пожертвованія, находился извѣстный социалистъ Ньокки-Віани, которому было суждено принять въслѣдствіи участіе въ составленіи плана Umanitaria вмѣстѣ съ Лоріа. Дѣло было такъ. Однажды, нашъ капиталистъ былъ мраченъ и безпокоенъ болѣе обыкновеннаго. Онъ извѣздилъ всю Европу, но не нашелъ еще благотворительнаго учрежденія, по образцу котораго могъ бы создать что-нибудь въ Миланѣ. Мучимый сомнѣніями, онъ отиравился къ единственному своему другу, чтобы посоветоваться. Тотъ убѣждалъ его обратиться къ симпатичному социалисту Ньокки-Віани. Это человѣкъ прибавилъ онъ въ высшей степени интеллигентный и ему можно вполнѣ довѣряться.

Лоріа пригласилъ къ себѣ Ньокки-Віани и набросалъ ему планъ работнаго дома и бюро для присканія занятій. Дальше этого мысль капиталиста не пошла, и онъ думалъ, что такими средствами можно уничтожить бѣдность. Съ большіимъ трудомъ удалось Ньокки-Віани убѣдить Лоріа прибавить къ этому проекту пункты о содѣйствіи кооперативнымъ товариществамъ и о профессиональных школахъ для мужчинъ и женщинъ.

Векорѣ Лоріа умеръ, завѣщавъ все свое состояніе на созданіе общества Umanitaria. Тогда зацогтестовали рождественники и туринское благотворительное общество, а исполнители воли завѣщателя, чтобы избавиться отъ многоякихъ процессовъ, откупились отъ нихъ однимъ милліономъ.

Но приступить къ практическимъ занятіямъ обществу все-таки не удалось и послѣ удовлетворенія рождественниковъ и туринскаго общества. Въ 1898 году въ Миланѣ вспыхнула вооруженное возстаніе, а за нимъ послѣдовали обычныя строгости и прищирки властей. Генералъ Вава-Беккариесъ закрылъ общество Umanitaria, найдя, что оно находится въ рукахъ представителей крайнихъ партій изъ состава городского управленія.

Только съ 1902 года общество могло практически приступить къ содѣйствію подъема матеріальнаго и моральнаго положенія трудящихся.

Оно не ограничилось прежними рамками и еще болѣе расширило область своихъ дѣйствій. Оно открыло не только бюро для присѣянія занятій рабочимъ и прислугѣ, профессиональныя школы шитья, домоводства, черченія и т. д., но и построило дома для рабочихъ и вошло въ сношеніе съ биржей труда, добавляя суммы къ субсидіямъ послѣдней, выдаваемымъ безработнымъ.

Однако, насъ интересуетъ болѣе всего то, что сдѣлало описанное общество специально для крестьянъ. Дѣятельность Umanitaria, или точнѣе его аграрнаго отдѣленія, въ деревняхъ сѣверной Италіи началась въ 1905 году. Она проявляется въ слѣдующихъ областяхъ: сельскохозяйственное образование, кооперація и сельскохозяйственная колонизація, организація эмиграціи и присѣяніе занятій.

Для содѣйствія сельскохозяйственному образованию въ связи съ общимъ, Umanitaria ежегодно субсидируетъ странствующія кафедры агрикультуры и школы для неграмотныхъ взрослыхъ крестьянъ. Сельскохозяйственное образование женщинъ тоже не остается безъ вниманія: женская практическая школа сельскаго хозяйства въ Ингвардѣ поддерживается обществомъ очень энергично. Когда союзъ народныхъ бібліотекъ въ Миланѣ учредилъ (это было въ серединѣ 1906 года) специальную секцію для деревень, онъ получилъ субсидію отъ Umanitaria. Кромѣ этого, общество помогаетъ школамъ миланской провинціи, учрежденнымъ для обученія крестьянъ новымъ отраслямъ кустарной промышленности и для усовершенствованія старыхъ.

Содѣйствіе сельскохозяйственной коопераціи является главной цѣлью аграрнаго отдѣленія Umanitaria. Поэтому, оно само учредило и помогаетъ крестьянскому «Союзу потребительныхъ обществъ Ломбардіи», открывъ для него товарный складъ, откуда запасаются отбѣльные общества, и заведя счетоводовъ-инструкторовъ. Далѣе, оно изъ разрозненныхъ коопераций образовало «Провинціальную федерацію артелей и производителей обществъ» и оказываетъ содѣйствіе товариществамъ для коллективной аренды и обработки земли въ Бергамо, Кремонѣ, Пармѣ, Реджіо, Моденѣ, Болоньѣ и Равеннѣ. Помощь оказывается чаще въ формѣ кредита черезъ особый «Институтъ для кредитованія коопераций».

Особенно большое содѣйствіе аграрное отдѣленіе оказало за послѣдніе два года товариеству для коллективной аренды въ Кальвенцано, которое, благодаря этому, обзавелось молочной и фабрикой консервовъ, снабженными всеми усовершенствованными машинами.

Въ Молинезѣ же отдѣленіе само учредило въ 1906 году товарищество для коллективной обработки земли, арендовавшее уже 500 гектаровъ земли за 41,000 лиръ въ годъ, благодаря одолженнымъ «Институтомъ» 100,000 лиръ. На этой землѣ, производившей рисъ, по очереди работаетъ 1000 членовъ. Наконецъ, аграрное отдѣленіе, кромѣ облегченія покупки земледѣльческихъ машинъ, оказываетъ содѣйствіе кооперативнымъ молочнымъ, товариществамъ для страхованія скота, сельскохозяйственнымъ товариществамъ для производства и сбыта шелковичныхъ коконовъ, для возобновленія виноградниковъ, пострадавшихъ отъ филлоксеры и производящимъ обществамъ кустарей¹⁾.

Кустарнымъ промысломъ въ Италіи занимается сельское населеніе, главнымъ образомъ, вслѣдствіе хронической безработицы. По обыкновенію, кустари работаютъ при тяжелыхъ условіяхъ и подвергаются эксплуатаціи скупщиковъ и посредниковъ. Это навело ихъ недавно на мысль о кооперативной организаціи, и теперь существуютъ такіе большіе кооперативы.

¹⁾ Umanitaria e la sua opera Milano, 1906, стр. 122.

какъ товарищество для сбыта корзинъ съ центромъ въ Г. Изданное профессиональной федераціей корзинщиковъ. Этого занято въ Эмилиі 13,499 женщинъ—сельскохозяйственныхъ только 2,146 мужчинъ—батраковъ, поденщиковъ и каменщиковъ.

Аграрное отдѣленіе, кромѣ финансовой помощи, и само производителныя общества кустарей. Такъ, въ С.-Коломбано (миланская провинція) имъ организованы корзинщики, совместно имѣющие нужные имъ матеріалы, совместно сбывающіе продукты и имѣющіе свою большую мастерскую или фабрику. Последней работа въ отдѣльности на дому и мелкое кустарное производство переходитъ въ крупное, кооперативное.

Затѣмъ, оно содѣйствуетъ въ миланской провинціи организаціи производителей стульевъ, парусовъ, кружевъ, зубочистокъ, замковъ и т. д.

Не отказываясь отъ мысли открыть по волѣ завѣщателя Уманитарианскій домъ въ Миланѣ, Umanitaria уже купило 70 гектаровъ земли для устройства сельскохозяйственной колоніи, гдѣ городскіе безработные могли бы себѣ работу на чистомъ воздухѣ.

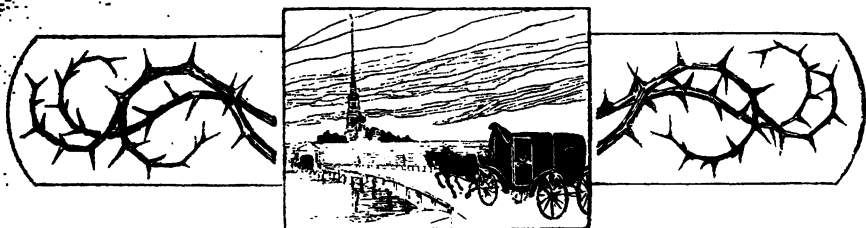
Третьей областью, въ которой аграрное отдѣленіе Umanitaria успѣло уже кое-что сдѣлать, является организація эмиграціи изъ сельскихъ мѣстностей и присканіе занятій. Для облегченія передвиженія сельскохозяйственныхъ рабочихъ, отдѣленіе учредило секретариатъ для эмигрантовъ, переселяющихся въ другія части Италіи. Съ этимъ секретариатомъ бюро для указанія занятій и институтъ переселенческихъ инспекторовъ. Последние, между прочимъ, объѣзжаютъ мѣста, напримѣръ Сардинію и т. д. Италіи, гдѣ ощущается недостатокъ въ рабочихъ рукахъ. Для облегченія положенія рабочихъ на новыхъ мѣстахъ, отдѣленіе выработало образцы сельскохозяйственныхъ договоровъ и правила для функционирования этихъ судовъ. Дѣятельность секретариата для переселенцевъ внутри Италіи согласована съ дѣятельностью секретариата для эмигрантовъ за границей.

Вотъ почти все, что сдѣлало миланское общество для подъема сельского хозяйства въ Италіи.

Отсюда еще разъ съ ясностью вытекаетъ, что благотворительность Umanitaria не прежняя церковная благотворительность, а новая, преобладающая нужду и создающая постоянныя учрежденія, подѣляющая трудящихся. А чтобы этотъ контроль осуществлялся какъ слѣдуетъ, всѣ должности въ обществѣ превращены въ выборныя. Внося только въ годъ, всякій можетъ сдѣлаться членомъ этого общества и принимать участіе въ выборахъ. Правленіе выбирается изъ свѣдущихъ лицъ, и преимущественно писателей-экономистовъ, съ добавленіемъ нѣсколькихъ новъ городского управленія, съ которыми общество съ самаго начала имѣло связь. Въ числѣ руководителей Umanitaria въ настоящее время находятся публицисты и ученые-соціалисты: А. Скиави, профессоръ сельского хозяйства, Самоджіа и т. д. Когда проходятъ выборы въ Umanitaria (разъ въ два года), въ городѣ Миланѣ царитъ не меньшее оживленіе, чѣмъ во время муниципальных и даже парламентскихъ выборовъ.

Въ заключеніе скажемъ, что кромѣ практической дѣятельности Umanitaria занимается и теоретической, научной, производя анкеты и издавая такіе научные труды, которые очень полезны, но не ходки съ научной точки зрѣнія. Изъ опубликованныхъ имъ анкетъ отмѣтимъ о положеніи сельскохозяйственныхъ рабочихъ на рисовыхъ поляхъ, объ эмиграціи, о безработицѣ, о профессиональныхъ союзахъ въ Миланѣ, о населеніи города Милана и т. д.

В. Тотоміанцъ.

В. Вейнштокъ).

Въ больницѣ Николая Чудотворца.

(Изъ пережитого).

Когда меня перевели съ буйнаго на испытуемы, я былъ такъ слабъ, что не держался на ногахъ, не былъ въ силахъ поднять кружку воды, а долженъ былъ двигать ее и наклонять.

Въ головѣ былъ полный сумбуръ: болѣе 3-хъ мѣсяцевъ,—почти четыре—на буйномъ, среди безсознательныхъ помѣшанныхъ—не прошло даромъ. Часто, при всемъ напряженіи, я не могъ разграничить области здоровой мысли отъ фантазій. Тутъ мнѣ много помогъ Л., котораго я не стѣснялся спрашивать и который, отвѣчая мнѣ, имѣлъ деликатность никогда не шутить и не смѣяться надъ моими порою дикими вопросами.

Послѣ этого періода колебанія умственные способности вовсе упали, я не могъ читать, и ничего не понималъ. Докторъ посоветовалъ взять самый легкій романъ; я взялъ Рокамболя и не понималъ прочитаннаго.

Сознавалъ я ясно, что совершенно отупѣлъ, понималъ, что это результатъ долгой отчаянной борьбы съ помѣшательствомъ, но терзаться этимъ было некогда. Умнымъ или дуракомъ,—я хотѣлъ быть свободнымъ.

А для этого надо было, какъ можно скорѣе возстановить силы. Не было аппетита, было скучно безъ дѣла.

Я скоро нашелъ средство отъ всего. Надзиратели обязаны были каждое утро въ 7—8 час. вымыть все отдѣленіе, т. е., большой, широкій корридоръ, столовую, 3 большихъ камеры и 4 малыхъ; затѣмъ все это надо было тщательно натереть воскомъ. Последнее мнѣ никогда не удавалось и ихъ часто увольняли. Тогда я заключилъ съ ними такое условіе: я берусь исполнять всю эту работу, а они обязуются на мои деньги покупать и приносить мнѣ тайкомъ водку, махорку (запрещенныя въ больницѣ) и все, что понадобится.

Въ 3—4 часа дежурный надзиратель будилъ меня и передавалъ бутылку, которую я пряталъ, и тихо вставъ, принимался за работу. Когда послѣдняя камера была вымыта, первая уже высыхала, и часамъ въ 8-мъ все было натерто воскомъ и блестяло такъ, что ни врачъ, ни смотритель ни разу не дѣлали служителямъ ни малѣйшаго замѣчанія.

Смѣняясь, служители передавали преемнику наше условіе, и все было довольно.

Кончивъ работу, усталый, какъ собака, но бодрый, я мылся и, «для проформы» предложивъ сосѣдямъ, выпивалъ «съ устатку» двѣ большихъ кружки водки, послѣ чего пилъ чай и падалъ хлѣбомъ.

Моимъ сосѣдей ужасало это питье натошакъ; но среди мастеровыхъ и рабочихъ такъ казалось лучше всего. Другимъ вредна такая діета, но я чувствовалъ себя величайшей тяжелой работы и полушитофа я былъ въ самомъ радужномъ настроеніи. Силы быстро прибывали, и я замѣтно окрѣпъ.

Успокоившись на томъ, что голова назначена для того, чтобы звать галстукъ, я прекратилъ попытки съ чтеніемъ и всѣ усилія на укрѣпленіе силъ и изобрѣтеніе плана побѣга. Скоро мы заговорили объ этомъ съ И. Нашелся и третій компаньонъ. Начались обсужденія и приготовленія всего необходимаго.

Съ врачами и администраціей больницы у меня часто были разговоры о причинѣ моего ареста и когда я постоянно рассказывалъ и ту же исторію о простомъ и неосновательномъ подозрѣніи, меня уверяли, что скоро меня выпустятъ, недоумѣвали надъ причинами пораненія, строгаго предписанія обо мнѣ и приписывали это желанію раздѣла кое дѣло.

Два раза въ недѣлю бывали свиданія. Ко мнѣ также приходили иногда родственники, а иногда я и такъ ухитрялся проскочить въ нату свиданій и не упускалъ ни одного случая, чтобы обрисовать истинномъ свѣтѣ положеніе больныхъ и настойчиво совѣтовалъ людямъ при малѣйшей возможности брать своихъ несчастныхъ родственниковъ, которымъ въ больницѣ грозила гибель. Многие исполняли мое вѣтъ, а мои рассказы производили впечатлѣніе, которое ни въ какой чаѣ не увеличивало ко мнѣ симпатій врачей.

Однажды, когда я былъ на свиданіи съ матерью, въ дверяхъ лѣстницы пронзительно шумъ, борьба, и взволнованный, растрепанный, мнѣ проскочилъ молодой человѣкъ и быстро шепнулъ мнѣ:

— «Мы собрали 2.000 р. на побѣтъ!» и сообщилъ адресъ Еллиной.

Молодого человѣка заставили уйти, но онъ исполнилъ то, что пришелъ.

Это былъ Солодовниковъ. Я съ нимъ когда-то встрѣтился въ одной кружкѣ и такъ какъ онъ произвелъ на меня впечатлѣніе слишкомъ дѣловитого и дилетанта, то я со своей обычной грубостью ему это высказавъ, посовѣтовалъ не мѣшаться въ дѣла, гдѣ онъ только зря погибнетъ. Слѣдствіи и онъ, и Е. по извѣстному дѣлу объ убійствѣ Мякотина, но на 20 л. на Сахалинѣ. Но объ этомъ всемъ я расскажу послѣ.

Доктора неоднократно передавали мнѣ, что къ нимъ постоянно явится съ разпросомъ обо мнѣ масса народа и я не сомнѣвался, что мои добрые друзья—рабочіе. Отъ нихъ же я получалъ увѣдомленіе, дѣло мое принимаетъ скверный оборотъ, и чтобы я ускорилъ побѣтъ.

Явившаяся со стороны помощь Е. и С., которые предложили большую сумму денегъ и безопасный пріютъ, значительно упростила роль о побѣтъ. Планъ у насъ былъ выработанъ, все нужное я доставилъ черезъ служителей, за которыхъ работала.

Неблагодариміе товарищи и предательство погубило великолѣпный планъ.

Въ концѣ корридора, противъ нашей камеры, была дверь на наружную лѣстницу, запертая наглухо. По нашему расчету по этой лѣстницѣ можно было пройти на корридоръ, гдѣ была квартира врачей.

Главный врачъ довольно часто уѣзжалъ со своей семьей на вечеръ къ брату. Въ такой вечеръ мы должны были, усыпивъ служителей, вынуть стамезкой филенку въ двери, вылѣзти осторожно и укрѣпиться снова. Спуститься тихо внизъ. Если есть внизу постъ, то, не ожидая напасть, связать. Прокрасться къ квартирѣ главнаго врача. На званіи

открыть дверь горничная; ее связать, тоже съѣздить и съ кухаркой. Забравъ одежду, переодѣвшись и оставивъ приличную случаю записку, спокойно уйти въ качествѣ гостей, бывшихъ у кого-нибудь изъ врачей.

И настойчиво требовать, чтобы никого, абсолютно никого, не посвящали въ наши планы; по одинъ изъ нашихъ товарищей по легкомыслию рассказалъ Соловейчику и Гуляницкому, считая ихъ выше подозрѣній. а меня просто мнительнымъ.

Черезъ нѣсколько дней, отираваясь на свободу, Гуляницкій выдалъ нашу тайну въ конторѣ.

Полагая, что я ни въ чемъ серьезномъ не замѣщаю, большого значенія этому доносу не придавали: конторскій писарь рассказывалъ объ этомъ, какъ о нелѣпости, со смѣхомъ. Но во всякомъ случаѣ было сообщено, что такъ какъ я поправился, то меня опасно держать въ больницѣ.

Положеніе стало отчаяннымъ! Мы тотчасъ придумали другой почти безнадежный планъ—побѣгъ черезъ окно.

Приготовивъ инструментъ, начали плыть ночью, на три смѣны, массивную двойную рѣшетку.

Днемъ, когда Родіонъ лежалъ на подоконникѣ въ столовой, задралъ вверхъ голову и ноги, онъ вдругъ вскопчилъ на подоконникъ, затѣмъ постѣпно позвалъ меня въ мою камеру. Не говоря ни слова, онъ вскопчилъ на окно и, соскочивъ, хлопнулъ меня такъ по плечу, что я присѣлъ.

— «Слава Богу! при матушкѣ-Екатеринѣ нѣмцы были такіе же дошенники, какъ и теперь. Нѣмчура, что эту тюрьму строилъ, укралъ желѣзо, а наверху полосу деревянную поставилъ: она теперь какъ труха стала. И сейчасъ въ столовой замѣтилъ, да не повѣрилъ!»

Вечеромъ мы смѣрили высоту. Оказалось 16 арш.

Изъ украденныхъ простынь и изъ своихъ мы стали вить веревку.

Меня смущало, какъ мы безъ приспособленій справимся съ укрѣпленной на ребро рѣшеткой и какъ я совершенно еще больной и слабый, спущусь. Первое Родіонъ бралъ на себя, а спустить обѣщалъ въ простой петлѣ.

Въ эту ночь, какъ на зло, кто-то изъ врачей выпустилъ собаку, которая отчаянно выла на дворѣ. Пришлось отложить побѣгъ до слѣдующей ночи, спрятать въ тайникахъ все припасы.

Планъ былъ простъ: спустившись, мы должны были безшумно приставить къ оградѣ желѣзную скамью; первый, взобравшійся на ограду, долженъ потушить фонарь и затѣмъ всѣмъ спасаться.

— Съ вечера я угостилъ служителей чаемъ съ вареньемъ и, разумѣется, послѣ моего угощенія они спали мертвымъ сномъ.

Я сталъ на «стрѣму»¹⁾, а Родіонъ принялся за рѣшетку. Глядя на него, я пришелъ въ ужасъ. Упершись ногами о вторую поперечную перекладину, онъ потянулъ за освобожденный сверху конецъ двоймоваго бруса, и брусъ подался; тогда, извернувшись, онъ налегъ на него со всей своей чудовищной силой, и не только согнулъ, но и выгнулъ его внизъ и наружу. Читатель можетъ судить о трудности этой операціи по тому что въслѣдствіи экзертиза передъ имѣющимъ на лицо фактомъ все-таки признала, что трое, какими бы они сначала ни были, рѣшительно не могутъ произвести подобную работу, безъ сложныхъ механическихъ приспособленій.

Отверстіе было готово. Шнуръ быстро прикрѣпленъ съ противоположнаго края окна, чтобы изъ шнурныхъ петель не было видно скользятъ внизъ тѣни.

¹⁾ Стрѣжу.

— Въ послѣднюю минуту рѣшимость покинула насъ. Они стояли, въ смущеніи спрашивая, кому же лѣзть наверхъ. При такомъ оборотѣ дѣла не было мѣста для раздумья. Было во что бы то ни стало вдохнуть нмъ энергію, иначе ни минуты не колеблясь, я сказалъ: «Конечно, я!» и выбрался за окно.

Карнизъ, на которомъ я стоялъ, былъ очень обледенѣлый. Пожавъ руки взволнованнымъ товарищамъ, я взялся за шнуръ, находящійся съ противоположной стороны окна.

Когда я отпустилъ лѣвую руку, чтобы ею схватиться за шнуръ, я качнулся, ноги скользнули и на мигъ я повисъ на одной рукѣ: запястье сорвалось, не выдержавъ тяжести, и тѣлъ внизъ съ одной мыслью, что малѣйшій звукъ погубитъ товарищей.

Страшно напряженные нервы были причиной, что, потерявъ я быстро очнулся. Кругомъ было тихо... Я лежалъ грудью на вѣтхой теплой липкой лужѣ. Это была кровь, хлынувшая горломъ.

Правая рука была мертва; лѣвой я ошупывалъ себя. Была лѣвая нога, помята грудь и голова совершенно разбита.

Кругомъ ни звука... Товарищи или струсили, или ушли, считая убитымъ.

Терять времени было нечего. Я досталъ складной ножъ и, съ большимъ усиліемъ, попытался подняться. Надо было пока возбужденіе давало мнѣ власть надъ смертельной слабостью, бы удалось перенести скамью, и я спасенъ.

Въ это время послышались шумъ голосовъ, и я былъ окруженъ.

— «Не подходи, а то убью!» съ трудомъ крикнулъ я и съ вѣселою улыбкою, не человѣческимъ усиліемъ воли преодолевая слабость, боль, самъ взомель на верхній этажъ.

Дежурному врачу я спокойно отдалъ ножъ и заявилъ, что всѣ участники не было, что все было организовано и исполнено однимъ.

Послѣ этого я лишился сознанія... Сколько времени я пробылъ безсознательнъ, я рѣшительно не знаю, но, когда я очнулся, я почувствовалъ, что закрытъ съ головой простыней и слышалъ надъ головой съ большимъ усиліемъ, я сбросилъ простыню съ лица и увидѣлъ, что погачъ моихъ сидитъ Сильковъ и плачетъ въ голосъ.

Я сразу вспомнилъ все. Сильковъ, считавшій меня уже мертвымъ, очень обрадовался. Но мнѣ было трудно говорить и при всякомъ движеніи губами ощущалась мучительная боль.

Послѣ нѣсколькихъ опытовъ я убѣдился, что нижняя челюсть сломана какъ разъ по срединѣ и обломки разрываютъ мускульные ткани при движеніи: затѣмъ разбита, но, повидимому, не очень серьезно, лѣвая сторона головы, сломана правая ключица и сорвано правое запястье, правую руку свело, и она совершенно бездѣйствительна. Но это единственное не представляло и требовало 4—6 педѣлъ для полного выздоровленія.

Хуже всего было, что шла кровь горломъ, что указывало на тѣсное поврежденіе.

Лежалъ я въ комнатѣ, куда уносили умершихъ и лежалъ на покрытой простыней, на положеніи мертвого.

Это показалось мнѣ немного преждевременнымъ.

Сильковъ пошелъ требовать, чтобы ко мнѣ пришелъ хирургъ съ перевязку, но вскорѣ вернулся очень взволнованный и раздразненный, говоря, что дежурный врачъ отвѣтилъ, что все-равно умереть.

Сильковъ прорвался ко мнѣ силою: его не хотѣли пускать, но вынуждены были уступить.

Прошло еще два дня, пока, наконецъ, сообразовали по настоящему требованію Силькова послать ко мнѣ женщину-врача-хирурга съ жезла-скаго отдѣленія—Головину.

Была ли это случайность или глумленіе со стороны администрации—судить не берусь, но читатель пойметъ въ высшей степени тяжелое состояніе обнаженного человѣка, осматриваемаго женщиной. Чтобы скрыть чувство жгучаго стыда, я старался спокойно говорить о своихъ переломахъ, о ранахъ вообще и проч., потому что легче, когда говоришь. Но чего это мнѣ стоило при сломанной челюсти.

Когда администрации было сообщено, что—по моему сложенію—я могу, выжить, былъ, наконецъ, вызванъ на-утро хирургъ Александровъ изъ Магдалининской больницы.

Вмѣсто того, чтобы наложить перевязку, онъ демонстрировалъ Гоговиной «чудный» переломъ челюсти. Взявъ ее пальцами обѣихъ рукъ и двигая въ противоположныя стороны, вызывалъ легкій скрипъ кости о кость и такую нестерпимую боль, что у меня потъ лилъ со лба и въ тѣлу. Головина уговаривала, чтобы онъ пересталъ, но хирургъ увѣрялъ, что это «ничего».

Я ничего противъ этого не имѣлъ: действительно любопытно слышать, какъ скрипятъ обломки кости, раздирая попутно живое мясо. Но я былъ очень удивленъ, когда вмѣсто того, чтобы связать, какъ я просилъ, проволокой расходящіеся зубы, онъ только перевязалъ расходящіеся позвонки головы, на томъ основаніи, что я не дѣвушка—«и такъ заживетъ». Когда же я просилъ наложить специальную повязку на ключицу, онъ отвѣтилъ, что это долго, что достаточно косынки, а я, какъ изучившій хирургию и анатомію, знаю вѣдь, какъ держать руку, чтобы ключица правильно срослась.

Что можно было говорить при такихъ условіяхъ! Да, въ концѣ концовъ, это не было такъ важно.

Въ результатъ у меня косо срослась челюсть и зубы разошлись на полъ-сантиметра, а ключица, начавшая затягиваться хрящемъ, дней черезъ пять сломалась снова и срослась криво.

Первые дни меня изолировали ото всѣхъ.

Въ это время меня очень тронуло вниманіе бродяги Емельянова и раббы Гибберта.

Емельяновъ на послѣдніе гроши покупалъ молока и мясныхъ булокъ и передавалъ мнѣ, а раббы Гиббертъ, цѣлалъ табаку и тетрадь бумажекъ карандашемъ.

— «Вашъ братъ безъ писанія вѣдь жить не можетъ».

Этимъ я питался до перевода на испытуемыя.

Писать мнѣ приходилось учиться лѣвой рукою, потому что правая была сведена. Но я не терялъ надежды и принялся за массажъ руки. Мѣсяца два усерднаго массажа вернули мнѣ погибшую руку, но послѣдствіемъ рука временами отказывалась служить и на шахтовой работѣ, гдѣ нужно часто и сильно бить на буру 6-ти фунтовымъ молоткомъ мнѣ приходилось забинтовывать запястье, чтобы рука не «развивалась».

Вообще же съ этихъ поръ окончательно погибла моя сила, а съ нею ослабѣла рѣшительность.

Дней черезъ пять меня перевели опять на испытуемое отдѣленіе, а я тотчасъ же сталъ обдумывать планъ побѣга. Для него надо было использовать время слѣдствія по преступленіямъ, предусмотрѣннымъ 309 и 312 ст. Улож. о нак., т. е. побѣгъ со взломомъ рѣшетки и насильемъ на въ сторожъ.

Къ удивленію надзирателей и стражи я тотчасъ же принялся снова за мытье и уборку.

Безъ я ничего не могъ. Я зналъ теоретически, что спиртные напитки должны препятствовать сращенію костей и потому строго воспрещаются. Но такъ какъ терять было нечего, то я сталъ снова выпивать по бутылкѣ воды. Но вскорѣ я попался. На 8-й или 9-й день явился хирургъ Александровъ, очень рано, чтобы меня осмотрѣть, и засталъ меня какъ разъ въ моментъ, когда я только что кончить работу, выпивъ свою порцію.

Онъ остоленѣлъ, видя, что я работаю. Я объяснилъ, что безъ дѣла скучно. Онъ замѣтилъ, что отъ меня несетъ какъ изъ бочки: это его совсѣмъ ошеломило. Онъ сталъ укорять меня въ нарушеніи самыхъ элементарныхъ правилъ хирургіи, но, осмотрѣвъ, признать, что все великолепно сростается, а ключица хотя и криво (изъ-за второго перелома), но, зато во второй разъ.

— «Ну, значитъ, это вамъ на пользу», сказалъ онъ, одобрявъ еще разъ мой организмъ.

Я почувтилъ, что, можетъ быть, водка, ускоряя кровообращеніе, и вызвала ускоренное сращеніе.

Между тѣмъ началось следствие.

Смѣнилось два сѣдователя, не добившись ничего новаго, кромѣ тѣхъ показаній, которыя я далъ въ самомъ началѣ.

Какъ сказано было раньше, экспертиза специалистовъ высказала убѣжденіе, что даже нѣсколько очень сильныхъ людей, безъ специальныхъ орудій, не въ состоянн согнуть такимъ образомъ желѣзный дюймовый шестъ, поставленный на ребро.

Высоко компетентно было данное по этому поводу показаніе Родіона. Разгорячившись, онъ вскрикнулъ:

— «Чего они шепчутъ! Дайте мнѣ такой пруть и я вамъ узелъ завяжу! А Вейнштоктъ былъ сильнѣе меня», добавилъ онъ спохватившись. Я, конечно, скромно убѣждать, что согнулъ самъ рѣшетку, а такъ какъ въ то время было уже совершеннымъ казнью, то доказать противнаго, конечно, было невозможно.

Пробовали меня поймать на томъ, что скрѣпленіе шнура произведено морскими узлами. Предвидя это, я напрактиковался заблаговременно вязать эти узлы и, къ полному смущенію сѣдователя, одной лѣвой рукой завязать такой узелъ, причемъ указать, что онъ иногда употребляется для хирургическихъ повязокъ, и я знаю его изъ хирургіи. Спросили хирурга, тотъ не могъ не подтвердить, что такой узелъ не хуже всякаго другого и имѣетъ преимущества, хотя онъ лично его не знаетъ.

Но, если судебное следствие ничего не добилося, зато судебно-медицинская экспертиза дала, по обыкновенію, блестящіе результаты.

Признаться, читая заключенія судебно-медицины, я всегда поражался общностью этой науки и тѣми блестящими результатами, какихъ она достигаетъ, освѣщая темныя подробности преступленій.

Увы! здѣсь также все оказалось очень просто!

Явился врачъ-экспертъ съ секретаремъ. Онъ спросилъ меня, какъ я получилъ поврежденія и при какихъ обстоятельствахъ. Я въ общихъ чертахъ удовлетворилъ его любопытство.

«Прекрасно. Начнемъ по порядку. Какимъ образомъ вы могли забить голову?»

«Я думаю, что инстинктивно хватаясь за шнуръ, я долженъ былъ стукнуться о карнизы оконъ».

«Прекрасно. Внимите», обратился онъ къ секретарю.

И продеклавировалъ обычную формулу, что такого-то числа, такой-то врачъ,

произведя судебно-медицинскую экспертизу по такому-то поводу, напечатать: «Сильныя поврежденія покрововъ лѣвой стороны головы, которыя могли произойти отъ удара вскользь тупымъ орудіемъ или при паденіи съ высоты отъ удара головой о какой-нибудь выступъ стѣны, напр., карнизъ», онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ «Какъ, по-вашему, могла сломаться челюсть?»

— «Или также о карнизъ, или при окончательномъ паденіи на камни, такъ какъ я очутился лицомъ внизъ».

— «А съ какой высоты вы упали?»

— «16 аршинъ».

Врачъ подошелъ къ окну, выглянулъ и одобительно произнесъ:

— «Чортъ побери, высоко! Пишите», обратился онъ къ секретарю. «Обнаружена полная фрактура нижней челюсти, могущая произойти отъ сильнаго удара снизу тяжелымъ тупымъ орудіемъ или при паденіи лицомъ внизъ на камни съ высоты приблизительно 15—17 аршинъ».

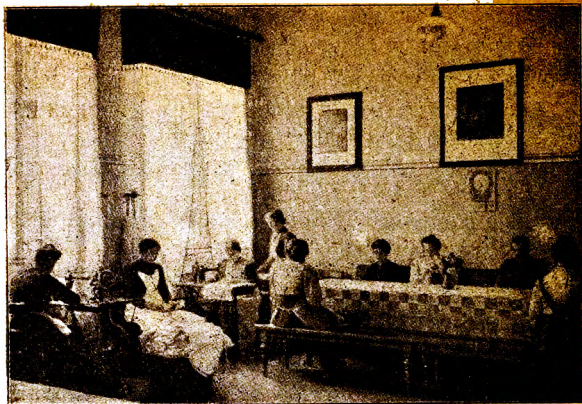
Были далѣе (съ моихъ словъ) высказаны поразительно глубоко-мысленныя и согласныя съ истиной соображенія объ условіяхъ, при которыхъ было сорвана заплата, сломана ключица, помята грудь, повреждена нога.

Читающій протоколъ освидѣтельствованія, конечно, можетъ только поражаться, какъ простое изслѣдованіе ранъ даетъ возможность точно установить условія ихъ полученія. Но для меня, участвовавшаго въ этой комедіи, разумеется, стали понятны причины точности и опредѣленности выводовъ.

Несмотря на то, что врачи признали, что у меня быстро развивается чахотка, и я обреченъ на смерть, меня перевели въ крѣпость подѣли черезъ двѣ послѣ побѣга.

Викторъ Вейнштокъ.

Помѣщанія женщины въ швейной мастерской.

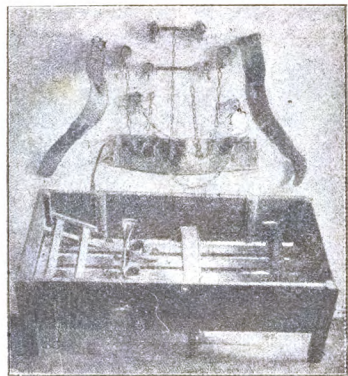
Докторъ Вюртъ.

ДОМА ДЛЯ УМАЛИШЕННЫХЪ ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ.

Къ своему стыду психіатры должны сознаться, что различнаго рода предубѣжденія противъ несчастныхъ душевно больныхъ до сихъ поръ столь же живучи, какъ и сто лѣтъ тому назадъ. Поворотнымъ пунктомъ въ исторіи лѣченія умалишенныхъ является май 1789 года, когда врачъ Пинель велѣлъ снять кандалы въ сумасшедшемъ домѣ Бисетръ около Парижа съ 49 больныхъ, изъ коихъ одинъ томился въ оковахъ 36 лѣтъ, а другой даже 45. Примѣру его послѣдовали какъ его современники, такъ и послѣдующія поколѣнія врачей, но взгляды общества на духъ и способности лѣченія больныхъ и на наиболѣе важный при этомъ факторъ—спеціальныя заведенія—мало соотвѣтствуютъ произведеннымъ съ тѣхъ поръ крупнымъ измѣненіямъ. Несмотря на всѣ попытки врачей со времени Пинеля разъяснить своимъ согражданамъ ошибочность ихъ взглядовъ, еще многіе до сихъ поръ держатся самыхъ дикихъ представлений объ устройствѣ лѣчебницъ.

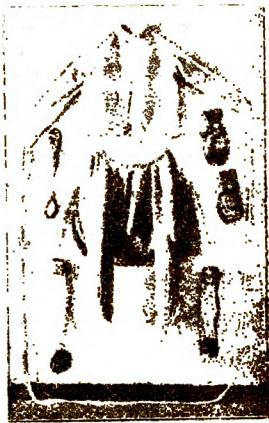
Предоставить всѣмъ желающимъ свободный доступъ въ лѣчебницы невозможно, да и нежелательно въ интересахъ самихъ больныхъ; гораздо проще, по моему, изложить всѣ успѣхи въ области лѣченія душевно больныхъ, иллюстрируя текстъ фотографическими снимками, которые своей неоспоримой вѣрностью оригиналу лучше всего въ состояніи убѣдить недовѣрчиваго читателя, что наши слова не являются плодомъ праздной фантазіи. Истекшее столѣтіе обогатило психіатрію двумя слѣдующими положеніями: 1) душевныя болѣзни излѣчимы и 2) лѣченіе (въ особенности буйныхъ) возможно безъ примѣненія орудій насильственнаго усмиренія. О возможности лѣченія умалишенныхъ, по крайней мѣрѣ въ широкихъ размѣрахъ, въ прежнее время и понятія не имѣли. Всѣ мѣропріятія обуславливались поэтому исключительно соображеніями общественнаго порядка и безопасности, вслѣдствіе чего больныхъ заключали въ тюрьму, рабочіе дома, лазареты и при томъ въ наиболѣе плохія и глухія помѣщенія. Единственною цѣлью было сдѣлать больныхъ неопасными, при чемъ не останавливались ни передъ какими средствами. Закованные въ цѣпи больные гибли отъ грязи и лишеній, и надъ входомъ въ ихъ помѣщенія грозно возмались слова Данте: «Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate.»—это разъ

переступили черезъ порогъ этихъ домовъ, тотъ ужъ пропасть навсегда. Только установленіе излѣчимости душевныхъ болѣзней привело къ тому, что больныхъ стали помѣщать въ спеціальныя лѣчебницы, разъединяли ихъ тамъ и подвергали особому лѣченію, соответственно характеру болѣзни. Благодаря настойчивой дѣятельности врачей, попеченію объ умалишенныхъ стали при-
давать съ этого времени все болѣе и болѣе серьезное значеніе среди другихъ вопросовъ общественнаго благоустройства, и вмѣстѣ съ тѣмъ подверглось крупнымъ измѣненіямъ главное средство этого попеченія—дома для умалишенныхъ, которые согласно успѣхамъ техники и новымъ, болѣе совершеннымъ способамъ лѣченія были сильно преобразованы и съ внутренней и съ внѣшней стороны. Примѣръ англійскаго психіатра Конолли, упразднившаго уже въ 1839 г. въ самой большой англійской лѣчебницѣ въ Гонзуэлъ всякія орудія усмиренія и возведшаго въ принципъ систему непринужденія (Nonrestraintsystem), нашелъ отелікъ у его современниковъ, такъ что въ концѣ столѣтія (прошлаго) мало-по-малу окончательно вышли изъ употребленія смирительныя стулья и кровати, цѣпи, желѣзныя кандалы для рукъ и ногъ, смирительная рубашка, которые теперь составляютъ лишь историческую достопримѣчательность научныхъ коллекцій. Подобными орудіями служили: смирительные стулья, приковывавшіе больныхъ къ мѣсту и не давашіе имъ вставать, смирительная кровать, гдѣ больной лежалъ на толстыхъ доскахъ, къ которымъ въдобавокъ при-
крѣплялся руками и ногами, и серія цѣпей, могущихъ, по своей тяжести и крѣпости, занять почтенное мѣсто въ любомъ музеѣ орудій пытокъ. На одной изъ картинъ изображена смирительная рубашка, изъ толстой нарусынной короткая, завязывающаяся сзади, съ длинными рукавами, спереди защитными и снабженными длинными ремнями, такъ что ими можно связывать скрученные на спинѣ руки; далѣе крѣпкія кожаныя перчатки для рвущихъ платіе или наносящихъ себѣ поврежденія больныхъ.

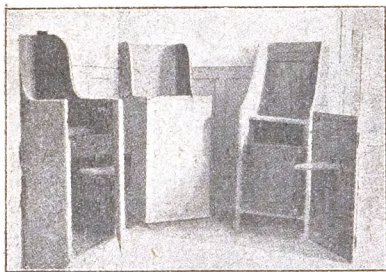
Смирительная постель и наручники (теперь не употребляются).

Если кто хочетъ оцѣнить преимущества современныхъ методовъ лѣченія, тотъ долженъ ознакомиться съ приспособленіями, бывшими въ ходу лѣтъ 50 или 80 тому назадъ: они громче всякихъ словъ свидѣтельствуютъ о господствовавшихъ тогда воззрѣніяхъ. По духу того времени, который отразился на всѣхъ этихъ приспособленіяхъ, уступилъ теперь мѣсто другимъ, болѣе гуманнымъ взглядамъ. Можно себѣ представить, каково современному психіатру читать въ книгахъ того времени объ удачныхъ результатахъ лѣченія кровопусканіемъ, прикладываніемъ нарывныхъ мазей къ головамъ, ваннами, холодными духами и, вообще, о всей системѣ интимидаціи (т. е. возбужденія сильныхъ ощущеній боли и страха), какъ о годномъ и даже хорошемъ средствѣ. А между тѣмъ всѣ эти жестокосты

Смирительная рубашка, кожаные кандалы и перчатки, употреблявшіеся раньше для больныхъ помѣщенныхъ.

отъ которыхъ мы теперь уже, слава Богу, отрѣшились, вызваны были самыми честными и благими намѣреніями и являлись первой попыткой лѣченія душевно больныхъ. Слѣдствіемъ этого было распространеніе самыхъ дикихъ представлений и предразсудковъ среди широкихъ слоевъ населенія. Но не станемъ укорять въ этомъ нашихъ предшественниковъ-врачей, такъ какъ при всей своей суровости ихъ обращеніе съ больными было въ

Употреблявшіеся раньше смырительныя стулья для намѣшанныхъ.

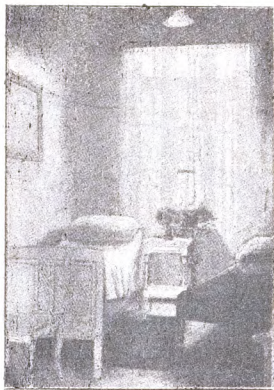
тысячу разъ мягче, чѣмъ отношеніе къ тѣмъ же больнымъ современнаго общества.

Теперешніе дома для умалишенныхъ мало чѣмъ напоминаютъ прежнія мрачныя помѣщенія и пріюты; по своему устройству они тѣ же лѣчебницы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ особенностей, соотвѣтственно специальнымъ задачамъ подобныхъ домовъ; все здѣсь приспособлено къ тому, чтобы больной могъ пользоваться отдыхомъ, столь необходимымъ его измученному мозгу, и вмѣстѣ съ тѣмъ наслаждался бы

уютной жизнью, а также свободой, поскольку она осуществима въ этомъ маленькомъ мірѣ безъ вреда для другихъ.

Но здѣсь мы, конечно, въ меньшихъ размѣрахъ встрѣчаемся со всѣми и свѣтлыми и мрачными сторонами жизни, такъ какъ природа оставляетъ душевно больнымъ всѣ тѣ качества, которыми она одаряетъ здоровыхъ людей, и не мало «сумасшедшихъ» способны къ гораздо болѣе возвышеннымъ и благороднымъ чувствамъ, нежели многіе здоровые.

Всѣ постороннія лица, которыхъ я знакомилъ съ жизнью и дѣятельностью домовъ для умалишенныхъ, были поражены прежде всего тѣмъ, что имъ попадалось такъ мало «буйныхъ». Безотрадныя зрѣлища и почти ежедневно попадающіяся въ газетахъ сообщенія о насиліяхъ, содѣянныхъ умалишенными, ступаютъ въ мозгу многихъ въ чудовищное представленіе о заведеніяхъ для умалишенныхъ, какъ о мѣстопробываніи озвѣрѣвшихъ отъ бышенства людей, постоянно угрожающихъ своимъ ближнимъ и себѣ самимъ. Другіе разсматриваютъ лѣчебницы только съ ихъ смѣшной стороны и ищутъ въ нихъ матеріалъ для своего дешеваго остроумія. Пускай думаютъ о лѣчебницахъ, что и какъ угодно, но отпущать плоскія остроуты надъ ними и столь несчастными и такъ нуждающимися въ помощи ихъ обитателями, это болѣе, чѣмъ неумѣстно и отвратительно.

Прежняя камера, обращенная въ одиночную комнату.

Послѣ этихъ замѣчаній общаго характера, да позволять мнѣ читатели описать имъ жизнь современнаго большого дома умалишенныхъ, иллюстрируя все фотографическими снимками. Прежде всего читателей заинтересуетъ, вѣ-

роятно, слѣдующій вопросъ: какимъ принципомъ руководствуются при размѣщеніи больныхъ? Помѣщаютъ ли вмѣстѣ легко возбуждающихся со спокойными, богатыхъ съ нуждающимися, излѣчимыхъ съ неизлѣчимыми, или же всѣ эти категоріи тщательно разъединены по роду болѣзни? На это необходимо отвѣтить, что, главнымъ образомъ, принимается

во вниманіе общительность больного. способность его приспособиться къ новымъ порядкамъ (приходится считаться и съ другими обстоятельствами, но тѣ уже не имѣютъ первостепеннаго значенія). Такимъ образомъ, имѣются прежде всего отдѣленія полуспокойныхъ, спокойныхъ, спокойныхъ и занимающихся больныхъ. Что касается спокойныхъ, то ихъ теперь больше не валяютъ, подобно навозу, въ кучу, въ отдѣленія для такъ называемыхъ «буйныхъ». съ крѣпко приколоченой мебелью, а стараются большею частью помѣстить ихъ вмѣстѣ съ тупоумными или равнодушными чтобы ихъ припадки не могли оказать неблагоприятнаго дѣйствія на поведеніе сожителей. Безпокойство больныхъ, о чемъ я буду еще говорить ниже, есть извѣстный симптомъ, нуждающійся въ лѣченіи и внимательномъ уходѣ, а самое названіе отдѣленій «безпокойными» указываетъ лишь на родъ помѣщаемыхъ въ нихъ больныхъ, а отнюдь не на вѣчные крики и шумъ.

Далѣе, принято разъединять вновь прибывающихъ больныхъ отъ старыхъ. Вполнѣ естественно, что человекъ, за которымъ впервые закрываются ворота лѣчебницы, нуждается въ особенно заботливомъ уходѣ и врачебной помощи. Нерѣдко онъ является въ заведеніе съ тѣмъ же предвзятымъ мнѣніемъ, какъ и его здоровые собратья, иногда онъ даже не убѣжденъ въ наличности у него болѣзни, и ему все мерещится, что его подстерегаютъ и преслѣдуютъ. Въ такихъ случаяхъ необходимо дать измученному мозгу успокоиться; необходимо, чтобы первыя ощущенія, особенно сильно запечатлѣвающіяся въ душѣ запуганнаго больного, были, по возможности, благоприятныя, а для этого нужно его окружить такой обстановкой и отвести ему такое помѣщеніе, которыя могли бы ему внушить полное довѣріе. Таковымъ является, такъ называемое, наблюдательное отдѣленіе; здѣсь больные первое время проводятъ въ постели, гдѣ имъ можетъ быть удѣленъ наиболѣе тщательный уходъ, тѣмъ болѣе, что лежачій образъ жизни связанъ и съ отдыхомъ для мозга, а служебный персоналъ, и денно и нощно охраняющій больного, имѣетъ возможность слѣдить за всѣми болѣзненными проявленіями, облегчая тѣмъ врачу установленіе болѣзни. Большой лѣчебницѣ необходимъ цѣлый рядъ подобныхъ отдѣленій съ различной обстановкой, сообразно съ общественнымъ положеніемъ, образованіемъ, тѣмъ или инымъ характеромъ болѣзненныхъ проявленій. Не безъ внутренняго удовлетворенія можно констатировать, что въ новой обстановкѣ больные въ большинствѣ случаевъ добрее, обходительнее, спокойнее, и безопаснее, чѣмъ можно осудить по описанію ихъ родныхъ. Показанія послѣднихъ, конечно, заслуживаютъ полного довѣрія, и давняя опыта доказываютъ лишь, что больные, столь опасные въ нѣдрахъ семейства, далеко не такъ страшны, если пользуются надлежащимъ уходомъ и лѣченіемъ. Вреднѣе всего для больныхъ страхъ цѣлныи передъ лѣчебницами; всѣ тѣ насилія и несчастные случаи, про которые мы такъ часто читаемъ въ газетахъ, имѣютъ своей причиною несвоевременное помѣщеніе больныхъ въ лѣчебницу, такъ какъ лишь послѣ какого-нибудь несчастія рѣшаются на такой жестокой шагъ. Такимъ образомъ, ждутъ, пока несчастный больной не провинится въ чемъ-нибудь и затѣмъ ужъ предоставляютъ его дому для умалишенныхъ, подкрѣпивъ свой взглядъ объ опасности душевно-больныхъ новымъ нагляднымъ примѣромъ.

Бываетъ и такъ, что виноваты не родные, а тѣ хлопоты, съ которыми связано помѣщеніе въ лѣчебницу, тѣмъ болѣе, что теперь часто требуется на то особое разрѣшеніе властей. Вызвано это требованіе почти неискореннымъ предразсудкомъ, будто при преступномъ софійствіи врача можно заключить въ лѣчебницу совершенно здороваго человека. Какъ знакомъ съ нашими общественными учрежденіями не можетъ не быть

латься нелѣпости подобной идеи, но не такъ думаетъ публика ¹⁾). Нелѣпой я называю эту мысль потому, что осуществленіе такого преступнаго намѣренія предполагаетъ участіе столькихъ лицъ, что преступленіе не можетъ оставаться въ тайнѣ.

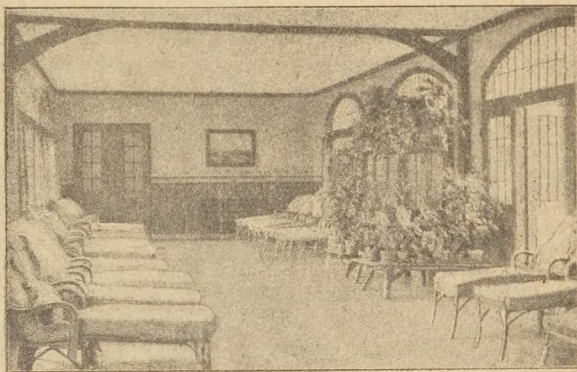
Какъ мы видимъ на нашемъ изображеніи, отдѣленіе для безпокойныхъ мало чѣмъ отличается отъ другихъ отдѣленій и, подобно «наблю-

Столярная мастерская помѣшанныхъ.

дателямъ», является палатой. Это, можетъ быть, сначала поразить читателя, такъ какъ рѣчь вѣдь идетъ о тѣлесно здоровыхъ людяхъ. Дѣйствительно, систематически проведенное лѣченіе безпокойныхъ въ постели является приобрѣтеніемъ лишь послѣдняго десятилѣтія, но успѣло оказать большое вліяніе на жизнь въ лѣчебницахъ и ея проявленія во внѣ. Благо-

даря этому нововведенію совершенно устранены спеціальныя отдѣленія для буйныхъ, въ которыхъ больные бѣгали по залу, шумѣли и дрались; теперь вездѣ значительно спокойнѣе, а также прекратились насилія больныхъ другъ надъ другомъ и надъ больничной прислугой. Въ число многихъ задачъ врача входитъ также прекращеніе припадковъ бѣшенства и смягченіе буйныхъ наклонностей больныхъ путемъ устраненія внѣшнихъ раздраженій, успокаивающими средствами и работой. Многимъ врачамъ ихъ дѣятельность кажется неблагодарной и безрезультатной только потому, что они не знаютъ, какъ часто имъ предостав-

Комната для безпокойныхъ больныхъ.

ляется возможность благотворно вліять на больного и оказывать ему горячую помощь. Теперешніе способы лѣченія имѣютъ еще то преимущество, что больной при нихъ пользуется возможно болѣе широкой свободой, которая возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ въ больныхъ развивается общитель-

¹⁾ Мнѣніе это не такъ нелѣпо, какъ полагаетъ авторъ; доказательствомъ этому служатъ время отъ времени возникающіе процессы, поводомъ къ которымъ служатъ подобныя преступленія. Ред.

лоть. О бѣгствѣ беспокоиться не приходится, такъ какъ они довольны своимъ положеніемъ и разсматриваютъ лѣчебницу, какъ единственное мѣсто, гарантирующее имъ неприкосновенность ихъ личности.

Во многихъ лѣчебницахъ теперь уже дошли до того, что совершенно отказываются отъ изоляціи больныхъ, какъ средства лѣченія. и въ одиночныя камеры сажаютъ лишь заразительныхъ больныхъ или имѣющихъ преступныя наклонности, несомѣстимыя съ жизнью въ обществѣ. Если и прибѣгаютъ въ рѣдкихъ случаяхъ къ одиночной камерѣ, то придаютъ ей вполне жилой и уютный видъ. Выше помѣщенная картина показываетъ намъ, чего можно достигнуть и небольшими средствами: мы еще видимъ закругленные углы, а сквозь запыленные толстыя оконныя стекла (въ 2 1/2 сентм.) случаи изоляціи больныхъ стали уже очень рѣдки со времени введенія палатъ, а теперь, съ тѣхъ поръ какъ наиболѣе возбуждающихся стали лѣчить длительными теплыми ваннами (отъ нѣсколькихъ часовъ до недѣли и болѣе), они почти совершенно не встрѣчаются. Итакъ краугольный камень пріобрѣтеній психіатріи составляютъ: пользованіе палатами, продолжительныя теплыя ванны и отреченіе отъ изоляціи. Благодаря этому дома для умалишенныхъ стали болѣе удобо-обитаемыми и гуманными, какъ въ своемъ внутреннемъ устройствѣ, такъ и въ примыкающихъ къ нимъ частяхъ. И сады теперь не прежніе холодные и пустые дворы для буйныхъ, съ высокими стѣнами и деревьями; и здѣсь теперь мы повсюду находимъ обычныя украшенія и цвѣты. Не безъ вниманія остаются и тѣ больные, разрушающіе наклонности которыхъ не мирятся съ разводными растениями: на мягкихъ и удобныхъ креслахъ размѣщаютъ ихъ въ просторныхъ палатахъ, гдѣ они наравнѣ съ хилыми больными могутъ наслаждаться свѣтомъ и воздухомъ. Такая палата изображена на одной изъ нашихъ картинъ.

Конечно, ихъ товарищи, наслаждающіеся игрой въ крокетъ, лунъ-теннисъ, бегли и гимнастикой, и тѣмъ укрѣпляющіе свое здоровье, чувствуютъ себя болѣе счастливыми. Для развлечения и увеселенія имъ служатъ, кромѣ игръ и прогулокъ въ заведенія, богатая бібліотека (по беллетристичѣ), газеты, журналы и музыка.

Но лучшимъ средствомъ отъ скуки остается въ этомъ маленькомъ мірѣ, точно такъ же, какъ и въ обыденной жизни - работа.

Женщины занимаются уборкою комнатъ, шитьемъ, стиркою бѣлья, стряпаньемъ, глаженіемъ, а мужчины, трудятся въ огородѣ и полѣ работаютъ въ мастерскихъ: для портныхъ, сапожниковъ, столяровъ, лакировщиковъ, маляровъ; тѣ же картины, которыя изображаютъ памященія изъ жизни и устройства лѣчебницъ, являются лучшими свидѣтелями прилежанія и дѣятельности ихъ обитателей. И кровати, и кѣтки для птицъ въ палатахъ изготовлены и выкрашены больными; постельное бѣлье шито ими же, точно такъ же, какъ и занавѣски; цвѣты всѣ выхлены больными, ими же писаны картины, сколочены, выкрашены и вытравлены нестрыя рамы для нихъ. Шары для крокета выточены въ токарнѣ больными, или устроена площадка для игры въ теннисъ, стѣны для игры и наконецъ last non least, даже для смѣха, знакомящіе читателей съ жизнью лѣчебницъ, сняты и приготовлены больными.

Наслаждающаяся женщиной на игровомъ въ крокетъ.

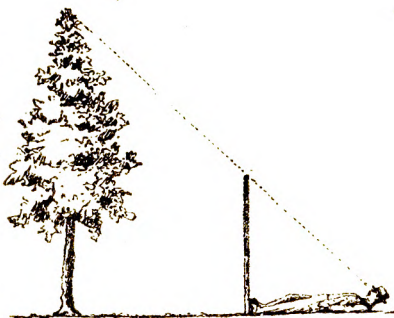
Джэмс Эшеръ.

Измѣренія высотъ и разстояній.

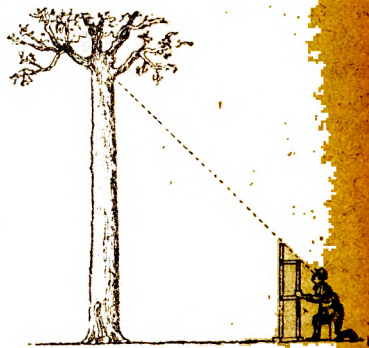
Если вы попросите средняго обывателя приблизительно опредѣлить высоту зданія, дерева или ширину рѣки, то онъ не долго думая, направитъ васъ къ специалисту. А, между тѣмъ, всякій человекъ можетъ безъ особыхъ инструментовъ производить различныя измѣренія, и мы ниже приводимъ нѣсколько грубыхъ и простыхъ способовъ измѣрять высоты и разстоянія различныхъ предметовъ, которые даютъ часто удивительно точные результаты.

I. Измѣренія высоты.

1) Чтобы найти высоту дерева, слѣдуетъ воткнуть въ землю палку на разстоянн, которое кажется приблизительно равнымъ высотѣ этого дерева. Палку нужно воткнуть отвѣсно и она должна быть такой длины, чтобы верхнй конецъ ея достигалъ одного уровня съ глазомъ наблю-

Измѣреніе съ помощью палки.

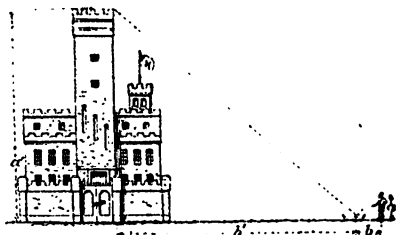
двухъ параллельныхъ жердей.

дателя. Затѣмъ наблюдатель ложится на землю на спину, при чемъ подошвы его должны касаться палки. Если кончикъ палки при этомъ придется на одной прямой съ верхушкой дерева, то значить разстояніе отъ его глаза до корня дерева равно высотѣ этого дерева.

2) Высота предмета можетъ быть также измѣрена посредствомъ двухъ прямыхъ параллельныхъ шестовъ, прикрѣпленныхъ къ деревянному основанію. Одинъ изъ шестовъ долженъ быть 4, а другой

5 футовъ высоты и въ этомъ случаѣ они должны отстоять другъ отъ друга на 1 футъ. Передвигая этотъ инструментъ взадъ и впередъ, при чемъ основаніе его должно оставаться параллельнымъ землѣ, слѣдуетъ смотрѣть отъ вершины короткаго шеста черезъ вершину длиннаго и, когда обѣ эти вершины и вершина измѣряемаго дерева придутся на одной прямой съ глазомъ наблюдателя, разстояніе отъ дерева до глаза наблюдателя будетъ равняться высотѣ дерева надъ уровнемъ верхняго конца меньшаго шеста. Если мы къ разстоянію отъ ствола дерева до короткаго шеста добавимъ 4 фута, то получимъ полную высоту дерева, въ футахъ. Этотъ простой инструментъ распространенъ въ Америкѣ среди лѣсниковъ.

3) Высота предмета можетъ быть легко вычислена посредствомъ отраженія его въ сосудѣ съ водою. Попробуемъ это примѣромъ. Высота глаза надъ уровнемъ воды a относится къ разстоянію b , т. е. къ разстоянію между точкой, въ которой кажется изображеніе башни въ водѣ, и линіей, опущенной вертикально отъ глаза наблюдателя къ землѣ, — какъ высота башни a' относится къ разстоянію b' отъ башни до точки, въ которой видно отраженное изображеніе ея вершины: $a : b = a' : b'$. Напримѣръ, человекъ видитъ изображеніе башни въ сосудѣ съ водою, поверхность которой находится на высотѣ, положимъ, одного фута надъ землею: высота глаза надъ водою, скажемъ, равна 4 фут., разстояніе отъ точки, гдѣ видно отраженное изображеніе до вертикальной линіи, опущенной отъ глаза наблюдателя къ землѣ, пусть будетъ 7 футъ и разстояніе отъ этого же изображенія до основанія башни предположимъ 140 фут. Какова же высота (X) башни? Отвѣтъ $4 : 7 = X : 140$, или $4 : 7 = 80 : 140$; значитъ высота башни равно 80 фут. надъ уровнемъ воды или 81 фут. надъ землею.

Измѣреніе по основанію отраженія

4) Высоты предметовъ могутъ быть опредѣлены также по длинѣ ихъ тѣни слѣдующимъ образомъ. Воткните въ землю отвѣсно палку и замѣйте, когда длина тѣни будетъ равна вышинѣ палки; въ то же время отмѣйте на землѣ чѣмъ-нибудь и тѣнь отъ того предмета, высоту котораго вы хотите измѣрить. Высота этого предмета тогда и будетъ равняться длинѣ его тѣни. Но способъ этотъ примѣнимъ не во всякомъ мѣстѣ земли и не во всякое время года: въ мѣстахъ, лежащихъ выше широты $68\frac{1}{2}^\circ$ къ сѣверу (съ юж. полушарія къ югу) тѣни предметовъ всегда длиннѣе самихъ предметовъ. Этотъ очень простой способъ былъ употребленъ Галесомъ, однимъ изъ семи греческихъ мудрецовъ, 2,500 лѣтъ тому назадъ для опредѣленія высоты Хеопсовой пирамиды. На рис. 4 видно, что высота предмета (церковной колокольни) при помощи тѣни можетъ быть найдена изъ пропорціи $a : b = a' : b'$. Предположимъ, что длина тѣни колокольни равна 120 фут., а длина тѣни отъ шеста 6 фут., тогда какъ вышина самого шеста — 5 фут. Значитъ, высота колокольни относится къ длинѣ ея тѣни, какъ высота шеста къ длинѣ тѣни этого шеста, т. е. $5 : 6 = X : 120$; откуда вышина колокольни равна 100 фут.

Длина тѣни, какъ и высота предмета, опредѣляютъ высоту

5) Высоты горъ могутъ быть найдены посредствомъ умноженія на 600 фут. каждого градуса въ разницѣ между температурой точки кипѣнія

воды у подошвы горы и на вершинѣ. Положимъ, у подошвы пасть при температурѣ 100°C ., а на вершинѣ при 84° ; разность температуръ 26° . Отсюда высота горы равна 26×600 или $15,600$ футовъ.

6) Умѣренной величины высоты могутъ быть найдены по барометру. Одна десятая дюйма, соответствуетъ 90 фут. подъема. Высота барометра на землѣ $29,34$ дюйма а на вершинѣ башни время $29,14$ дюйм. Какова высота башни? Разница между двумя десятными, а если одна десятая соответствуетъ 90 фут., то десятихъ соответствуютъ 180 фут., что и будетъ высота башни.

II. Измѣреніе разстояній.

1) Разстояніе до какого-нибудь предмета можно узнать, считая число секундъ, въ теченіе которыхъ звукъ пробѣгаетъ отъ предмета до наблюдателя. Скорость звука при 0° равна 1090 футовъ въ секунду и увеличивается съ каждымъ градусомъ Реомюра на $2\frac{1}{2}$ фута на 2 фута въ секунду, если температура выше нуля, и наоборотъ уменьшается, если температура ниже нуля.

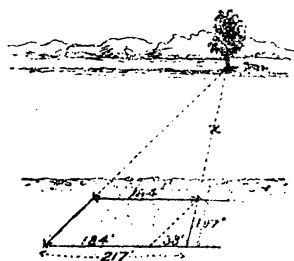

Простой способъ приближительнаго опредѣленія разстояній.

Наблюдатель замѣчаетъ, когда изъ паровоза, идущаго отъ него, слышенъ свистокъ; спустя нѣсколько секундъ послѣ этого слышится свистокъ; тогда онъ считаетъ время, прошедшее отъ момента, когда онъ замѣтилъ свистокъ, до момента, когда онъ слышитъ свистокъ. Каково разстояніе отъ паровоза до наблюдателя? Рѣшеніе. Температура воздуха при этомъ 25°C . Скорость звука при 25°C равна $1090 + 25 = 1115$ футовъ въ секунду.

Время, потребное звуку пройти отъ паровоза до наблюдателя, равно 15 секундъ отсюда разстояніе $15 \times 1115 = 4$ версты 389 саж. Разстояніе отъ стрѣляющей пушки при помощи наблюденія за вылетающимъ пламенемъ можетъ быть вычислено такимъ же образомъ.

2) Ширина рѣки можетъ быть грубо измѣрена безъ помощи инструментовъ способомъ, который можетъ быть понятъ изъ прил. рис. От берега, слѣдуетъ надвинуть на лобъ футовъ или шляпу такъ, чтобы край козырька шляпы пришелся на одной линіи съ мѣстомъ, гдѣ вода на противоположномъ берегу. Затѣмъ надо медленно и осторожно повернуться, стараясь отнюдь не поднимать и не опускать головы, и замѣтить ту точку, которая находится на одной линіи съ козырькомъ его фуражки. Разстояніе отъ наблюдателя до этого мѣста на берегу будетъ равно ширинѣ рѣки.

Общезвѣстный методъ измѣренія разстояній.

3) Можно измѣрить разстояніе другимъ способомъ, какъ показано на послѣднемъ рисункѣ. Прежде всего измѣрится база, т. е. какая-нибудь извольная линія и чѣмъ-нибудь отмѣчаются ея концы; затѣмъ отъ одного конца отмѣривается нѣкоторое разстояніе по направленію

предмету, до котораго нужно узнать разстояние, а затѣмъ тщательно измѣряется разстояние между этими сходящимися линіями, которое должно быть непремѣнно параллельнымъ базѣ. Теперь слѣдуетъ умножить длину какой-либо изъ измѣренныхъ боковыхъ сторонъ полученнаго трапеціи на длину базы и раздѣлить полученное произведеніе на разность между длиной базы и параллельной ей линіи.

Пример: база — 217 фут., длина одной из боковых сторон — 197 фут.; расстояние между этими боковыми сторонами, параллельное базе — 184 фут.

Рѣшеніе. Разница между базис и параллельной ей—33 фут., стало
быть $33 : 197 = 317$ х. Умножаемъ 217 на 193 и произведение дѣлимъ
на 33 и получаемъ число 1225, которое и есть требуемое разстояніе.

Прод. Фабр.

Цикада и ея личинка.

Знаменитости, въ значительномъ степенн поддаются лжедоверию. Басня имѣетъ значеніе, какъ въ исторіи животныхъ, такъ въ человѣка. Если какое нибудь насекомое обращаетъ на себя вниманіе, то народная молва связываетъ съ нимъ всевозможныя поверья и не мало заботится объ ихъ правдивости. Тоже случилось и съ пѣвчей стрелкою или цикадой¹⁾, страсть которой къ пѣнію и полнѣйшая беззаботность о будущемъ составляла первый предметъ упрековъ нашей памяти. Въ стихахъ, которые легко запоминаются, разсказываютъ (слымя, какъ при охотѣ на жуки, стрелка нагая голодная ищетъ къ своему сосѣду, муравью. Простительно въстрѣчается плохой примѣръ и комическій разный отвѣтъ при озабоченіи насекомомъ. Дѣвъ короткихъ стиховъ (напримѣръ, 1) съ 181-мъ стихомъ: «Вотъ

[illegible]

**Богъе прославилъ стрелку, чьъ съ ружьеймъ въдръжкомъ. На бѣлѣ
вѣшъ гвоздемъ зашѣлоу въ амѣ бѣбѣлѣ а глѣбѣлѣ до пѣчѣбѣлѣ.**

[illegible][illegible]

3) Жань-Лафонтен /1621-1695) - один из величайших поэтов Франции.

лать и она будетъ искать мухъ и червячковъ, хотя ей пишу исключительно соки растений.

На кого же падаетъ отвѣтственность за столь грубое Лафонтенъ, тонкая наблюдательность котораго насъ восхищаетъ. Минуты другія его басенъ, въ данномъ случаѣ были плохо осмыслены. Лисица, волкъ, котъ, ворона, крыса и многія другія, о которыхъ рассказываетъ намъ съ точными подробностями, были для него знакомыми животными, но онъ никогда не слыхалъ и не видалъ отъ знаменитая пѣвица навѣрное была для него ни чѣмъ инымъ, какъ комъ или кузнечикомъ.

Прежде всего я постараюсь реабилитировать оклеветанное баснописца насѣкомое. Пѣвчая стрекоза—неприятная сосѣдка, съ этимъ я не согласенъ. Каждое лѣто сотни ихъ поселяются передъ моею привлеченныя зеленою двухъ могучихъ платановъ, и оттуда съ началомъ заката солнца терзаютъ онъ мой слухъ своей шумной симфоническою лающей невозможной всякую работу мысли. Что касается отношеній цикадой и муравьемъ, то такія дѣйствительно существуютъ; но реальность какъ разъ обратны тому, какъ это представилъ Лафонтенъ. Эти отношенія возникаютъ не по инициативѣ стрекозы, которая, чтобы жить, нуждается въ поддержкѣ; отношенія эти ведутъ начало отъ этого разбойника и грабителя, который забираетъ въ свои закрома что вообще съѣдобно. Никогда стрекоза не станетъ жаловаться на муравьиной кучей на голодъ и обѣщать вернуть ссуженный ей процентъ процентами на проценты; напротивъ муравью подъ влияніемъ приходится умолять пѣвицу. Но точно также нельзя говорить о ссуде со стороны этого разбойника какъ и о займѣ и возвратѣ; правильно будетъ сказать, что онъ обираетъ цикаду и грабитъ ее самымъ вѣстнымъ образомъ.

Когда въ іюль, въ удушливо-жаркое послѣобѣденное время, комыя напрасно пытаются на высохшихъ цвѣтахъ утолить свою жажду, тогда пѣвчая стрекоза можетъ смѣяться надъ всеобщей нуждою. Ея хоботкомъ, который представляетъ бочечный цѣдильный буравъ, вскрываетъ боченокъ изъ своего неистощимаго запаса. Сидя на кустарника, куда она опустилась, не переставая пѣть, прокалываетъ крѣпкую и сладкую кору, подъ которой течетъ созрѣвшій на солнцѣ сокъ. Въ эту дыру погружаетъ она свой хоботокъ и пьетъ съ величайшимъ наслажденіемъ не двигаясь съ мѣста. Многочисленные полумертвыя жажды, скитающіяся въ окрестностяхъ насѣкомыя, замѣчаютъ источникъ, который выдаетъ свое присутствіе сочащейся черезъ край жидкостью. Вижу, какъ тѣснятся осы, мухи, ухвертки, пещоройки, златки, а среди всѣхъ муравьи. Самые мелкіе, чтобы приблизиться къ источнику, пролѣзаютъ подъ брюхомъ стрекозы, которая добродушно поднимается на ножкахъ, чтобы дать дорогу назойливымъ гостямъ; болѣе крупные, которые прыгаютъ отъ нетерпѣнія, поспѣшно берутъ глотокъ, отскакиваютъ, чтобы быстро перейти на сосѣдній суевъ и затѣмъ предпринимая возвращаются снова. Желанія все растутъ: бывшіе въ началѣ скромныя становятся буйными зачинщиками. Явно желающими прогнать отъ источника того, кто вырылъ колодезь.

При такихъ разбойничьихъ выходахъ, муравьи всегда самые стойчивые. Я видѣлъ, какъ они упорно кусали стрекозу за ноги, и замѣчалъ, какъ они теребили ее за крылья, лѣзли ей на спину и хватили щупальца. Особенно наглый, на моихъ глазахъ схватилъ ее за хоботокъ и заставилъ цикаду его вытащить. Когда истощается терпѣніе муравья, котораго такимъ образомъ мучаютъ карлики, тогда онъ бросаетъ вата

бывають на грабителей струею мочи. Но на муравья это выра-
жения не производит никакого впечатлѣнія, — онъ все-таки до-
водитъ до своей цѣли. Онъ овладѣлъ колодцемъ, который, конечно, скоро изся-
етъ, когда нѣтъ насоса, который вызвалъ его на свѣтъ. Во всякомъ
случаѣ онъ выгадалъ хоть то, что можетъ потерпѣть до новаго глотка,
когда онъ добивается такимъ же способомъ, когда къ тому предста-
етъ случай.

Итакъ, на самомъ дѣлѣ, роли животныхъ какъ разъ обратны тому,
что это изображено въ баснѣ. Муравей оказывается безсовѣстнымъ ни-
чимъ, который не останавливается даже передъ грабежомъ; а стрекоза
честной работницей, которая охотно дѣлится съ нуждающимся. Эта
противоположность проявляется еще рѣзче въ слѣдующемъ. Послѣ пяти-
лѣтнихъ неждѣлъ удовольствія, что составляетъ для нея значительный проме-
жутокъ времени, пѣвица падаетъ съ дерева, измученная жизнью. Тамъ на-
ходятъ ее муравей, который, какъ настоящий разбойникъ, вѣчно рыщетъ
въ поискахъ за добычей; онъ рѣжетъ ее на куски, которые должны уве-
личить его запасъ провiанта. Нерѣдко можно наблюдать, какъ лежащая
въ послѣднихъ судорогахъ стрекоза, крылья которой еще трепещутся въ
воздухѣ, четвертуется толпою этихъ живодеровъ, которые покрываютъ все ея
тѣло, такъ, что оно кажется чернымъ. Таковы на самомъ дѣлѣ отношенія
между обоними животными...

Первыя пѣвчія цикады появляются въ моей мѣстности во время
летнего солнцеповорота. Тогда неожиданно замѣчаешь въ почвѣ круглыя
отверстія съ мезинецъ въ поперечникѣ: это отверстія изъ которыхъ выйдутъ
личинки цикады, которыя выползаютъ изъ земли на поверхность, чтобы
закончить свое превращеніе. За исключеніемъ вскопанной или вспа-
ханной земли, эти дыры видны вездѣ, гдѣ почва сухая и хорошо нагрѣ-
та солнцемъ. Личинка снабжена орудіемъ, которымъ она можетъ пре-
вратить даже туфъ и обожженую глину и при своемъ появленіи на свѣтъ
предпочитаетъ именно самыя крѣпкія мѣста. Одна дорожка въ моемъ
саду, которую въ самое жаркое время лучи, отражающіеся отъ располо-
женной къ югу стѣны, обращаютъ въ тропическую мѣстность, особенно
хорошо покрыта такими отверстіями. Въ послѣднихъ числахъ іюля, я из-
вѣдываю только что покинутыя земляныя шахты и при этомъ почва ока-
зывается такой плотной, что поддается только киркѣ.

Отверстія круглы и въ поперечникѣ приблизительно въ $2\frac{1}{2}$ ст.
линий; не видно ни слѣда мусора или бугорковъ сгрудженной земли. Это
всегда всегда подтверждается: никогда вокругъ дыры цикады не оказы-
вается вырытой почвы, какъ это бываетъ около отверстій въ землѣ у
муравьиныхъ кучекъ, которые также сильныя гробокопатели. Разница эта
состоитъ въ самомъ процессѣ работы: навозный жукъ проникаетъ снаружи
въ почву, онъ начинаетъ свою работу съ отверстія шахты, такъ что при
углубленіи канала онъ можетъ постоянно вытѣзать на поверхность и
сгребивать добытый изъ трубы матеріалъ. Личинка цикады, напротивъ,
идетъ изнутри наружу: верхній слой устранивается только при окончаніи
работы, такъ что только теперь личинка открываетъ выходное отверстіе,
потому она и не можетъ откладывать землю наверху. Одно настѣкомое
пронизываетъ въ землю и откладываетъ у входа кротовую кучку; другое
выходитъ изнутри наружу и не можетъ ничего отложить на порогъ,
который для нея вовсе не существуетъ.

Каналъ стрекозы простирается приблизительно на 4 дециметра въ
глубину; онъ цилиндрическій, немного изогнутый, если къ этому вынуж-
дена почва и всегда приближается къ отвѣсной линіи, какъ кратчайшему
расстоянію. На всемъ пути онъ совершенно свободенъ, нигдѣ нельзя обна-

ружить и слѣда мусора, который необходимо долженъ бы былъ въ работѣ. Каналь этотъ кончается, какъ глухой переулокъ, въ нѣтъ болѣе просторной ниши, на стѣнкахъ которой незамѣтно никакихъ какой-либо галлерей, служащей продолженіемъ шахты. По дну речнику выгребѣ каналъ представляетъ объемъ, приблизительно въ кубическихъ сантиметровъ,—куда же дѣвалась эта вырытая земля и ниша вырыты въ очень сухомъ и пористомъ грунтѣ; поэтому ихъ должны бы были очень пыльными и легко обваливаться, если бы этому не было еще нѣчто добавлено. Къ величайшему моему изумленію замѣтилъ, что стѣны покрыты замазкой изъ глинистой земли, которая покрываетъ ихъ толстымъ слоемъ и препятствуетъ обваламъ. Личинка можетъ подниматься вверхъ по своей замкнутой шахтѣ и удалиться въ свое убѣжище, въ ея нижній конецъ, не обламывая на ногахъ кусковъ, которые закупорили бы трубу и препятствовали лазанью вверхъ и внизъ. Рудокопъ укрѣпляетъ стѣны штоленъ стѣнами и поперечинами; строитель подземныхъ рельсовыхъ путей, предохраняетъ стѣны своего тунеля каменной облицовкой; будучи не менѣе остороженъ инженеромъ, личинка цикады цементируетъ стѣны своего канала.

Когда мнѣ удавалось подкараулить ее при окончательномъ выходѣ изъ открытаго отверстія, то, чувствуя опасность, она тотчасъ пускается по обратный путь и спускалась назадъ въ свою нишу, что можетъ быть доказательствомъ, что даже въ то время, когда приходится навсегда покинуть свое убежище, оно нигдѣ не закупоривается землей.

Личинка горной цикады. (Немного увелич.).

Труба, по которой она вылезаетъ на поверхность, не представляетъ произведенія, сдѣланнаго скоро и съ нетерпѣніемъ выбраться на свѣтъ,—это крѣпость, помѣщеніе, въ которой личинка должна пребыть продолжительное время. Объ этомъ мы заключаемъ по облицовкѣ стѣн. Подобныя мѣры предосторожности были бы вѣрнѣе излишними, при простомъ выходѣ изъ отверстія, которое покидалось бы тотчасъ, тѣмъ болѣе, что оно закончено. Безъ сомнѣнія, не далеко отъ поверхности земли у личинки

ея рода метеорологическая обсерваторія, гдѣ она узнаетъ состояніе подступающей извнѣ погоды. Въ своей подземной нишѣ, готовая къ выводу, личинка едва ли можетъ судить о томъ, благоприятствуютъ ли ей климатологическія условія. Состояніе воздуха тамъ внизу, мѣняющаеся слишкомъ медленно, не можетъ дать ей точныхъ указаній, какія необходимы ей для важнѣйшаго акта ея жизни,—выхода на свѣтъ для превращенія въ цикаду.

Цѣлыя недѣли, можетъ быть мѣсяцы, роетъ она терпѣливо, убираетъ мусоръ и строитъ трубу съ крѣпкими стѣнами, оставляя только на самомъ верху слой въ палецъ толщиною, чтобы отдѣлить себя отъ внѣшняго міра. На нижнемъ концѣ она съ особымъ стараніемъ устраиваетъ помѣщеніе свое приубѣжище, покой, гдѣ она ожидаетъ, если, на основаніи ея свѣдѣній, ей кажется лучше отложить свой выходъ. При самыхъ слабыхъ предвѣстіяхъ хорошей погоды, лѣзетъ она наверхъ, узнаетъ черезъ небожій слой земли, образующій крышу, какова погода и освѣдомляется о температурѣ и степени влажности воздуха.

Если дѣла идутъ не по ея желанію, если грозятъ проливные дожди или сѣверные вѣтры, которые могутъ быть смертельны для нѣжной личинки, выдупившейся изъ кожи личинки, то она осторожно спускается снова внизъ, чтобы еще подождать. Если же, напротивъ, состояніе атмосферы

приятно, тогда потолок пробивается нѣсколькими ударами когтей и личинка выходитъ изъ своей шахты. Этимъ объясняется цѣлесообразность помѣщенія для отдыха на нижнемъ концѣ канала и необходимость снабдить стѣны облицовкой, которая придаетъ имъ прочность, чтобы онѣ не могли обрушиться при неоднократномъ подъемѣ и спускѣ.

Гораздо труднѣе объяснить полное исчезновеніе, получающагося при рытьѣ, мусора. Что сталося съ двумястами кубическихкихъ сантиметровъ земли, которая въ среднемъ составляетъ такой каналъ? На поверхности, такъ же, какъ и внутри нельзя замѣтить никакихъ слѣдовъ этого. А затѣмъ: откуда беретъ личинка въ землѣ, которая суха какъ саж, глиняную замазку, которой покрыты стѣны? Могло бы казаться, что на первый вопросъ должны дать отвѣтъ личинки, которыя производятъ буровыя дыры въ деревѣ, какъ напримѣръ личинки дровосѣка (*Capricornus*) и мѣдянки (*Buprestidae*). Онѣ роютъ въ древесномъ суку галлерей и събдаютъ полученный изъ нихъ матеріалъ. Кусокъ за кускомъ онѣ растворяется при посредствѣ ихъ железъ (*Moudebelt*) и переваривается. Съ одного конца до другого проходитъ онѣ черезъ тѣло рудокопа, отдастъ при этомъ свои тощія питательныя вещества и закупоривается за нимъ каналъ, такъ какъ личинкѣ не приходится идти обратно. Тончайшее измельченіе, которое производятъ челюсти и желудокъ, ведетъ къ тому, что сгруженный, пероваренный матеріалъ занимаетъ меньшее мѣсто, чѣмъ занимало ранѣе нетронутое дерево. Такимъ образомъ въ передней части галлерей образуется пустое мѣсто, ниша, въ которой работаетъ личинка, являясь эта, хотя и очень ограниченной длины, но ея какъ разъ достаточно для движеній замурованнаго насѣкомаго.

Не роетъ ли личинка цикады подобнымъ же образомъ свой каналъ? Во всякомъ случаѣ вынутая земля не проходитъ черезъ ея тѣло, такъ какъ наилучшій гумусъ не можетъ доставить ей никакого питанія. Но не могъ ли матеріалъ просто отбрасываться назадъ по мѣрѣ того, какъ подвигалась работа?

Цикада четыре года остается въ землѣ. Но это долгое время она проводитъ не на днѣ шахты, которую мы описали, но она приходитъ туда изъ другого мѣста, безъ сомнѣнія издаиска. Она бродяга, который подъ землею переходитъ отъ одного края къ другому, чтобы погрузить въ нихъ свой хоботокъ. Когда она перемѣняетъ мѣсто, изъ-за того ли, чтобы избѣгнуть верхнихъ слоевъ земли, которые для нея слишкомъ холодны зимою, или для того, чтобы поселиться тамъ, гдѣ лучше питье, то она прокладываетъ себѣ дорогу въ землѣ, отбрасывая назадъ отшнанный когтями матеріалъ. Какъ личинки дровосѣка и мѣдянки она удовлетворяется такимъ ограниченнѣйшимъ пространствомъ, закого требуютъ ея движенія. Сырая, мягкая и легко сжимаемая земля является для нея тѣмъ же самымъ, какъ для члѣвк перевариваемаго вещество дерева. Она легко садится и уплотняется, такъ что, благодаря этому, образуется немнѣе мѣста.

Затрудненіе возникаетъ только съ устройствомъ выходнаго канала, который, какъ сказано, она устраиваетъ въ очень сухомъ мѣстѣ, которое исключаетъ всякую возможность скаты, пока земля остается такою сухою. Очень вѣроятно, что при началѣ работы личинка отбрасываетъ часть матеріала назадъ въ галлерей, черезъ которую она проходитъ изъ это мѣсто, и которая затѣмъ исчезаетъ, хотя это ничѣмъ не подтверждается при дальнѣйшемъ положеніи дѣла. Но если подумать о помѣстительности шахты и исключительной трудности найти мѣсто для такого большого объема мусора, то возникаетъ сомнѣніе и приходится сказать себѣ: для этого количества земли личинка нуждается въ болѣе обширномъ помѣщеніи, которое

свою очередь можно было бы получить, только удаливъ другой, убрать который не менѣе затруднительно. Мѣсто, которое для этого добыть, предполагаетъ другое пустое пространство, куда могла бы втиснута вырытая земля. Такъ приходится вертѣться въ закоулки круга, причѣмъ простое сжатіе, отброшенной назадъ, обращенной въ землю,—недостаточно для объясненія столь значительнаго пустого пространства. Для того, чтобы убрать землю, которая ей мѣшаетъ, пивада должна обладать совершенно особымъ методомъ: постараемся же угадать секретъ.

Если мы изслѣдуемъ личинку только что вылѣзшую изъ земли, почти всегда оказывается, что она болѣе или менѣе измазана, иногда свѣжей, а иной разъ уже высохшей. На ея землекопныхъ дѣяхъ,—переднихъ лапкахъ, комочекъ глины, другія ножки также покрыты глиной, которой измазана и спина. Это особенно удивительно, такъ какъ животное вылѣзаетъ изъ совершенно сухой почвы; слѣдовало бы ожидать, что насквозь будетъ покрыто пылью, между тѣмъ, какъ оказывается, что оно измазано слезью.

Еще шагъ по этому пути приведетъ насъ къ рѣшенію загадки. По счастливой случайности я выкапываю личинку, которая только приступила къ работѣ подъ ведущимъ вверхъ каналомъ; она имѣетъ трехъ сантиметровъ длины, совершенно свободна отъ мусора, концы ея находятся ниша для отдыха, — въ этомъ, въ данное время, состоитъ все сооруженіе. Въ какомъ положеніи работница? Она горѣднѣе окрашена, чѣмъ другія, которыхъ я ловлю при ихъ изысканіяхъ. Особенно блѣдны и мутны ея большіе глаза, которые во всякомъ случаѣ еще неспособны видѣть, что впрочемъ и не нужно подъ землею. Невѣроятно, вылѣзшія изъ земли личинки имѣютъ черную блестящую окраску, дающую явные доказательства, что онѣ могутъ видѣть. Въ будущей жизни приходится искать, между прочимъ, довольно далеко отъ отверстія, изъ котораго она вышла, сучекъ на которомъ она можетъ повиснуть и тогда происходитъ превращеніе: очевидно, что для этого она должна быть въ состояніи видѣть. То обстоятельство, что она достигаетъ способности видѣть во время приготовленія къ своему освобожденію, доказываетъ намъ, что личинка не спѣшитъ, закончиваетъ для выхода шахту, работаетъ подъ ней долгое время.

Затѣмъ мы находимъ, что блѣдная и слѣпая личинка гораздо больше по объему, чѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ. Она совершенно раздута отъ жидкости, какъ будто у нея водянка и, если взять ее двумя пальцами, она сзади выпускаетъ сокъ, который покрываетъ все ея тѣло. Является ли эта, выделяемая изъ кишекъ жидкость, отдѣленіемъ мочи или это только отбросы желудка питаемаго исключительно соками? Не берусь этого рѣшить, и, ради простоты, обозначу это какъ урину. Итакъ, въ этомъ случаѣ мочи мы находимъ рѣшеніе загадки. По мѣрѣ того, какъ личинка, работая, подвигается впередъ, она смачиваетъ жидкостью освобожденный, обремененный въ пыль матеріалъ и обращаетъ его, такимъ образомъ, въ тѣсто, которое она тотчасъ накладываетъ на стѣнки, прижимая ихъ къ своей части тѣла. Такимъ образомъ изъ сухой земли она получаетъ илъ, жидкая часть котораго проникаетъ глубоко въ почву, между тѣмъ какъ сжатый остатокъ образуетъ облицовку стѣнъ. Такимъ способомъ она можетъ вывести шахту, свободную отъ мусора, потому что по мере того, какъ на пыль обломки идутъ тутъ же на мѣсто въ дѣло, въ качествѣ замазки, которая крѣпче и плотнѣе, чѣмъ пробуровленная ранѣе почва. Итакъ, работая въ размятой глинѣ и это является причиной того, что она такъ измазана, что изумляетъ наблюдателя, когда онъ видитъ, что она

изъ совершенно сухой почвы. Впрочемъ и совершенно развитое личино, хотя ему не приходится болѣе заниматься рудокопной работой, освобождается окончательно отъ мочевоы трубки личинки, и пользуется въ результатѣ, какъ оборонительнымъ оружіемъ. Если черезчуръ близко подойти стрекозу, то она пускаетъ на слишкомъ назойливаго струя и неожиданно улетаетъ.

Но какъ бы много воды ни было въ тѣлѣ личинки, ея все-таки ни въ какомъ случаѣ не можетъ хватить для того, чтобы пропитать все пространство канала, это длинное пространство сухой земли, и превратить его въ легко сжимаемый илъ. Если резервуаръ ея истощился, то запасъ мочи долженъ быть восстановленъ. но гдѣ и какъ? Мнѣ кажется, это можно угадать.

Всѣ шахты, которыя я обнажалъ на всемъ протяженіи съ такою осторожностью, какой требуетъ подобная раскопка, имѣли въ концѣ въ стѣнѣ ниши вросшіе живые корни, часто толщиной въ сантиметръ, иные только съ соломинку въ поперечникѣ. Видимая часть корня едва достигаетъ нѣсколькихъ миллиметровъ длины, остальное находится въ прилегающей землѣ. Случайно ли источникъ сока всегда находится на этомъ мѣстѣ или личинка предварительно нашла его и соответственно этому начала постройку канала и конечной ниши? Я склоняюсь ко второму рѣшенію вопроса и считаю твердо установленнымъ, что личинка для того чтобы приступить къ этой работѣ, отыскиваетъ по содѣйствію небольшой свѣжій корень и только тогда приступаетъ къ работѣ, такъ какъ извѣстная обнаженная часть корня находится въ стѣнѣ, не выходящая изъ нея. Эта живая точка стѣны по моему мнѣнію и является источникомъ изъ котораго каждый разъ, по мѣрѣ надобности восстанавливаетъ запасъ мочи. Когда рудокопъ истощилъ свой резервуаръ, обращая сухую пыль въ илъ, тогда онъ спускается внизъ въ свою нишу вонзаетъ буравовобразный хоботокъ въ корень и пьетъ вволю изъ вдѣланной въ стѣну бочки. Когда, такимъ образомъ, трубка хорошо наполнена, она вылезаетъ опять наверхъ, смачиваетъ крѣпкую землю, чтобы лучше сбить ее своими когтями и обращаетъ обломки въ илъ, чтобы наслоить его вокругъ себя и получить свободный проходъ. Такъ должно происходить дѣло; при невозможности въ данномъ случаѣ непосредственно произвести наблюденія, объ этомъ приходится заключать логически на основаніи разныхъ обстоятельствъ.

Но что же случится если изсякнетъ источникъ воды и исчерпанъ резервуаръ внутренней? Нижеизложенный опытъ даетъ требуемое объясненіе. Я помѣщаю личинку, пойманную въ то время, когда она покидала свою шахту на дно пробирки и покрываю столбикомъ земли въ полтора дециметра вышины, которая суха и умѣренной плотности. Личинка только что покинула въ три раза длиннѣйшій каналъ, который былъ сдѣланъ ею въ подобномъ же, но гораздо болѣе прочномъ грунтѣ. Окажется ли она способной проработаться черезъ мой короткій и пылеобразный столбикъ до поверхности? Этотъ столбикъ земли вѣдь едва ли можетъ представить серьезное препятствіе для насѣкомаго, которое въ состояніи пробуровать твердую какъ камень почву. Между тѣмъ у меня возникаютъ сомнѣнія. Личинка израсходовала послѣдніе остатки жидкости чтобы проломить перегородку которая отдѣляла ее отъ внѣшняго міра. Ея трубка суха и лишенная живого корня, она не имѣетъ возможности ее снова наполнить. Мое предположеніе, что опытъ неудастся оказывается основательнымъ. Дѣйствительно три дня наблюдаю я, какъ зарытая въ землю мучается въ безплодныхъ усиліяхъ не подвигаясь ни на палецъ впередъ. Отодвинутый въ сторону матеріалъ не можетъ быть укрѣпленъ въ этомъ положеніи.

такъ какъ личинка не можетъ его смочить, и падаетъ обрѣзаннымъ твердый день животное погибаетъ.

Когда фляга наполнена дѣло идетъ совсѣмъ иначе. Я помню кому же опыту личинку, которая только что начала свою самостоятельную работу. Она совершенно разбухла отъ похжей на урину жидкости, рзя при испусканіи смачиваетъ ея тѣло. Для нея работа легка и шійся въ пробиркѣ матеріалъ почти не составляетъ для нея труда. Немного жидкости изъ трубки работницы рудокопки обращаетъ въ иль, такъ что она слипается и при отодвиганіи держится. Когда вается, хотя очень неровномѣрнѣе и плотно засыпается снова мѣрѣ того, какъ происходитъ подъемъ движенія вверхъ. Можно бы подумать, что животное сознаетъ невозможность возобновить свой жидкости; поэтому оно бережетъ тотъ небольшой запасъ, который даетъ и тратитъ только самое необходимое количество, чтобы въ скорѣе выдти изъ обстановки, ему непривычной. Эта бережливость дается такъ тщательно, что черезъ десять дней насѣкомое благоустигаеетъ поверхности.

а—обыкновенная цикада (*Cicada*)
b—горная цикада (*Cicada montana*)

Проф. Швальбе.

О СТАРОЙ И НОВОЙ ФРЕНОЛОГИИ.

Какъ показали мои изслѣдованія, на виѣшной сторонѣ человѣческаго черепа встрѣчаются мѣстами выпуклости, которыя могутъ соотвѣтствовать частямъ мозга и даже нѣкоторымъ, вполне опредѣленнымъ мозговымъ извилинамъ; поэтому, посредствомъ простаго ощупыванія головы можно опредѣлить на живомъ человѣкѣ положеніе извѣстныхъ частей мозга или мозговыхъ извилинъ. Я полагалъ сначала, что все мои открытія въ этой области представляютъ собою нѣчто новое, такъ какъ ни въ одномъ руководствѣ по анатоміи я не нашелъ на нихъ указаній; но изученіе трудовъ Галля, въ которомъ я обратился подѣ влияніемъ статей *II. Мэбуса*, заставило меня переимѣнить мое первоначальное мнѣніе. Долженъ сознаться, что изученіе главнаго четырехтомнаго труда Галля, законченнаго въ 1819 году, послужило для меня источникомъ величайшаго наслажденія и дало обильный матеріалъ для дальнѣйшихъ работъ.

Изучая этотъ трудъ Галля, я былъ весьма пораженъ, найдя въ немъ указаніе, что отдѣльныя части мозга и отдѣльныя извилины вызываютъ на виѣшной сторонѣ черепа образованіе соотвѣтствующихъ выпуклостей. Эти открытія Галля были до извѣстной степени вновь открыты мною; ибо послѣ того, какъ была отвергнута его система, все значеніе которой, какъ казалось, заключается въ установленіи 27 (у позднѣйшихъ френологовъ даже 35) «мозговыхъ органовъ» для самыхъ разнообразныхъ истинностей и склонностей человѣка, было забыто также и все то, что было Галлемъ добыто новаго въ анатоміи и физиологіи мозга.

Я вновь открылъ, такимъ образомъ, что мозжечекъ, не только у млекопитающихъ, но и почти безъ исключенія у всѣхъ людей, выдвигаетъ впередъ нижнюю поверхность задней части затылочной кости. Галль полагаетъ, что сильное развитіе этихъ выпячиваній мозжечка свидѣтельствуетъ о сильно развитомъ половомъ чувствѣ: онъ полагаетъ, что мозжечекъ является центромъ этого чувства.

Вопреки весьма распространенному уже въ это время мнѣнію, что

мускулы существенно вліяють на форму черепа, Галль выдвинулъ эту мысль, что *форма черепа зависитъ, главнымъ образомъ, отъ мозга*, мускулы же играютъ при этомъ лишь второстепенную роль.

Какъ извѣстно, Галль исходилъ изъ той мысли, что отдѣльныя дѣльныя свойства, способности и стремленія человѣка, которыя, конечно, могутъ быть развиты весьма различно у различныхъ людей, локализованы въ отдѣленныхъ частяхъ мозга (мозжечкѣ, различныхъ мѣстахъ поверхности большого мозга); это ученіе можно считать въ настоящее время общепринятымъ. Но «локализациі» Галля опираются еще и на нѣчто другое. Онъ утверждаетъ, именно, что *форма головы* лицъ, обладающихъ тѣми или иными

Рис. 1. Фотографія черепа. Выступы и углубленія, соотвѣтствующіе расположеннымъ подъ ними извилинамъ мозга, обозначены буквами. Приблизительно у Fz находится центръ рѣчи.

Рис. 2. Копія съ галлевскаго рисунка черепа. Цифры обозначаютъ мѣста галлевскихъ «органовъ»: I—половой инстинктъ; II—любовь къ дѣтямъ; IV—отвага; VI—хитрость; VII—собственническій инстинктъ; XI—память на вещи; XII—чувство мѣста; XIV—память на слова; XV—чувство рѣчи; XVII—музыкальный талантъ; XVIII—чувство числа; XIX—талантъ къ искусству и архитектурѣ; XXIII—поэтический талантъ.

VII—чувство собственности; XIX—художественный, строительный талантъ. Височную область XVII (музыкальный слухъ или талантъ) и XVIII (органъ численныхъ представленій) относятъ главнымъ образомъ къ той области черепа, которую я называю областью черепной крышки. Здѣсь, благодаря толщинѣ теменныхъ костей *исключается возможность образованія рельефа, соотвѣтствующаго мозговымъ извилинамъ*. Исключеніемъ является лишь верхняя часть затылочной кости, которая соотвѣтствуетъ второму органу Галля—органу любви къ дѣтямъ.

Мои дальнѣйшія критическія изслѣдованія ученія Галля ограничиваются лишь височной областью и сосѣдней съ нею лобной областью. Здѣсь

склонностями или способностями, характеризуются особыми образованиями въ родѣ выпуклостей, бугорковъ, шеекъ. Онъ называлъ даже тѣ илиныя части коры большого мозга, соотвѣтствующія тѣмъ или инымъ способностямъ, «органами» этихъ способностей. Такихъ «органовъ» Галль насчитываетъ 27. Для практической психологіи было важно, поэтому, органъ, соотвѣтствующій особенно сильно развитой у даннаго лица способностямъ или способности, былъ также развитъ сильнее остальныхъ, и чтобы на внѣшней поверхности черепа ему соотвѣтствовалъ извѣстный бугорокъ. Изслѣдуя мѣста черепныя, соотвѣтствующія локализациі органовъ Галля (рис. 2), я пришелъ къ заключенію, что, съ точки зрѣнія значимости внѣшней формы черепа и формы мозговой поверхности, ихъ можно подраздѣлить на двѣ главныя категоріи.

Часть органовъ Галля соотвѣтствуетъ тѣмъ мѣстамъ поверхности черепа, которые покрыты сильными затылочными и височными мускулами, рельефъ, наблюдающійся здѣсь, очевидно вызванъ лежащими подъ этими частями мозга. Въ затылочной области сюда относится органъ I (половой влеченіе), въ височной области органы V, VI, VII и XIX; VI—хитрость.

ствительно имѣются вынуклости, соответствующія извилинамъ мозга. Хотя *Куссмауль*, а за нимъ *Бунге* и *Мэбѣусъ* приписываютъ Галлю открытіе центра рѣчи, но тѣмъ не менѣе галлевская локализція «чувства рѣчи» вовсе не совпадаетъ съ признаннымъ нынѣ центромъ рѣчи.

Здѣсь, какъ и при другихъ своихъ попыткахъ точнаго опредѣленія органовъ тѣхъ или иныхъ способностей, Галль натывается на недостаточность, имѣвшихся въ его время свѣдѣній о мозговыхъ извилинахъ. Но, конечно, признавая заслуги Галля въ общей области отношеній между черепомъ и мозгомъ, мы не можемъ, тѣмъ не менѣе, не признать, что многія частности его ученія не выдержали серьезной критики.

Такъ, послѣ Галля система его была настолько дискредитирована и поколеблена, что о дѣйствительныхъ заслугахъ Галля въ области анатоміи и физиологіи мозга сохранилось лишь слабое воспоминаніе. Въ концѣ концовъ произошло то, что въ новѣйшее время возникло, повидимому, совершенно новое ученіе о неодинаковомъ значеніи различныхъ частей коры большого мозга. между тѣмъ какъ въ сущности это ученіе должно быть отнесено всецѣло къ заслугамъ Галля. Пбо характерной чертой его ученія и является признаніе неодинаковаго значенія за различными частями поверхности большого мозга. Это была основная идея Галля, которую онъ всюду выдвигалъ на первое мѣсто. Съ тѣхъ поръ, какъ анатомія установила замѣтныя различія въ тончайшемъ строеніи коры большого мозга (что особенно хорошо было доказано систематическими работами *Рамонъ-и-Кахала*), не можетъ быть болѣе рѣчи объ одинаковомъ строеніи коры большого мозга.

Но новѣйшее ученіе о локализціи мозговыхъ функцій существенно отличается отъ галлевскаго тѣмъ, что оно не касается отдѣльных индивидовъ, тогда какъ ученіе Галля приводитъ въ связь односторонне развитыя способности *отдѣльныхъ индивидовъ* съ особенно сильно развитыми частями мозга, и Галль придаетъ этимъ частямъ мозга значеніе органовъ, которые у однихъ индивидовъ могутъ быть развиты особенно сильно, у другихъ слабѣе, у третьихъ почти совсѣмъ не развиты. Эта индивидуализція, по моему мнѣнію, отличается также и галлевскую психологію отъ современной. Именно, современныя локализціи касаются свойствъ, общихъ всѣмъ людямъ (сфера зрѣнія, сфера слуха и т. д.). Здѣсь, слѣдовательно, заключается главное отличіе отъ галлевскаго ученія объ индивидуальной локализціи.

На основѣ этого современнаго ученія объ общей локализціи постепенно вновь выросло, если можно такъ выразиться, ученіе объ индивидуальной локализціи, которое, хотя и не воспоминаетъ о Галлѣ и даже ничего не хочетъ о немъ знать, но тѣмъ не менѣе исходитъ изъ той мысли Галля, что у лицъ, обладающихъ специальными дарованіями, напр., математиковъ, музыкантовъ, художниковъ всякаго рода, опредѣленные части мозга должны быть развиты особенно сильно. Именно при изслѣдованіи мозговъ выдающихся людей не только старались опредѣлить вѣсъ ихъ или величину поверхности, но поступали совершенно такъ же, какъ поступалъ Галль, т. е. пытались привести способность, которой отличалась данная личность, въ связь съ той или иной, особенно сильно развитой, частью мозга. въ которой и видѣли именно центръ данной способности. Мы имѣемъ въ настоящее время точныя данныя о мозгахъ выдающихся музыкантовъ, математиковъ, физиологовъ, анатомовъ, государственныхъ людей и т. д. Въ общемъ, всѣ касающіяся ихъ изслѣдованія стоятъ на индивидуалистической точкѣ зрѣнія Галля. Въ одномъ только отношеніи эта современная френологія опирается на дѣйствительный базисъ. Именно, мы теперь обладаемъ настолько точнымъ знаніемъ извилинъ большого мозга, что

можемъ исполнѣ вѣрно опредѣлить, какая изъ нихъ той или иной выдающейся способности. Имѣющіяся у насъ изображенія поверхности большого мозга позволяютъ съ достаточной костью отмѣчать на нихъ всѣ замѣченныя у тѣхъ или иныхъ особенности въ строеніи. Но въ другомъ направленіи современныя логическія изслѣдованія не заходятъ такъ далеко, какъ старыя изслѣдованія Галля. Внутренній и внѣшній рельефъ черепа почти не принималъ въ расчетъ при новыхъ изслѣдованіяхъ. Только у *Рудингера* я встрѣчаю одно указаніе относительно черепа юриста *Вольфферта*: «выпуклость височной области могла быть вызвана только сильнымъ развитіемъ лобной и височной лопасти». Кромѣ того, *Кунферъ* и *Бессель-Ганс* въ своемъ описаніи черепа Канта полагаютъ, что сильная выпуклость височной части лобной кости находится въ связи съ центромъ рѣчи въ корѣ.

За этими немногими исключеніями современная френологія ограничивается, такимъ образомъ, лишь изслѣдованіемъ мозга и совершенно не касается соответствующихъ череповъ. Я говорю это не въ упрекъ современной наукѣ; изслѣдователи были вынуждены оставить въ сторонѣ череповъ и, кромѣ того, не были еще знакомы съ открытыми выпуклостями черепа, соответствующими опредѣленнымъ извилинамъ мозга. Въ новѣйшее время *П. И. Мэбиусъ* впервые вступилъ на путь, который въ общемъ былъ уже указанъ Галлемъ. Тѣ или иные характерныя выпуклости головы, наблюдаемыя у особенно развитыхъ въ духовномъ отношеніи людей, или наоборотъ, у людей одностороннихъ, объясняются въ концѣ концовъ именно ихъ характерными умственными качествами; изслѣдованіе головъ или череповъ выступаетъ у Мэбиуса на первый планъ. Само собою разумѣется, что въ силу чисто внѣшнихъ причинъ, одновременное изслѣдованіе мозга становится невозможнымъ.

Прежде всего, что касается математическаго органа Мэбиуса, соответствующаго галлевскому органу XVIII (численныхъ представлений), по Мэбиусу онъ заключается «въ ненормальномъ развитіи лобнаго угла, которое переходитъ въ гипертрофію области, охватываемой лобнымъ угломъ». По многочисленнымъ рисункамъ, которые приводитъ Мэбиусъ, не трудно убѣдиться въ вѣрности фізіономической характеристики; однако, не склоненъ объяснять выступаніе «лобнаго угла» у математика Мэбиуса сильнымъ развитіемъ мозговыхъ извилинъ.

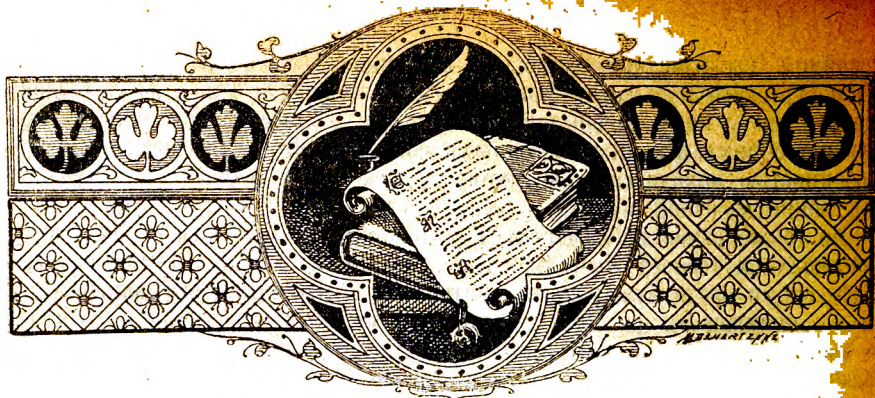
Во моемъ распоряженіи находятся десять превосходныхъ гипсовъ слѣшковъ съ череповъ выдающихся людей, самыхъ разнообразныхъ профессій и профессій; среди нихъ находятся черепа *Баха* и *Лейбница*. Смотря по степени развитія, я обозначаю различныя выпуклости цифрами такъ что 0 означаетъ отсутствіе сильнаго развитія, 4 соответствуетъ наибольшей степени развитія. Оказалось, что какъ у математика Мэбиуса (физіолога), такъ и у троихъ изъ четырехъ музыкантовъ въ значительной степени развита выпуклость, соответствующая третьей лобной извилине, особенно у *Гайдна* и *Бетховена*, но также и у *Баха*. Едва развитой оказалась только у Шуберта. Если бы мы имѣли только черепа *Гайдна* и *Бетховена*, то съ тѣмъ же правомъ, съ какимъ *П. И. Мэбиусъ*, на основаніи изслѣдованія черепа своего дѣда, приписываетъ сильное развитіе третьей лобной извилины математическому таланту, мы могли бы приписать его таланту музыкальному.

Я подошелъ, такимъ образомъ, къ локализациі музыкальнаго таланта, которая недавно снова послужила предметомъ изслѣдованія *Ауербаха*. Онъ считаетъ центромъ музыкальнаго таланта (Nr XVII Talent de la main) боковую лобную область, лежащую сверхъ органа численныхъ представлений.

Новѣйшія изслѣдованія Ауербаха, касавшіяся череповъ замѣчательнаго франкфуртскаго музыканта Конинга (Naret Koning) и Ганса фонъ-Бюлова, обнаружили у нихъ необычайную ширину и совершенно оригинальное строеніе обѣихъ верхнихъ височныхъ извилинъ. Въ соотвѣтствіи съ первой особенностью находится, повидимому, и совершенно необычная выпуклость собственно височной области.

Но то же самое наблюдается и у Лейбница, математика Мэбіуса, врача Вейсенбаха и теолога Мосгейма, т. е. у людей самыхъ разнообразныхъ профессій, и среди музыкантовъ опять-таки у Шуберта всего меньше. Если бы мы приняли въ расчетъ только рядъ музыкантовъ (кроме Шуберта), то можно было бы полагать, что Ауербахъ дасть разрѣшеніе задачи. Локализанія, расположенная по соотвѣству со сферой слуха, соотвѣтствовала бы только, какъ говорить Мэбіусъ, пассивной части музыкальнаго чувства, т. е. музыкальному слуху и музыкальному пониманію. Другой же центръ музыкальнаго чувства слѣдуетъ искать въ области третьей лобной извилины; здѣсь находится активная часть, центръ музыкальнаго творчества, т. е. способность передавать слышанную музыку и талантъ композиціи. Второй центръ скорѣе могъ бы соотвѣтствовать галлевскому органу музыкальнаго чувства. То обстоятельство, что онъ лежитъ въ области «извилины рѣчи» Брока, отнюдь не представляетъ тѣмъ-то невозможнымъ, такъ какъ, согласно Мэбіусу, «музыкальное творчество и даръ рѣчи родственны между собою». Какъ бы то ни было, но въ настоящее время нужно еще пока съ большою осторожностью на основаніи выпуклости черепа приписывать лежащимъ подъ нимъ частямъ мозга значеніе центровъ тѣхъ или иныхъ дарованій.

Мнѣ, кажется, удалось доказать, что френологія въ томъ смыслѣ, какъ я ее изложилъ, имѣетъ вполне научное основаніе. Френологическая локализанія въ томъ видѣ, какъ она выразилась въ новѣйшее время, особенно въ изслѣдованіи мозговъ выдающихся личностей, отличается отъ фзіологической такъ же, какъ индивидъ отличается отъ средняго уровня людей. Френологическая локализанія пытается локализовать на поверхности большого мозга способности или таланты, различно выраженные у различныхъ индивидовъ. Внѣшняя форма черепа при этихъ изслѣдованіяхъ почти совсѣмъ не принимается въ расчетъ. Наоборотъ, при методѣ Мэбіуса, который опредѣляетъ локализанію по внѣшнему виду черепа и, такимъ образомъ, прямо примыкаетъ къ опытамъ Галля, не принимается въ расчетъ форма, лежащихъ подъ соотвѣтствующими частями черепа, частей мозга. Мой методъ сравненія внѣшней формы черепа съ его внутренней формой стремится объединить и то, и другое. Но я пошелъ еще дальше. Въ нашей антропологической коллекціи имѣются черепа, гипсовые слѣпки черепной полости и мозги цѣлаго ряда индивидовъ. Для будущаго, дѣйствительно научно-френологическаго изслѣдованія необходимо, чтобы сравненіе послѣднихъ между собою шла рука объ руку съ сравненіемъ изображеній лица и головы по фотографіямъ или, еще лучше, по гипсовымъ слѣпкамъ. Только, когда мы будемъ обладать достаточно обширными и систематически распределеннымъ матеріаломъ, мы сможемъ вывести окончательное сужденіе также и относительно современныхъ френологическихъ попытокъ. Каковъ бы ни былъ результатъ изслѣдованій, которыя будутъ сдѣланы въ этомъ направленіи и обставлены строго критически, они не останутся безполезны. Въ томъ или иномъ направленіи они будутъ способствовать прогрессу нашего знанія.

С. Пелла.

Членъ совѣта общества Графологiи. Экспертъ при Сенскомъ трибуналѣ.

Графологiя и ея методы.

Графологiя—это изслѣдованiе отношенiй, которыя могутъ существовать между особенностями даннаго лица и его почеркомъ.

Обыкновенно смѣшиваютъ графологiю съ экспертизой почерка. Это—простое недоразумѣнiе. Цѣлью эксперта почерка является не установленiе связи между индивидуальными особенностями и естественнымъ почеркомъ, а опредѣленiе того, кто авторъ автографа, почеркъ котораго измѣненъ, кто поддѣлалъ данный документъ, если онъ, вообще, поддѣланъ. Въ концѣ концовъ это не значитъ вовсе, что знанiе графологiи бесполезно для экспертовъ. Напротивъ! Она даетъ имъ особенно могучiя средства изслѣдованiя, заставляя ихъ изучать графическiя явленiя, наблюдаемыя во всѣхъ алфавитахъ и обыкновенно безсознательныя.

Желая объяснить, что такое графологiя, прежде всего надо сказать, что она заключаетъ въ себѣ двѣ совершенно различныя, части. Первая—это *графономiя*, изслѣдованiе графическихъ явленiй, самихъ по себѣ, съ ихъ объективной стороны; вторая—*графотехнiя*—изысканiе характерныхъ чертъ индивида, опредѣляемыхъ по почерку, выработка графологическаго характера.

Первая изъ этихъ частей имѣетъ твердыя основы и, если дѣйствовать правильно, то даетъ всегда одни и тѣ-же результаты; она представляетъ изслѣдованiе самопроизвольныхъ явленiй, отношенiя причины къ дѣйствию, и можетъ быть сведена къ выраженiямъ естественныхъ законовъ; слѣдовательно это *наука*. Другая часть даетъ извѣстный просторъ произволу экспериментатора, и поэтому ее слѣдуетъ считать *искусствомъ*.

Такъ какъ графологiя состоитъ изъ двухъ частей, то я послѣдовательно разберу одну и другую.

«Графическiе» законы—я не говорю «законы письма», такъ какъ это было бы слишкомъ общо,—являются выраженiемъ психо-физическаго состоянiя организма; ихъ можно формулировать такъ:

„Мозговой аппаратъ, отъ котораго зависятъ жесты при письмѣ, находится въ связи съ органическимъ состоянiемъ мозга и варьируетъ въ зависимости отъ измѣненiй его состоянiя. Характеръ письма находится, такимъ образомъ, въ гармонiи съ разнообразiемъ

устройства мозга, съ одной стороны, и съ его временнымъ состояниемъ, съ другой, и следовательно, находится въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ физическхъ явленій". Такое явленіе нельзя считать очевиднымъ, но въ немъ нѣтъ ничего невброднаго, и опытъ уста навливаетъ его существованіе.

Говоря, что ничего не стоитъ измѣнить свой почеркъ, думаютъ подорвать всѣ основанія графологіи. Это недоразумѣніе! Можно при письмѣ пользоваться разными алфавитами, какъ пользуются различными нарѣчіями при разговорѣ, но вопросъ вѣдь совсѣмъ не въ этомъ, потому что этихъ не измѣняются характерныя черты почерка: твердость и гибкость линій, размахъ движеній, производимыхъ перомъ и т. д... При нѣкоторомъ усиліи можно, конечно, измѣнить эти линіи, но въ нихъ проявятся усилія, сдѣланныя для произвольнаго измѣненія почерка, что опять-таки подтвердитъ законосообразность этихъ явленій. Здѣсь, какъ вездѣ, можно управлять природой, только подчиняясь ея законамъ и было-бы ребячествомъ отрицать законы графологіи подъ тѣмъ предлогомъ, что можно измѣнить почеркъ. Это все-равно, какъ если-бы кто нибудь сталъ отрицать законъ тяжести потому, что есть инженеры, которые останавливаютъ водопады.

Я не могу разобрать подробно законы графологіи, которые очень сложны и многочисленны, но я приведу здѣсь нѣкоторые изъ нихъ.

«Почеркъ человѣка подчиняется нервнымъ приливамъ энергіи, и потому онъ прерывистъ, какъ и другія движенія человѣка. Волненіе еще болѣе увеличиваетъ неравномѣрность линій. — Альтруистическія и эгоистическія черты въ почеркѣ опредѣляются безсознательнымъ отношеніемъ пишущаго къ работѣ. Когда пишуть, то я нахожусь въ дѣйствіи, но безсознательное чувство дѣйствующаго я проходитъ интервалы возбужденія и слабости. Оно достигаетъ наибольшей интенсивности, когда нужно сдѣлать усиліе, т. е. въ началѣ, и своего наименьшаго, когда движеніе перомъ является повторнымъ, вслѣдствіе пріобрѣтеннаго пишущаго, т. е. въ концѣ словъ. Отсюда слѣдуетъ, что, когда отрывокъ письма, составленный, какъ нѣчто цѣлое, разсматриваютъ какъ характерную письменную группу, то изъ взаимоотношенія его первой части ко второй можно опредѣлить характеръ писавшаго. Выраженіе воли въ письмѣ является показателемъ затраченной энергіи, энергіи мускульной, которая сама является слѣдствіемъ затраченной энергіи мозга...»

Графическіе законы совершенно не зависятъ отъ употребляемой азбуки; они одинаково проявляются при разныхъ формахъ письма и выражаются въ законахъ, гдѣ не имѣетъ никакого значенія опредѣленный типъ буквъ.

Въ общемъ существуютъ законы, представляющіе зависимость почерка отъ *темперамента, патологическихъ состояній, чувствительности альтруистическихъ и эгоистическихъ движеній мысли, — проявленій воли, умственной дѣятельности и, наконецъ, голоса.*

И обращаю вниманіе на послѣднюю изъ перечисленныхъ мною зависимость. Зависимость, существующая между почеркомъ и голосомъ, совершенно игнорируется публикой, а между тѣмъ она уже давно научно установлена. Она относится къ спеціальному отдѣлу графологіи, носящему названіе фонографологіи и всецѣло обязанному своимъ успѣхомъ любопытнымъ опытамъ и работамъ г-на Элуа, профессора графологическаго общества.

На основаніи почерка можно вывести заключеніе, является-ли голосъ высокимъ или низкимъ, звонкимъ или глухимъ, нѣжнымъ или ласкающимъ или непріятнымъ, рѣзко выдѣляющимся изъ окружающаго шума или, напротивъ, гармонизирующимъ съ окружающимъ.

Собственно говоря графическихъ законовъ, установившихся характера не существуетъ. Имѣющіеся законы установились въ отношеніи между чувствами, дѣйствующими на умъ, и почерка. Часто и сильно переживаемыя чувства создают привычку, и эта привычка остается, несмотря на то, что чувства уходятъ изъ пландъ; но происхожденіе этихъ явленій почерка объясняется тѣмъ нымъ состояніемъ духа.

Методы, примѣняемые при изысканіи графическихъ законовъ, разнообразны и многочисленны, какъ сами эти законы.

Я кратко формулирую главные изъ нихъ:

1° Всѣ особенности почерка данного индивида соответствуютъ ностямъ его психологіи.

2° При сравненіи мы находимъ общія характерныя черты и свойственныя всѣмъ расамъ.

3° Изученіе эволюціи письма одной и той же расы на различныхъ степеняхъ цивилизаціи (культуры).

(Эти первые методы являются скорѣе плодомъ изслѣдованій, логическихъ выводовъ. Слѣдующія-же, основываясь на измѣненіяхъ состоянія духа одного и того же лица, являются строго продуманными опытами).

4° Необходимо довольно продолжительное время непосредственно наблюдать мимолетныя измѣненія почерка субъектовъ, которые кажутся подъ вліяніемъ обстоятельствъ.

5° Изученіе экспромптовъ написанныхъ отрывковъ для опредѣленія тѣхъ состояній духа, которыя рѣдко переживаются и которыя обнаруживаются случайными чертами почерка.

6° Изученіе измѣненій, происходящихъ въ почеркѣ субъектовъ, подъ вліяніемъ внушенія.

7° Изученіе измѣненій почерка у субъектовъ, подвергнутыхъ психическому сну, во время котораго ему послѣдовательно внушаютъ опредѣленные чувства.

8° Изученіе почерка умалишенныхъ, болѣзнь которыхъ связаны въ связи съ аномальнымъ развитіемъ чувства.

Я перехожу теперь ко второй части графологіи, изучающей внутреннюю сторону субъекта.

Задача ставится слѣдующимъ образомъ. Можно-ли на основании данныхъ изученія почерка опредѣлить характеръ человѣка?..

Графологи думаютъ, что «да», но при условіи, что будутъ приняты во вниманіе нѣкоторые изученные опыты.

Что-же такое характеръ? Можно сказать, что всѣ люди, за исключеніемъ умалишенныхъ, обладаютъ одними и тѣми-же чувствами, въ различныхъ степеняхъ имѣютъ одни и тѣ же достоинства и недостатки: въ дѣйствительности одинъ характеръ отличается отъ другого большимъ или меньшимъ количествомъ опредѣленныхъ свойствъ... Анализировать характеръ не значитъ указать всѣ возможныя его проявленія, но установить основныя тенденціи, образующія характеръ и взаимно вліяющія другъ на друга. Задача графолога заключается, слѣдовательно, не въ томъ, чтобы выделять всѣ особенности изучаемаго почерка, но выбрать между тѣми, которыя выделяются изъ общаго состава. Очевидно, чтобы довести работу до конца, нужно, чтобы автографы были длинны и въ точномъ количествѣ.

Кромѣ того, нельзя брать какіе-бы то ни было автографы: нужно, чтобы они были написаны при относительно нормальныхъ условіяхъ. Нельзя пользоваться автографами, написанными при дурныхъ условіяхъ, могущихъ маскировать почеркъ (плохой сортъ бумаги, и т.д.).

мая бумага, слизія чернила, испорченное перо и т. д.), или во время приступа лихорадки, подъ влияніемъ сильнаго чувства, въ подавленномъ или возбужденномъ состояніи и т. д...

Почти необходимо, кроме этого, чтобы эти автографы были написаны помимо какихъ бы то ни было постороннихъ влияній. Мы считаемъ неудобнымъ для изслѣдованія: каллиграфическія работы, подложные документы, модный почеркъ, письмо малограмотныхъ, и письмо, находящееся подъ влияніемъ такого воспитательнаго метода, который подавляетъ естественные рефлексы и т. д.

Очевидно, что всѣ эти условія ограничиваютъ поле примѣненія графологии при изученіи характеровъ, но также вѣрно и то, что оно достаточно обширно, и что *необходимыя при этомъ экспериментальныя условія точно извѣстны и опредѣлены.*

Что касается изслѣдованій, то они не всѣмъ доступны и должны производиться систематически по особымъ правиламъ, указаннымъ Крепье-Жаменомъ (Crepieux-Jamain), комментированнымъ и слегка дополненнымъ въ лекціяхъ Элуа; они требуютъ способностей диагностики, нѣкотораго пониманія жизни и людей: необходима извѣстная проницательность, чтобы отличать характерныя черты почерка, ихъ группировку по интенсивности и повторяемости, обращая вниманіе на то, что характерныя линии не идутъ, какъ серіи этикетки, а представляютъ собою взаимно дѣйствующие элементы. Удастся дать графологическіе портреты только тѣхъ индивидовъ, психологія которыхъ также доступна изученію безъ спеціальной подготовки; нельзя анализировать почеркъ умалишенныхъ и лицъ другой расы; невозможно также опредѣлить нравственную фізіономію тѣхъ, которые значительно превосходятъ насъ по своимъ качествамъ или, напротивъ, стоятъ слишкомъ низко по своимъ чувствамъ.

На основаніи вышеуказанныхъ экспериментальныхъ данныхъ, каковы же доводы, на которыхъ графологи основываютъ опредѣленіе характера? Здѣсь надо признаться, что они существуютъ только для графическихъ законовъ; лабораторныя работы отсутствуютъ и трудно даже избѣжать критики въ этой области. Факты, мотивирующие это опредѣленіе, взяты изъ повседневнаго опыта, но все-таки они кажутся убѣдительными. (Психологическое вліяніе, которое можно оказывать на людей, благодаря знанію ихъ почерка; систематическое, часто происходящее приглашеніе служащихъ патронами, на основаніи изслѣдованій графологовъ; плуты, почти на колѣняхъ умоляющіе не говорить о нихъ то, что извѣстно только изъ ихъ почерка и т. д...).

Графологія—это одна изъ отраслей науки, отчасти не признаваемыхъ, по крайней мѣрѣ, во Франціи. Этотъ фактъ объясняется, но не оправдывается вслѣдствіемъ стеченіями обстоятельствъ. Часто приходится слышать о своевременности общаго пересмотра графологии. Идея эта вполне приемлема, но тѣ, которые ее высказываютъ, некомпетентны и не имѣютъ никакого понятія о томъ количествѣ библиографическихъ работъ, которыя ее охватываютъ. Альфредъ Бине сдѣлалъ попытку критическаго очерка графологии. Съ своей стороны онъ не дѣлалъ никакихъ попытокъ къ изслѣдованію, но предложилъ графологамъ цѣлый рядъ задачъ. Отчетъ объ опытахъ и сдѣланныхъ имъ выводахъ напечатанъ въ работѣ, озаглавленной «Открытія въ письмѣ, научно проверенныя». Работа Бине сдѣлалась злобой дня, хотя и не представляетъ большого интереса для графологии. Это легко доказать.

1° Вопреки заглавію, Бине совершенно не касается научной стороны графологии, обративъ вниманіе только на область искусства; онъ не привелъ ни одного изъ ея законовъ.

2° Въ его работѣ мы не видимъ первоначальнаго изслѣдованія графологіи на двѣ части; въ этомъ отношеніи читатель ни на что не можетъ разсчитывать, что читатель совершенно не можетъ разобраться.

3° Бине выступилъ съ опытами надъ поломъ и возрастомъ съ тѣмъ, что выводитъ изъ нормальной области графологіи. Чтобы объ экспериментаторѣ, который для того, чтобы удостовѣриться въ основныя физики, началъ съ вопроса, будетъ-ли въ теченіе трехъ хорошая погода, и поставилъ бы это первое изслѣдованіе въ области произведенія.

4° Занявшись изученіемъ графологіи, Бине не обратилъ вниманія на выработанныя уже опытомъ условія изученія, предполагая, что они опредѣленны и логичны. Онъ представляетъ процентное, чтобы придать графологическимъ выводамъ математическую точность, къ сожалѣнію, они лишены всякаго научаго основанія: онъ работаетъ только съ данными, на которые ему лично пришла охота обратиться.

Анализируя опыты Бине, математикъ Эмиль Борель доказалъ, совершенно не удалось подтвердить причины, вліявшія на его выводы, предоставляю имъ полемизировать по этому поводу, но съ своей стороны замѣчу, что критика Бореля ничего не можетъ доказать противъ графологіи, потому что онъ разсматриваетъ детали и не видитъ Бине, который самъ по себѣ безпощаденъ.

Въ чемъ-же должна заключаться общая, научная критика графологіи? Вотъ что отвѣчаетъ логика.

Слѣдовало-бы начать съ таблицы графическихъ законовъ, давая точное ихъ опредѣленіе, давая даже при случаѣ нѣсколько опредѣленій одного и того-же закона. Затѣмъ, надо для каждого закона завести въ родѣ «дѣла», въ которомъ будутъ приведены доказательства и на которыхъ основывается законъ, что дастъ возможность подвергнуть рациональной провѣркѣ. Затѣмъ изслѣдователи терпѣливо произведутъ свои опыты, начиная, насколько возможно, съ общихъ законовъ.

Когда графическіе законы будутъ провѣрены, ихъ опредѣленія сформулированы, тогда, чтобы сдѣлать работу болѣе полной, нужно привести опыты надъ тѣми приспособленіями, которыя являются слѣдствіемъ намѣреннаго измѣненія почерка.

Что происходитъ, когда хотятъ очень красиво писать, когда имѣютъ почерку другого, когда умышленно измѣняютъ свой собственный почеркъ, когда, зная графологію, стараются измѣнить въ своемъ почеркѣ основныя черты?..

Ко всемъ этимъ вопросамъ можно примѣнить общія идеи, потому что каждое усиліе также совершается по опредѣленнымъ правиламъ, и можно попытаться измѣнить все безсознательныя явленія; они уже изучены и всегда принимаются во вниманіе.

Затѣмъ приступаютъ ко второй части графологіи, области изслѣдованій. Изслѣдованія должны быть направлены на опредѣленіе всего характера вообще или сперва на опредѣленіе частныхъ, къ нему относящихся, но не представляющихъ всей его полноты, каковы степень умственныхъ способности или качества. Изслѣдованію долженъ предшествовать самый точный разборъ причинъ заблужденій, происходившихъ изъ дурного выбора автографовъ. Должна быть составлена таблица изслѣдованій причинъ такихъ промаховъ, и ихъ слѣдуетъ тщательно изслѣдывать, разсматривая кромѣ того степень ихъ вреднаго вліянія на результаты.

Общая критика графологіи, по моему плану, была бы очень полезна. Она потребуетъ, безъ сомнѣнія, много лѣтъ работы и усилій многихъ трудящихся.

Проф. О. Хвольсонъ *).

Объ одномъ замѣ- чательномъ свой- ствѣ углерода.

Въ послѣдующемъ изложеніи я попытаюсь познакомить читателей журнала съ весьма замѣчательнымъ свойствомъ углерода,—со свойствомъ, которое только въ последнее время всесторонне было изслѣдовано. Я го-

ворю о такъ называемой теплоемкости углерода и о зависимости ея отъ температуры.

Но сначала я позволю себѣ напомнить рядъ несложныхъ понятій и фактовъ.

Общеизвѣстно, что теплота не есть особое вещество, хотя не только въ обыденной, но и въ строго научной рѣчи мы привыкли говорить о теплотѣ, что „она отнята у тѣла“, что „тѣло терять теплоту“, что „теплота отъ одного тѣла перешла къ другому“. Даже при явленіи теплопроводности внутри одного и того же тѣла мы говоримъ о переходѣ теплоты отъ горячей къ холодной части тѣла.

Еще не особенно давно считали теплоту, дѣйствительно, за особое вещество; но теперь мы съ достовѣрностью знаемъ, что такого вещества не существуетъ, что тепловое состояніе тѣла, т. е. его температура, определяется исключительно напряженностью движенія наименьшихъ частицъ—молекулъ—изъ которыхъ тѣло состоитъ. Эти молекулы никогда не бываютъ въ состояніи покоя, но находятся въ постоянномъ, крайне быстромъ движеніи. Въ твердыхъ тѣлахъ, гдѣ молекулы расположены вблизи одна другой и гдѣ, поэтому, движенію каждой молекулы предоставленъ лишь незначительный просторъ, это движеніе должно имѣть видъ неправильнаго колебанія, какъ-бы сильнаго дрожанія. Въ жидкихъ тѣлахъ, гдѣ свободная подвижность молекулъ большая, эти молекулы не только колеблются, но также скользятъ одна мимо другой и, такимъ образомъ, мѣняютъ свои мѣста. Внутри жидкости происходитъ, слѣдовательно, постоянное, иногда, правда, довольно медленное перемѣшиваніе молекулъ.

Слѣды такого передвиженія молекулъ можно замѣтить даже и въ твердыхъ тѣлахъ, но здѣсь это движеніе несравненно медленнѣе, нежели жидкостяхъ.

Въ газахъ молекулы удалены другъ отъ друга на значительное раз-
ваніе; каждая движется прямолинейно до тѣхъ поръ, пока при столкно-

*) Переводъ съ нѣм., просмотрѣнный авторомъ.

веніи съ другими молекулами или вслѣдствіе сопротивленія твердаго тѣла, напримѣръ, стѣнокъ сосуда, она не можетъ перемѣнить направленія своего движенія.

Температура тѣла вполне опредѣляется напряженностью молекулъ. „Тѣло становится теплѣе“—это значитъ, что его молекулы бѣгаютъ большую интенсивность движенія, быстрѣе скользятъ съ мѣста на другое, сильнѣе одна на другую напираютъ. Поэтому охлажденіе тѣла есть ничто иное, какъ замедленіе его молекулярнаго движенія.

Легко постигнуть теперь кажущееся теченіе тепла отъ горячей части тѣла къ болѣе холодной. Въ первой молекулярное движеніе, нежели во второй.

При столкновеніи молекулъ, движущіяся быстрѣе увеличиваютъ свои движенія болѣе медленныхъ; быстрота послѣднихъ увеличивается, температура соответствующаго мѣста возрастаетъ. Движеніе болѣе быстрыхъ при столкновеніи молекулъ, наоборотъ, замедляется, температура понижается. Такимъ образомъ, мы получаемъ впечатлѣніе, что вещество, теплота, какъ-бы переходитъ изъ одного мѣста въ другое.

Тотъ фактъ, что теплота не есть вещество, особенно ясно проявляется явленіемъ ея свободнаго возникновенія и исчезновенія. Мы знаемъ, что при треніи появляется теплота и, что она исчезаетъ, когда для выполненія работы, т. е. для преодоленія какого-либо сопротивленія. Газъ охлаждается, когда онъ расширяется и преодолеваетъ въ этомъ большее давленіе. Также охлаждаются пары воды, когда въ паровой машинѣ они приводятъ въ движеніе поршень. Въ этихъ примѣрахъ мы имѣемъ дѣло съ такъ называемой „внѣшней“ теплотой, т. е. съ преодоленіемъ дѣйствующаго на тѣло внѣшняго давленія, которое оказываетъ сопротивленіе его расширенію. Но въ тѣлахъ существуютъ внутренняя работа, которая выражается въ опредѣленныхъ явленіяхъ тѣла. Видно очевидно, что между молекулами тѣла дѣйствуютъ опредѣленные силы, прочно ихъ связующія, поэтому, каждой попыткѣ удалить молекулы другъ отъ друга, требуется мощное противодѣйствіе. Дабы разъединить части твердаго тѣла, должна быть затрата большая работа. Эти внутреннія силы мы имѣемъ кратко терминомъ „молекулярныя силы“. И не только при разъединеніи, но даже въ томъ случаѣ, когда сдѣланіе между молекулами довольно слабо, противодѣйствіе молекулярныхъ силъ требуетъ большой работы.

Хотя теплота, такимъ образомъ, не есть какое-либо вещество, мы можемъ говорить о количествѣ теплоты и подвергать ее, какъ и другую величину, измѣренію. Для этого должна быть прежде всего установлена единица мѣры, которая при этомъ измѣреніи играла бы такую же роль, какъ метръ при измѣреніи длины, какъ килограммъ при вѣсѣ и т. д. Такой единицей измѣренія служитъ такъ называемый калорія, которая есть количество теплоты, достаточное для того, чтобы температуру одного грамма воды повысить на 1 градусъ. Очевидно, такимъ образомъ, что для нагреванія 40 граммъ воды съ 15° до 55° (или только на 10°) требуется $10 \times 40 = 400$ калорій теплоты.

Представимъ себѣ теперь, что мы имѣемъ предъ собою тѣла, изъ которыхъ каждое вѣсомъ въ 1 (одинъ) граммъ, — ртуть, свинецъ, мраморъ, стекло, дерево, сѣра, спиртъ, масло, углекислота и т. д. Тогда оказывается, что для повышения температуры всѣхъ этихъ равныхъ по вѣсу (одинъ граммъ) тѣлъ на одинъ градусъ требуются различныя количества теплоты. Въ то время, какъ для

для одного грамма воды на 1° потребна 1 калорія, для одинаковаго количества одного грамма ртути достаточно $\frac{1}{30}$ калорій; одной калоріи, следовательно, достаточно, чтобы нагрѣть 1 граммъ ртути на 30° , — нагрѣть же воду до 50° .

Один граммъ мѣди достаточно $\frac{1}{10}$ калорій, для грамма алкоголя необходимо $\frac{1}{2}$ калорій (точно 0, 566), для грамма свѣры $\frac{1}{3}$ калорій, для льда (для повышенія температуры, напимѣръ, съ -5° до -4°) $\frac{1}{2}$ калорій. Приведенныя здѣсь числа называются теплоемкостью соответствующихъ веществъ. Такимъ образомъ, теплоемкость воды 1, ртути $=\frac{1}{30}$, мѣди $=\frac{1}{10}$, льда $\frac{1}{2}$ и т. д.

Здѣсь возникаетъ интересный вопросъ, именно: зависитъ ли теплоемкость вещества отъ его температуры, или нѣтъ, т. е. одинаковое ли количество теплоты потребно, чтобы повысить температуру одного грамма воды отъ 0° до 1° , отъ 50° до 51° , отъ 200° — 201° , отъ 1000° до 1001° , отъ -100° до -99° и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ повышение температуры одинаково, именно одинъ градусъ, но основныя температуры разнятся въ приведенныхъ примѣрахъ между -100° и $+1000^{\circ}$ градусами. Тому вопросу было посвящено много изслѣдованій, и было доказано, что теплоемкость тѣла зависитъ отъ температуры и вообще повышается съ повышеніемъ температуры.

Чтобы понять причины этого явленія, необходимо уяснить себѣ, что такое дѣлается съ теплотой, которая притекаетъ къ тѣлу.

Извѣстно, что эта теплота въ общемъ распадается на три части. Первая часть служитъ собственно повышенію температуры, т. е. заключается въ увеличеніи быстроты движенія молекулъ. Эта часть, конечно, является непосредственно ощутимой, — теплотой, поддающейся мѣрѣ съ помощью термометра.

Вторая часть притекающей теплоты исчезаетъ, какъ идущая на работу, такъ какъ при нагрѣваніи тѣло расширяется, и при этомъ должно преодолѣть внѣшнее давленіе, противодействующее расширенію. Такимъ внѣшнимъ давленіемъ является, напимѣръ, давленіе воздуха, распространяющееся со всѣхъ сторонъ на всѣ находящіяся въ воздухѣ тѣла. Такимъ образомъ, при нагрѣваніи тѣла въ воздухѣ, часть притекающей къ тѣлу теплоты должна пойти на то, чтобы отодвинуть воздухъ со всѣхъ сторонъ, пока тѣло расширится.

Третья часть притекающей теплоты также исчезаетъ, такъ какъ она идетъ на внутреннюю работу для преодоленія дѣйствующихъ между молекулами силъ, о которыхъ была рѣчь выше. Повышеніе температуры всегда сопровождается ослабленіемъ внутренняго строенія тѣла, какъ это явствуетъ изъ расширенія тѣла, которое, очевидно, можетъ быть вызвано лишь уменьшеніемъ промежуточныхъ разстояній между молекулами. Кроме того, извѣстно, что при повышеніи температуры различныя свойства тѣлъ изменяются и притомъ такъ, что эти измѣненія могутъ быть объяснены именно этимъ же фактомъ измѣненія внутренняго строенія тѣлъ. Тѣла становятся, напимѣръ, болѣе гибкими, болѣе ковкими; ихъ можно легче сломать, порвать; во многихъ случаяхъ ихъ упругость становится небольшою; нерѣдко они становятся мягкими, какъ мы замѣчаемъ это, когда варимъ, у стали, стекла, сургуча и т. д. Безъ всякаго колебанія можно сказать, что нагрѣваніе тѣла связано съ внутренней въ немъ работой, и издерживается третья часть притекающей теплоты.

Возникаетъ интересный вопросъ: въ какомъ же отношеніи между собой находятся эти три части притекающей теплоты? Изъ наблюденій оказывается, что здѣсь возможны различныя случаи, что нерѣдко одна изъ

этихъ частей совершенно пропадаетъ, и что главенствующая часть отъ одной переходитъ къ другой. Это станетъ вполне яснымъ, если возьмемъ нѣсколько примѣровъ.

У газовъ, молекулы которыхъ отдалены другъ отъ друга настолько, что, не оказывая почти никакого дѣйствія другъ на друга, они при давленіи не могутъ оказать и существеннаго противодѣйствія, можно считать притекающей теплоты (внутренняя работа) принять равной нулю. Если же газъ въ герметически закупоренномъ сосудѣ, въ стеклянномъ цилиндрѣ, такъ какъ расширеніе при такомъ нагреваніи произойти не можетъ, и внѣшняя работа, т. е. 2-ая часть притекающей теплоты, отпадетъ, останется только первая часть. Вся притекающая теплота идетъ, образно, на повышение температуры газа, т. е. на увеличеніе скорости движенія составляющихъ тѣло молекулъ. Но лишь только газъ нагревается при возможности его расширенія, напримѣръ, въ цилиндрѣ, гдѣ движется поршень, тотчасъ появляется внѣшняя работа, которая составляетъ весьма значительную часть теплоты. Когда нагревается, напримѣръ, воздухъ при условіи его свободнаго расширенія, почти 29% притекающей теплоты идутъ на преодоленіе внѣшняго давленія и только 71% дѣйствительное нагреваніе его. У нѣкоторыхъ газовъ на внѣшнюю работу идетъ 40%, т. е. $\frac{2}{5}$ притекающей теплоты. Въ твердыхъ и жидкихъ тѣлахъ, тепловое расширеніе которыхъ незначительно, можно считать (внѣшняя работа) притекающей теплоты практически считать равной нулю при условіи, что эти тѣла находятся подъ нормальнымъ атмосфернымъ давленіемъ. Но третья часть никогда не равняется 0. Часть притекающей теплоты идетъ на внутреннюю работу. Эта внутренняя работа тѣмъ больше, чѣмъ ближе твердое тѣло къ своей точкѣ плавленія. Въ достиженіи ея начинается громадная внутренняя работа, которая съ переходомъ тѣла изъ твердаго состоянія въ жидкое. Въ этотъ моментъ окончательно продолжается то прочное сѣщеніе молекулъ, которое характеризуетъ твердое состояніе тѣла,—и на мѣсто этого сѣщенія идетъ свободное расположеніе молекулъ въ жидкости. Въ этотъ моментъ притекающая теплота идетъ исключительно на внутреннюю работу. На практике извѣстно, что во все время плавленія, несмотря на притекающую теплоту, температура тѣла остается неизмѣнной. Количество теплоты, идущей въ это время на внутреннюю работу, очень велико.

Такъ, при плавленіи одного грамма льда, на внутреннюю работу идетъ 80 калорій, количество достаточное для того, чтобы нагрѣть 1 граммъ воды отъ 0° до 80° или для того, чтобы повысить температуру 1 грамма воды на 1°. Эта теплота, идущая при плавленіи на внутреннюю въ немъ работу, обыкновенно называется скрытой теплотой плавленія,—выраженіе, могущее очень легко ввести въ заблужденіе. Должно думать, что эта теплота въ жидкости находится въ какомъ-то скрытомъ состояніи. Дѣло въ томъ, что когда теплота идетъ на какую-нибудь работу, то она перестаетъ уже быть теплотой, и образуется особая форма энергіи, которая въ другихъ случаяхъ опять превратится въ теплоту. Когда въ паровой машинѣ часть пара идетъ на то, чтобы привести въ движеніе маховое колесо, то эту энергію движенія колеса не назовешь особымъ состояніемъ, хотя она и можетъ вновь проявиться при треніи колеса объ его валъ, также и скрытая теплота плавленія не есть особый видъ теплоты, что совершенно иное, такъ называемая потенциальная энергія, мы здѣсь касаться не будемъ. При отвердѣваніи жидкости она превращается въ теплоту.

То же самое явленіе происходитъ и при кипѣніи жидкости.

также притекающая теплота почти цѣлкомъ идетъ на внутреннюю работу, необходимую для того, чтобы, порвавъ сѣппленіе молекулъ жидкости, образовать паръ. Но при кипѣніи часть теплоты идетъ все-таки на внѣшнюю работу; такъ какъ паръ занимаетъ пространство гораздо большее, чѣмъ жидкость, и такъ какъ кипѣніе, слѣдовательно, сопряжено съ расширеніемъ, — то должна быть затрата работа на преодоленіе внѣшнего давленія воздуха. Здѣсь мы имѣемъ примѣръ, когда проявляются только 2-ая и 3-ья часть теплоты, въ то время, какъ первая равна нулю. Изъ вышеприведенныхъ соображеній мы видимъ, что скрытая теплота, т. е. теплота, неподдающаяся измѣренію термометромъ, появляется не только при плавленіи и кипѣніи (или парообразованіи); мы видимъ, что постоянно у твердыхъ и жидкихъ тѣлъ часть теплоты скрывается, т. е. употребляется для внутренней работы, — въ то время, какъ другая часть идетъ собственно на повышеніе температуры тѣла.

Теперь становится вполне понятнымъ, что теплоемкость твердаго или жидкаго тѣла дѣлается тѣмъ большею, чѣмъ выше температура. Вѣроятно, что теплота, идущая на повышеніе температуры тѣла (1-ая часть) не зависитъ отъ температуры. По вторая часть, идущая на внутреннюю работу, возрастаетъ съ повышеніемъ температуры. Отсюда слѣдуетъ, что количество теплоты, необходимое для того, чтобы нагрѣть 1 граммъ твердаго или жидкаго тѣла на 1 градусъ, т. е. теплоемкость тѣла, возрастаетъ съ температурой, какъ это и было показано выше.

Разсмотримъ еще знаменитый законъ Дюлонга и Пти, который распространяется на теплоемкость опредѣленныхъ твердыхъ тѣлъ. Общеизвѣстно, что окружающія насъ тѣла, вѣрнѣе — вещества, разсматриваются, какъ химическія соединенія, образовавшіяся изъ опредѣленныхъ элементовъ. Въ эти элементы, химически дальнѣе не разложимыя, принадлежатъ всѣ металлы и, кромѣ того, значительное число не металлическихъ веществъ; изъ нихъ мы назовемъ газы: кислородъ, азотъ, водородъ, хлоръ, жидкій бромъ, и твердые тѣла — свѣра, фосфоръ, углеродъ и іодъ. Элементы состоятъ изъ атомовъ, которые дальнѣе недѣлимы. Мы не будемъ здѣсь разсматривать недавно введеннаго понятія о разложеніи атомовъ. Молекулы элемента состоятъ, конечно, изъ однородныхъ атомовъ, тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ; такъ, молекула кислорода состоитъ изъ двухъ атомовъ кислорода. Молекула химическаго соединенія содержитъ, напротивъ, разнородные атомы тѣхъ самыхъ элементовъ, изъ которыхъ это соединеніе состоитъ. Вообразимъ, что мы имѣемъ передъ собою атомы различныхъ металлическихъ и неметаллическихъ элементовъ. Можно строго доказать, что эти атомы имѣютъ различный вѣсъ, и химія обладаетъ цѣлымъ рядомъ методовъ сравненія вѣса атомовъ различныхъ элементовъ между собой. Доказано, что наиболѣе легкій между ними есть атомъ водорода. Атомъ кислорода въ 16 разъ, азота въ 14 разъ, углерода въ 12 разъ, серы въ 32 раза, мѣди въ 63 раза, серебра въ 107 разъ, ртути въ 200 разъ — тяжелѣе атома водорода. Эти числа называются атомнымъ вѣсомъ соответствующаго элемента. Это — вѣса атомовъ элементовъ, когда вѣсъ атома водорода равенъ 1. Поэтому, атомный вѣсъ водорода = 1, углерода = 12, мѣди = 63 и т. д.

Французскіе ученые Дюлонгъ и Пти сдѣлали замѣчательное открытіе, заключающееся въ томъ, что если перемножить числа, выражающія атомный вѣсъ и теплоемкость, то въ произведеніи получится число, близкое къ 6-ти. Несмотря на то, что оба множителя этого произведенія постоянно колеблются между далекими предѣлами. Съ увеличеніемъ одного неизмѣнно уменьшается другой. Это произведеніе мы назовемъ «числомъ Дюлонга-Пти» или, обозначивъ кратко — «числомъ Д.-П.». Для

ислѣдованій. Прежде всего оказалось, что теплоемкость углерода быстро растетъ съ возрастаніемъ температуры, вслѣдствіе чего растетъ и число Д.-П.

При температурѣ 985° получаются уже инныя числа, данныя для графита и алмаза въ слѣдующей таблицѣ:

	Атомный вѣсъ.	Теплоемкость при 985°.	число Д.-П.
Графитъ . . .	12	0,467	5,60
Алмазъ. . . .	12	0,459	5,49

Сравнивая эту таблицу съ предшествующей, мы видимъ какъ поразительно быстро растетъ теплоемкость. Число Д.-П. приблизилось почти къ его нормальному значенію, котораго оно, вѣроятно, и достигло бы при дальнѣйшемъ возрастаніи температуры.

Но особенно интересно то, что огромное различіе между числомъ Д.-П. для графита и тѣмъ же числомъ для алмаза исчезаетъ, такъ какъ теплоемкость алмаза измѣняется сильнѣе, чѣмъ теплоемкость графита; при 985° она почти въ 4 раза больше, чѣмъ при комнатной температурѣ.

Теперь представляется въ высшей степени интереснымъ изслѣдовать это явленіе въ обратномъ направленіи, т. е. опредѣлить теплоемкость углерода при очень низкой температурѣ. Прежде другихъ надъ этимъ вопросомъ работалъ нѣмецкій ученый Бенъ; онъ опредѣлилъ среднее значеніе теплоемкости графита между $+18^{\circ}$ и -79° , а затѣмъ и между -79° и -186° . Замѣтимъ, что -79° есть температура твердой углекислоты, а -186° есть температура жидкаго воздуха.

Результаты Бена приведены въ нижеслѣдующей таблицѣ, гдѣ атомный вѣсъ углерода (12) не обозначенъ.

Д л я г р а ф и т а (Бенъ).

Между $+18^{\circ}$ и -79°		между -79° и -186°	
Теплоемк.	Число Д.-П.	Теплоемкость.	Число Д.-П.
0,142	1,7	0,075	0,9

При комнатной температурѣ мы имѣли: теплоемкость 0,202 и число Д.-П. 2,42.

Теперь же, при болѣе низкой температурѣ, получаются числа, почти въ 3 раза меньшія; число же Дюлонга и Пти теперь въ 7 разъ меньше его вышеприведеннаго средняго значенія — 6,3!

Еще дальше Лена пошелъ англійскій ученый Дьюаръ, изслѣдовавшій графитъ и алмазъ при той же температурѣ, что и Бенъ, и опредѣлившій, кромѣ того, среднее значеніе теплоемкости этихъ обоихъ тѣлъ между -188° и $-252,5^{\circ}$. Последняя цифра есть температура жидкаго водорода. Мы представляемъ его результаты въ слѣдующей таблицѣ:

Д л я г р а ф и т а и а л м а з а (Дьюаръ)

Названіе	Между $+18^{\circ}$ и -78°		Между -78° и -188°		Между -188° и $-252,5^{\circ}$	
	Теплоем.	Чис. Д.-П.	Теплоем.	Чис. Д.-П.	Теплоем.	Чис. Д.-П.
Графитъ	0,1341	1,609	0,0599	0,719	0,0133	0,160
Алмазъ	0,0794	0,953	0,0190	0,228	0,0043	0,052

Первые четыре числа для графита нѣсколько отличаются отъ бытыми Бенномъ.

Но для болѣе низкой температуры теплоемкость почти меньше и число Д.-П. (0,160) почти въ 40 разъ меньше нормальнаго. Но гораздо значительнѣе отклоненія у алмаза. Здѣсь наблюдается въ концѣ концовъ въ 120 разъ меньше его нормальнаго. При этомъ не надо забывать, что 0,052 есть среднее значение числа между -188° и $-252,5^{\circ}$,— слѣдовательно, для самой низкой температуры ($-252,5$) оно будетъ еще меньше.

Очень интереснымъ является теперь соединеніе въ одной минимальныхъ и максимальныхъ значеній теплоемкости и Д.-П. для графита и алмаза.

Графитъ.			Алмазъ.	
	Теплоемк.	Число Д. П.	Теплоемкость	Число
Maximum	0,467	5,60	0,459	5,60
Minimum	1	0,160	0,0043	0,160

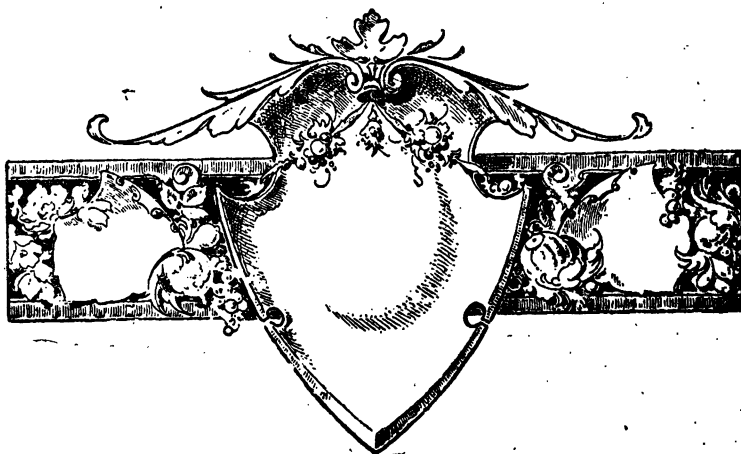
Мы видимъ, что у графита минимальное значеніе теплоемкости 35 разъ меньше максимальнаго. У алмаза minimum приблизительно 100 разъ меньше maximum'a! Такимъ образомъ, въ предѣлахъ разсмотрѣнныхъ температуръ теплоемкость алмаза, измѣняется до сотой доли своего максимума.

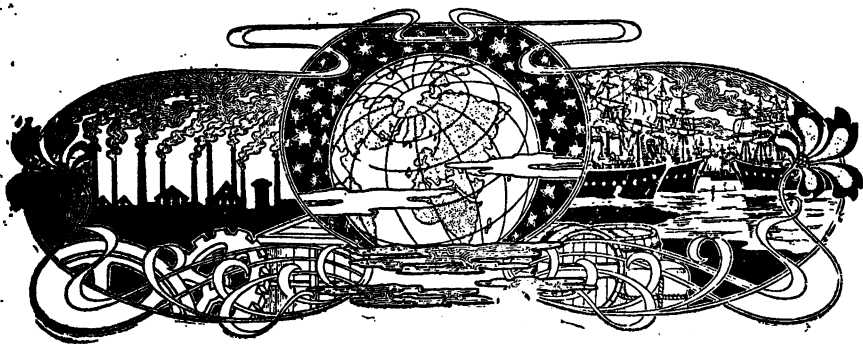
Объясненія этого замѣчательнаго явленія мы должны искать въ томъ, что выше было сказано о зависимости теплоемкости отъ температуры.

Я позволю себѣ привести здѣсь еще одинъ результатъ, добытый Бенномъ, хотя онъ не относится къ занимающей насъ темѣ.

Дьюаръ опредѣлялъ теплоемкость льда при очень низкой температурѣ. При температурахъ немного ниже нуля эта величина равна 0,5. Беннъ же опредѣлялъ среднее значеніе теплоемкости льда при температурѣ между -188° и $-252,5^{\circ}$; оно равно 0,146, и, слѣдовательно, въ 3,4 раза меньше упомянутого 0,5.

Такимъ образомъ, и у льда замѣчается пониженіе теплоемкости при пониженіи температуры, но это пониженіе незначительно въ сравненіи съ тѣмъ, что мы замѣчаемъ у углерода, въ особенности же у одного изъ видовъ его — у алмаза.

Курдъ Лассвицъ

Что такое культура?

Отъ самаго первобытнаго состоянія до той высоты культуры, которой мы достигли человечество въ своемъ развитіи прошло безконечный рядъ стадій; мы называемъ ихъ ступенями культуры. Въ этомъ смыслѣ культура кажется чѣмъ-то совершенно относительнымъ. Но въ то же время мы видимъ, что исторически культуры всѣхъ временъ и народовъ отступаютъ передъ нашей современной европейской культурой. Съ одной части свѣта на другую распространяется эта побѣда человеческого труда.

Такое всепокоряющее могущество новѣйшей культуры заставляетъ предполагать въ ней дѣйствіе силъ, которыя придаютъ совершенно своеобразный характеръ жизни господствующихъ націй. Въ чемъ же онѣ выражаются?

Я говорю сейчасъ не о внѣшнемъ успѣхѣ, проявляющемся въ томъ, что у насъ горитъ электрическій свѣтъ, а тамъ нѣтъ никакого; я говорю о внутреннихъ силахъ, создающихъ такое различіе. Европейецъ и индѣецъ, оба, такъ сказать, все-таки люди. И есть ли у насъ точные признаки, отличающіе душевное состояніе культурныхъ народовъ? Вотъ психологич. силъ вопросъ. Если, напримѣръ, при сличеніи между отдельными художниками все-таки легко можно указать опредѣленные общія черты, отличающія психическое состояніе художника отъ другихъ смертныхъ, то также возможно отыскать и характерныя черты психологій культурнаго человѣка.

Мы лучше всего сдѣлаемъ, если возьмемъ для срапненія человѣка, не тронутаго культурой, и спросимъ: въ чемъ-же состоятъ особенности чуждыхъ культуръ первобытныхъ народовъ?

Пусть не кажется страннымъ, что мы, желая, знать сущность культурнаго человѣка, изслѣдуемъ дикаря. Мы дѣлаемъ это съ полнымъ правомъ. Культура, вѣдь, есть нѣчто прибрѣтенное, она предполагаетъ первобытное состояніе, изъ него же она выработана человечествомъ и будетъ выработываться ежедневно. Положеніе вещей не таково, будто первобытное состояніе исчезло; надъ нимъ только надстроены верхній этажъ, а какъ основаніе и матеріалъ оно существуетъ; мало того—оно составляетъ живой источникъ, изъ котораго всегда черпается новое вещество, перерабатываемое умственной и нравственной работой общества въ культуру. Мы сами въ дѣтствѣ пережили сокращенный и, конечно, видоизмѣненный воспитательный рядъ состояній дикихъ народовъ, и повсюду, гдѣ была накинута

узда культуры, мы все-таки тотчасъ можемъ найти слѣды этого состоянія, т. е. звѣря въ человѣкѣ. Ибо дикіе народы образуются отъ животнаго къ культурному человѣку.

Душевное состояніе человѣка зависитъ отъ того, какъ онъ видитъ и получаютъ его представленія. Процессъ воспріятія у дикарей характеризуется однимъ словомъ: онъ не дисциплинированъ. В то время, какъ соединеніе представленій у культурнаго человека происходитъ по опредѣленнымъ правиламъ. Но это необходимо пояснить.

Представимъ себѣ любую большую толпу. Люди безъ всякаго порядка бѣгаютъ взадъ и впередъ, никто не знаетъ, что собственно имъ надо делать. Кто-то кричитъ, что Х-у нужно выбить стекла; тотчасъ берется цѣлая толпа. Затѣмъ, другой принимается орать ура, и сразу многіе начинаютъ кричать вмѣстѣ съ нимъ. Люди бросаются на улицу, толкаютъ и давятъ другъ друга. Здѣсь удараютъ, тамъ сбиваются толпой. Вдругъ всѣ разбѣжались, такъ же быстро, какъ пришли. Можетъ быть, они предприняли какое-нибудь общее дѣло, но въ всякомъ случаѣ оно остается неоконченнымъ. Кого-то поколотили, кто-то забавлялся, правильно-ли это. Пришли было въ ярость, но завтра забыто, и никто не желаетъ признать, что что-либо было. Представимъ первобытнаго человѣка, какъ они всплываютъ въ его сознаніи, и на эту недисциплинированную и необузданную толпу, они соединяютъ мгновеніе въ цѣпи мыслей и акты воли и снова безслѣдно улетучиваются.

Теперь сравнимъ съ этимъ поведеніе толпы изъ тѣхъ же людей, когда она дисциплинирована, когда каждый занимается своимъ дѣломъ, своимъ дѣйствиемъ по общему плану. Тогда дѣятельность одного становится согласованной съ дѣятельностью другого и каждая работаетъ рука объ руку съ остальными. Черезъ переулокъ, въ которомъ двѣ сотни людей проходятъ его, будутъ лавить другъ друга до момента, когда рота солдатъ пройдетъ быстро и спокойно.

Каждый остается на своемъ мѣстѣ, лишнѣхъ удаляютъ, и при отсутствующихъ. Начатая работа оканчивается, ея исполненіе проведено, будущее тщательно взвѣшивается и опытъ прошедшаго не остается безъ пользы. Такова картина упорядоченнаго хода представленій культурнаго человѣка. Психологи называютъ простѣйшую форму соединенія представленій ассоціацией. У дикаря представленія возникаютъ безъ всякаго исключительнаго въ зависимости отъ характера внѣшнихъ или внутреннихъ раздраженій; возникнувъ, они вызываютъ затѣмъ родственныя представленія и такимъ образомъ создаютъ то непостоянное, очень часто безсодержательное сознаніе, которое выражается, то въ необузданно бурныхъ порывахъ, то въ тупомъ равнодушіи. Дикарю не достаетъ общаго, вѣщающаго сознанія, сознательнаго желанія. Процессъ воспріятія у него не имеетъ на сновидѣніе.

Культура, какъ бы просыпается послѣ сновидѣнія. Культурному человѣку необходимо присуща ассоціативная форма соединенія представленій. Она доставляетъ ему матеріалъ для высшихъ построеній сознанія. И съ развитіемъ культуры появилось нѣчто, представляющее разницу между представленіями въ порядкѣ, согласно опредѣленной точкѣ зрѣнія, произвольный выборъ. Психологи называютъ это апперцепцией. Само собой разумѣется, что сказанное нельзя понимать такъ, какъ будто въ бытовомъ состояніи совершенно отсутствуетъ эта способность объясненія представленій; безъ нея были бы невозможны самыя элементарныя процессы — образованіе сужденій и произвольныя дѣйствія. Нужно только сказать, что у дикаря она играетъ подчиненную роль, тогда какъ у культурнаго человѣка эти апперцептивныя ряды представленій составляютъ

руководящее начало, и въ важныхъ дѣлахъ ими одними опредѣляется общая линия поведения.

Этотъ переходъ отъ произвольнаго къ произвольному соединенію представленій, нужно думать, происходитъ благодаря все большему совершенствованію особаго задерживающаго аппарата, находящагося въ мозгу, вслѣдствіе чего создается то состояніе, которое мы называемъ вниманіемъ. Вниманіе характеризуется тѣмъ, что живой интересъ къ данному ощущенію отбѣиваетъ на задній планъ всѣ представленія, не имѣющія отношенія къ интересующему насъ въ данную минуту предмету. Разъ мы направляемъ свое вниманіе на опредѣленное явленіе, то мы закрываемъ доступъ для всего не относящагося къ нему. Мы ждемъ чего-нибудь. Чу, порохи! И изъ сознанія вытѣсняется все, не связанное съ тѣмъ, чего мы ждемъ. Благодаря этому мы способны обращать вниманіе даже на самыя слабыя представленія, какъ только они имѣютъ отношеніе къ данному интересующему насъ предмету, между тѣмъ, какъ иначе они совершенно остались бы за порогомъ сознанія. Вниманіе такимъ образомъ есть способность выбора между впечатлѣніями, упорядоченіе ихъ хода, посредствомъ задерживанія всего того, что насъ отвлекаетъ. Развитіе этой способности равносильно внесенію порядка въ процессъ воспріятія, и на немъ основывается всякій прогрессъ въ духовной области сознательнаго существа, начиная съ выдержки звѣря, подкарауливающаго добычу, кончая самообладаніемъ нравственнаго человѣка.

Такимъ образомъ, особенность всей психической дѣятельности первобытныхъ народовъ выражается въ отсутствіи или въ недостаткѣ произвольно созданнаго порядка представленій. А. Фиркаидтъ въ своемъ содѣлательномъ трудѣ «Дикіе и культурные народы» (Лейпцигъ 1896), и Ф. Шульце въ его «Психологін первобытныхъ народовъ» (Лейпцигъ 1900), приводятъ наиболѣе существенныя въ этомъ отношеніи точки зрѣнія, которыя я здѣсь стараюсь охватить однимъ общимъ понятіемъ не свободы сознанія дикаря.

Связанность первобытныхъ народовъ прежде всего проявляется въ ихъ мысленіи, какъ не способность къ отвлеченію. Дикарь воспріимчивъ очень остро и живо, но исключительно отдѣльныя конкретныя явленія; въ общія понятія онъ ихъ или вовсе не превращаетъ или съ большимъ трудомъ; ему извѣстенъ черный дубъ, но онъ не знаетъ дуба, какъ такового. Отсюда въ то же время вытекаетъ его часто поразительная наблюдательность. Дерево со сломанной вѣткой ему представляется иной вещью, чѣмъ неповрежденное; если идетъ мужчина, это одно, если идетъ женщина, — другое, и ходьба босыми ногами для него нѣчто иное, чѣмъ въ ботинкахъ; нести оружіе или нести добычу, ударить рукой или палкой по складкамъ — у дикаря въ общее понятіе — нести или ударять, а являются для него совершенно особыми дѣйствіями. Поэтому, хотя въ узко-ограниченной области онъ и можетъ ориентироваться очень точно, но съ большимъ количествомъ разнообразныхъ представленій онъ справиться не въ состояніи, какъ какъ не умѣетъ соединять ихъ посредствомъ понятій въ большія группы. Такъ, во многихъ языкахъ нѣтъ словъ для обозначенія отвлеченныхъ представленій. У жителей Тасманіи недостаетъ чувственныхъ общихъ понятій, какъ твердое, теплое, мягкое, холодное; у нѣкоторыхъ племенъ, напримѣръ, у Короадовъ въ Бразиліи, не существуетъ словъ растенію и животному, вышнихъ же отвлеченныхъ выраженій, какъ честь, вѣра, время, и даже сознаніе, образованіе, наука напрасно и искать въ низшихъ языкахъ, такъ какъ не развились еще соответствующія понятія. Точно также, въ большей части, у дикарей еще недостаточно укрѣпилось понятіе о силѣ. Правда, дикарь точно знаетъ, если у него въ стадѣ не хватаетъ

одной головы скота, но не потому, что ему извѣстно ихъ число, а потому, что онъ знаетъ каждую штуку по отдельности. У многихъ племенъ, а также у южно-американскихъ Бакари, господствующихъ друкъ, они имѣютъ только два числительныхъ и считаютъ: одинъ, два да одинъ, два да два, два да два да одинъ, два да два да два значить шесть. Все сверхъ шести у нихъ считается паче шести, и хватаясь за голову. Когда путешественники-исследователи мѣстныя дикарей въ разговоръ объ общихъ понятіяхъ, даже про лица, къ которымъ дикари относились съ довѣріемъ, послѣдніе быстро уставали, начинали жаловаться на головную боль и старались поскорѣе уйти.

Способность отвлеченно мыслить является показателемъ высоты гресса культуры. Прежде всего она позволяетъ воспользоваться богатствомъ опыта, такъ какъ для выраженія большого числа представлений требуется одно слово, замѣняющее при томъ ихъ всѣ. Однако, отвлеченно психологически вполне зависить отъ уже описаннаго явленія вадрума. Если мы представляемъ себѣ паденіе, ходъ, бѣгъ, скольженіе, паденіе, то, отбѣсивъ на задній планъ всѣ отличительные признаки, мы, въ образѣ, получаемъ общее понятіе движенія. Слѣдовательно, въ умственной дѣятельности, путемъ, ведущимъ на высоту культуры, мы знаемъ развитіе отвлеченнаго мышленія, ибо оно является единственно возможнымъ возможностью познанія.

Такъ какъ, далѣе, дикарю не достаѣтъ пониманія взаимной зависимости происходящаго, то онъ относится равнодушно къ прошедшему и будущему и дорожитъ только настоящимъ. Какъ первобытный народъ не въ исторіи, такъ ему не извѣстна и забота о будущемъ. Ему не приходитъ голову предотвратить грозящее несчастье размышленіемъ въ настоящемъ трудомъ для будущаго, пока эта забота не ворвется въ тѣсную оболочку чувства самосохраненія и стремленія къ наслажденію. Поэтому онъ не стигаетъ и власти надъ природой. Напротивъ того, время у дикаря течетъ. Цѣлности времени онъ вообще не признаѣтъ. Церемонныя и безчисленныя излишнія формальности и рѣчи при встрѣчахъ, безконечныя переговоры и торги въ дѣлахъ, вотъ—привычки дикаря, которыя часто вызываютъ нетерпѣніе у культурнаго человѣка.

Здѣсь уже ясно сказывается, кромѣ неумѣнья размышлять, характеръ воли, свойственный не подчиненію никакому плану въ воспріятіи, т. е. недостатокъ сильной и сознательной воли. Это свойство выражается въ душевномъ состояніи, называемомъ пассивностью. Последняя въ большинствѣ случаевъ является характернымъ признакомъ народовъ, низко стоящихъ въ духовномъ отношеніи, по сравненію съ активностью, которой проникнута жизнь культурныхъ людей. Имъ касаются нарядовъ, охоты или мести, дикаря вообще трудно довести до энергичной и продолжительной дѣятельности. Его лѣнь громадна, безъ его любимое занятіе, его поступки, поскольку они не заучены, являются безцѣльными и легкомысленными. А такъ какъ ему не понятно значеніе взаимноотношенія сложныхъ дѣйствій человѣка, то на него не обращаются и онъ не способенъ къ крупнымъ предпріятіямъ, хотя и изобретатель и всегда найдетъ необходимую уловку.

Въ области нравственной дѣятельности эта неспособность проявляется въ задерживаніи представленія непосредственно выступающаго недостатка самообладанія. Дикарь не въ состояніи обуздать свои страсти, поскольку имъ не овладѣваютъ еще болѣе сильныя страсти, какъ жажда или мечь. Въ ѣдѣ и питъи онъ неумѣренъ до обжорства, склоненъ къ тому же онъ любитъ щеголять и чваниться, выпыльчивъ, злобенъ.

тѣмъ, гдѣ пробуждается страсть, на него нѣтъ никакого удержу. Потому онъ не знаетъ также никакого уваженія къ другимъ, если только его не сдерживаетъ страхъ передъ болѣе сильными или передъ сверхъестественными силами. Отсюда вытекаютъ три слѣдующихъ наиболѣе характерныхъ признака первобытнаго состоянія: презрѣніе къ человѣческой жизни, пренебреженіе и угнетеніе женщины и обращеніе въ рабство болѣе слабыхъ. Это—естественное слѣдствіе необузданнаго эгоизма, неспособнаго ставить себя въ положеніе другого.

Такимъ образомъ еще разъ оказывается, что первобытное состояніе есть состояніе общей несвободы. Ибо господитъ въ то же время и рабъ. Во-первыхъ, какъ мы видѣли, онъ рабъ своихъ страстей. Во-вторыхъ, онъ рабъ своего невѣжества: онъ стоитъ передъ явленіями природы, какъ передъ случайностями, гораздо болѣе безпомощный, чѣмъ культурный человѣкъ, который не только во время угадываетъ, чѣмъ нужно позаботиться, но и въ непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ оказывается въ состояніи помочь себѣ, благодаря теоретическимъ и прикладнымъ естественнымъ наукамъ и техникѣ. Въ третьихъ—онъ рабъ, вслѣдствіе своего страха передъ болѣе могущественнымъ. Впрочемъ, какъ извѣстно, не только у варваровъ слабые бываютъ отлапы на произволъ болѣе сильныхъ, но и у цивилизованныхъ народовъ безправіе экономически слабыхъ, въ противоположность богатымъ и могущественнымъ, проникаетъ глубоко во всѣ отношенія; даже въ правовомъ государствѣ оно оказывается побѣжденнымъ только въ теоріи, да и то не всюду. Въ четвертыхъ—первобытный человѣкъ—рабъ установившихся обычаевъ. Онъ совершенно связанъ этими обычаями и безчисленными правилами, которыя должны соблюдаться въ его жизни при каждой мелочи и дѣлаютъ совершенно невозможной какую бы то ни было свободу личности. Рѣчи о свободѣ дикарей совершенно не соответствуютъ дѣйствительности, такъ какъ нѣтъ ничего менѣе свободнаго, чѣмъ жизнь первобытнаго общества. Для каждаго отдѣльнаго поступка существуютъ правила, установленныя обычаемъ и нарушать ихъ, мало того, что неприлично, но достойно наказанія, какъ преступленіе. Законъ о табу господствуетъ надъ всей жизнью полинезійцевъ. У камчадаловъ считается большимъ грѣхомъ срести снѣгъ на порогѣ шалаша сапожнымъ ножомъ или наступить на слѣдъ медвѣдя. Или вспомнимъ только о многочисленныхъ законахъ, касающихся ѣды!

Но здѣсь начинается уже область религіи. Предписанія религіознаго культа съ его безчисленными заповѣдями и запрещеніями, также являются выраженіемъ нравственной несвободы дикаря, вытекающей изъ его невѣжества и страха передъ могучими враждебными силами. При этомъ къ общимъ предписаніямъ присоединяются еще различныя ограниченія, которыя каждый накладываетъ на себя при избраніи своего идола. Такимъ образомъ одинъ не смѣетъ ѣсть опредѣленнаго сорта мяса или, если онъ это дѣлаетъ, то долженъ съѣсть его наединѣ и когти закопать въ землю. Другой не можетъ пройти по водѣ, третій не долженъ переплывать черезъ рѣку, или переходить ее пѣшкомъ или перетянуть верхомя, четвертый, наконецъ, не смѣетъ стричь волосы. Страхъ передъ идолами господствуетъ надъ всей жизнью. Повсюду можетъ скрываться злой божекъ и противъ него нужно употреблять колдовство; такъ, каждый разъ прежде, чѣмъ пить нужно произнести заклинаніе или что либо подобное. Анимизмъ также немногимъ лучше, чѣмъ идолопоклонство: только плотскій, осязаемый идолъ замѣняется не осязаемымъ, но обладающимъ плотью, духомъ, который также можетъ оказаться опаснымъ. Даже у цивилизованныхъ народовъ, какъ извѣстно, до сихъ поръ сохранились многія изъ этихъ пустыхъ церемоній.

Признакомъ первобытнаго состоянія всегда является общественная, такъ и религіозная дѣятельность основанная на высшихъ цѣнныхъ цѣнностяхъ, а лишь на внѣшнихъ правилахъ. Поэтому опредѣляется не нравственными идеалами, а исключительнымъ или эгоизмомъ: страхомъ передъ тѣмъ зломъ, которое причиняютъ таинственныя враждебныя силы, или желаніемъ получить, благоосклонности боговъ, какую нибудь выгоду.

Это сущевіе, естественно, стоитъ въ самой тѣсной связи съ существомъ и отсутствіемъ сознательнаго отношенія къ окружающему. Явленіями природы дикарь не можетъ предъ тавить себѣ ничего кромѣ игры человѣческихъ страстей, какъ онъ ее переживаетъ въ собственной душѣ. Все это, однако, завлечетъ отъ особеннаго чувства, почему и нужно было здѣсь говорить о религіи, конечно, о религіи первобытныхъ народовъ. Чувство это еще цѣлкомъ эгоистическимъ и выражается поэтому преимущественно въ видѣ страха, въ то время какъ въ религіи культурныхъ людей оно замѣняется чувствомъ любви къ Богу. И послѣднее происходитъ опять таки потому, что дилась сила этического идеала.

Такимъ образомъ религіозно-нравственная сторона современнаго развитія культуры выражается въ наличности этического идеала. Въ силу ей точно соотвѣтствуетъ то психологическое явленіе, которое въ мышленіи заключается въ образованіи отвлеченныхъ понятій. Это самые мозговые процессы задерживанія, производящіе то, что человекъ направляя мысль согласно своему желанію, переходитъ отъ пассивнаго состоянія къ свободной активности. Дикарь представленіи воспринимаетъ безъ выбора, какъ они возникаютъ. Однако, если интересъ къ определенному предмету можетъ удерживать извѣстныя представленія, то уже является выборъ. Данные явленія не берутся просто, какъ необходимо-бесознательное отношеніе къ окружающему замѣняется критическимъ. Значитъ, теперь взяло верхъ представленіе, что могло быть и другое, чѣмъ то, что есть. Въ умственной области такое представленіе называется сомнѣніемъ, разсужденіемъ, изслѣдованіемъ. Въ области чувствъ оно значитъ предъявлять требованіе, что нѣчто должно быть, значить имѣть идеаль. Возможность такого прогресса психологически основана на томъ, что ходъ представленій перестаетъ быть произвольно-ассоцированными, а дѣлается произвольно-апперцептированными.

Итакъ, резюмируемъ вкратцѣ все вышесказанное. Мы наблюдаемъ недостатки первобытнаго человѣка. У него нѣтъ способности къ отвлеченному мышленію, ему недостаетъ разсудительности въ дѣйствіяхъ; активно, съ одной стороны—суженія и сознанія, съ другой—самообладанія и идеала. Но развитіе культуры создастъ и то и другое, активно мышленія и воли. И общее завосваніе—въ побѣдѣ свободы надъ естественностью всей жизни.

Чтобы изучить законы и сущность культуры, мы должны спросить, какъ проявляется это состояніе свободы въ современной человѣческой культурѣ.

Свобода, это — порядокъ.

Когда отдѣльный человѣкъ хочетъ пріятно и свободно устроить свою жизнь, онъ не будетъ съ безсмысленной беспорядочностью всегда дѣлать то, что ему придетъ въ голову: — онъ не положитъ письма въ урна въ пятницу, а деньги въ сигарный ящикъ только потому, что тотъ подъ рукой не поставитъ двухъ слугъ на запятки своей кареты и не потащитъ самъ уголь въ подвалъ; не имѣя никакого понятія о музыкѣ, онъ не будетъ давать своимъ дѣтямъ уроки игры на скрипкѣ; не станетъ садиться

бстинки на улицѣ и т. п., такой субъективный произволъ не имѣетъ ничего общаго со свободой, и человекъ богемы менѣе свободенъ, чѣмъ педантъ. Напротивъ, частный человекъ, чтобы стать свободнымъ, передаетъ свои денежныя дѣла банкиру, судебныя — адвокату, приглашаетъ специалистовъ для всего того, чего онъ самъ не знаетъ, тщательно расчленитъ свои обязанности, какъ представителя определенной профессіи, какъ гражданина, отца семейства или члена общества и такимъ образомъ приобретаетъ въ своей частной жизни полную свободу отдаться своимъ личнымъ склонностямъ. Подобнымъ же образомъ общая свобода культурной жизни достигается въ процессѣ расчлененія и обособленія функций чловѣческаго сознанія въ области мышленія, воли и чувства. Въ мі возрѣніи дикаря, которое еще теперь не чуждо всѣмъ намъ и безраздѣльно господствуетъ надъ умами большинства людей, свалены въ одну кучу и логическіе, и этическихъ, и эстетическіе, и религіозныя взгляды и побужденія, рѣшеніе складывается на основаніи неясныхъ чувствъ и любой человекъ можетъ быть уничтоженъ потому, что другому не нравится его ность.

Напротивъ, малосознательная жизнь дикарей, по мѣрѣ развитія культуры, освобождается отъ вліянія господствующихъ надъ ней субъективныхъ случайностей, выделяя изъ себя объективныя силы, подчиняющіяся особымъ законамъ; появляются отдѣльныя области культуры — наука, мораль, искусство — со своимъ собственнымъ правомъ и законами. Это процессъ обьективации. Онъ съ первыхъ шаговъ руководитъ переходомъ отъ животнаго состоянія черезъ варварство къ низшимъ ступенямъ цивилизации.

Животное пользуется только своимъ собственнымъ тѣломъ, своими членами, зубами. Обезьяна уже умѣетъ, при случаѣ, употреблять камень или дубину, которыми дикарь сознательно пользуется, сначала какъ оружіемъ и наконецъ, какъ орудіемъ. Сила тѣла, такимъ образомъ, переносится на внѣшніе предметы, которые подчинены точнымъ, независимымъ отъ человека законамъ: этимъ кладется основаніе техники, господству надъ природой. Затѣмъ начинается складываться языкъ. Субъективныя рефлекторныя движенія гортани и языка, сопровождающія всѣ чувства и представленія, дѣлаются объективными знаками и между членами одного рода устанавливается взаимное пониманіе. Но слова — мимолетны, а память — коротка; между тѣмъ зарубка, сдѣланная на деревѣ, рисунокъ на высохшемъ глиняномъ черепкѣ сохраняются для послѣдующихъ поколѣній. Возникаетъ письменность — эта объективная память чловѣчества; увѣковѣчивающая въ вещахъ быструю смѣну представленій. Такъ изъ субъективныхъ переживаній отдѣльныхъ лицъ выделяется то, что относится къ области высшей объективной истины; съ тѣ мысли на всегда остается въ сокровищницѣ чловѣчества. И какъ второе солнце, какъ главное внутреннее свѣтило загорается понятіе о духовныхъ благахъ.

Изъ духовнаго блага чловѣчество создало теперь для себя самостоятельную силу, которая не зависитъ больше отъ субъективныхъ желаній, а какъ падающій камень, разъ онъ брошенъ подчиняется своимъ внутреннимъ законамъ. Наблюдая логическую связь числа, пространства, и наконецъ явленій природы, люди узнали, что во всемъ есть нѣчто постоянное и назвали это закономъ. Отсюда въ области мышленія возникла наука, независимо отъ воли и чувства, наметившая въ чловѣческомъ сознаніи границы того, что необходимо подлѣжить познанію.

Равнымъ образомъ въ области воли появилось понятіе объ абсолютныхъ требованіяхъ долга, этическихъ заповѣди, благодаря чему мораль сдѣлалась независимой отъ субъективныхъ мнѣній и желаній.

Наконецъ, въ области чувства, подъ вліяніемъ понятія объ эстетическомъ складывается самостоятельная функція сознанія — искусство; его

произведенія имѣютъ свое оправданіе не въ чемъ иномъ, какъ въ родѣ цѣлей поученія и улучшенія, а только лишь въ ту цѣль, какою является рыскаго удовольствія отъ игры представленій вообще.

Существованіе самостоятельныхъ областей науки, искусства, религии, которыя совершенно автономны и не обязаны своими задачами никакимъ вѣншимъ отношеніямъ, является признакомъ высшей культуры. Они служатъ выраженіемъ того, что беспорядочно обгуляны, разбавлены, сгруппировались и сконцентрировались по объективнымъ дамамъ, разряды же эти не получаютъ больше свое значеніе отъ личныхъ мнѣній, желаній и требованій, а сами рѣшаютъ, что имъ вообще цѣнность въ человеческомъ существованіи и, что не имѣютъ являются социально объективными формами высшей оцѣнки вещей, и кто совѣтуетъ оцѣнивать съ индивидуалистической или эгоистической точки зрѣнія, проповѣдуетъ возвращеніе къ первобытному состоянію.

Съ помощью этихъ автономныхъ истинъ культурный человѣкъ освобождается теперь отъ путаницы, создавшейся благодаря одновременному воздѣйствію на него разнородныхъ явленій. Онъ приобретаетъ въ своемъ собственномъ сознаніи свободу вѣстить въ себя эти объективныя истины, опредѣлять свое мѣсто по отношенію къ нимъ и начинаетъ сознавать, что ихъ наличность гарантируетъ его свободу, такъ какъ онъ являетъ то же время внутренними силами самого человѣчества, происходятъ только изъ его автономнаго сознанія. Благодаря этому прежде вѣстится возможной та свобода личности, которая является отличительнымъ признакомъ культурнаго состоянія. У однихъ людей преобладаютъ интеллектуальные интересы, у другихъ воля, у третьихъ чувство. И они теперь жить, согласно присущимъ имъ наклонностямъ, не приходя къ столкновенію съ объективными идеальными силами, тогда какъ въ первобытномъ состояніи такая свобода невозможна: тамъ отсутствуетъ никакая идеальная истина, какъ мірло цѣнности, и безраздѣльно господствуетъ сила житейскихъ привычекъ, подавляющая развитіе своеобразныхъ особенностей личности.

Изъ приобретеннаго, такимъ образомъ, чувства свободы вытекаетъ далѣе сознаніе, что весь міръ имѣетъ значеніе только по столько, сколько онъ служитъ средствомъ для зарожденія и осуществленія различныхъ благъ; а отсюда слѣдуетъ убѣжденіе, что вообще въ мірѣ есть только одно, что является самоцѣлью, именно человѣкъ, какъ носитель культурнаго единства, и вмѣстѣ съ тѣмъ, то высшее, тѣмъ областью человѣкъ—это вѣра въ абсолютную цѣнность личности.

Наше непосредственное чувство говоритъ намъ, что мы отдѣльныя существа со своимъ тѣломъ, со своими радостями и страданіемъ. помощью чувства одно существо различаетъ себя отъ другого, чувство придаетъ единство отдѣльному существованію, и поэтому оно является эгоистичнымъ по самой своей природѣ. Но сами эти отдѣльныя существа принадлежатъ къ одному роду, въ процессѣ развитія земной жизни они имѣютъ общее происхожденіе и могутъ существовать только въ обществѣ. Эта взаимная связь проявляется въ другой формѣ сознанія — въ любви. Намъ ничего не извѣстно о чувствѣ единства со всемъ міромъ, но мы хорошо знаемъ о стремленіи къ этому единству; намъ извѣстны движенія воли, изъ которыхъ одни вступаютъ въ борьбу съ нашимъ субъективнымъ чувствомъ, другія льстятъ ему, и которыя происходятъ не изъ этого чувства, а могутъ возникнуть только благодаря взаимной связи отдѣльных существъ со всемъ міромъ. Воля создается на почвѣ общихъ условій жизни и потому она по своей природѣ социальна. Чувство раздѣляетъ людей, воля объединяетъ ихъ. Если у какого-либо человѣка чувство бар-

волей такъ, что она становится исключительно волей отдѣльной личности, то онъ является эгоистомъ. Если же воля господствуетъ надъ группою, подчиняя ея общей волѣ, то это человѣкъ социальный. Наконецъ, если эта общая воля, разумная воля, мы имѣемъ передъ собою нравственнаго человѣка. Когда я называю подготовкой къ культурѣ такая воля, при которыхъ дѣлается возможнымъ существованіе свободной личности, становится понятнымъ, почему въ нихъ заключается лишь предпосылка культуры, а не сама культура. Нужно подняться до ступени свободы отдѣльныхъ людей, чтобы культура была возможна; но чтобы она существовала на самомъ дѣлѣ, она должна быть дополнена свободой личности. Свобода отдѣльнаго человѣка основана на чувствѣ, чувство же, какъ мы знаемъ, не поддается обузданію; и, останься человечество при этой свободѣ для отдѣльныхъ лицъ, результатомъ могъ бы быть только возвратъ къ первобытному состоянію, поработеніе массъ сильной личностью. Индивидуализмъ, который предполагаетъ, какъ данное, отдѣльныхъ личностей, не въ силахъ установить какую либо общую связь между людьми и не придетъ къ пониманію культуры, такъ какъ человечеству недостаетъ внутреннего единства; это возможно только при социальной точкѣ зрѣнія. Въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія это понялъ и этому училъ Кантъ, но его ученіе начало проникать всюду лишь въ концѣ XIX вѣка.

Свобода отдѣльнаго лица должна возвыситься до свободы личности. Это можетъ произойти, лишь благодаря нравственной волѣ, предпосылкой къ ея является общество. Личность, поскольку она выступаетъ въ опытѣ, обозначаетъ собой отдѣльнаго человѣка, воспринявшаго свободнымъ дѣйствіемъ сознанія общественную волю. Личныя особенности при этомъ не должны быть затухиваны, подавлены или демагогически уравниваемы посредствомъ слиянія всѣхъ въ одну массу; но, наоборотъ, онѣ должны приносить въ своемъ развитіи характеръ личности, который вноситъ социальный элементъ въ жизнь каждаго отдѣльнаго человѣка. Благодаря этому человѣкъ перестаетъ быть мячемъ въ рукахъ общественной воли или безвольнымъ колесомъ машины, а становится олицетвореніемъ свободной общественной воли съ присущимъ ему сознаніемъ своихъ дѣйствій. «Пусть твоя воля восприметъ Бога и онъ сойдетъ съ своего мірового трона».

Послѣдняя и самая высокая ступень объективации, которая можетъ быть осуществима это—сдѣлать собственное «я» носителемъ той объективной воли, которую мы называемъ нравственной волей, такъ какъ она всѣмъ остальнымъ я предъявляетъ то же самое требованіе свободно совершить указанное дѣйствіе. Мы должны принести въ жертву отдѣльнаго человѣка, чтобы снова приобрести его въ высшей формѣ личности. Только такимъ образомъ можетъ быть распутано трагическое противорѣчіе, при которомъ духъ человѣческій, постигающій весь міръ, является игрушкой своего субъективнаго чувства. А это можетъ случиться! Въдѣ съ горемъ и радостью связано наслажденіе жизнью! Имъ радуется дикарь, нхъ же, хотя въ болѣе утонченной формѣ, добиваемся и охраняемъ мы. Но мы можемъ имѣть больше, если захотимъ быть, какъ духъ объемлющій весь міръ, мы создадимъ себѣ, такимъ образомъ, существованіе внѣ времени. И эта совершенная объективация есть настоящій культурный процессъ.

Мы, такимъ образомъ, познакомились съ развитіемъ культуры, какъ съ упорядоченіемъ представленій, завершающихся сосредоточеніемъ нравственной воли въ формѣ свободной личности. Но эта психологическая характеристика даетъ лишь описаніе процесса, который мы разсматриваемъ, какъ зарожденіе культуры. Она намъ только говоритъ, что происходитъ въ духовномъ мірѣ народовъ, идущихъ къ культурѣ. Но ничего не говоритъ о законахъ самого развитія. Зачѣмъ вообще культура? Въ чемъ

состоитъ ея необходимость? Не счастливы ли дикарь, который не занятъ себя размышленіями о своей особѣ? Почему, кромѣ простого теченія жизни посредствомъ цивилизаціи, мы требуемъ чего то другаго, называющегося культурой?

Путемъ естественной науки или психологіи такіе вопросы, вообще никогда нельзя рѣшить; посредствомъ ея мы можемъ лишь формулировать то, что намъ даетъ опытъ. Культура же есть нѣчто такое, что ни въ какомъ случаѣ не исчерпывается опытомъ.

Она—цѣль, къ которой мы стремимся, никогда не достигая ея. Чтобы выяснитъ себѣ, насколько мы къ ней приблизились, мы должны поставить вопросъ, что должно подразумѣвать подъ этой цѣлью. Это есть что-либо данное во времени, это—одна изъ тѣхъ руководящихъ идей, благодаря которымъ вообще существуетъ время, пространство и миръ.

Психологія и біологія могутъ научить насъ чему нибудь только тамъ, гдѣ дѣло идетъ о пониманіи происхожденія настоящаго положенія вещей изъ предшествующихъ, но онѣ не могутъ дать намъ никакихъ свѣдѣній по поводу загадки, о возможности развитія вообще. Психологи первобытныхъ народовъ уже заранѣе предполагаютъ, что всякое познание явленіе происходитъ во времени, и что оно мыслимо лишь въ основѣ законовъ, которые остаются въ силѣ независимо отъ какого бы то ни было времени. Содержаніе, многообразіе, подлежащее развитію, составляютъ предметъ познанія природы; но фактъ существованія общаго опредѣляющихъ силъ, вслѣдствіе чего многообразіе сводится къ повсемасному содержанію, это есть независимый отъ времени законъ, который не постигается никакой естественной наукой, такъ какъ онъ лежитъ уже въ основѣ каждой первой попытки къ познанію природы.

Психологія и біологія даютъ только исторію нашего сознанія во времени. При этомъ мы всегда остаемся въ предѣлахъ природы. Онѣ могутъ намъ сказать, какъ возможно, чтобы внѣ природы и надъ нею лежала цѣль развитія, заключающаяся въ свободѣ личности, цѣль, къ которой природа служитъ какъ средство. Этотъ вопросъ мы должны задать критикѣ сознанія, какъ такового.

Цѣль, для которой все остальное служитъ только средствомъ, должна быть самоцѣльна. Какъ таковая она не должна зависѣть ни отъ какого посторонняго вліянія, она должна быть мыслима, какъ требованіе свободы, какъ проявленіе свободного самоопредѣленія, какъ задача, которую ставятъ себѣ человѣчество, и которая можетъ быть только выраженіемъ того, что человеческое существованіе вообще обладаетъ абсолютной цѣнностью. Мы называемъ это идеей человѣчества. Въ чемъ же можетъ состоять абсолютная цѣнность, требуемая этой идеей?

Должна ли она заключаться въ счастье? Но, что такое счастье? Для каждаго нѣчто иное, нѣчто относительное, неопредѣленное, всецѣло постигнутое неустойчивости переживаній. Можно быть счастливымъ, не будучи самоцѣлью, не имѣя понятія о своемъ назначеніи и даже, можетъ быть, легче всего именно при такихъ условіяхъ.

Разумъ, какъ всеобщій законодатель должнаго, требуетъ нѣчто другое. Онъ требуетъ не счастья, а чувства собственнаго достоинства. Последнее неизбежно вызываетъ уваженіе къ тому, что основываясь только на себѣ, независимое отъ колебаній судьбы оно постоитъ на сознаніи неизрушимости ни при какихъ обстоятельствахъ самоцѣли его существованія. Только на чувствѣ человеческого достоинства можетъ быть основано требованіе свободнаго самоопредѣленія и вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтственности человѣка передъ самимъ собой. Этими дается основа нравственнаго закона: человѣкъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ служить простымъ сред-

СТВОМЪ, и въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ необходимо уважать, какъ самоцѣль, человѣческое достоинство. Поэтому человѣкъ долженъ существовать, и поэтому приобрести и воплотить въ себѣ человѣческое достоинство— нравственная задача каждаго человѣка. Кто въ стремленіи къ этому развѣзаетъ въ себѣ идею человѣчества, тотъ является свободнымъ представителемъ всего человѣческаго рода, нравственнымъ характеромъ, а не исчезающей безъ слѣда единицей; ради него долженъ существовать міръ, чтобы въ немъ и передъ нимъ онъ могъ предъявить себя со всеми своими особенностями. Вотъ то, что мы понимаемъ подъ словомъ «личность».

Такимъ образомъ теперь уже доказано право личности, по личности не какъ продукта биологическаго развитія или какъ счастливой случайности, а какъ цѣли, ради которой вообще существуютъ законы природы и которой они служатъ.

Отвѣтственность человечества только передъ собой и самоопредѣленіе его, которыя здѣсь требуются, называются автономіей человѣческаго разума; въ этой автономіи создается для насъ неизмѣнная цѣнность, а благодаря ей мы получаемъ возможность измѣнять культуру съ самой высокой стороны ея, судя по тому, живетъ ли въ данномъ народѣ сознаніе автономіи разума или по крайней мѣрѣ на сколько онъ приблизился къ этой цѣли. И мы будемъ имѣть право говорить о культурности народа въ противоположность простой цивилизованности его только тогда, когда онъ признастъ эту автономію основой всей нравственной жизни.

Культура есть жизнь и работа ради человѣческаго достоинства. Если она должна существовать, то должно быть на лицо понятіе о свободной личности въ томъ смыслѣ, что оно обозначаетъ собой право и цѣль каждаго человѣка вообще, безъ различія происхожденія, пола, положенія и образованія и дѣло только въ сохраненіи человѣкомъ ради своего достоинства стремленія къ добру, такъ какъ онъ такимъ образомъ оказывается самоцѣлью.

Эта идея и есть основная мысль христіанства, давшая ему силу завоевать міръ, мысль, что цѣнность человѣка опредѣляется не могуществомъ и славой, не блескомъ и богатствомъ, не остротой ума и полнотой познаній, а сознательнымъ стремленіемъ къ добру, почему всѣ люди должны быть равноцѣнными. Предъ этимъ этическимъ могуществомъ, передъ этимъ воскресеніемъ человечества въ его божественномъ достоинствѣ сломилась, какъ высота цивилизаціи Римской Имперіи, такъ и горячая сила германцевъ. Стремленіе къ добру, неугасимый огонь, горящій подъ мусоромъ и золой, которыми жажда власти и корыстолюбіе засыпали въ исторіи чистоту религіознаго чувства.

На основаніи вышеуказаннаго отличительнаго признака культурности, я рѣшаюсь заявить, что греки на высотѣ своей цивилизаціи, при всемъ развитіи философіи и искусства, и несмотря на свободу личности, которой достигали у нихъ выдающіеся умы, все таки совершенно не имѣли права называться культурнымъ народомъ. Рабство, положеніе женщины и презрѣніе къ чужеземцамъ уже дѣлаютъ яснымъ характеръ ихъ культуры. Даже Платонъ, одинъ изъ величайшихъ геніевъ мысли, котораго мы можемъ назвать отцомъ науки, Платонъ, который такъ ясно понималъ социальный характеръ государства и три основныхъ формы общества, сущность производства, значеніе духовнаго развитія и индивидуіи дѣйствій,— былъ совершенно чуждъ истиннаго достоинства человѣка, какъ самоцѣли! Что за идеальное государство онъ сочинилъ! Три совершенно отдѣльныхъ касты, безъ всякихъ переходовъ отъ одной къ другой и безъ всякой связи между ними, при отсутствіи политическихъ правъ низшей касты,

образуютъ аграрно-полицейское государство, въ которомъ такое движеніе впередъ, ограничена торговля и промышленность, богатствъ страны понимается лишь, какъ захватъ чужихъ земель, — обще должно сдѣлаться невозможнымъ какое бы то ни было развитіе. Самому высокому, что было у грековъ, искусству, Платонъ совершенно придавалъ значенія какъ двигателю культуры.

Нѣтъ, у грековъ мы напрасно будемъ искать культуры въ настоящемъ смыслѣ. Но также напрасно мы будемъ искать ее тамъ, гдѣ не признается автономія человѣчества въ духовной и религіозной области, гдѣ отчужденный человѣкъ или какая либо коллегія присваиваютъ себѣ право сказать, что должно быть истиной; гдѣ ученіе, объявленное разъ на всегда божьимъ, словно справедливымъ ограничиваетъ предѣлы всякаго изслѣдователя; гдѣ, какъ наука, такъ и вѣра изгнаны въ пустыню окованной догмы. При господствѣ поповъ не можетъ быть культурно государство: при немъ возможна лишь скорѣ преходящая цивилизованность, но не культура, какъ развитіе къ свободѣ. Такая культура всегда пробивала себѣ дорогу въ борьбѣ съ властолюбивыми претензіями духовенства; это очень хорошо извѣстно тамъ, гдѣ изъ всѣхъ силъ напали на Канта, Шиллера, и Гете.

Да будетъ это извѣстно и тамъ, гдѣ передъ нами стоитъ задача зашишать новую культуру, первая заря которой засіяла надъ Европой въ концѣ XVIII вѣка! Путемъ соединенныхъ усилій всѣхъ людей, путемъ работы въ области экономической, интеллектуальной, моральной и эстетической современные народы стремятся къ культурѣ. Они стараются прежде всего достигнуть національнаго величія, такъ какъ оно является предпосылкой, при которой они могутъ придать цѣнность и довести до развитія свои особенности; но при этомъ они въ концѣ концовъ работаютъ ради идеи человѣчества; ибо мысль о единствѣ человѣчества всегда господствуетъ надъ ихъ работой и руководить ею. Поэтому мы можемъ гордиться возможностью быть культурнымъ народомъ.

Пусть не возражаютъ, что въ дѣйствительности жизнь не соответствуетъ идеалу культуры, что невѣжество и эгоизмъ самое обычное явленіе: объ этомъ не можетъ быть и спору. Но гораздо болѣе обычны все же кодушныя проявленія челоѣчности и благородство такъ что отсутствіе этого возбуждаетъ презрѣніе. Культура, впрочемъ, никогда не бываетъ свободна отъ печальныхъ возвратовъ къ некультурности, но какъ разъ общее наше возмущеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда элементарныя потребности борьбы за существованіе вызываютъ этотъ возвратъ, служатъ доказательствомъ нашей культурности. Если высокое неизбѣжно уничтожаетъ низкое, то этотъ естественный процессъ является показателемъ успѣха развитія культуры.

Мѣриломъ въ этомъ случаѣ служитъ признаніе идеи человѣчества и свободы личности за основу, системы права, и невозможность посягнуть на уваженіе къ челоѣческой жизни, на требованія гуманности или право на свободу убѣжденій, не разрушая тотъ фундаментъ, на которомъ основана наша духовная жизнь. Говя здѣсь, конечно, идетъ не о томъ, чему мы иногда не можемъ воспрепятствовать, а о томъ, что мы вообще отвергаемъ.

Внизу еще клубятся густые туманы, но стоитъ только немного подняться на гору, какъ увидишь восходящее солнце!

Инж. М. С. Тихановъ.

Послѣдняя работа У. Рамзая.

Изъ газетъ и изъ редакціонной замѣтки къ статьѣ Даниеля («Вѣстн. Знанія» № 8) читатели журнала уже знаютъ о замѣчательной работѣ Рамзая—полученіи литія изъ мѣди. Поразительность такого превращенія, разрушающаго одинъ изъ самыхъ основныхъ принциповъ современной науки—постоянства химическихъ элементовъ,—заставляла отнестись къ первымъ вѣстямъ о переходѣ мѣди въ литій съ извѣстною осторожностью и выжидать подробнаго отчета о работѣ Рамзая.

Въ настоящее время этотъ, давно ожидаемый отчетъ уже появился, въ послѣдней книжкѣ англійскаго «Journal of the Chemical Society», напечатана статья Рамзая (и Кэмерона) подъ заглавіемъ «The Chemical Action of Radium Emission». Надѣясь, въ ближайшемъ будущемъ, дать читателямъ болѣе подробный разборъ работы Рамзая, въ связи съ обзоромъ послѣднихъ изслѣдованій въ области радиоактивныхъ явленій, — въ настоящее время мы ограничиваемся краткимъ отчетомъ, тѣмъ болѣе, что въ ближайшей книжкѣ журнала англійскаго химическаго общества должна появиться вторая статья Рамзая, которая будетъ содержать дальнѣйшіе результаты его изслѣдованій и нѣкоторыя обобщенія.

Работа Рамзая, произведенная имъ въ сотрудничествѣ съ химикомъ Кэмерономъ (Cameron), выполнена съ такою обстоятельностью, методы, которыми пользовались изслѣдователи, настолько точны и безукоризненны, что всякое сомнѣніе въ правильности полученнаго результата совершенно отпадаетъ: *мѣдь превращена въ литій.*

Поразительна та выдержка, которую въ данномъ случаѣ проявилъ знаменитый англійскій ученый; фактъ превращенія мѣди въ литій дѣйствіемъ эманации радія былъ замѣченъ имъ еще лѣтомъ 1906 года; получивъ такой поразительный результатъ, Рамзай въ теченіе цѣлаго года занимался самой внимательной провѣркой его, прежде чѣмъ рѣшиться опубликовать свои выводы. Къ мысли объ опытѣ надъ дѣйствіемъ эманации радія на мѣдныя соли привелъ Рамзая тотъ замѣченный имъ ранѣе фактъ, что при дѣйствіи эманации на воду получается въ нѣкоторомъ не-

значительномъ количествѣ водорода. Водородъ обладаетъ способностью возстановлять мѣдныя соли, выдѣляя изъ нихъ въ эквивалентномъ количествѣ мѣдь; взѣшавшая послѣднюю, возможно, слѣдовательно, была количествомъ водорода, образующагося въ условіяхъ опыта.

Уже первая попытка дѣйствія эманации радія на растворъ мѣдной соли, произведенная лѣтомъ 1906 г., дала Рамзаю слѣдующій результатъ: водорода не получалось, но было обнаружено присутствіе натрія и литія.

Получивъ такой неожиданный результатъ, Рамзай, въ теченіе недѣлю слѣдующаго года, произвелъ три серіи опытовъ, причемъ каждая изъ нихъ включала: изученіе вліянія эманации на мѣдную соль, повтореніе «бѣлый» опытъ съ солью, безъ эманации и опытъ надъ дѣйствіемъ эманации на чистую воду, для того, чтобы выяснитъ вліяніе воды и стѣнокъ сосудовъ на результаты основнаго опыта—съ мѣдною солью. Необходимыя припасы, что всѣ реактивы, употребившіеся въ работѣ, изготовилъ въ лабораторіи и подвергались, такъ же какъ и всѣ стеклянные сосуды, химическому и спектральному анализу. Тщательность принятыхъ предосторожностей и обдуманность всѣхъ мельчайшихъ обстоятельствъ опытовъ Рамзая настолько безукоризненны, что не оставляютъ совершенно возможности сдѣлать какія-либо замѣчанія.

Въ первой серіи опытовъ Рамзай бралъ абсолютно чистый мѣдный купоросъ (около одного грамма); растворъ его помѣщался въ стеклянный шарикъ, куда затѣмъ вводилась эманация радія въ количествѣ 0,3 миллиметровъ; шарикъ вслѣдъ затѣмъ запаивался и оставался на мѣсяцъ. По истеченіи этого срока, шарикъ вскрывался, газы отсасывались для дальнѣйшаго изслѣдованія, а жидкость выливалась въ сосудъ; затѣмъ, изъ раствора мѣднаго купороса мѣдь выдѣлялась дѣйствіемъ сѣроводорода, фильтратъ отъ сѣрнистой мѣди выпаривался; сухой остатокъ (1,1 миллиграммъ) при спектроскопическомъ изслѣдованіи далъ *линии натрія и литія*. Необходимо прибавить, что всѣ стеклянные сосуды, равно какъ и реактивы, также были изслѣдованы спектроскопически и совершенно не обнаруживали присутствія литія. Контрольный—«бѣлый» опытъ съ мѣднымъ купоросомъ безъ эманации, не далъ литія; опытъ съ чистой водой, подвергавшейся дѣйствію эманации,—также.

Сухой остатокъ, полученный послѣ выпариванія воды послѣднимъ опытомъ, далъ *линии натрія*, но по вѣсу сухого остатка было вдвое меньше, чѣмъ въ первомъ опытѣ. Присутствіе натрія въ данномъ случаѣ объясняется раствореніемъ стекла, но необходимо замѣтить, что шарикъ для всѣхъ трехъ опытовъ серіи дѣлался изъ одного и того же стекла, и помнитъ, что въ опытѣ съ мѣднымъ купоросомъ, подвергавшимся дѣйствію эманации, сухой остатокъ, состоящаго преимущественно изъ сѣрно-кислаго натрія, получился *вдвое больше*, чѣмъ въ опытѣ съ водой.

Во второй и третьей серіи опытовъ Рамзай бралъ мѣдный купоросъ и азотномѣдную соль. Также, какъ и въ первой серіи, параллельно съ основнымъ опытомъ велся «бѣлый»—съ солью безъ эманации—и опытъ съ чистой водой. Всѣ сосуды, за исключеніемъ стеклянныхъ шариковъ, были на этотъ разъ изъ платины и кварца. Азотно-кислой мѣди въ одномъ опытѣ взято 815 миллиграммъ; послѣ 40-дневнаго дѣйствія эманации, мѣдь осаждалась изъ соли въ видѣ сѣрнистаго соединенія, фильтратъ отъ него выпаривался, причемъ получено 1,67 миллигр. сухого остатка, который при спектральномъ изслѣдованіи далъ *линии натрія, кальція (очень слабыя) и литія (ясныя)*. Для того, чтобы приблизительно опредѣлить содержаніе литія въ сухомъ остаткѣ, Рамзай смѣшивалъ хлористые натрій и литій въ такихъ отношеніяхъ, чтобы смѣсь при спектральномъ анализѣ давала *линію литія*, обладающую такою же степенью

яркости, какъ въ опытѣ. Оказалось, что для этого на 99,99% хлористаго натрія нужно взять 0,01% хлористаго литія. Это отношеніе позволяетъ въ ислитъ съ достаточною точностью, что въ 1,67 миллиграммахъ сухого остатка, полученнаго въ опытѣ съ азотноѣдною солью, содержится 0.00017 миллиграммъ литія, т. е. 1 миллиграммъ литія получается, въ условіяхъ опыта, изъ 1.500.000 миллиграммъ мѣди.

Бѣлый опытъ съ азотноѣдною солью 0,79 миллгр. сухого остатка, который при спектральномъ анализѣ далъ линіи натрія, кальція (слабыя) и не обнаружилъ литія. Контрольный опытъ съ водою далъ тотъ же результатъ.

Всѣ вышеописанные опыты вполне точно устанавливаютъ фактъ превращенія мѣди, при дѣйствіи эманации радія, въ литій. Для болѣе полнаго выясненія этого перехода необходимо напомнить читателямъ, что извѣстные намъ химическіе элементы дѣлятся, по системѣ Менделѣева, на группы, члены которыхъ расположены по возрастающимъ атомнымъ вѣсамъ, и литій является первымъ членомъ группы мѣди; туда входятъ (въ скобкахъ атомные вѣса): литій (7), натрій (23), калий (39), мѣдь (63, 6), рубидій (85, 5), серебро (108), цезій (133) и золото (197). Такимъ образомъ, при дѣйствіи эманации радія, мѣдь, такъ сказать, деградируетъ въ первомъ членѣ своей группы. Чрезвычайно любопытно то обстоятельство, что такое же дѣйствіе эманация радія оказываетъ на высшіе члены и другихъ группъ элементовъ; въ концѣ своей статьи Рамзай сообщаетъ, что при дѣйствіи эманации на азотнокислый торій (торій—высшій членъ ряда углерода съ атомнымъ вѣсомъ 232,5) получается угольная кислота—производное углерода, низшаго члена ряда.

Этотъ фактъ также вполне точно установленъ Рамзаемъ, и отчетъ о его опытахъ въ этомъ направленіи, послѣ нѣкоторыхъ дополнительныхъ изслѣдованій, будетъ вскорѣ опубликованъ.

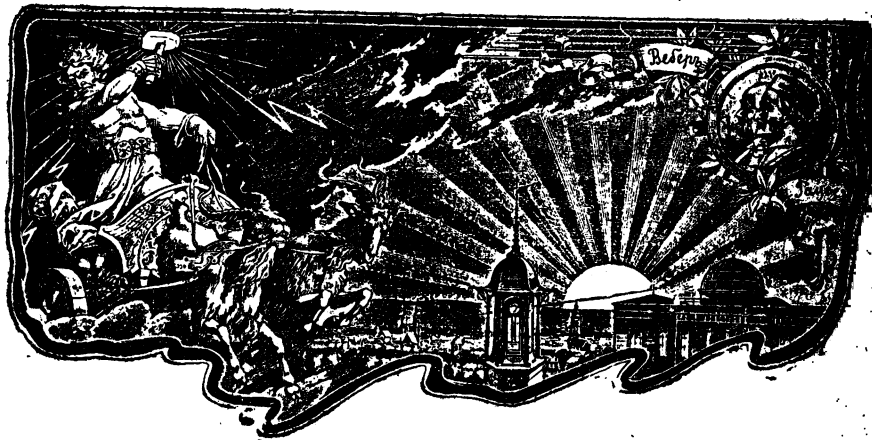
Такимъ образомъ, въ эманации радія химія нынѣ располагаетъ средствомъ для деградации высшихъ членовъ группы химическихъ элементовъ въ низшіе, и, если эта законность окажется общей для всѣхъ группъ, въ чемъ трудно сомнѣваться, то вскорѣ, вѣроятно, удастся такимъ путемъ деградировать, т. е. превратить ртуть въ бериллій, талій въ боръ, вѣсмуть въ азотъ и уранъ въ кислородъ. Вѣроятность такихъ переходовъ возможно допустить не только на основаніи вѣзвъ полученныхъ Рамзаемъ результатовъ, но уже на основаніи давно установленнаго факта перехода эманации радія въ геліи. Все заставляетъ думать, что эманация является химическимъ элементомъ, высшимъ членомъ такъ называемой нулевой группы, куда входятъ гелій (4), неонъ (19,9), аргонъ (38), криптонъ (81,8) и ксенонъ (128); эманация Рамзай склоненъ придать атомный вѣсъ въ 216. Чрезвычайно любопытенъ тотъ фактъ, что эманация можетъ деградировать не только въ низшій членъ своей группы, т. е. въ гелій, но и въ высшіе—неонъ и аргонъ. То или иное направленіе перехода обусловливается массой частицъ, присутствующихъ въ той средѣ, гдѣ переходъ совершается: въ присутствіи воздуха получается гелій, въ присутствіи воды—неонъ, въ томъ же случаѣ, если эманация находится въ соляномъ растворѣ, напр., въ растворѣ азотнокислой мѣди, получается аргонъ. Ипичну, вызывающую такой переходъ эманации въ указанные элементы Рамзай склоненъ видѣть въ α -лучахъ, отдѣляемыхъ радіемъ ¹). Возможно, что тѣ же α -лучи вызываютъ и деградацию мѣди.

¹) Какъ извѣстно, радій выдѣляетъ троякаго рода лучи: α -не отклоняемые магнитомъ и β -и γ -, отклоняемые, состоящіе изъ „электроновъ“—безконечно малыхъ частицъ, несущихъ электрическіе заряды.

Однако, время для появленія общей теоріи, охватывающей не описанные опыты, но и всю, уже весьма значительную, совокупность новыхъ намъ радіоактивныхъ явленій—еще не наступило, и теорія Рамзая является пока рабочею гипотезой, позволяющей до нѣкоторой степени объяснить полученные результаты и ставить въ извѣстной послѣдовательности опыты для полученія новыхъ фактовъ и обобщеній, которые въ концѣ концовъ должны привести насъ къ ясному пониманію радіоактивныхъ явленій.

Во всякомъ случаѣ, пылинка литія въ 0.00017 миллиграммъ, полученная Рамзеемъ изъ мѣди, явилась грандіозной бомбой, брошенной смѣлымъ новаторомъ въ міръ вѣковыхъ химическихъ традицій. «Слово бѣ» не только «въ началѣ»; оно гремитъ и въ наши дни. Мірозданіе не почало «въ седьмой день»; оно полно творческой силы и не зачѣмъ думать, что образованіе элементовъ произошло разъ навсегда въ какую-то отдаленную отъ насъ эпоху; оно происходило и происходитъ. И если сегодня намъ стала ясна возможность перехода высшихъ элементовъ въ низшіе, то завтра мы найдемъ факторъ обратнаго прегражденія, и тогда уже будетъ близокъ синтезъ атома любого элемента изъ той «первичной матеріи», предположеніе о которой такъ живуче въ умѣ человѣка.

М. Тихановъ.

Ж. Жоресъ. Соціалистическій идеализмъ.

Бываютъ великіе умы, имѣющіе нѣкоторыя слабыя стороны. Они удивительно хорошо объясняютъ событія прошлаго и ходъ исторіи; и они же присутствуютъ при великихъ соціальныхъ явленіяхъ настоящаго, не понимая ихъ. Напримѣръ, Ренанъ, такъ глубоко изслѣдовавшій происхожденіе христіанства, говоритъ о социализмѣ подобно ограниченному книжнику древняго Закона, высказывающему свое сужденіе о нарождающемся христіанствѣ. Онъ пишетъ въ „Жизни Иисуса“ комментируя то, что Христосъ говорилъ „царствомъ Божиимъ“: „Въ наши дни, смутные дни, когда Иисусъ не имѣетъ послѣдователей болѣе истинныхъ, чѣмъ тѣ, которые, повидимому, отреклись отъ него, мечты объ идеальной организаціи общества, организаціи столько аналогичнаго со стремленіями первыхъ христіанскихъ сектъ, существуютъ только въ смыслѣ развитія той же самой идеи, являющейся одною изъ вѣтвей того безгранично великаго дерева, въ которомъ развивается вся мысль будущаго, и въ которомъ „царство Божіе“ будетъ вѣчно стволемъ и корнемъ. Всѣ соціальныя перевороты человѣчества будутъ выростать именно на этомъ деревѣ. Но зараженный грубымъ матеріализмомъ, стремящимся къ невозможному, именно къ тому, чтобы основать всеобщее счастье на политическихъ и экономическихъ отношеніяхъ, „соціалистическія“ попытки нашего времени останутся безплодными, пока онъ не возьмуть за основаніе истинный духъ Иисуса,—я говорю объ абсолютномъ идеализмѣ, и томъ принципѣ, что для того, чтобы завладѣть міромъ, надо отказаться отъ него“.

Въ какомъ отношеніи находятся между собою христіанство и революціонная соціалистическая демократія? Я не могу здѣсь заняться изслѣдованіемъ этого. Ренанъ съ особенными натяжками провелъ аналогію, и изображаемая имъ зависимость въ значительной части призрачна. Но приговоръ, который онъ выноситъ социализму, отличается

большой поверхностностью. Высшій и глубочайшій идеализмъ—это коммунизмъ идеализмъ социалистическій, потому что онъ стремится къ осуществленію справедливости въ самомъ строѣ привычекъ и въ бытѣ проявленіяхъ жизни. Вся жизнь человѣческая основана на трудѣ, призывать справедливость въ трудѣ, это и значитъ вѣдрить ее до глубины жизни. Идеализмъ, откладывающій справедливость на отдаленнаго времени, т. е. до осуществленія въ отвлеченномъ мірѣ, это только капитуляція идеала. Захватить природу такую, какъ она существуетъ въ человѣческихъ обществахъ, и передѣлать ее по высшему принципу братскаго равенства, вотъ самое прекрасное осуществленіе идеала, на которое могутъ осмѣлиться люди.

Неправда, будто социализмъ намѣревается принести людямъ счастье въ совершенно законченномъ видѣ, приготовленное при помощи политическаго и социальнаго механизма. Счастье останется всегда индивидуальнымъ, завоеваніемъ тѣхъ, кто сумѣетъ углубить въ жизнь чувство жизни, очистить и воспитать свои способности для высшихъ радостей. Но обязанность человечества—создать для всѣхъ людей общія условия счастья. Всѣ же человѣческія силы могутъ нормально развиваться только въ такомъ мірѣ, гдѣ исчезла всякая привилегія грубой силы или олигархической собственности. Привилегія лишаетъ тѣхъ, кто лишенъ ея, обращающа ихъ силы и энергію на служеніе другимъ людямъ; и привилегія давить тѣхъ, кто надѣленъ, освобождая ихъ отъ необходимой затраты усилий, которыя упрямъ бы ихъ способности, обременяя ихъ, при совершеніи человѣческихъ дѣлъ, затрудненіями, отвѣтственностью и заботами надменной гордыни, изнуряющими силы индивида и отвлекающими отъ него всякое полезное и радостное общеніе со всѣмъ міромъ и съ жизнью.

Такимъ образомъ воцареніе социализма, создавая собственную власть всѣхъ, отвѣтственность всѣхъ, будетъ облегченіемъ для всѣхъ людей. Одни—вчера рабы и эксплуатируемые—будутъ избавлены отъ бремени нищеты, чрезмѣрной работы, слѣпного невѣжества, сильной страстной ненависти. Другіе—вчера хозяева и эксплуататоры—будутъ освобождены отъ бремени безпокойнаго эгоизма, раздражающей гордости и исключительной отвѣтственности. Міръ, столь сдвинутый сегодня, поистинѣ получитъ облегченіе. Облегченіе и радость; безснѣжныя вѣжныя пружины выправятся въ умахъ и въ душахъ, и люди не будутъ больше гнуться подъ тяжестью своего собственнаго сердца. И тогда-то, черезъ расширенныя окна богатыхъ жилищъ, разрушенныя и лишенныхъ надменности господства, черезъ широкіе просвѣты вдовъ, оживленныхъ братскимъ и свободнымъ трудомъ, тогда-то черезъ всѣ отверстія городовъ, сердецъ и очей проникнетъ этотъ сладкій и лилейскій свѣтъ, отраженіе котораго Ренанъ хочетъ распространить на насъ.

Но какъ могъ бы осуществиться идеалъ жизни справедливой, легкой и радостной, если бы онъ пренебрегалъ необходимостью изменить тѣ политическія и экономическія отношенія людей, при которыхъ сама внутренняя жизнь совѣсти и ума отдается въ залогъ? Вотъ и заключается смыслъ социализма, вотъ то, что дѣлаетъ социалистическій идеализмъ истиной.

Ренанъ, повидимому, боится, что для человечества социальная волюція будетъ только средствомъ закрѣпленія грубыхъ и тягостныхъ наслажденій немногихъ людей, и что она увеличитъ еще ту ужасную путаницу, ту страшную чрезмѣрность труда, подъ которыми оно

изнываетъ. Обременіе тщеславія, обременіе роскоши, которыя давятъ въ видѣ призрачныхъ наслажденій благородныя досуги жизни. Ахъ! конечно, если бы цивилизація должна была быть всегда задыхающейся и напряженной, если бы она должна была, подъ видомъ развитія и возбужденія жизни, истреблять ея питательныя и цвѣтущія силы, если бы сами изобрѣтенія науки не имѣли другого результата, кромѣ затроможденія дней нашей жизни или же увеселенія ихъ, если бы побѣды, одержанныя надъ природой, превращали навсегда человѣка въ побѣдителя—варвара, гнущагося подъ тяжестью своей добычи, это значило бы, къ сожалѣнію, что мы проводимъ эти дни, заполняя ихъ хлопотливыми заботами только о сохраненіи для самихъ себя вѣкоторой частицы внутренней жизни и радости.

Но истинное средство, единственное средство, исправить цивилизацію заключается въ ея универсализаціи, т. е. въ томъ, чтобы сдѣлать ее всеобщей. Истинное средство, единственное средство уменьшить грубую и всепоглощающую погоню за вѣшними благами и предоставить человѣка самому себѣ, заключается въ томъ, чтобы сдѣлать изъ собственности не власть, но обезпеченіе—гарантію; въ томъ, чтобы сдѣлать изъ труда не борьбу, но совмѣстную дѣятельность, кооперацію. Бѣдность есть рабство, и безграничное богатство есть тоже рабство. И только въ социалистическомъ строѣ человѣчество найдетъ свободу при условіяхъ равновѣсія и чувства мѣры.

Вѣдь какъ сейчасъ совѣтовать людямъ умѣренность? Какъ предлагать имъ планъ жизни, который дѣлалъ бы ихъ хозяевами самихъ себя и вещей, который доставлялъ бы имъ, при помощи справедливаго усилія, истинную роскошь, благородный припаекъ власти духа надъ природой и средство изощренія человѣческихъ способностей, но который избавилъ бы ихъ отъ увлеченія конкуренціи и отъ подчиненія пороку тщеславія? Да, къ кому могли бы быть сегодня обращены съ пользою эти уроки? Не къ буржуазному ли и капиталистическому классу? Но въ силу самой социальной системы сегодняшняго дня, каждый индивидъ живетъ для самаго себя, дѣйствуетъ для самаго себя. Въ настоящее время закопъ всякой человѣческой дѣятельности заключается въ томъ, чтобы она развивалась, какъ будто бы она одна только и была въ социальномъ мірѣ. Индивидъ можетъ катиться въ пропасть нищеты, изъ которой онъ больше не выберется паверхъ, онъ можетъ подниматься къ вершинамъ счастья и могущества, уровень которыхъ никѣмъ не ограниченъ. Ради чего ему останавливаться на этой именно ступени, а не на другой? Кто знаетъ—остановившись на середнѣйшей высотѣ, не рискуетъ ли онъ быть раздавленнымъ тѣмъ, кто взберется на болѣе высокіе пункты? Кто знаетъ, кромѣ того, не задерживаетъ ли онъ, ограничивая произвольно свой собственный полетъ, всего социального движенія, ритмъ котораго опредѣляется сегодня самыми смѣлыми и самыми сильными индивидами? Высшая граница прилива, вздымающаго море, упала бы совсѣмъ, если бы каждая волна въ морѣ, если бы каждая капля воды въ волнѣ не подымалась до самой крайней высоты, которой она можетъ достигнуть.

Тотъ, кто не стремится къ самому верху, очень рискуетъ остаться въ самомъ низу; и тотъ не будетъ имѣть силы дойти до половины высоты, кто не направитъ всѣхъ своихъ усилій къ конечнымъ вершинамъ. При всемъ этомъ, даже если фізіологическія наслажденія и были бы ограничены, то наслажденія воображенія и надменности сохраняютъ свою силу; или, по крайней мѣрѣ, если человѣкъ доходитъ до утомленія и пресыщенія, то, дѣлая дальнѣйшія завоеванія въ жизненной борьбѣ,

онъ надѣется преодолѣть эти чувства. Ибо богатство не только и не главнымъ образомъ средствомъ для удовольствія, есть завоеваніе средствъ социальнаго первенства, сила, дающая, которая позволяетъ человѣку распоряжаться людьми и вещами, влечь массы людей служить его соображеніямъ и его намереніямъ. Зачѣмъ ему ограничивать себя?

Итакъ, въ современномъ обществѣ человѣкъ, какъ социальный индивидумъ, находится между двумя головокружительными крайностями: головокружительной бездной и головокружительной высотой; между безконечныхъ бѣдствій, верхъ безконечнаго могущества. И тѣ, кто падаютъ, тѣ, кто колеблются, вносятъ во всю вѣческую совокупность потрясеній, побужденій, опасеній, доходящихъ до безумія, заразу или страха или торжества, смущающую совѣсть, волнующую всякую жизнь, мѣшающую всякому правильному ходу мыслей и желаній. Человѣчество будетъ въ состояніи прийти къ своей жизни правиломъ совѣсти, планъ мудрости, мѣры и гармоніи только тогда, когда оно установитъ новый строй собственности, который не отмѣняя индивидуальнаго успія, доставилъ бы преимущество кооперации и равновѣсія, и уничтожилъ бы безумный страхъ передъ непонятнымъ неограниченнымъ могуществомъ.

До тѣхъ же поръ привилегированные классы, которые особенно подвергаются искушенію взобраться на верхъ, примутъ эту мудрость счастья и гармоніи, какъ смѣшной совѣтъ слабыхъ капитулировать, а эксплуатируемые классы увидятъ въ ней насилье надъ ихъ несчастьемъ, или же лицемѣрный совѣтъ самоотверженія, пропагандируемый ловкими обманщиками въ интересахъ эксплуатации.

Идеализмъ не опредѣляется, что бы ни говорилъ объ этомъ философъ, притворнымъ отреченіемъ отъ міра; и социалистическое честоство не прибѣгнетъ къ этой странной уловкѣ отреченія отъ міра для того, чтобы лучше овладѣть имъ. Нѣтъ, оно заявляетъ очень frankly, что оно хочетъ владѣть міромъ и владѣть природой, но владѣть истинно, а не быть предметомъ ихъ владѣнія. И для того, чтобы человѣчество владѣло природой, нужно прежде всего, чтобы одна часть человечества не заставляла остальныхъ людей быть ничѣмъ инымъ, какъ только силами природы, находящимися въ подчиненіи и эксплуатируемыми, подобно самой природѣ. Нужно затѣмъ, чтобы это человечество, примиренное само съ собою посредствомъ справедливости, возвышенное при помощи науки, не приносило въ жертву лихорадочный жаждѣ владычества надъ вещами радость и простое благополучіе жизни. Эту гармоничную, братскую и правую дѣятельность, это мудрое и чистое завоеваніе природы человѣкомъ, безъ всякой жертвы, какъ вѣка самому себѣ, обезпечить можетъ одинъ только социализмъ. Вотъ почему онъ является единственнымъ плодотворнымъ идеализмомъ.

Ахъ! конечно, даже въ этой новой освященной и просторной жизни люди не будутъ знать вялаго и расслабляющаго спокойствія.

Затрата усилій останется закономъ, и волѣ человеческой природы по-прежнему вступать въ конфликты съ противорѣчіями и горестями. Человѣкъ, работникъ вселенной, созданный не для недостойнаго труда въ елисейскихъ поляхъ. Онъ не можетъ претендовать постоянно на пріятное изобиліе мыслей, и свѣтлыхъ гревъ. Его жизнь никогда не будетъ подобна лугу, освѣщенному луной. Но надо гордиться тѣмъ, что даже среди трудовъ, вѣчныхъ заботъ и борьбы нестройной социальной жизни, онъ сумѣлъ оправиться духовно, снова завоевать себя, приобщиться, въ смѣломъ свободномъ порывѣ своего сердца, къ истинной жизни.

искусству и праву, къ красотѣ идѣи и жизни, къ высшему постоянному идеалу, возвышающему природу и совѣсть. Надо гордиться тѣмъ, что онъ могъ еще, среди безпокойствъ и трудовъ современнаго міра, звѣрски грубаго и безпорядочнаго, испытать глубокую грусть смысла вещей, слушать, подъ этимъ вѣчнымъ безмолвіемъ пространства, которое страшило Паскаля, шелестъ листьевъ манса среди почпого вѣтра. Особенно гордиться надо тѣмъ, что сознаніе привилегированныхъ классовъ часто бываетъ искажено сомнѣніемъ, и что сознаніе пролетаріевъ, томящихся въ потемкахъ, непрерывно стремится къ свѣту; это—гордость нашихъ дней; это—великолѣпное обѣщаніе будущихъ дней, когда въ соціальной жизни, болѣе гармоничной, распустился пышнымъ цвѣтомъ все чело-вѣческое существо. Это—знакъ того, что соціалистическій идеализмъ не обреченъ на гибель.

Проф. Г. Э. Циглеръ.

Теорія развитія или апріоризмъ? Геккель или Кантъ?

Протекшее недавно столѣтіе со дня смерти Канта ознаменовано многочисленными празднествами въ честь его и снова вызвало восторженное обсужденіе его ученія. По случайному совпаденію, нѣсколько дней спустя, послѣдовало семидесятилѣтіе со дня рожденія Эрнста Геккеля, что также вызвало въ газетахъ и журналахъ много разборовъ его основныхъ трудовъ.

Самъ собой напрашивается вопросъ, какъ относятся философскія идеи, связанныя съ естественно-научнымъ міропониманіемъ, представителемъ котораго является Геккель, къ основнымъ мыслямъ философіи Канта, особенно къ его теоріи познанія ¹⁾.

Приверженцы Кантіанской философіи смотрятъ на сочиненія Геккеля съ непріязненнымъ чувствомъ; съ другой стороны, послѣдователи Геккеля не могутъ присоединиться къ восторженному преклоненію передъ Кантомъ. Геккель самъ въ своихъ произведеніяхъ часто подчеркиваетъ, что кантіанство стоитъ въ противорѣчій съ естественно-научнымъ міропониманіемъ ²⁾, а официальные философы оказали дурной пріемъ его критикѣ Канта, какъ это видно изъ послѣдовавшихъ возраженій ³⁾. Дѣйствительно, существуетъ рѣзкое различіе методовъ и глубоко обоснованное противорѣчіе между

¹⁾ Весь мой разборъ касается только теоретико-познавательныхъ проблемъ. Такимъ образомъ здѣсь не разсматривается ни лиризмъ К., ни Канта-Лапласовская теорія образованія планетной системы, ни практическая философія. Въ мою задачу не входитъ также отдать должное историческимъ заслугамъ К.: я разсматриваю лишь отношеніе современнаго естествознанія къ Кантовской теоріи познанія.

²⁾ Эрн. Геккель. Міровыя загадки. Общедоступныя лекціи по монистической философіи. — Антропология или исторія развитія человѣка.

³⁾ Я укажу на страстную антикритику проф. Ф. Паульена: Э. Геккель какъ философъ (1900); сюда далѣе относится Аликесъ, Кантъ противъ Геккеля (1901). — Ю. Бауманъ. Міровыя загадки Геккеля, ихъ слабыя и сильныя стороны (1900). — А. Михеличъ, Геккелизмъ и Дарвинизмъ (1902), — и другія подобныя сочиненія. Сводку всѣхъ нападокъ, направленныхъ противъ философскаго міровоззрѣнія Геккеля, и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ опроверженіе содержитъ трудъ Генриха Шмидта: Борьба вокругъ міровыхъ загадокъ (1900).

научной теоріей развитія, берущей начало отъ Дарвина и Геккеля, кантіанствомъ, которое въ настоящее время господствуетъ на ка-
нцѣ немецкихъ университетовъ.

Я не намѣренъ рѣшить этотъ споръ, я хочу лишь изложить, въ чемъ состоитъ основное различіе между кантіанскимъ и естественно-научнымъ пониманіемъ.

Естествоиспытатель и къ душѣ примѣняетъ изслѣдованіе съ точки зрѣнія исторіи развитія, какъ по отношенію къ развитію рода, такъ и по отношенію къ развитію индивида. Такъ какъ человѣкъ выросъ изъ животнаго царства, его душа должна была возникнуть изъ животной души путемъ прогрессивнаго развитія. Побужденія человѣка должно вывести изъ инстинктовъ животнаго, и даже разумокъ, который такъ сильно отличаетъ человѣка отъ животныхъ, въ зачаточной формѣ втрѣчается у животныхъ, особенно у родственныхъ человѣку млекопитающихъ, которые обладаютъ даже памятью и могутъ, по крайней мѣрѣ въ ограниченныхъ размѣрахъ, имѣть опытъ¹⁾. Такимъ образомъ душевныя способности человѣка возникаютъ во время его родового развитія, и для уразумѣнія человѣческой психики естествоиспытатель не можетъ обойтись безъ психологіи животныхъ. Поэтому Геккель справедливо подчеркиваетъ важность филогенезиса (родового развитія) души.

Но душа человѣка проявляетъ развитіе у каждого отдѣльнаго индивида съ самаго ранняго возраста. У ребенка мы наблюдаемъ постепенное ознакомленіе съ обстановкой, привыканіе къ опредѣленнымъ лицамъ и вещамъ, изученіе языка и постепенное накопленіе массы опыта и знаній. Здѣсь обнаруживается духовная личность въ ея возникновеніи, и сущность душевной дѣятельности лучше всего можетъ быть познана, если прослѣдить это, ступенямъ восходящее развитіе. Поэтому каждый естествоиспытатель долженъ вслѣдъ за Геккелемъ приписать большое значеніе онтогенезису (индивидуальному развитію) души.

Но кантіанцамъ вполнѣ чуждъ такой способъ разсмотрѣнія съ точки зрѣнія исторіи развитія. Кантіанство занимается сознаніемъ взрослого человѣка и хочетъ въ немъ твердо установитъ «априорныя» основанія; оно приходитъ къ теоріи познанія, которая не пользуется ни сравненіемъ съ животной душой, ни наблюденіемъ надъ душой ребенка, ни изученіемъ функций органовъ чувствъ и мозга, а просто основывается на теоретическихъ умозрѣніяхъ.

Если мы, такимъ образомъ, уже узнали отличіе естественно-научнаго метода отъ кантіанскаго, то это отличіе еще отчетливѣе выступаетъ при разборѣ отдѣльныхъ проблемъ теоріи познанія.

Я хочу здѣсь остановиться на самыхъ важныхъ пунктахъ, именно на понятіяхъ пространства и времени и на понятіи каузальности (причинности). Пространство и время обозначаются Кантомъ какъ чистыя априорныя понятія. Этимъ должно быть выражено то, что понятія пространства и времени получаютъ не изъ опыта, но присущи сознанію въ качествѣ необходимыхъ и неизбежныхъ предпосылокъ нашего мышленія, такъ что мы ничего не можемъ знать объ ихъ примѣнимости къ дѣйствительному міру (къ „вещи въ себѣ“). Въ противоположность этому естественно-научный способъ разсмотрѣнія показываетъ, что пространственное мышленіе развивается постепенно подъ совместнымъ дѣйствіемъ различныхъ чувствъ—изъ нашего познанія пространственныхъ отношеній, какъ путемъ зрѣнія, такъ и путемъ движенія глазнаго яблока (иннервационныя

¹⁾ Относительно пониманія инстинкта и отличія его отъ разсудка см. Г. Циглеръ: «Понятіе инстинкта прежде и теперь» (1904).

ощущенія глазныхъ мускуловъ), и далѣе, путемъ движеній и ощущеній осязанія. Понятіе пространства есть, слѣдѣн-
отнюдь не „чистое апріорное понятіе“: оно постепенно вырабаты-
ребенка подъ вліяніемъ разнородныхъ чувственныхъ впечатлѣній.

Для обстановки историческаго развитія нашего пространства-
представленія величайшее значеніе имѣютъ изслѣдованія Гельмгольца. Рѣ-
шатъ его изслѣдованій можетъ быть выражень въ слѣдующихъ словахъ,
якъ, взятыхъ изъ его доклада о зрительныхъ воспріятіяхъ¹⁾:

„Согласованность зрительныхъ воспріятій съ внѣшнимъ міромъ на-
ся всецѣло на томъ же основаніи, какъ и всякое наше познаніе дѣй-
тельнаго міра, именно на опытѣ и на продолжающейся проверкѣ
истинности посредствомъ эксперимента, какъ мы это выполняемъ при
домѣ движеніи нашего тѣла. Естественно, въ этой согласованности
имѣемъ гарантію лишь постольку, насколько простирается это срав-
проверки, т. е. какъ разъ постольку, насколько мы въ ней нужда-
для практическихъ цѣлей“.

Итакъ Гельмгольцъ говоритъ объ относительной согласованности
жду нашимъ мышленіемъ и дѣйствительнымъ міромъ, тогда какъ по
зрѣнію кантіанцевъ о дѣйствительномъ мірѣ („вещи въ себѣ“) мы вообще
ничего не можемъ знать.

Независимо отъ Гельмгольца и не находясь также подъ вліяніемъ
Геккеля, извѣстный зоологъ Блончли совершенно самостоятельно совер-
недавно выступилъ противъ ученія Канта. Онъ считаетъ утвержденіе
Кантомъ апріорность пространства и времени за предположеніе, кото-
„не доказано и въ своихъ слѣдствіяхъ несостоятельно“²⁾.

Въ эпоху Канта еще можно было видѣть въ геометрическихъ аксио-
махъ основаніе для того, чтобы считать понятіе пространства
нѣчто данное а priori. Но и эта опора была отнята у апріоризма, съ тѣмъ
поръ, какъ узнали, что эти аксіомы возникли отнюдь не безъ зависи-
сти отъ опыта міра. Уже первобытный человѣкъ, который, играя, ра-
стигивалъ между руками травку или связывалъ лыкомъ двѣ вѣтви, жа-
получить опытъ, что прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двѣ-
мя точками. Этотъ опытъ, на которомъ опирается аксіома, имѣлся, са-
довательно, раньше, чѣмъ опредѣленное геометрическое понятіе прямой
линіи. И въ арифметикѣ нужно видѣть столь же мало апріорнаго; я
помню лишь о томъ, что наша десятиричная система счисленія покоится
на простомъ счетѣ по десяти пальцамъ.

Что касается понятія времени, то оно является для естествоиспытате-
ля столь же мало „чистымъ апріорнымъ понятіемъ“, какъ и понятіе
пространства. Малое дитя производитъ уже въ первыя недѣли извѣстное
физиологическое измѣреніе времени, т. е. организмъ его легко пріучается къ
тому, чтобы ожидать кормленія въ опредѣленные сроки (напримѣръ, че-
резъ каждые 2 часа). Также у дѣтей 2-3 лѣтъ, которая уже отчетливо
представляютъ себѣ множество лицъ и предметовъ, эти представленія отню-
дѣ не связаны съ понятіемъ времени, дѣти этого возраста и
съ большимъ трудомъ могутъ мыслить опредѣленные промежутки времени,
а все же они точно требуютъ пищи къ привычному часу, такъ какъ про-
цессы въ организмѣ протекаютъ съ закономѣрной періодичностью. Точно
также многія животныя (куры, собаки, лошади и т. д.) съ нетерпѣніемъ
дожидаются своего корма къ привычному времени. Мы можемъ остано-
здѣсь въ сторонѣ это, основанное лишь на физиологическихъ процессахъ.

¹⁾ Популярно-научные очерки.

²⁾ О. Блончли: «Мысли объ образованіи понятій и нѣкоторыхъ основ-
ныхъ понятій». Анналы натурфилософій. (Лейпцигъ 1903).

внутреніе времени, ибо въ разбираемой проблемѣ рѣчь идетъ объ опредѣленномъ времени, какъ о со тавной части представленій.

Время, какъ нѣчто мыслимое, вовсе не есть какое-то „чистое апріорное понятіе“, а относительно высокая абстракція, которая появляется только при болѣе зрѣломъ мышленіи; промежутковъ времени лишь тогда дѣлается предметомъ мышленія, когда уже существуетъ какое-нибудь извѣреніе времени, для чего первую основу образуетъ наблюденіе внѣшнихъ явленій, особенно смѣна дня и ночи. Такимъ образомъ и въ вопросѣ о времени мышленіе естественно-научнаго наблюдателя выступаетъ противъ кантовскаго апріоризма.

Кантіанство выводитъ изъ своего ученія о пространствѣ и времени чисто феноменалистическое пониманіе внѣшняго міра; оно считаетъ познаніе дѣйствительнаго міра („вещи въ себѣ“) невозможнымъ; слѣдовательно, оно смотритъ на наше познаніе внѣшняго міра только, какъ на призрѣніе („трансцендентальный идеализмъ“). Очень ясно выразился Геккель¹⁾ объ этомъ мировъзрѣніи: «Съ тѣхъ поръ, какъ Кантъ объявилъ понятія пространства и времени простыми «формами воспріятія (пространство—формой внѣшняго, время—формой внутренняго воспріятія), относительно этихъ важнѣйшихъ проблемъ познанія поднялся горячій споръ, который продолжается еще и теперь; у большей части новѣйшихъ метафизиковъ установился взглядъ, что этому «критическому дѣянію» должно быть придано величайшее значеніе, какъ исходной точкѣ «чисто идеалистической теоріи познанія», и что этимъ опровергнуть естественный взглядъ здороваго человѣческаго разсудка на реальность пространства и времени. Это одностороннее и ультра идеалистическое пониманіе тѣхъ 2 хъ основныхъ понятій стало источникомъ величайшихъ ошибокъ». Для естествоиспытателя существованіе внѣшняго міра есть самое дѣствѣрное изъ всѣхъ познаній, или—выражаясь осторожнѣе—самая вѣроятная изъ всѣхъ теорій.

Все ученіе объ органахъ чувствъ у животныхъ и у человѣка повсюду показываетъ, что на существа вліяютъ явленія внѣшняго міра, и что организмы обладаютъ различными органами для воспріятія раздраженій изъ внѣшняго міра. Характеръ субъективнаго міропредставленія естественно сообразуется съ родомъ органовъ чувствъ, и каждый органъ можетъ использовать раздраженія лишь внутри извѣстныхъ границъ. Напримѣръ, въ спектрѣ мы видимъ лишь часть его отъ краснаго до фіолетоваго, а изъ звуковъ мы слышимъ лишь тѣ, число колебаній которыхъ заключается между 16 и 40.000; изъ безчисленныхъ газовъ, которые, можетъ быть, примѣшаны въ атмосферѣ, мы замѣчаемъ лишь ограниченное число и такія матеріи мы можемъ воспринимать не иначе, какъ въ формѣ запаховъ. Такъ развивается истинная теорія познанія естествоиспытателя изъ физиологии органовъ чувствъ и мозга.

У животныхъ и малыхъ дѣтей все познаніе основывается на чувственныхъ впечатлѣніяхъ и связанныхъ съ ними ассоціаціяхъ. Лишь у человѣка познаніе идетъ значительно дальше, и болѣе высокія духовныя способности человѣка связаны съ его огромной памятью и съ развитіемъ языка. Научное изслѣдованіе ведетъ затѣмъ постепенно ко все лучшему уразумѣнію природы, относительно чего исторія естественныхъ наукъ содержитъ множество поучительныхъ примѣровъ.

Итакъ естествоиспытатель вовсе не оспариваетъ того, что наше познаніе только очень несовершенное и лишь приближенно можетъ претендовать на истинность. Естествоиспытатель принимаетъ такимъ образомъ лишь относительную согласованность между нашимъ мышленіемъ и

¹⁾ „Міровыя загадки“ 13 глава.

дѣйствительнымъ міромъ, и эта согласованность все время исправляется путемъ эксперимента и новыхъ наблюдений. Критерій истинности—это подтвержденіе посредствомъ эксперимента.

Но кантіанское утвержденіе, что мы ниче го не можемъ въ дѣйствительномъ мірѣ, не имѣть для естествоиспытателя никакого и отъ него нельзя ожидать того, чтобы онъ призналъ это ученіе мудростью. Что касается каузальности, то и здѣсь естествоиспытатель не можетъ согласиться съ кантіанцами, когда они приписываютъ каузальности мышленію априорную необходимость и рассматриваютъ причинность въ категорію, возникшую независимо отъ опыта, но для опыта реальную. Ибо у животныхъ, какъ и у дѣтей, легко замѣтить, что существуетъ только простая ассоціація обычно слѣдующихъ другъ за другомъ явленій, и отсюда лишь развивается причинное представленіе. Сидящая женщина любитъ гулять со своимъ господиномъ, живо вскакиваетъ, если господинъ мѣняетъ сюртукъ или одѣваетъ шляпу, такъ какъ она знаетъ, что за этимъ слѣдуетъ уходить изъ дому; также маленькія дѣти, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ ассоціируютъ такимъ образомъ взаимно связанные явленія; особенно часто связываютъ они съ появленіемъ окружающихъ лицъ ожиданіе извѣстныхъ дѣйствій, обычно совершаемыхъ этими лицами.

Познаніе «post hoc» (послѣ этого) имѣется, такимъ образомъ, еще раньше, чѣмъ прописываніе въ «propter hoc» (въ силу этого). Причинное мышленіе, представленіе о причинѣ и дѣйствіи, дѣлается у ребенка отчетливымъ лишь благодаря формамъ языка. Представленіе о причинѣ (и особенно различіе причины отъ другихъ, обычно присутствующихъ явленій) есть плодъ нѣсколько болѣе высшаго мышленія, чѣмъ здѣсь явно сказывается аналогія съ самой человѣческой дѣятельностью, которая такъ часто является причиной.

Этотъ причинный способъ мышленія издавна оказался полезнымъ въ человѣческой жизни; онъ такъ часто дѣлалъ возможнымъ предсказаніе наступающихъ событій, что получилъ величайшее значеніе еще на низшихъ ступеняхъ жизни человѣческаго рода и, вылившись въ многочисленные выраженія рѣчи теперь, слѣдовательно, передается молодому поколѣнію уже вмѣстѣ съ языкомъ.

Даже, если бы причинность въ кантовскомъ смыслѣ была априорной категоріей, то это свойство человѣческаго мышленія, согласно теоріи развитія, должно было бы быть понятно все же, какъ нѣчто возникшее. Каузальное мышленіе слѣдовало бы тогда рассматривать, какъ продуктъ приспособленія мозга, возникшее подъ вліяніемъ естественнаго отбора такимъ же точно образомъ, какъ органическія особенности тѣла. Причинность была бы признана априорно-необходимой лишь для мышленія отдѣльнаго человѣка, но въ развитіи человѣческаго рода она возникла въ процессъ приспособленія къ внѣшнему міру.

Противоположность между Геккелемъ и философами-кантіанцами неизбежна. Это—внутренняя борьба генетическаго міропониманія съ идеализмомъ. Если кто хочетъ самостоятельно выработать себѣ міровоззрѣніе, долженъ выбрать между этими 2-мя путями. Кто стоитъ на почвѣ эмпиризма, для того ученіе объ априоризмѣ окажется безцѣльнымъ. Кто же необходимо каждому рѣшить, желаетъ ли онъ идти съ Геккелемъ или съ Кантомъ.

Ж.-Б. Северакъ.

Религіозно - нравственныя идеи въ произведеніяхъ Д. С. Мережковскаго.

Среди современныхъ русскихъ писателей однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ, быть можетъ, даже самымъ замѣчательнымъ является Д. С. Мережковский. Смерть боговъ, Воскресшіе боги и Петръ и Алексѣй, составляющіе его трилогію Христосъ и Антихристъ, нашли многочисленныхъ читателей во всемъ мірѣ, которые, несомнѣнно, были очень пріятно удивлены, встрѣтивши русскаго писателя, отличающагося очень широкой культурностью и не замыкающагося въ изученіе одного только русскаго общества, одной только русской «души» съ ея своеобразными стремленіями и темными загадками. Г. Мережковский не ограничился этими узкими предѣлами: онъ долго странствовалъ по обширному полю человеческой мысли и исторіи. Онъ переводилъ великихъ греческихъ и римскихъ трагиковъ; онъ сѣдилъ за исторіей столкновеній между язычествомъ и христіанствомъ, на Востокъ вокругъ Юліана Отступника, на Западъ, въ Италіи эпохи Возрожденія, вокругъ Леонардо да Винчи, затѣмъ опять на Востокъ, вокругъ Петра Великаго; онъ изучалъ Плінія Младшаго и Марка Аврелія, Кальдерона и Сервантеса, Флобера и Ницше; онъ изсѣдывалъ, наконецъ, еще ближе великихъ представителей руской литературы и мысли: Пушкина, Гоголя, Толстого и въ особенности Достоевскаго *). Последний выразилъ какъ-то опасеніе, что русская культура можетъ стать недостаточно универсальною; онъ боялся, что русскіе художники и писатели слишкомъ охотно отрѣшатся отъ человечества и Европы, чтобы заняться одной Россіей, и что это сдѣлаетъ ихъ слишкомъ чуждыми по отношенію къ другимъ народамъ. Достоевскому не нужно было бы

*) Главныя произведенія Мережковскаго, кромѣ романовъ его Трилогіи, слѣдующія: Трагедіи Эсхила, Софокла и Эврипида, переложены въ стихахъ; Вѣчные спутники (Пліній Младшій, Маркъ Аврелій, Кальдеронъ, Сервантесъ, Флоберъ, Гончаровъ, Пушкинъ); Любовь и смерть, продолженіемъ чего являлся Микель-Анджело и Флорентинскія новеллы: Гоголь и Чортъ; Л. Толстой и Достоевскій, въ двухъ томахъ; Дафнисъ и Хлоя, переводъ; Пророкъ русской революціи—Достоевскій; Грядущій Хамъ.

бояться этого, если бы онъ могъ предвидѣть творчество г. Мережковского, который какъ разъ изъ всѣхъ русскихъ больше всего изучалъ и всѣхъ любилъ его.

До самаго послѣдняго времени г. Мережковский былъ извѣстенъ Западѣ, только благодаря переводамъ романовъ его Трилогіи, но совсемъ давно онъ напечаталъ въ журналѣ «Mercure de France» отвѣтъ на вопросъ этого журнала по религіозному вопросу *) и такимъ образомъ привлечь съ собою вниманіе болѣе широкихъ круговъ читающей публики. Въ этомъ отвѣтѣ говорится, что религія завтрашняго дня будетъ результатомъ синтезомъ религій предшествовавшихъ христіанству (языческой и іудейской монотеизмъ), и христіанства, что религія Отца и религія Сына соединятся въ религію Духа, что «откровеніе Духа соединитъ Отца и Сына съ откровеніемъ Отца» **), и что любовь къ землѣ получить пріемъ не безъ осужденія любви къ небу.

Многимъ, можетъ быть, показалось, что разстояніе, отдѣляющее Трилогію отъ этихъ нѣсколькихъ, только что появившихся, страницъ, очень велико. Интересно, поэтому, выяснить, какой путь проложилъ г. Мережковский отъ изображенія безнормальныхъ исканій Юліана Отступника къ пророчеству о религіи Духа.

I.

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо обратиться, главнымъ образомъ, къ самымъ сочиненіямъ г. Мережковского. Въ нихъ не трудно будетъ найти цѣнные указанія.

Конечно, выдающійся интересъ представляютъ и война съ христіанствомъ, которую ведетъ Юліанъ Отступникъ для того, чтобы продрать шествіе олимпийскихъ боговъ, и неустынное исканіе совершеннаго Леонардо да Винчи, и трагическая борьба между Петромъ и Алексѣемъ, но есть еще другое явленіе, можетъ быть, менѣе ясное, но не менѣе интересное,—именно, религіозное исканіе самого автора. Д. С. Мережковский шелъ дорогой дилетанта, счастливаго тѣмъ, что можетъ со стороны наслаждаться созерцаніемъ замѣчательнѣйшихъ явленій жизни человѣка, остановиться мысля на развалинахъ величественнаго некогда зданія, чувствовать прелесть какого-нибудь произведенія искусства. Онъ не преслѣдуетъ извѣстную цѣль. Конечно, г. Мережковский—художникъ, и поэтому, рисуя передъ нами пройденный имъ путь, онъ показываетъ красоты, которыя ему встрѣтились, и заставляетъ насъ переживать впечатлѣнія. Но главное желаніе г. Мережковского—показать, куда и водить тотъ путь, по которому онъ ведетъ за собой читателя.

Въ трехъ романахъ Трилогіи есть нѣсколько второстепенныхъ историческихъ персонажей, принимая участіе въ исторіи великихъ событій, о которыхъ историкъ, изучая эти событія и, переживая въ душѣ борьбу съ ними, ищетъ новыхъ путей къ истинѣ. Вотъ, напримѣръ, въ Смерти боговъ Евандръ Никомидійскій, о которомъ авторъ говоритъ:

«Евандръ былъ великій догматикъ, человекъ ума проницающаго, глубокаго; надъ книгами потерялъ здоровье, преждевременно состарился, зрѣніе его ослабло; въ близорукихъ добрыхъ глазахъ было постоянное выраженіе усталости. Безчисленные ереси осаждали умъ его, но не давали ему покоя, мучили наяву, грезнились во снѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, притягивали соблазнительными тонкостями и ухищреніями. Онъ собиралъ

*) Mercure de France, 1907, 1 мая, стр. 68—71.

**) Mercure de France, тамъ же, стр. 69.

въ продолженіе многихъ лѣтъ, въ громадную рукопись подъ заглавіемъ «Противъ еретиковъ» такъ же усердно, какъ нѣкоторые любители собираютъ чудовищныя рѣдкости. Отыскивалъ съ жадностью новыя, изобрѣталъ несуществующія, и чѣмъ яростіе опровергалъ, тѣмъ болѣе путался въ нихъ» *).

Еще ярче личность Тихона въ романѣ Петръ и Алексѣй. Тогда какъ внутренняя борьба Евандра Никомидійскаго происходитъ почти исключительно въ сферѣ интеллектуальной и выражается въ страстномъ изученіи догматовъ многочисленныхъ сектъ того времени, Тихонъ всецѣло поглощенъ той религіозной бурей, которая разразилась надъ Россіей во второй половинѣ XVII и первой половинѣ XVIII столѣтій. Этотъ періодъ русской исторіи напоминаетъ нѣкоторыми своими сторонами время Юліана Отступника и Леонардо да Винчи. Какъ въ тѣ моменты исторіи, такъ и въ эпоху Петра Великаго, хотя и подъ различными формами, проявляется то же самое столкновеніе между язычествомъ и христіанствомъ, между культурой и отреченіемъ отъ нея, между любовью къ жизни и религіознымъ отреченіемъ жизни. И здѣсь, и тамъ—одно и то же стремленіе къ синтезу этихъ двухъ великихъ теченій. «Вся сила Рима, вся мудрость Эллады только путь къ ученію Христа; только предзнаменованія, предчувствія, намеки; широкія ступени, Пропилеи, ведущія въ Царствіе Божіе. Платонъ—предтеча Іисуса Галилеянина», говоритъ Амміанъ Марцеллинъ въ Смерти боговъ **). Одинъ изъ учениковъ Леонардо да Винчи приходитъ въ большое смущеніе, замѣтивъ, что его учитель придаетъ одно и то же выраженіе лицу Діониса и лицу Христа. Наконецъ, передъ нами Петръ Великій: смѣлой рукой онъ вводитъ реформы, не считаясь съ предразсудками и суевѣріями своихъ подданныхъ, не останавливаясь даже передъ казнями; онъ прорубаетъ окно въ Европу и переноситъ подъ холодное небо Петербурга бѣлыя статуи (древнихъ) скульпторовъ. Всѣмъ этимъ Петръ хочетъ оживить великую имперію, погруженную въ византійскую неподвижность, и пытается дать толчокъ этой жизни союзомъ христіанской вѣры съ культурой и духомъ, которые христіанствомъ отвергаются; онъ надѣется, что античныя статуи, привезенныя имъ изъ Италіи, сохранятъ отблескъ голубого неба, сіяющаго надъ языческимъ Средиземнымъ небомъ, и что лучи этого отблеска озарятъ сѣрую атмосферу его страны. И подобно тому, какъ при встрѣчѣ греческой философіи и міѳологіи съ христіанскимъ мистицизмомъ родилось множество сектъ, которыя Евандръ Никомидійскій отмѣчалъ въ своихъ писаніяхъ, такъ и въ Россіи, глубоко потрясенной реформами на рубежѣ XVII и XVIII ст., появилась масса новыхъ формъ религіознаго чувства. Всѣ онѣ были пройдены Тихономъ, страстно жаждавшимъ истины.

Книги философовъ не удовлетворили его; онъ уходитъ въ лѣса съ тѣми, которые не видятъ другого выхода кромѣ общаго самоожоженія; онъ спускается въ пещеры къ тѣмъ, которые въ приступахъ изступленія ищутъ божественнаго откровенія; онъ находитъ, наконецъ, спасеніе въ религіи грядущаго Христа, въ Цѣркви Іоанна. «Тихонъ шелъ, бодрый и легкій, какъ бы окрыленный великою радостью, подобной великому ужасу, и зналъ, что будетъ такъ идти, въ нѣмотѣ своей вѣчной, пока не пройдетъ всѣхъ путей земныхъ, не вступитъ въ Церковь Іоаннову и не воскликнетъ осанну Грядущему Господу». ***)

Я не знаю, прошелъ ли самъ г. Мережковскій, подобно Тихону, черезъ исповѣданіе ученій многихъ сектъ (считаю это маловероятнымъ)

*) Смерть боговъ, стр. 234.

**) Тамъ же, стр. 364.

***) Петръ и Алексѣй, стр. 608—609.

но во всякомъ случаѣ онъ изучалъ ихъ, останавливался на ихъ симпатіяхъ и во многихъ изъ нихъ находилъ выраженіе тѣхъ идей, которыя онъ считаетъ правильными. И мнѣ кажется возможнымъ сказать, что г. Мережковский писалъ образъ Тихона съ самого себя.

Изъ статьи о Св. Софій, написанной послѣ Трилогіи, г. Мережковский говоритъ, что «тема этой трилогии—отраженіе въ исторіи—вселенной, т. е. всѣхъ вѣка, всѣхъ народовъ и культуры объединяющей—идеи христіанства». Онъ могъ бы прибавить, что онъ не ограничился оптикой этого «отраженія» и выясненіемъ его важности, а собралъ матеріалъ для будущей работы опредѣлить состояніе религіозной мысли для того, чтобы проследить ея развитіе, и задаясь цѣлью бросить взглядъ на религіозный обликъ прошлаго, чтобы обогатить его еще больше, и узнать недостатки нашихъ религій, чтобы исправить ихъ.

II.

Если по своей культурности и искусству г. Мережковский явился европейцемъ, то по религіозному направленію своей мысли онъ—русскій. Часто замѣчали, что Россія не производитъ философовъ въ томъ смыслѣ, какой получило это слово въ Западной Европѣ; но зато дала немало писателей, занимающихся тѣми великими проблемами, существеннымъ возможнымъ разрѣшеніемъ которыхъ является религія. Достоевскаго и Толстого, безспорно, должны быть поставлены наравнѣ съ ними; ихъ было бы вполне достаточно, если бы они были единственными въ этой области. Но за ними слѣдуетъ цѣлый рядъ другихъ писателей, среди которыхъ долженъ быть названъ г. Мережковский. Для него не нужно было уходить съ русской почвы для того, чтобы достигнуть воззрѣнія, близкаго его собственнымъ и естественно, что онъ долженъ былъ обратиться къ глубокому критическому изученію творчества Достоевскаго и Толстого, чтобы такимъ путемъ помочь опредѣленію своихъ собственныхъ идей и кристаллизациі своихъ собственныхъ чувствъ. Въ своемъ изслѣдованіи великій романистъ показалъ себя великимъ критикомъ. Речитывая Толстого и Достоевскаго послѣ комментаріевъ г. Мережковского находишь въ ихъ сочиненіяхъ много такого, чего раньше и не подозреваешь. Кажется, что проникаешь въ самую глубину ихъ намѣреній, угадываешь ихъ тайныя мысли; удивительной кажется собственная проникательность его комментаріевъ.

Комментаріи г. Мережковского носятъ печать его индивидуальности. Они сдѣланы человекомъ, который, если и не находится во власти какой-нибудь системы, то во всякомъ случаѣ имѣетъ опредѣленную цѣль, стремится къ ея осуществленію и освѣщаетъ свѣтомъ, исходящимъ отъ этой цѣли, всѣ темныя углы изслѣдуемаго поля.

Этой великой цѣлью является та самая идея, первыми эскизами которой служатъ романы его Трилогіи. Если, какъ это утверждалъ Аммианъ Марцелинъ, Платонъ есть предтеча Иисуса Назарянина, то Леонардо Винчи, рисуя похожихъ другъ на друга Діонисіа и Христа, предугадывалъ инстинктомъ художника необходимость ихъ сліянія, а Петръ Великій жилъ правдѣ, желая оплодотворить европейской культурой старую восточную Россію. Будущее принадлежитъ синтетической религіи, въ которой любовь къ землѣ, проповѣдуемая антихристіанскими религіями, соединится съ любовью къ небу, которой учитъ христіанство, или, вѣрнѣе, той религіи, въ которой любовь къ землѣ будетъ простираться такъ далеко, что соединится съ любовью къ небу,—и наоборотъ.

*) Грядущій Хамъ, стр. 149.

Слѣдуетъ ли сказать объ этой синтетической религіи, что это—религія новая?

И да, и нѣтъ. Она является новой въ томъ смыслѣ, что предчувствовали ее немногіе. Старой она является въ томъ смыслѣ, что она есть единственная интегральная религія, историческія проявленія которой до и послѣ Христа были неполны. Что бы опредѣлить ее, по мнѣнію г. Мережковского, нѣтъ надобности даже исходить изъ великаго христіанскаго догмата Троицы. Третье лицо Троицы, Духъ, соединяетъ первыя два лица, Отца и Сына. Но то же самое происходитъ и въ исторіи послѣдовательныхъ проявленій религіи: самый языческій изъ языческихъ боговъ, Діонисъ, является предчувствіемъ Христа, а Христосъ даетъ общеніе Духа.

Таковы главныя идеи, исходя изъ которыхъ г. Мережковский изучалъ Достоевскаго и Толстого.

Вззрѣнія Толстого не отличаются, по мнѣнію г. Мережковского *), той широтой, которая свойственна его гению; доказательствамъ этого служатъ его ребяческое осужденіе науки и искусства, его смѣшная стыдливость передъ наготой Ісусыи Милосской, взглядъ его на древнихъ грековъ, въ которыхъ онъ видитъ полуцивилизованныхъ рабовладѣльцевъ, и на Наполеона, котораго онъ счтаетъ ничтожнымъ глупцомъ, однимъ словомъ его узко одностороннее презрѣніе ко всей культурѣ. Этими презрительными отношеніемъ Толстой не вноситъ ни его новаго въ область нравственности; онъ только повторяетъ самую грубую ошибку традиціоннаго христіанства—осужденіе «міра».

Эту ошибку нельзя ставить въ вину самому Христу; она является слѣдствіемъ ложнаго толкованія его ученія, неизбѣжныхъ его искаженіемъ. Христіане думали, что чѣмъ больше они удаляются отъ міра, тѣмъ ближе стануть къ Богу, и чѣмъ больше будутъ отрицать человѣческія дѣла (культуру, искусство, науку и проч.), тѣмъ больше утверждать дѣло Божье **).

Это міровззрѣніе, которое мы находимъ у Толстого, принадлежитъ прошлому.

Реакціонный характеръ толстовской морали кажется менѣе удивительнымъ, если знать метафизическіе принципы, на которыхъ она основана.

Для Толстого страхъ смерти—главная причина существованія религиозныхъ вопросовъ. Если бы человѣкъ никогда не думалъ съ грустью,

*) Для изложенія взгляда г. Мережковского на Толстого мы обращаемся къ введенію и главамъ I, III и VI книги: Л. Толстой и Достоевскій.

**) Эта мысль особенно ясно выражена въ другомъ сочиненіи г-на Мережковского, въ Грядущемъ Хамѣ (стр. 126—127), гдѣ онъ говоритъ о мученичествѣ и монашествѣ: «Когда наступилъ конецъ Рима, а конецъ міра не наступилъ... монашествомъ замѣнилъ мученичество. Въ эсхатологическомъ самочувствіи мучениковъ былъ нѣкоторый общественный, хотя бы только пассивно и отрицательно общественный, моментъ: мученики входили въ Римъ, въ міръ, какъ провозвѣстники конца Рима, конца міра. Монашествѣ, замѣняя чувство міроваго конца чувствомъ конца личнаго, личной смерти, одинокаго спасенія, или одинокой гибели, тѣмъ самымъ порывало эту послѣднюю пассивную и отрицательную связь христіанства съ общественно-политической жизнью міра; монашество, пустынно-жительство въ своей чистой метафизикѣ есть уклоненіе отъ міра къ Богу; чѣмъ дальше отъ міра, тѣмъ ближе къ Богу; чѣмъ ближе къ Богу, тѣмъ дальше отъ міра; плоть, міръ, бытіе—отрицаніе Бога; Богъ—отрицаніе плоти, міра, бытія; Богъ—безплотный и безмѣрный Духъ, чистое небытіе; на мѣсто Бога, котоый говоритъ: Я есмь Сущій, — становится другой Богъ, который говоритъ: Я есмь Несущій».

что жизнь имѣть предѣлъ, что онъ умереть въ одинъ мигъ можетъ быть завтра, онъ никогда не думалъ бы о Богѣ. Ему Богу не свободный порывъ любви; онъ ищетъ у Него убожища и имъ владѣть страхъ смерти.

Здѣсь дѣйствуетъ совершенно животный страхъ разрушенія. Замѣчательно, говоритъ г. Мережковский, что Толстой всегда раздѣляетъ душевную жизнь, какъ простое отраженіе органической жизни, происходитъ сначала въ тѣлѣ и только потомъ—въ душѣ. «Душа вытекаетъ изъ тѣлеснаго, какъ слѣдствіе изъ причины. Тѣло уходитъ изъ жизни въ не-жизнь, опускается въ «черную дыру»—и душа влечется тѣломъ; тѣло тянетъ душу. Воскресеніе духа есть только умирание, не начало чего-то новаго, сверхъ—животнаго, а только конецъ старому животнаго—отрицаніе плоти—одно отрицаніе, безъ утвержденія того, за плотью *)».

Пониманіе Толстымъ божества, по мнѣнію г. Мережковского, не удовлетворительно, чѣмъ его пониманіе отношеній между душой и тѣломъ.

Богъ—скорѣе нѣчто, чѣмъ вѣчто, и это нѣчто остается таинственнымъ и такъ трудно постигаемымъ, что мы вправѣ спросить себя, ставляетъ ли оно что нибудь реальное. Въ сущности, «Толстой не вѣруетъ въ Бога, не вѣритъ въ Сына Божьяго, не вѣритъ во Христа, Спасителя міра, не вѣритъ даже въ «самаго мудраго и праведнаго изъ людей, ловѣка Іисуса»—не вѣритъ ни во что. Л. Толстой хочетъ отдѣлаться отъ религіи; но когда порвалъ ихъ живую связь, то и истинность, какъ религія, въ рукахъ его истлѣла—и отъ христіанства ничего не осталось. Онъ самъ это уже почти сознаетъ, хотя не признаетъ по всей вѣроятности, и никогда не будетъ имѣть силы признаться въ этомъ ни себѣ, ни другимъ **).

Если сравнить толстовское пониманіе христіанства съ пониманіемъ Ницше, то между ними окажется странное сходство.

Оба удерживаютъ въ христіанствѣ то, что удерживаетъ въ немъ большинство христіанъ, и что сближаетъ его съ буддизмомъ: отрицаніе жизни, осужденіе любви къ землѣ. Сходясь въ пониманіи сущности жизни, о чемъ они судятъ, Толстой и Ницше диаметрально расходятся въ своихъ приговорахъ. Одинъ принимаетъ то, что другимъ осуждается. Оба страдаютъ одною особенностью и неполнотою.

Достоевскій сталъ выше такого пониманія ***). Онъ чувствовалъ возможность и законность существованія двухъ началъ. Вся жизнь его представляла трагическую борьбу между традиціоннымъ, аскетическимъ, застывшимъ христіанствомъ и антихристіанскимъ пріятіемъ жизни. Больше замѣчательные изъ его героев, повидимому, идутъ въ этомъ отрицаніи христіанской морали также далеко и даже дальше, чѣмъ Ницше. Гаскольниковъ, въ «Преступленіи и Наказаніи», беретъ за образецъ Наполеона, утверждаетъ, что цѣль оправдываетъ средства, и что для осуществленія высокаго идеала можетъ понадобиться преступленіе, и въ концѣ концовъ убиваетъ старуху, чтобы при помощи денегъ привести въ исполненіе свои планы. Въ братьяхъ Карамазовыхъ Дмитрій учитъ, что все позволено. Въ Бѣсахъ Ставрогинъ и Верзиловъ осуществляютъ это ученіе на дѣлѣ, а Кирилловъ встрѣчается съ Ницше въ проповѣди теории сверхъ-человѣка.

*) Л. Толстой и Достоевскій, стр. 179.

**) Тамъ же стр. 125.

***) Объясненіе взглядовъ Достоевскаго см. также въ книгѣ: Л. Толстой и Достоевскій (гл. II, IV, VI) и въ книгѣ: Пророкъ русской революціи.

Но Достоевскій не только понималъ обѣ противоположныя точки зрѣнія; онъ видѣлъ, что разрѣшеніе противрѣчій находится въ обнимающей ихъ высшей точкѣ зрѣнія, и указалъ на это въ послѣднемъ и самомъ сильномъ изъ своихъ произведеній, въ братьяхъ Карамазовыхъ. Старецъ Зосима говоритъ своему ученику Алексѣю: «Землю пѣлуй и неустанно, ненасытимо люби, всѣхъ люби, все люби, ищи восторга и преступленія сего. Омочи землю слезами радости твоея и люби сіи слезы твои. Изступленія же сего не стыдись, дорожи имъ, ибо есть даръ Божій, великій, да и не многимъ дается, а избраннымъ».

Г. Мережковскій замѣчаетъ по этому поводу: «Это—глубочайшее откровеніе христіанства въ русской, можетъ—быть, и во всемірной культурѣ».

Донинѣ казалось намъ, что быть христіанствомъ значить любить небо, только небо, отрекаясь отъ земли, ненавидя землю. Но вотъ христіанство—не какъ отреченіе отъ земли, не какъ измѣна землѣ, а какъ новая, еще не бывшая «вѣрность землѣ», новая любовь къ землѣ, новое «цѣлованіе земли *)».

III.

Г. Мережковскій никогда не упускалъ изъ виду того, что религиозныя проблемы, будучи проблемами психологическими и метафизическими въ то же самое время являются социальными проблемами. Его произведенія вовсе не похожи на одно только горделивое исповѣданіе его собственной вѣры.

Онъ не довольствуется тѣмъ, что говоритъ намъ, гдѣ онъ нашелъ спасеніе; онъ утверждаетъ, что это спасеніе можетъ быть только общимъ для всѣхъ людей, что его собственное спасеніе связано со спасеніемъ человѣчества.

Христіанство заблуждалось не только въ своемъ стремленіи къ буддистскому отношенію къ жизни; другое и, можетъ—быть, особенно важное заблужденіе его заключалось въ его индивидуализмѣ. Мопахъ оставляетъ міръ не для того, чтобы спасти человѣчество, а для того, чтобы спасти самого себя. Желая быть въ числѣ избранныхъ, которые будутъ наслаждаться небеснымъ блаженствомъ, онъ вовсе не думаетъ о тѣхъ, что его успѣхъ зависитъ отъ успѣха или отъ неудачи другихъ. Она отрѣшается отъ людей, отскакая отъ міра. Божественность человѣка, какъ ее понимало христіанство, есть божественность немногихъ, напримѣръ, тѣхъ же самыхъ аскетовъ, которые отдаются созерцательной жизни и обрекаютъ себя на спасительное, по ихъ мнѣнію, умерщвленіе плоти. Для г. Мережковскаго божественность человѣка есть божественность совокупности людей, человѣчества, составляющаго «тѣло» Церкви вселенской. «И Христосъ благословитъ міръ въ наступающей зарѣ, въ откровеніи Духа, въ Третьемъ Завѣтѣ. И дастъ человѣчеству новое имя Сына Бога, Бога-Человѣчества.»**)

Для выясненія того, какое содержаніе вкладываетъ въ эти слова г. Мережковской, надо посмотрѣть, какъ онъ относится къ социальнымъ вопросамъ, какой смыслъ придаетъ современной борьбѣ, и въ особенности той, тѣмъ, которой является Россія.

Другой русскій писатель, также интересующійся вопросомъ о религиозномъ обновленіи человѣчества, г. Бердяевъ, упрекалъ въ 1905 году г. Мережковскаго въ томъ, что онъ не рѣшилъ опредѣленно вопроса объ

*) Пророкъ русской революціи, стр. 151.

**) *Messiege de France*, тамъ же стр. 71.

отношенія религіи и общественной жизни. *) Съ тѣхъ поръ г. Мережковский особенно много занимается этимъ вопросомъ. Но все, написанное имъ, показываетъ, что его собственные взгляды въ эти дни далеко еще не установились окончательно. Вмѣсто опредѣленнаго и, вмѣсто стройнаго мір-воззрѣнія, мы находимъ у г. Мережковского неленныя указанія; указанія, обнаруживающія стремленіе къ отысканію истины; въ мысли автора видны слѣды колебанія.

Разсужденія о религіозномъ обновленіи, въ связи съ вопросомъ о смыслѣ современной цивилизаціи, могутъ показаться странными и значимыми реальнаго значенія. Наука въ настоящее время достигла большаго развитія и создала вокругъ себя атмосферу, повидному, мало благоприятную для развитія религіознаго чувства и для успѣховъ религіозныхъ исследований. Иллюдованіе религіозныхъ вопросовъ заброшено, метафизика насчитываетъ очень немногихъ друзей; еще меньше ихъ у мистицизма. Повидному, являющійся законъ трехъ стадій Огюста Конта: челоѣчество, очисти, до тѣло того зрѣлаго возраста, о которомъ говорилъ осногатель позитивизма, и который долженъ ознаменовать полнымъ отрѣшеніемъ отъ физическихъ и религіозныхъ проблемъ.

Прекративъ религіозныя исканія, Европа потеряла вмѣстѣ съ все свое благородство: «Все благородство культуры, уйдя изъ общественной, сосредоточилось въ отдѣльныхъ личностяхъ, въ тѣхъ великихъ отшельникахъ, какъ Ницше, Ибсенъ, Флѣберъ». Впрочемъ, продолжаетъ г. Мережковский, «даже и великіе отшельники европейскаго гонія, только что, выходя изъ круга личной культуры, кажутся чуждыми, — теряютъ свое благородство, поплѣютъ, мелѣютъ, истощаются, какъ степныя рѣки въ пещерахъ». **) За этими немногими исключеніями, возлѣ любовь къ великимъ идеямъ и смѣлымъ мечтамъ уступила мѣсто мелкимъ заботамъ и интересамъ. Позитивизмъ и мѣщанство приводятъ однихъ результатамъ. Какъ это видѣть уже Герценъ, Европѣ, по дѣлу г. Мережковского, не въ чемъ завидовать Китаю: «Въ Европѣ позитивизмъ только дѣлается, — въ Китаѣ онъ уже сдѣлался религіей. Духовная основа Китая, ученіе Лао-Дзы и Конфуція — совершенный позитивизмъ, религія безъ Бога, «религія земная, безнебесная», какъ выражается Герценъ, о европейскомъ научномъ реализмѣ. Никакихъ тайнъ, никакихъ углубленій и порываній къ «мірамъ инымъ». Все просто, все ясно. Несокрушимый здравый смыслъ, несокрушимая положительность. Если что есть, и ничего больше нѣтъ, ничего больше не надо. Здышній міръ, все, и нѣтъ иного міра, кромѣ здышняго. Земля — все, и нѣтъ ничего кромѣ земли» ***).

Г. Мережковский спрашиваетъ себя, можно ли ожидать для европейскаго общества другой будущности, кромѣ болѣе или менѣе близкой цивилизаціи. Желтая опасность, о которой столько говорятъ въ послѣдніе годы, заключается не во-внѣ, на границахъ государствъ, а внутри, въ самомъ сердцѣ Европы, въ прогрессѣ позитивизма и духовнаго мѣщанства. «Лица у насъ еще бѣлыя; но подъ бѣлою кожей уже течетъ не прѣсная, алая, африканская, а все болѣе жидкая, «желтая» кровь, похожая на монгольскую суку вину; разрѣзъ нашихъ глазъ прямой, но зорь у насъ коситъ, суживается. И прямой бѣлый свѣтъ европейскаго дня становится косымъ «желтымъ» свѣтомъ китайскаго заходящаго или японскаго восходящаго солнца. Въ настоящее время японцы кажутся передовѣ-

*) См. Н. Бердяевъ, *Sub specie aeternitatis*, изд. Петрограда, 1907, стр. 364, и слѣд.

**) Грядущій Хамъ, стр. 22.

***) Тамъ же, стр. 6.

обезьянами европейцев; кто знает, может быть, со временем, европейцы и даже американцы будут казаться переодетыми обезьянами японцев и индейцев, несправимыми идеалистами, романтиками старого мира, которые только притворяются господами нового мира, позитивистами» *).

Чѣмъ же можно задержать грозный прогрессъ мѣщанства и позитивизма, такъ оскорбляющій г. Мережковского въ его религиозныхъ, артистическихъ и аристократическихъ чувствахъ? Очень многіе ждутъ спасенія отъ побѣды народа въ борьбѣ, которую онъ ведетъ противъ буржуазіи. Дѣйствительно, рабочій классъ, четвертое сословіе, является опасностью для существованія класса буржуазіи, третьяго сословія. Пролетаріатъ съ каждымъ днемъ становится все сильнѣе, по мѣрѣ роста капиталистическаго строя; его побѣда — дѣло возможное и вѣроятное. Но г. Мережковский не думаетъ, чтобы она могла быть дѣйствительнымъ средствомъ. Для него суть дѣла заключается не въ томъ, чтобы отнять у третьяго сословія то положеніе, которое оно захватило въ политической и экономической жизни; цѣль въ уничтоженіи духа, вѣщеніемъ котораго является третье сословіе. Для того, чтобы миръ труда могъ выполнить эту задачу, онъ долженъ былъ бы отличаться тѣмъ благородствомъ и тѣмъ стремленіями, которыхъ недостаетъ буржуазному міру. Но этихъ качествъ какъ разъ нѣтъ и у пролетаріата, говоритъ г. Мережковский: «У голоднаго пролетарія и у сытаго мѣщанина разныя экономическія выгоды, но метафизика и религія одинаковыя — метафизика умѣреннаго здраваго смысла, религія умѣренной мѣщанской сытости. Война четвертаго сословія съ третьимъ, экономически реальная, столь же не реальна метафизически и религіозно, какъ война желтой расы съ бѣлою; и тамъ и здѣсь сила противъ силы, а не Богъ противъ Бога. Въ обоихъ случаяхъ одно и то же недоразумѣніе: за внѣшнюю, временною войною, внутренній вѣчный миръ» **).

Но если социализмъ не можетъ выполнить великаго дѣла разрушенія духовной основы буржуазіи, то можно ли наѣяться, что большаго успѣха достигнетъ анархизмъ, другая форма протеста противъ существующаго строя? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, г. Мережковский обращается къ ученію Бакунина. Ему сейчасъ же бросается въ глаза то, какое мѣсто занимаетъ въ этомъ ученіи идея, которую самъ Бакунинъ называлъ «анти-теологизмомъ». Этотъ анти-теологизмъ есть не только отрицаніе религіи, но и религія отрицанія. Согласно Бакунину, нужно выбрать между членвѣческой свободой и существованіемъ Бога. Но эта дилемма, замѣчаетъ г. Мережковский, ни на чемъ не основана, и ошибка Бакунина — въ ложномъ пониманіи божества, которое онъ считаетъ началомъ власти и насилія. Для г. Мережковского Богъ является совершенной противоположностью этому пснатию. «Христосъ открылъ людямъ, что Богъ не власть, а любовь, не внѣшняя сила власти, а внутренняя сила любви. Любящій не желаетъ рабства любимому. Между любящимъ и любимымъ нѣтъ иной власти, кромѣ любви; но власть любви уже не власть, а свобода» ***). Богъ, о которомъ говоритъ Бакунинъ, не Богъ, а Дьяволъ. Однако, выводы г. Мережковского, касавшіеся анархіи, страдаютъ очевидной неопредѣленностью. Видно, что онъ относится съ большимъ сочувствіемъ къ личному бунту анархиста Бакунина противъ мѣщанскаго духа; точно также соглашается онъ съ мыслью, что истинная свобода несовмѣстима со всякой государственной организаціей; но онъ отказывается признать, что эта свобода можетъ быть осуществлена внѣ религиознаго общенія людей.

*) Грядущій Хамъ, стр. 9.

**) Тамъ же, стр. 10.

***) Тамъ же, стр. 17.

Итакъ, ни отъ социализма, ни отъ анархизма нельзя ждать спасенія Европы и всего міра. И г. Мережковский спрашиваетъ себя, не это спасеніе задачею Россіи, и отвѣчаетъ утвердительно на этотъ вопросъ.

IV.

Г. Мережковского упрекали иногда въ томъ, что онъ раздѣляетъ относительно исторической миссіи Россіи, иллюзіи славянофиловъ. Можетъ быть, и на самомъ дѣлѣ нѣкоторые изъ его утвержденій (особенно знаніе религіозной основы у русскаго самодержавія) позволяли сдѣлать сравненіе; но серьезнаго основанія оно не имѣетъ, какъ показываютъ послѣднія изслѣдованія г. Мережковского.

«У Мережковского,—писалъ въ 1903 году г. Розановъ,—есть дѣтскій восторгъ къ русскому «мужику»... Годъ назадъ, собирая матеріалъ для романа о Царевичѣ Алексѣѣ, онъ постигъ знаменитые Керженецкіе лѣса Семеновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи,—гнѣздо русскаго кола. Невозможно передать всего энтузіазма, съ которымъ онъ разсказывалъ и о краѣ этомъ, и о людяхъ... Столько лѣтъ не выслушиваемъ Петербургъ, не понимаемъ, онъ встрѣтилъ въ Керженецкихъ лѣсахъ шансъ съ затаеннымъ дыханіемъ, возраженія и вопросы, которые дарили только его собственные. Петербургъ, съ его позитивизмомъ и ответственными вопросами — это отрывка Запада: но коренная Россія, не бабы и мужики на Керженцѣ, съ ихъ легендами, эти сосновые лѣса, вѣдешь-вѣдешь и вдругъ видишь иконку на деревѣ, какъ древнюю нѣмощь лѣсахъ Эллады: эта Россія есть міръ будущаго, новаго, воскресшаго Христа примиренія эллинизма и христіанства, Христа и Діониса». *) Г. Мережковский можетъ быть не согласился бы цѣликомъ съ этимъ толкованіемъ, которое даетъ его міросозерцанію его другъ, г. Розановъ. Но, во всякомъ случаѣ, именно въ тайникахъ жизни русскаго народа хранятся, по мнѣнію г. Мережковского, богатые обѣщанія будущаго.

Религіозныя потребности этого народа такъ сильны и такъ постоянны, что онъ непрестанно ищетъ новыхъ путей, новыхъ способовъ для удовлетворенія ихъ. Онъ ищетъ ихъ всюду. По пути рационализма онъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ въ лицѣ духоборовъ, штундистовъ, «новыхъ вѣровъ»; путь мистицизма довелъ его до уногребленія самыхъ грубыхъ способовъ возбужденія религіознаго энтузіазма. Русскій народъ встрѣтился и съ гилизмомъ интеллигенціи 70-хъ годовъ, и съ возвращеніемъ къ культамъ религій Востока. Духовная пища, предлагаемая ему ортодоксальною православной церковью, не удовлетворяетъ его; онъ чувствуетъ, что религія должна заключать рѣшеніе тѣхъ важныхъ вопросовъ, которыхъ не затронуто православіемъ: полового вопроса, вопроса объ отношеніяхъ церкви и Государства и пр.; онъ и поднимаетъ эти вопросы въ своихъ религиозныхъ движеніяхъ, и если дасть имъ простое и грубое рѣшеніе, то въ всякомъ случаѣ ему принадлежитъ заслуга ихъ постановки.

Одно время г. Мережковский думалъ, что если-бы русское духовенство создало настоятельныя религіозныя потребности народа, то оно могло-бы оказать сильнѣйшее вліяніе на очищеніе въ нѣдрахъ народнаго духа того чистаго золота религіозной правды, которое тамъ скрыто. Было, несомнѣнно, одной изъ причинъ, по которымъ онъ основалъ въ 1901 году, въ Петербургѣ, религіозно-философское общество, объединявшее свѣтскихъ лицъ и представителей духовенства; въ этомъ обществѣ раз-

*) Новый Путь, октябрь 1903 г., стр. 221.

рались некоторые изъ тѣхъ вопросовъ, которые занимаютъ представителей движенія въ пользу религіознаго обновленія Россіи *).

Г. Мережковский скоро убѣдился въ томъ, что его надежды были напрасны. Для того, чтобы духовничество могло освободить церковь отъ «паралича», ему самому пришлось-бы подвергнуться слишкомъ глубокимъ измѣненіямъ и, прежде всего, измѣнить свое положеніе по отношенію къ самодержавію и къ интеллигенціи. Церковь, несмотря на свое намѣреніе оставаться въ сторонѣ отъ всякой политики и посвятить себя однимъ небеснымъ интересамъ, въ дѣйствительности постоянно поддерживала въ политикѣ худшую изъ борющихся сторонъ. Она боролась противъ интеллигенціи и революціи и служила орудіемъ политическаго давленія на народъ. Этотъ путь, по которому до сихъ поръ шла церковь, долженъ быть оставленъ. «Только дѣятельно примкнувъ къ освободительному движенію Россіи, русская церковь могла-бы соединиться съ русской интеллигенціей, дабы вмѣстѣ съ нею внести свѣтъ новаго религіознаго сознанія въ темную религіозную стихію русскаго народа; и только соединившись съ народомъ, церковь могла-бы соединить и полученную ею отъ историческаго христіанства правду о духѣ, о небѣ, о спасеніи личномъ съ нѣмѣющей раскрыться въ христіанствѣ апокалиптическомъ, правдой о плоти, о землѣ, о спасеніи общественномъ» **). Но русская церковь не способна понять это, а тѣмъ болѣе рѣшиться на такой подвигъ. Въ 1905 году г. Мережковский еще продолжалъ надѣяться; онъ обращался къ церкви, указывая ей, что пробылъ часъ для нея, когда она должна оставить свои вѣковыя заблужденія, сдѣлать выборъ между прошлымъ и будущимъ; онъ говорилъ ей, что потомъ будетъ слишкомъ поздно. «Теперь или никогда», — съ такимъ призывомъ обращался онъ къ церкви. Но церковь не откликнулась на его призывъ и не могла откликнуться. Теперь г. Мережковский хорошо знаетъ, что онъ ошибался.

Но если, такимъ образомъ, русскому народу нечего ждать отъ церкви, то на кого же онъ можетъ возложить свои надежды? Изъ этого вопроса вытекаетъ другой, именно — о значеніи и смыслѣ самодержавія. Г. Мережковский думаетъ, что ни одинъ изъ противниковъ или защитниковъ самодержавнаго строя не понялъ, какъ слѣдуетъ, его народной основы. Исключеніе нужно сдѣлать, можетъ-быть, для одного Бакунина, когда онъ писалъ: «Народъ почитать въ царѣ символическое представленіе единства, величія и славы русской земли... Но этого мало: другіе, болѣе христіанскіе народы, когда имъ приходится жутко, ищутъ своего утѣшенія въ вознагражденіи за гробномъ, въ небесномъ царѣ, на томъ свѣтѣ. Русский народъ, по преимуществу, реальный народъ. Ему и утѣшеніе то надо земное; земной богъ — царь, лицо впрочемъ довольно идеальное, хоть и облеченное въ плоть и въ человѣческій образъ... Царь — идеалъ русскаго народа, это — родъ русскаго Христа, отецъ и кормилецъ русскаго народа, весь проникнутый любовью къ нему и мыслью о его благѣ» ***). Этотъ народный реализмъ, прибавляетъ г. Мережковский, особенно ярко проявляется въ области религіознаго творчества. Доказательствомъ здѣсь можетъ служить существованіе одной изъ старѣйшихъ русскихъ сектъ, отличаю-

*) Отчеты объ этихъ собраніяхъ печатались въ журналѣ Новый Путь, уже прекратившемъ существованіе. Изъ свѣтскихъ лицъ, принимавшихъ участіе въ диспутахъ, назовемъ: гг. Мережковского, Розанова, Минскаго, Философова, кн. Волконскаго. Темати. обсуждавшимися на собраніяхъ, были: свобода совѣсти, Толстой и Церковь, Церковь и Государство, Гоголь и о. Матвѣй, бракъ, дѣматъ и отъ равеніе и пр.

**) Теперь или никогда, ст. въ журналѣ: Вопросы жизни, 1905, № 4—5, стр. 319; также въ книгѣ: Грядущій Хамъ, изд. Пирожкова.

***) М. А. Бакунинъ, статья „Народное Дѣло“

шейся, если не количествомъ послѣдователей, то широкимъ разпространеніемъ по всей территоріи, именно секты «человѣкобоговъ». Ихъ желаніи осуществить небо на землѣ члены этой секты обоготворяли, сколько-нибудь лицъ изъ своей среды; такимъ образомъ у нихъ есть своя Христость, въ образѣ и плоти человѣка, и живая дѣва-Матерь. Исходный пунктъ ученія этой секты — скучное представленіе о Боге, культъ этого ученія выражающійся въ пляскахъ, пѣніи и пророчествахъ является воспроизведеніемъ на землѣ тѣхъ радостей, которыя знаютъ гелы и избранные праведники на небѣ. Русскій народъ, по мнѣнію г. Режковскаго, дѣлаетъ изъ Россіи то, что «человѣкобоги» дѣлаютъ изъ своей секты: осуществленіе неба на землѣ. Подобно этимъ сектантамъ и русскій народъ желаетъ имѣть у себя живое воплощеніе божества, своего Христа во плоти и крови: такимъ воплощеніемъ и является царь. Народъ вѣритъ въ царя, какъ въ Бога; онъ вѣритъ, что отъ царя зависитъ и его жизнь, которой ему недостаетъ, и радости, которыхъ онъ ожидаетъ отъ жизни.

Замѣчательно, что изъ всѣхъ народныхъ покушеній на правительство этой страны, которыя такъ часто имѣли мѣсто въ Россіи на всѣхъ протяженіи ея исторіи, ни одно не было направлено противъ царя. Съ другой стороны, не менѣе замѣчательно и то, что крупныя бунты русскаго народа всегда происходили при общемъ убѣжденіи, что царь ихъ одобряетъ, что они происходят по его желанію и даже подъ его личнымъ руководствомъ. Это народное представленіе о самодержавіи объясняетъ слабость революціонныхъ партій. Представители послѣднихъ говорятъ о русскомъ самодержавіи, какъ объ обыкновенномъ деспотическомъ режимѣ; поэты и пропаганда ихъ никогда не имѣла реального значенія, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда революціонеры-пропагандисты объявляли себя царскими санцами и показывали крестьянамъ подложные документы, исшедшіе якобы отъ царя *).

Русское самодержавіе — вовсе не чуждая народу власть, явившаяся откуда-то извнѣ и подчинившая его себѣ; напротивъ, она исходитъ отъ него самого и является своеобразнымъ выраженіемъ его религиозныхъ чувствъ и потребностей. Чтобы отдѣлать народъ отъ самодержавія, надо достаточно указать на дурныя стороны этой формы правленія, совершенно не считающейся съ его стремленіями и нуждами; на такія обличія народа всегда отвѣтитъ, что царь не виноватъ въ этомъ, что онъ желаетъ добра своимъ вѣрнымъ подданнымъ, но что его обманываютъ его правители. Не слѣдуетъ бороться съ религиозными чувствами народа; это приведетъ ни къ чему и можетъ только привести къ противоположнымъ результатамъ. Нужно сначала раздѣлять съ народомъ его религиозныя нужды и затѣмъ показывать ему, въ свѣтъ религіознаго сознанія, что царь — не Богъ. Словомъ, надо, наконецъ, понять, что религіозныя стремленія русскаго народа законны и правильны, но что онъ ошибается только относительно предмета этихъ стремленій. Народъ пойдетъ за тѣмъ, кто будетъ говорить ему это, потому что онъ почувствуетъ глубокую связь ихъ съ собою; потому также, что въ теченіе всей своей исторіи онъ никогда не покидалъ совсѣмъ мысли о возможномъ и даже близкомъ пришествіи царства Антхриста.

Но кто же сумѣетъ говорить такъ съ народомъ? Мы видѣли уже, что духовенство не можетъ взять на себя этого дѣла; не возьметъ ли онъ

*) Характерный примѣръ — знаменитое «чигиринское дѣло» въ 70-хъ годахъ съ царскими «Золотыми грамотами» и др.

на себя интеллигенция? Но, спрашивается, способна ли она раздѣлить религиозныя стремленія народа? Не покажутся ли ей разговоры съ народомъ о Богѣ и о Даволѣ, о Христѣ и объ Антихристѣ проповѣдью суевѣрій? Поверхностный взглядъ на дѣло можетъ привести къ мысли, что эта задача невыполнима для интеллигенции, повидимому, оторванной отъ своего народа и заявляющей о своемъ невѣріи. Но г. Мережковскій думаетъ, что болѣе внимательное разсмотрѣніе вопроса приводитъ къ совершенно обратному выводу.

«Я не берусь рѣшить, что такое русская интеллигенція, чудо ли она или чудовище,—я только знаю, что это, въ самомъ дѣлѣ, нѣчто единственное въ современной европейской культурѣ» *). Ея не коснулся духъ мѣщанства, царящій въ западно-европейскомъ обществѣ. Фанатизмъ русской интеллигенціи въ революціонной борьбѣ, ея вѣра въ спасительную силу нѣкоторыхъ социальныхъ теорій можетъ быть являться безуміемъ и наивностью, но во всякомъ случаѣ они совершенно не похожи на мелочность и безцѣлность буржуазныхъ интересовъ. «Жизнь русской интеллигенціи—сплошное неблагополучіе, сплошная трагедія» **). Поставленная между самодержавіемъ, которое давитъ и преслѣдуетъ ее, и народомъ, который не понимаетъ ея, русская интеллигенція занимаетъ положеніе, хуже котораго трудно себѣ представить. Отсюда — ея благородство, — не вышнее благородство касты, а внутреннее, духовное, глубоко: благородство добровольно избраннаго и добровольно переносимаго положенія.

Русскую интеллигенцію упрекали въ томъ, что она — не русская, что все свое содержаніе она получила отъ Запада. Конечно, она прошла школу Запада, но не тамъ она получила тотъ духъ, который вдохновлялъ ее. Ея настоящий учитель — русскій и, быть можетъ, самый великій изъ всѣхъ русскихъ: Петръ Великій. Онъ началъ то дѣло, которое довершаетъ теперешняя русская интеллигенція. «Я уже разъ говорилъ и вновь повторяю и настаиваю: первый русскій интеллигентъ — Петръ. Онъ отпечаталъ, отчеканилъ, какъ на бронзѣ монету, лицо свое на крови и плоти русской интеллигенціи. Единственные законные наследники, дѣти Петровы — всѣ мы, русскіе интеллигенты. Онъ въ насъ, мы въ немъ. Кто любитъ Петра, тотъ и насъ любитъ; кто его ненавидитъ, тотъ ненавидитъ и насъ» ***). И тѣ, кто обвиняетъ русскую интеллигенцію въ томъ, что она не русская, переносятъ то же нелѣпое обвиненіе и на Петра Великаго.

Часто также высказывалось мнѣніе о томъ, что русская интеллигенція не вѣритъ въ Бога. Да и сама она заявляетъ то же. Но этимъ заявленіямъ нельзя придавать значенія: «Вѣра и сознаніе вѣры, — говоритъ г. Мережковскій, — не одно и то же. Не всѣ, кто думаетъ вѣрить, — вѣрять; и не всѣ, кто думаетъ вѣрять, — не вѣрять» ****). Последнее примѣнимо къ русской интеллигенціи. Ея представители не вѣрять въ Бога разумомъ; но ихъ чувства, нравственное сознаніе, активность — все это принадлежитъ вѣрующимъ. Они — атисты, вслѣдствіе тѣхъ сторонъ своего духа, которые замѣтнованы со стороны все же, что у нихъ есть своего, дѣлаетъ ихъ вѣрующими.

Активность русской интеллигенціи носила главнымъ образомъ революціонный характеръ. Съ конца XVIII столѣтія и до нашихъ дней интеллигенція никогда не проводила различія между мыслью и общественнымъ дѣломъ. Думать объ истинѣ для нея означаетъ желать ея осуществленія. Мысль претворяется въ борьбу... Легко поэтому, замѣчаетъ г. Мережков-

*) Грядущій Хамъ, стр. 24.

**) Тамъ же, стр. 25.

***) Тамъ же, стр. 27.

****) Тамъ же, стр. 31.

скій, найти религіозный смыслъ въ исторіи русскаго революціоннаго движенія. Декабристы были близки къ мистическому движенію и мистикамъ своего времени. Великіе представители русской свободной мысли въ литературѣ—Чаадаевъ, Гоголь, Достоевскій—были великими мистиками. То же можно сказать и обо всей безчисленной массѣ революціонеровъ—по поводу ихъ идеализма, любви и самоотверженности. Какъ Іаковъ во время войны эти революціонеры, говоритъ г. Мережковскій, борются во снѣ съ Богомъ. И какъ Богъ «полюбилъ Іаксва больше всѣхъ людей», *) такъ любитъ Онъ и этихъ борцовъ нашего времени. «Русская интеллигенція еще не знаетъ Христа, но уже съ нею Христосъ». **) «Современные атеисты, борющиеся съ Христомъ, ближе къ Христу, чѣмъ дѣйствительные христіане: видя его лица, не зная его имени, они стоятъ въ борьбѣ вплотную къ нему, касаются его и соединяются съ нимъ» ***).

Таковы главныя мысли г. Мережковского относительно общественныхъ вопросовъ нашего времени. Это—пока еще первыя попытки, изъ которыхъ появятся новыя изслѣдованія; но уже и теперь можно видѣть путь, пройденный авторомъ со времени романовъ Трилогіи. Если путь великъ, то направленіе его осталось прежнее: мысль г. Мережковского занимаетъ все тотъ же религіозный вопросъ. И если, въ своихъ разсужденіяхъ, г. Мережковскій затрагиваетъ вопросы, повидимому, безконечно далекіе одинъ отъ другого, то происходитъ это оттого, что религіозный вопросъ, какъ понимаетъ его г. Мережковскій, обнимаетъ всѣ остальные. Онъ придаетъ глубокое единство его мысли и открываетъ широкіе горизонты его творчеству.

Петръ Гайда.

Благіе порывы предъ судомъ Рока.

(„Дѣтнія сказочки не для дѣтей“ В. Малахѣевой-Мировичъ, „Рус. Мысль“ 1907, №№ 5 и 7).

Высокое, болѣзненное счастье—бороться за недостижимое..

Г. Ибсенъ.

Глядя на ничтожную, выродившуюся беллетристику нашихъ толстыхъ журналовъ, мы внутренне всегда вопрошаемъ:

О поле, поле! кто тебя
Усыпалъ мертвыми костями?

Правда, наше время вообще не богато крупными художниками. Но съ того времени, какъ беллетристику толстыхъ журналовъ разгромилъ модный теперь „Альманахъ“, „Сборники“ и т. д., забравъ въ свой „полонъ“ лучшія силы,—художественные отдѣлы толстыхъ журналовъ, невзрачные, оспротѣлые, вовсе опустѣли.

Хоть не разбѣзъвай!

Нахлынула толпа какихъ-то безвѣстныхъ писаекъ, которые то и дѣлаются, подобно крыловской лягушкѣ, чтобы сравняться съ какимъ-нибудь общепризнаннымъ „воломъ“ литературы, хотя изъ этого всегда получается только жалкое подражаніе Куприну, Л. Андрееву, или что-нибудь

*) Mercure de France, тамъ же, стр. 70.

**) Грядущій Хамъ, стр. 33.

***) Mercure de France, тамъ же, стр. 71.

будь въ этомъ родѣ; то вы видите безконечные романы или пьесы, бѣлыми нитками пришитые къ какой нибудь модной тенденціи..., словомъ, все литературное поле завалено этими „мертвыми ботьями“, безъ малѣйшаго дыханія жизни.

И если порою какой нибудь „Саппитъ“ г. Арцыбашева произведетъ вдругъ въ обществѣ сенсацию, то на повѣрку всегда выходитъ, что здѣсь „талантъ“, „художество“ совершенно не при чемъ, а просто пикантность сюжета, переходящая границы приличія, взволновала общество... просто „клубничкой“ запахло въ воздухъ...

Тѣмъ съ бо́льшимъ наслажденіемъ наполнился мы живою поэтической воды и тѣ небольшого, но чистаго и свѣжаго ключа, который вдругъ забилъ со страницъ „Русской Мысли“ въ предѣстныхъ „лѣтнихъ сказочкахъ“ г-жи Малахеевой-Мировичъ.

Не знаемъ, или сама жизнь наша ужъ настолько отравлена «книгой», пропитана разными «теоріями», надуманна, условна и скучно-разсудочна, что въ ней ужъ нѣтъ мѣста непосредственнымъ переживаніямъ, стихійному теченію вещей; или наши гг. беллетристы, запершись въ своемъ рабочемъ кабинетѣ и не переживъ, не почувствовавъ всемъ своимъ существомъ дѣйствительной, кипящей вокругъ жизни, за недостаткомъ оныя, просто садятся за письменный столъ, раскрываютъ любой чужой романъ или газету и, подъ влияніемъ только чтенія, принимаютъ выдумывать строчку за строчкой... авось, что-нибудь да и выйдетъ.

Не беремся рѣшать вопроса: сама ли жизнь виновата, или беллетристы, только при всей чопорности и безукоризненности «слога», въ литературѣ нашей давно уже умеръ стиль, стихійный поэтический стиль, которымъ безсознательно, «милостью Божіей», окрашивается произведеніе всякаго крупнаго, дѣйствительнаго художника, который составляетъ душу каждаго истинно-художественнаго созданія, кровь и плоть его.

Какая-то мертвечина заѣла нашу беллетристику, парализовала этотъ живой и важнѣйшій нервъ въ ея, такъ сказать, организмѣ. И этотъ нервъ—стильности.

По крайней мѣрѣ здоровой, непосредственной, стихійной «стильности» въ беллетристикѣ мы не видимъ еще со смерти Чехова и (тоже—позволимъ себѣ сказать—со смерти) Толстого-художника. Даже Л. Андреевъ, этотъ король современной художественной литературы, лишь мѣстами очищается отъ надуманности и вымученной эксцентричности своего языка, возвышаясь до непосредственнаго, стихійнаго языка поэзии—языка боговъ.

О безвѣстныхъ писакахъ, а также объ отважныхъ искателяхъ «Золотого Руна» (декадентахъ) и говорить нечего.

Но что такое стиль?

Какъ понятіе тончайшее, неудобное, говорящее только сердцу—оно трудно поддается точной формулировкѣ и опредѣленію.

Я бы назвалъ его тайной, чудомъ, посредствомъ котораго словесная лужа, все эти затасканныя, бѣдные слова наши, таинственно и непонятно претворяются художникомъ въ дорогое, пскращенное вино поэтическихъ образовъ и откровеній. Стиль—это живая вода, збрызнуть которой, художникъ составляетъ безупрочное слово дышать, звучать, краснѣть и блѣднѣть, плакать и смѣяться, словомъ—жить.

Откуда это происходитъ?

Ignoramus et ignorabimus и, кажется, навсегда.

Это—тайна, чудо, Божьей милостью почивающая на геніяхъ чело-
вѣчества.

Вотъ такъ именно «чудо» мы готовы признать за «затѣяными зотками» г-жи Малахѣевой-Мировичъ со стороны стилистики. Здѣсь у насъ настоящій, всемогущій языкъ поэзіи, Богъ вѣсть откуда взявшійся безъ пошлой тщательности внѣшней отделки, безъ эксцентрическихъ украшательствъ, святой въ своей яркости и цѣломудренной простотѣ. Стихидный стихъ.

Вотъ, напримѣръ, предъ вами картина водяного царства. Вы читаете, читатель, на ней, вы освѣжитесь изъ этого чистаго источника поэзіи. Позволимъ себѣ, чтобы не портить впечатлѣнія, цѣлкомъ приписать здѣсь эту благоухающую нѣжную сказочку; называется она—

Кольцо.

„...Брачное кольцо колецъ, вѣнчающее до возвращенія“.

Ничина.

На рѣчномъ днѣ разпелася вѣсть о чудесной находкѣ.

— Что это можетъ быть?—спросила на нѣмомъ рыбьемъ языкѣ переличатая глубокая рыбка.—Какъ будто кусочекъ солнечнаго луча отломился и отдыхаетъ у насъ на пескѣ.

— По-моему это золотая змѣя, золотая змѣйка, не больше меня ростомъ, свѣтится и спитъ у насъ на пескѣ,—радостно сказала другая рыбка изъ прозрачнаго ламутра.

А между камышевыхъ стволонъ со всѣхъ сторонъ пробиралися рыбій народъ въ блѣдую поляну въ камышевой чащѣ. Замелькали любопытныя рыбы головы, залестали рыбины спинны—голубыя, сизыя, струисто-серебряныя, ржаво-золотыя, нѣжно-палевыя и пятнишкатыя. И приползли зелено-черныя раки, и лягушка устала изумрудные жабки на рѣчное чудо и сказала:

— Если это червякъ, я проглочу его.

Но рыбы окружили хороводомъ нѣмой кругъ золота и шумно залестались, залестали его.

На плескъ рыбьихъ хвостовъ приплылъ самъ дѣдъ водяной. Косматая, буро-бѣлая борода его и пѣнные рукава, и зелено-голубые рачьи глаза подъ серебро-струинными волосами, показались на полянѣ.

— Что за плескъ тутъ? Что за рыбы плясы? Зачѣмъ мою дрему разогнали?—сказалъ онъ.

— Лягушка хочетъ сѣсть кусочекъ солнца, солнечную змѣйку, золотого червяка,—со всѣхъ сторонъ залестались рыбы.

Зашумѣли, залестались, застонали отъ гнѣва дѣдъ водяной, потрясъ пѣнными рукавами на все царство.

— Добрались-таки ваши проказы до потайнаго сокровища моего. Подъ камышевымъ корнемъ три года хранилъ я отъ вашихъ рыбьихъ глазъ человеческое заколдованное сокровище. Кто смѣлъ вырыть его?

— Мы не знаемъ,—въ одинъ голосъ сказали шаловливыя рыбы, вырывшія жабки изъ-подъ камышеваго корня.

— Зачѣмъ тебѣ золотая змѣйка, дѣдушка?—ласкаясь, спросила любимая внучка водяного.

— А затѣмъ, проказница,—сказалъ уgomонившійся дѣдъ,—что великая сила въ этой змѣйкѣ. Говоритъ молва человѣческая, что можетъ эта змѣйка на вѣки приковать къ тебѣ того, кого захочешь приковать. А у меня, въ моемъ омутѣ, до сихъ поръ еще царицы-русалки: всѣ, какія попадали до сихъ поръ, не хотѣли ужиться. Старъ, говорятъ, сердить... А вотъ, какъ надѣну это заколдованное золото на палецъ новой царьцѣ, пусть она попробуетъ убѣжать...

— Тише, на верху что-то плеснуло,—проквакала сторожевая жаба съ выжидательными вѣтками камыша.

Юркнули въ чашу испуганныя рыбы, опустился на дно омутъ дѣдъ—водяной со своей внучкой, упознали проворно въ тишю лягушки и раки. И на пустую камышовую колымажку, опустилось и тихо распростерлось въ зеленомъ сумракѣ тѣло прекрасной женщины.

— Что ей нужно здѣсь?—съ любопытствомъ прошептала выглянувшая изъ омути внучка водяного.

— У нея закрыты глаза; она пришла къ намъ отдохнуть,—задумчиво сказала перламутровая рыбка.

Она сняла слишкомъ крѣпко—замѣтила лягушка, приложивъ зеленую голову къ ея груди:—я не слышу, какъ бьется ея сердце.

— Она спитъ такъ крѣпко, какъ это нужно для того, чтобы изъ человѣческой женщины сдѣлаться русалкой,—съ торжествомъ сказала водяной.

И, склонившись надъ женщиной, дохнулъ на нее дыханіемъ новой, русалочьей жизни.

— О, какъ хорошо,—прошептала она, съ долгимъ вздохомъ открывая глаза.

— Кѣмъ ты была тамъ, наверху?—спросила ее перламутровая рыбка на тѣмъ, рыбьемъ языкѣ, который сталъ понятенъ, какъ и многое другое, женщинѣ, ставшей русалкой.

Женщина засмѣялась, и смѣхъ ея тысячами переливовъ серебряныхъ струй пролился по всему омуту и зазвенѣлъ въ камышахъ и поднялся къ высокому, къ безумно-далекому небу.

— Я забыла,—сказала она.

И въ дикой нѣгѣ забвенія, въ новой свободѣ своей простерла руки не къ далекому небу, какъ прежде, а къ близкимъ, холоднымъ, ласковымъ струямъ... И отдалась имъ, и обняла ихъ. И стихіи ей покорились.

— Ты будешь царицей нашего омута,—сказалъ водяной.

И надѣлъ ожерелье изъ многоцвѣтныхъ раковинъ на ея прекрасную, холодную грудь и сплелъ ей вѣнецъ изъ водяныхъ лилій и поясъ изъ темно-пурпурныхъ водорослей. И она приняла эти дары. Но глаза ея отражали только одну радость — дикую, вольную, хмельную радость забвенія.

И не было уже въ ея глазахъ ничего человѣческаго.

И сказалъ водяной:

— Ты обручилась со стихіями. А въ знакъ обрученія твоего со мною, я дамъ тебѣ безцѣнное человѣческое сокровище—вотъ оно.

Жалобный крикъ, какимъ зовутъ спасеніе смертельно раненые люди, раздался въ тишинѣ подводнаго царства.

Кольцо предопредѣленія, кольцо вѣчнаго возвращенія, кольцо безумной человѣческой вѣрности, вернулось къ женщинѣ, ставшей русалкой.

Женщина надѣла кольцо—и гордые изумруды глазъ ея померкли, смертная синева разлилась по серебристому тѣлу, открылись блѣдныя уста въ прежней жаднѣ и мукѣ. И стала женщина изъ русалки утопленницей, въ которой чудо возвращеннаго кольца убило свободу и жизнь, но оживило сердце.

— Снимите, снимите кольцо,—закричалъ водяной.

Но такъовъ былъ законъ закодированнаго золота, что нельзя было снять его раньше, чѣмъ пройденъ путь жадны, муки и униженія человѣческаго сердца, къ которому оно возвратилось.

И разбѣжались рыбы отъ стонувъ и жалобъ утопленницы, и забился водяной подъ корня плакучей ивы и водорослями опуталъ голову, чтобы не слышать ея вздоховъ и слезъ. И мѣсяцъ боялся смотрѣть на мертвое лицо ея, когда оно выплывало надъ водой. И струи рѣчныя содрогались и холодели, прикоснувшись къ закодированному золоту и ея рукъ.

И назвали русалки этотъ омутъ „Омутомъ человѣческой вѣрности“.

Мы боимся прикоснуться своими «нечистыми устами» (замѣчаніемъ, похвалой) къ этому чистому поэтическому роднику: какъ бы не испортить впечатлѣнія читателя отъ этой нѣжной, прозрачной, какъ вѣржево водяной сказочки...

II.

Лѣтъ 10 тому назадъ Горькій писалъ:

«Кажется, мы снова хотимъ мечты, краснѣхъ вымысловъ, грезы потому что жизнь, созданная нами, оказалась скучна, блѣдна красками, тускла.

Что-жъ, попробуемъ! Не помогутъ ли намъ вымыселъ и воображеніе подняться надъ землей и высмотрѣть на ней то мѣсто, которое когда-то мы потеряли».

Эти слова оказались пророчествомъ. Съ тѣхъ поръ русская литература пошла ессесендо въ направленіи отъ быта къ символу, отъ скучной, прѣвшея всѣмъ бы ли къ золотымъ сказкамъ, золотымъ сповѣдніямъ и томленіямъ сердца человѣческаго. На знамени искусства появился новый девизъ—

Если къ правдѣ святой
Миръ дорогу найти не сумѣетъ
Честь безумцу, который навѣетъ
Человѣчеству сонъ золотой!

И искусство ушло отъ холодной, ледяной «правды» реализма, экспрессии и символу. «Чайка» А. П. Чехова первой взвилась надъ старымъ, унылымъ, литературнымъ горизонтомъ, удививъ однихъ, обескураживъ другихъ и обѣщая что-то могучее и совершенно новое въ искусствѣ.

Рядомъ съ этимъ стали появляться «сверхчеловѣки» въ бѣсенныхъ галлерей Максима Горькаго; выступилъ съ своей болѣзненной символикой Л. Андреевъ; немного раньше его — Мережковский въ туманахъ мистики съ культомъ античнаго міра; Бальмонтъ, Врубель, Художественный Театръ въ Москвѣ...

Искусство превратилось въ золотую сказку человѣчества, гниющую, понятную и близкую, хотя и далекую-далекую. Потребность въ сказкѣ въ забвеніи отъ тусклой прозы жизни, потребность въ новыхъ переживанияхъ, тамъ сказать, въ «шестомъ чувствѣ», въ новомъ пониманіи міра и человѣка — растеть у насъ съ каждымъ годомъ все больше.

Сказка стала вѣсѣмъ необходима и дорога.

Такой же интимной близостью ко вѣсѣмъ намъ согрѣты и прелестныя «Лѣтнія сказочки не для дѣтей» г-жи Малахѣвой-Мировичъ и не даромъ она назвала свою вещь «сказочками».

Не говоря объ оригинальной, свѣжей формѣ этого произведенія (о чемъ мы бесѣдовали выше), оно — по нашему мнѣнію — представляетъ глубокий интересъ по темѣ, въ немъ разрабатываемой. Эта тема какъ-то загадочнымъ призракомъ стоитъ теперь передъ сознаніемъ каждого мыслящаго, современнаго человѣка, дразнить его и мучить своею остротой и неразрѣшимостью.

Мы говоримъ о предвѣчномъ вопросѣ Рока и о страстныхъ порывахъ человѣка сбросить съ себя это проклятіе и стать свободнымъ творцомъ своей судьбы, своей исторіи — вообще, полнымъ хозяиномъ на землѣ.

Смерть, тлѣніе — вотъ первое проклятіе Рока, тяготящее надъ людьми и міромъ.

Но гордый Духъ человѣческій все еще не хочетъ примириться съ этимъ универсальнымъ закономъ для всего живущаго и создать различные фантомы безсмертія, за которые хватается, какъ утопающій за соломенку.

Однимъ изъ такихъ фантомовъ является общепринятый и довольно таки пошлый трюизмъ, который гласитъ: «Человѣкъ смертенъ, но идеалъ, которыми онъ живетъ и которыми движется историческій прогрессъ, — безсмертен. Мысль человѣческая безсмертна!» Какое жалкое утѣшеніе!

У Малахѣвой-Мировичъ необыкновенно художественно представлена въ сказочкѣ «Безсмертники» эта иллюзія человѣческаго сердца, боящагося тлѣнія и вѣчнаго, холоднаго мрака могилы.

Въ одной вазѣ съ полевою лиліей, съ васильками, съ богородской травой и бѣлой лѣсной гвоздикой стояли безсмертники. Три дня стояли они въ теплой водѣ, которую горничная забыла поремѣнить, и всѣ попили, кромѣ безсмертниковъ и богородской травы.

— Я гибну, гибну, — шептала нѣжная гвоздика въ несдержанномъ отчаяніи. — Какой-то страшный, коричневый налетъ покрываетъ мои лепестки, и, страшно сказать, въ моемъ дыханіи запахъ тлѣнія?

— А стебли наши? — со стыдомъ прошептала лилія, — что съ ними? Почему они такіе скользкіе и мягкіе, и заражаютъ чистую воду зеленымъ смрадомъ? О, сестры мои, узнаете ли вы себя? Самъ Соломонъ во славу своей не одѣвался, какъ мы. Гдѣ это теперь.

— Мы были синіе, теперь мы бѣлые; это начало смерти, — сказали васильки, — напрасенъ ропотъ: всѣ цвѣты смертны.

— Кромѣ безсмертниковъ, — сказалъ желтый цвѣтокъ съ сухими, чешуйчатыми лепестками на верхушкахъ волокнистаго стебля.

— Вы забыли про безсмертниковъ, безсмертники безсмертны.

Когда цвѣты, вытянувъ изъ послѣднихъ силъ свои умиравшія головки, спросили безсмертника—Боги ли ему далъ это счастье, или онъ самъ завоевалъ его, гордый цвѣтокъ отвѣчалъ:

— Я былъ умѣренъ въ жизни; это прежде всего. Я былъ такъ умѣренъ, что избѣгалъ всего, чѣмъ живутъ другіе цвѣты. Я не пилъ влаги земной, когда вы упивались ею. Я жилъ на песчаномъ холмѣ, гдѣ никто не сталъ бы жить. Всѣ соки жизни, переливаями которыхъ въ вашихъ тканяхъ вы наслаждаетесь, я перегонялъ въ сухія, твердыя волокна, для которыхъ стали безразличны дождь и солнце, холодъ и тепло. Я приобрѣлъ мертвый, строгій запахъ изсохшей травы, чтобы мотыльки и пчелы не тревожили меня.

— О, нѣтъ, со вздохомъ сказала лилия,—это не подходитъ ко мнѣ. Безъ моихъ бѣлыхъ ароматныхъ одеждъ, безъ моей радости дождю и солнцу, безъ ласки мотыльковъ, съ чѣмъ была бы тогда моя жизнь?

— Твоя—ничѣмъ, конечно.—сухо сказала безсмертница.—потому что въ ней не было руководящей идеи. *Не умираетъ только тотъ, кто живетъ идеей, которая не можетъ умереть.*

По чрезъ нѣсколько минутъ послѣ этого разговора горничная, проходя мимо увидѣвшего букета и услышавъ зловоніе отъ разлагавшихся цвѣтовъ, выбросила ихъ въ сорную яму.

Туда же попали и гордые, такъ трогательно вѣрившіе въ свою неотлѣзность, безсмертники.

Какая пронія Рока! Горничная, бросающая увядшіе цвѣты, это—взмахъ самой Судьбы, которая безстрастно и неумолимо бросаетъ въ «сорную яму» небѣтія и тѣхъ, кто жилъ идейно и безъидейныхъ, которая уничтожаетъ вмѣстѣ съ носителемъ идей и ее самое.

Да и вообще странно говорить о безсмертіи идеи, если какія-нибудь геологическія или астрономическія катаклизмы, управляемыя Рокотъ, вмигъ могутъ стереть съ лица вселенной всѣ наши человѣческія идеи, будь они записаны въ книгахъ или воплощены въ матеріальныхъ памятникахъ—живописи, архитектуры, скульптуры, техники и т. д.

Что же касается до компромисса со смертію, который называется «безсмертіемъ въ потомствѣ»,—то это, чисто мѣщанское «безсмертіе», такъ же скруточно и безцѣльно, какъ и жизнь отдѣльнаго человѣка передъ лицомъ Вѣчности. Палетить потокъ какихъ-нибудь новыхъ гунновъ, сметать съ лица земли «гордое потомство», мечтавшее въ своей преемственной цѣпи покаянный бытъ безсмертнымъ—и всею безсмертію конецъ. Получается въ итогъ какой-то фарсъ, высмѣивающій одну изъ самыхъ дорогихъ иллюзій мятущагося человѣческаго духа.

Развѣ остается успокоиться веселымъ отрицаніемъ самаго факта смерти, и объявить смерть «послѣднимъ суетвѣріемъ», какъ это сдѣлалъ умирающій Гейне, такъ страстно и вдохновенно любившій жизнь. «Относительно моей болѣзни,—писалъ онъ къ Кампе,—мое мнѣніе состоитъ въ томъ, что спасти меня нельзя, и что остается протянуть какіе-нибудь два-три года. Но это меня не касается, это — дѣло вѣчныхъ боговъ, которые ни въ чемъ упрекнуть меня не могутъ, которыхъ сторону я всегда съ мужествомъ и любовью защищалъ на землѣ. Счастливое сознаніе, что я прожилъ жизнь прекрасную, наполняетъ мою душу въ это печальное время и, надѣюсь, будетъ сопутствовать мнѣ и въ послѣдніе часы — вплоть до самой бездны.

«Эта бездна, говоря между нами, всего менѣе страшна. Страшно лишь умираніе, а не сама смерть,—если только вообще существуетъ смерть. Быть можетъ, смерть—это послѣднее суетвѣріе».

Но какъ бы суровый, неумолимый Рокъ не игралъ судьбою людей, горлые потомки Прометея все-таки сохраняли и по сей день свято хранятъ завѣтъ—

Тымы вѣчныхъ истинъ намъ дороже
Насъ возвышающій облакъ...

Такова ужъ психологія человѣческаго сердца.

Много писалось на эту тему, много говорилось; она такая простая, рутинная. Но г-жа Малахѣва-Мировичъ, со свойственной ей чистотой и задушевною, даетъ совершенно свѣжій, благоуханный образъ хризалиды, посвященный все тому же старому мотиву о «возвѣщающемъ насъ обманѣ». Это одна изъ самыхъ красиво написанныхъ страницъ въ коллекціи г-жи Малахѣвой-Мировичъ. Позволимъ себѣ приписать ей цѣлкомъ. Называется она—

„Хризалида“.

«Noi siamo vermi, nati a terra
l'angellica farfalla.»

Dante.

На нижней дорожкѣ сада, гдѣ на песокъ ложится зеленая, сырая тѣнь орешника жили дождевые черви.

Каждый день ихъ собирали здѣсь для приманки рыбъ, водовозъ давилъ ихъ сапогами и ковалыми сапогами, дѣти для развлечения крошили ихъ на куски, чтобы играть въ нихъ живучести, а они себѣ жили да жили, и цѣлкомъ и въ кусочкахъ.

Но вотъ завелся между ними червь-уродъ.

Онъ былъ такой же безглазый, какъ и другіе черви, но они этого не знали о себѣ, а онъ зналъ, и извивался отъ тоски по дорожкѣ сада и говорилъ:

— Такъ больше не можетъ продолжаться... такъ жить нельзя...

И заразилъ своей тоской многихъ червей, и стали они обижаться на водовоза сапоги и на рыбаковъ, и на дѣтей.

И самымъ обиднымъ стало для нихъ то, чѣмъ прежде гордились—что дано имъ жить разрѣзанными на четыре части.

И жили, и множились, но стонали по всей дорожкѣ: такъ жить нельзя...

А червь-уродъ задумалъ спасти и ихъ и себя.

Дано было ему вмѣстѣ съ тоской по глазамъ и крыльямъ чувство верха и низа, и онъ сказалъ себѣ однажды въ мигъ мученическій и вдохновенный:

— Нужно ползти вверхъ.

И поползъ.

Случайно дѣти и водовозъ не раздавили его по дорогѣ, и черезъ долгое время онъ очутился въ клумбѣ цвѣтника, гдѣ благоухали на солнцѣ цвѣты, рѣяли бабочки и пѣлъ кузнечикъ.

— Скажите мнѣ скорѣе,—сказалъ онъ (опѣ задыхался отъ длиннаго пути и гору),—для чего живете вы всѣ, чью жизнь, такую непохожую на нашу, я ощущаю здѣсь, такъ близко?

— Мы цвѣтемъ, мы благоухаемъ, мы поемъ, мы радуемся солнцу,—услышалъ онъ въ отвѣтъ.

— Это все незнакомыя слова,—сказалъ червь, взобравшійся на пригорокъ,—ведите ихъ на мой языкъ. Я съ нижней дорожки, гдѣ живутъ черви.

Подивились, посмѣялись бабочки, и одна, самая прекрасная, говоритъ ему:

— А черви, пожалуй, должны жить для того, чтобы родилась изъ нихъ крылатая бабочка. Такъ бываетъ у насъ.

Червь сказалъ, извиваясь (для всѣхъ чувствъ у него было только одно выражаніе).

— У насъ этого до сихъ поръ не было.

— Но отнынѣ можетъ быть,—сказала великодушная бабочка.—Мы подаримъ вамъ хризалиду. Надѣйтесь, ждите, служите ей. Она ползаетъ, когда станетъ бабочкой... и это будетъ крылатый червь изъ вашего царства и научитъ васъ, какъ вамъ отравлять крылья.

И смиренно поблагодарилъ бабочку и понесъ на нижнюю дорожку дождевой червя драгоцѣнную хризалиду, прилепленную къ сирепевому листу.

Она была золотая, въ черныхъ крапинкахъ. Черви не могли видѣть ее, но тѣмъ прекраснѣе она имъ казалась.

И стали жить для нея.

Для нея переносили водовоза, рыбаковъ и дѣтей и разрѣзанные на куски, обидялись передъ смертью надеждой на ея крылья, на ея полетъ.

Такъ жили они въ многихъ поколѣніяхъ.

И теперь такъ живутъ.

А хризалида стала за это время сморщенная, сухая, жизнь въ ней умерла еще на пути къ нижней дорожкѣ, но такъ какъ ее очень берегутъ и спрятали подъ корень орешника, гдѣ построили ей алтарь, скорлупа ея еще держится.

И вчера одинъ червь, наполовину растоптанный, приползъ умирать въ ея алтарю, и слышали сибующіяся стрекоты въ зеленой тѣни орѣховыхъ кустовъ, какъ онъ шепталъ:

«Noi siam vermi, nati a formar l'angellica farfulla.»

Мысль этой прелестной сказочки поражаетъ своей смѣлостью.

Начинается она въ ницшеанскомъ тонѣ: цѣлыя поколѣнія слѣпыхъ, полураздавленныхъ борьбой за существованіе чрвъ—этихъ представителей толпы, «слишкомъ многихъ», по выраженію Ницше, живутъ, или—вѣрнѣе сказать, прозябаютъ только для того, чтобы выростить, выхолить одну хризалиду—какого-нибудь сверхчеловѣка, генія въ поэзіи, наукѣ, политикѣ и т. д. Во имя этого будущаго «сверхчеловѣка», простые смертные терпятъ въ униженіи, всѣ невзгоды и горе жизни.

Ницшеанство, державшееся нѣкоторое время на Западѣ и у насъ гордо върою въ грядущаго «Сверхчеловѣка», теперь уже почти умерло.

И умерло именно потому, что мы совершенно извѣрились и разочаровались въ этомъ красивомъ «возвышающемъ насъ обманѣ—въ грядущемъ «сверхчеловѣкѣ».

Эти мысли о «возвышающемъ насъ обманѣ» невольно заставляютъ насъ вспомнить одинъ въ вышней степени интересный разговоръ, происходившій между нѣкоторыми героями романа Достоевскаго: «Братья Карамазовы».

— Будетъ время, горячо говорилъ Иванъ Карамазовъ,—когда люди будутъ вести свое лѣтосчисленіе отъ Гориллы до Христа...

— И отъ Христа до... Гориллы... ядовито замѣнилъ кто-то изъ присутствующихъ.

— Пѣтъ, пѣтъ,—съ жаромъ перебилъ Иванъ Карамазовъ—отъ Гориллы до Христа, и отъ Христа до перерожденія человѣка и земли физически».

И если на обновленной когда-нибудь землѣ суждено будетъ забрезжиться новой человѣческой жизни, въ такой ея формѣ, въ такомъ широкомъ масштабѣ, о которыхъ мы сейчасъ не можемъ составить себѣ ни малѣйшаго представленія; если и мы—«слишкомъ многіе», все живое море человѣческихъ душъ, сыграемъ хоть какую-нибудь роль въ появленіи этого «новаго неба» и «новой земли» (по выраженію Апокалипсиса),—тогда, значитъ, не даромъ прожили мы свои маленькія жизни, которыя, взятая отдѣльно, представляютъ собою ничто, но въ совокупности (человѣчески) произвели дѣйствительнаго, реальнаго, грядущаго Сверхчеловѣка.

Въ этомъ наша побѣда передъ Рокомъ, наше утѣшеніе и награда.

Но будущее сокрыто отъ насъ—смертныхъ—за горами вѣковъ и тысячелѣтій. Живой же человѣкъ думаетъ и интересуется даннымъ моментомъ, такъ сказать, своимъ временемъ.

Поэтому, отбросивъ различныя гаданія о судьбахъ отдаленнаго будущаго, припомнимъ и прислушаемся, какое настроеніе вызываетъ въ душѣ современнаго человѣка эта золотая сказка о золотомъ вѣкѣ—«о хризалидѣ» всѣхъ нашихъ чаяній и идеаловъ.

Г-жа Малахеева-Мировичъ съ необыкновенной интимностью и глубокой рисуетъ это настроеніе въ своей сказочкѣ.

«И стали черви жить для хризалиды».

Для нея переносили водовоза, рыболововъ и дѣтей и, разрѣзанные на куски, объединялись передъ смертью надеждой на ея крылья, на ея полетъ.

Такъ жили они во многихъ поколѣніяхъ.

*И теперь такъ живутъ *).*

*) Курсивъ мой. П. Гайда.

А хризалида стала за это время сморщенная, сухая, — жизнь въ ней угасла, и пути въ нижней дорожкѣ, но такъ какъ ее очень берегутъ и спрятали подъ одѣяльника, гдѣ построили ей алтарь, скорлупа ея еще держится.

Въ этомъ сознаніи что «хризалида» (всѣ возвышенные люди наши) давнымъ давно умерла, и въ этой, все таки неистребимой потребности современнаго человѣка вѣрить въ нее и воздвигать ей алтарь своему сердцу, — лежитъ глубоко трогательная трагедія нашей души, разорванной, обезкрыленной, поспѣвшей, безгрешной и въ то же время страстно поклоняющейся, или, по крайней мѣрѣ, стремящейся въ неволю какому-то новому, невѣдомому Богу.

Изъ этой разорванности всей нашей психологіи сложился у насъ Чеховъ и его школа, а на Западѣ — Мопассанъ, Метерлинкъ, Кнутъ Гамсунъ и другіе.

Мы сказали выше, что мысль сказочки о «хризалидѣ» поражаетъ своей смѣлостью.

Поэтесса не только рисуетъ передъ нами ту «святая святыхъ», на дорогую человѣческой душѣ «хризалиду», во имя которой море человѣческихъ жизней подвергается всевозможнымъ гоненіямъ и невзгодамъ, — лишь бы эта «святая святыхъ» ихъ души уцѣлѣла.

Мало этого. Г-жа Малахіева-Мировичъ дерзновенно приподнимаетъ крышку «ковчега Забѣта», гдѣ за десятью печатями сокрытъ отъ дерзкихъ взоровъ идеаль... и находитъ тамъ, вмѣсто чего то великаго и священнаго... пустое мѣсто: хризалида давно сморщилась и умерла...

Какое разочарованіе! Ничуть не бывало. Поэтесса, какъ вѣрная дочь своего времени, можетъ быть, и не промѣняла бы самое стремленіе въ идеалу на готовый уже, достигнутый и завершившійся идеаль.

Она знаетъ, что какъ бы ни былъ высокъ и чистъ идеаль самъ по себѣ, разъ мы его достигнемъ, онъ станетъ тошнѣнъ и низокъ для насъ: мы его перерастемъ, если еще мысль наша будетъ жива и сердце будетъ благородно и настойчиво искать чего то все выше и выше.

Всякое успокоеніе на достигнутомъ, всякое довольство и духовная сытость, какъ и сытость экономическая, отдастъ уже мѣщанствомъ и торжествующей «хрю-хрю».

Поэтому поэтесса заключила свои сказочки прелестнымъ побѣднымъ гимномъ въ честь вѣчно мятушагося, вѣчно неудовлетвореннаго человеческого Духа, ищущаго все новыхъ путей мысли и жизни и въ этомъ вѣчномъ исканіи, творящемъ высшую чисто человѣческую культуру.

Вотъ этотъ заключительный, побѣдный аккордъ.

Изумруды.

Глубоко, въ сердцѣ каменной горы спали изумруды.

Они родились въ непостижимой дали времени отъ зеленого луча утренней улыбки подымавшаго юную землю.

Миріады лѣтъ прожили они во снѣ, претворяя въ лучистый кристаллъ подымающаго звѣзднаго луча и жажду раскаленнаго сердца планеты.

И когда окончилась ихъ работа, — созидаящая сила, отточивъ послѣднюю грань кристалла, родила въ немъ лучистую грезу. И увидѣли изумруды сонъ о звѣздномъ небѣ.

И въ этотъ мигъ родилась въ нихъ тоска о томъ, что жизнь ихъ во тьмѣ, что небо ихъ — въ грезѣ и что другого, быть можетъ, нѣтъ.

И такъ сильно тосковали они, что изъ тоски ихъ родилось желаніе.

Родилось, и двинулось, и пробило въ каменной скалѣ муюбую расщелину.

И Царь Неотвратимыхъ Свершеній сказалъ:

— Да будетъ.

Изумруды стали человѣческими глазами, поднялись къ звѣздному небу — и увидѣли его.

Маленькія, холодныя, призрачныя, одинокія пылинки огней боязливо мигали въ черной пустынѣ неба. И лучи ихъ касались земли холодными, безсильными нитями, и ничего не озаряли.

Смутилася глубоко душа ожившихъ изумрудовъ и сказала Царю Неотвратимыхъ Свершеній, улыбающемуся надъ раскрытымъ саркофагомъ ея недавняго сна:

— О, Царь, укажи мнѣ путь къ тѣмъ звѣздамъ, какія являлись мнѣ въ моихъ снахъ, къ тѣмъ вѣщимъ, непостижимо далекимъ и близкимъ, какъ объятія земли, къ тѣмъ трепетнымъ и влекущимъ, чудотворнымъ звѣздамъ, которыя вызвали меня къ жизни.

— Такихъ звѣздъ нѣтъ, — сказалъ Царь, улыбаясь.

— Онѣ есть, — сказала душа въ отчаяніи, — и я пойду къ нимъ.

И навѣки смежились изумрудные глаза для Царства Неотвратимыхъ Свершеній. И видѣли только то звѣздное небо, какое приснилось имъ, когда они спали въ сердцѣ земли.

...Вставала тоска, вставало желаніе. Но тоску желанія полюбили глаза большае тоски пробужденія.

И спали глубоко ¹⁾.

И было для нихъ все, что не сны, саркофагомъ ихъ могильнаго сна и грезы ихъ о звѣздахъ небѣ.

И какъ же не сказать послѣ этого вмѣстѣ съ Иссеномъ: «Высокое болѣзненное счастье—бороться за недостижимое».

Счастье... счастье... развѣ этого мало, развѣ это не все?..

Петръ Гайда.

Ольга Николаевна Чюмина.

(Къ двадцатипятилѣтію ея литературной дѣятельности).

Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній Ольга Николаевна Чюмина говоритъ о себѣ:

„Я безумной слышу оттого, что открыто и смѣло
„Я неправду и зло никогда и ни въ комъ не щажу.
„Оттого, что въ борьбѣ за любимое кровное дѣло
„Я всѣ силы свои, да и самую жизнь положу!“

Въ этомъ признаніи кроется, быть можетъ, вѣкоторое преувеличеніе, но во-первыхъ, поэту все дозволено, а во-вторыхъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что, г-жа Чюмина въ дѣйствительности очень искренно отлаеетъ свои силы, любовь и талантъ на служеніе любимому кровному дѣлу. Въ самомъ дѣлѣ, госпожа Чюмина принадлежитъ къ члену тѣхъ работниковъ на лите, атурной нивѣ, которые, разъ связавъ свое имя съ потокъ мѣ литературнаго движенія, разсѣяться съ нимъ уже не могутъ. Въ продолженіи двадцати пяти лѣтъ О. Н. Чюмина не переставала обогащать русскую лирико-драматическую музу все новыми и новыми произведеніями своего интереснаго, хотя и не очень глубокаго творчества. Намъ не разъ приходилось высказывать мнѣнія будто основнымъ недостаткомъ чюминской поэзіи, является отсутствіе въ ней какого нибудь опредѣленнаго гражданскаго идеала. Можетъ быть это и такъ; но весь вопросъ въ томъ можно ли къ г-жѣ Чюминой подходить съ такой узко-утилитарной мѣркой. Конечно, если бы мы вздумали проводить параллель между „пѣвцомъ гражданской скорби“—Некрасовымъ и О. Н. Чюминой, то мы еще разъ убѣдились бы, что могилы гражданской скорби въ поэзіи умерли, и попытки возродить ихъ обречены на неудачу. Поэтому, именно въ тѣхъ произведеніяхъ, гдѣ г-жа Чюмина съ особенной рѣзкостью подчеркиваетъ свое негодованіе противъ торжествующей пошлости и триумфа клеветы, тамъ, гдѣ она клянется „угрозамъ не винмая, и ни на шагъ не отступая, погибнуть смертію бойца“—тамъ, дѣйствительно, ярче всего выступаютъ недостатки ея творчества. И въ этой области г-жу Чюмину, конечно, можно было бы упрекнуть въ отсутствіи послѣдовательности, въ недостаткѣ оригиналь-

¹⁾ Курсивъ мой. П. Г.

ности, въ полной неопредѣленности ея протеста; притомъ, въ протестѣ чувствуется гордая мощь, титаническая сила, лъвая отвѣга, бунтъ на врага; если всего этого нѣтъ,—а протестующіе мотивы Чюминой не въѣры въ возможность и неизбежность побѣды, не зажигаютъ сердца—если этого нѣтъ, то и самый протестъ теряетъ свое значеніе, въ лучшемъ случаѣ превращаясь въ меланхолическій вздохъ, въ безсильную жалобу на вѣчную ладу между идеаломъ и дѣйствительностью, между прозой жизни и поэзіей мечты.

Но—повторяемъ—если поэзію вообще нельзя оцѣнивать на фувты и мѣривать на аршинъ, то вполнѣ естесвенно, что и къ творчеству г-жи Чюминой невозможно прилагать формально-утилитарнаго масштаба.

Воспитанная на Шекспирѣ и Байронѣ, на тонкой поэзіи Мильтона и на творчествѣ Банвиля, г-жа Чюмина, быть можетъ, вполнѣ безсознательно, плотила въ своей лирикѣ лучшія черты европейскаго романтизма. И не въ шумѣ свалки повседневной жизни, не въ туманѣ сѣрыхъ будней ищетъ она утѣху отъ той борьбы, въ которую каждый изъ насъ, въ большей или меньшей степени, вовлеченъ въ силу желѣзнаго закона необходимости.

„Куда? Къ какой странѣ?“—звучатъ вопросы на чуткихъ струнахъ лиры. „Куда“?... съ тоскою вопрошаетъ сердце, „къ какой странѣ?“—вторитъ мучительная дума.

Къ далекимъ силуэтамъ прошлаго... Ахъ, эти романтики, они непонятны; когда имъ говоришь, что воспоминанія о безвозвратно прошедшемъ—лишь вѣтры, похищающіе у насъ настоящее, они съ улыбкой отвѣчаютъ: „да, но если бы не было воспоминаній, то чѣмъ питалась бы наша мысль?!“

Въ блѣднѣющей дали протчавшихся столѣтій есть два момента, которые всегда влекутъ къ себѣ мечту поэта: Античный Миръ и Возрожденіе. Чюмина часто грезитъ объ этихъ незабвенныхъ могилахъ, покрытыхъ вѣнчъ и зеленью. Когда мысль ея, какъ робкій огонекъ, блуждаетъ среди задумчивыхъ развалинъ заглохшаго кладбища, тогда „смирняется души ея тревога“, тогда могла бы, какъ Мюнъ, она сказать:

„Le mal que j'ai souffert s'est enfui comme un rêve,
„Je n'en puis comparer le lointain souvenir.
„Qu'à ces brouillards légers que l'aurore soulève,
„Et qu'avec la rosée on voit s'évanouir“...

„Угасшая искра“... вспомните, какой любовью вѣжной трепещетъ ея сердце къ „Венеціи—жемчужинѣ морей“, какое вдохновеніе звучитъ въ блестящихъ монологахъ „плебеса“—Джуліо Романо, какъ много красоты и вѣры воплощено въ прекрасномъ образѣ угасшей Контрини. „Смерть Тиціана“—опять Венеція; опять во здѣсь уже въ качествѣ переводчицы, г-жа Чюмина переноситъ насъ въ тотъ миръ, гдѣ самая смерть налагала печать безсмертія на великихъ мастеровъ искусства, на вдохновенныя созданія ихъ кисти и рѣза.

Потомъ цѣлый рядъ изящныхъ миниатюръ—оригинальныхъ и переводныхъ—„У мольберта“, „Искушеніе“, „Мечта“ и „Менестрель“; мягкій, почти воздушный стихъ, всегда чарующая рѣкома и вѣга трепетной мечты. При томъ, нельзя не отмѣтить сценичности этихъ драматическихъ этюдовъ; Чюмина знаетъ сцену и условія драматическаго творчества; поэтому ея пьесы съ архитектурной стороны всегда прекрасно обработаны и смотрятся съ неослабвающимъ интересомъ. Мы тѣмъ болѣе считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на эту черту ея творчества, что какъ разъ за послѣднее время драматурги какъ будто утратили тайну творить стройно и возушно. Легкіе, какъ сонъ, полуразрушенные портики Эмлады не привлекаютъ къ себѣ вниманія современныхъ драматурговъ; они забыли Шекспира и ничему не научились у Ибсена; вслѣдствіе этого, быть можетъ, современная драматургія такъ аляповата и технически несовершенна.

Чюмина прекрасная переводчица; это великій даръ, который дается очень немногимъ—избраннымъ. Передать въ переводѣ глубину идеи, изящество

формы, особенности стиля, характеръ эпохи, неуловимый духъ произведенія, который, какъ душа у человѣка, какъ сочетаніе красокъ художника, какъ тушѣ у пианиста, составляетъ то индивидуальное, что отличаетъ одно твореніе отъ тысячи другихъ—для этого, помимо тонкаго знанія языка—требуется еще вѣчто другое, что, какъ талантъ, не поддается точному опредѣленію. И Чюмина можетъ гордиться тѣмъ, что она въ числѣ немногихъ постигла тайну перевода. Возьмите хотя бы „Электру“ Гофмана; прочтите ее въ подлинникѣ, а затѣмъ въ Чюминскомъ переводѣ; и вы поймете, что Чюмина не только вѣрно передала духъ и манеру Гофмана, но также мѣстами даже опозитизировала самый подлинникъ, передала его содержаніе въ болѣе художественной, болѣе проникновенной формѣ. Всѣ эти черты Чюминскаго творчества настолько цѣнны, что мы вполне искренно обращаемся къ почтенной юбиляршѣ съ горячей благодарностью за ту несомнѣнную пользу, которую она своимъ многолѣтнимъ творчествомъ принесла нашему родному искусству и изящной литературѣ.

Борисъ-Бразоленко.

Германъ Зудерманъ.

(Къ пятидесятилѣтію со дня его рожденія).

Еще одинъ юбилей.

За долгіе годы своей литературной дѣятельности Германъ Зудерманъ написалъ множество новеллъ, романовъ и драмъ; пьесы его не сходятъ съ репертуара европейской сцены; творчествомъ его интересовалась, да и не перестаетъ интересоваться критика; публика относится съ почтеніемъ къ Зудерману, какъ драматургу,—и все-таки критика до сихъ поръ не успѣла столковаться о томъ, въ самомъ ли дѣлѣ такъ талантливъ Зудерманъ, или же слава о его талантѣ преувеличена и скорѣе только слава, нежели реальный фактъ; публика же до сихъ поръ не уяснила себѣ, слѣдуетъ ли ей аплодировать Зудерману, или же обходить его произведенія холодно-равнодушнымъ молчаніемъ. И иногда, когда присуствуешь на представленіи зудермановской пьесы, въ антрактахъ приходится наблюдать разочарованные лица, недовольныя мины, и кажется, будто у всѣхъ на умѣ рождается одинъ и тотъ же вопросъ: не устарѣлъ ли Зудерманъ? И все-таки, по прежнему, продолжаютъ посѣщать зудермановскіе спектакли. Это потому, думаю, мнѣ, что люди очень любопытны, они любятъ искать въ искусствѣ изображеніе дѣйствительной жизни. Конечно, какъ разъ, за послѣднее время, мы наблюдаемъ сильнѣйшую реакцію противъ реалистическаго творчества, и несомнѣнно правъ Оскаръ Уайльдъ, объясняя эту ненависть къ реализму, бѣшенствомъ Калибана, увидавшаго въ зеркалѣ свое лицо; но съ другой стороны, развѣ не правъ англійскій поэтъ, говоря, что „отвращеніе девятнадцатаго вѣка къ романтизму—это бѣшенство Калибана, не находящаго въ зеркалѣ своего лица“.

Зудерманъ прекрасно знаетъ жизнь и умѣетъ изображать ее въ своихъ пьесахъ умно, вѣрно и интересно; передъ вами реальныя образы, живые люди, жизненныя положенія. Дѣйствіе развивается удивительно легко и свободно; въ каждой детали, въ самыхъ тонкихъ изгибахъ драматическихъ возрастаній, въ самыхъ робкихъ отбѣнкахъ развертывающейся картины, чувствуется глубокое пониманіе Зудерманомъ условій сценическаго творчества. Еще Врандесъ указывалъ на то, „что Зудерманъ—випутозъ сценической техники (Ср. „Menschen und Werke“ Frankfurt 1895, 2 Aufl.). Именно эта особенность дарованія нѣмецкаго драматурга является причиной того, что актеръ, режиссеръ и зритель въ одинаковой степени легко овладѣваютъ зудермановскими пьесами. Что ни говорите противъ техники, какъ не доказывайте, что талантъ нуженъ, необходимъ, цѣн-

нѣ самой изощренной, самой виртуозной технической скоронки,—и не дѣлаю, что талантъ, самъ по себѣ безъ техники, въ лучшемъ случаѣ даетъ иллюзію свободного творчества, но истинно-свободное творчество достигается сочетаніемъ трехъ элементовъ: техники, таланта и знанія.

Зудерману иногда бросаютъ упрекъ въ томъ, что онъ ограничиваетъ кругъ своего художественнаго изслѣдованія исключительно явленіями буржуазнаго быта. Это, конечно, вѣрно; но не слѣдуетъ забывать, что этотъ недостатокъ присущъ большинству современныхъ драматурговъ. Если хотите, даже Ибсену можно было бы поставить въ упрекъ то, что онъ преимущественно рисуетъ мѣщанскую среду, бичуетъ мѣщанскіе пороки, обнажаетъ ничтожество буржуазной морали. Вопросъ не въ томъ, что художникъ изображаетъ, а въ томъ, какъ онъ изображаетъ. И если ставить проблему на эту почву и разсматривать творчество Зудермана въ этой плоскости, то мы придемъ къ заключенію, что Ибсенъ великимъ норвежцемъ и нѣмецкимъ драматургомъ, дѣйствительно — „днѣмъ огромнаго размѣра“. Тамъ, гдѣ Зудерманъ только скользитъ по верхамъ,—Ибсенъ разрушаетъ, гдѣ Зудерманъ только жалуется—Ибсенъ проклинаетъ; Зудерманъ—интерпретаторъ, Ибсенъ—символистъ; бытописателю буржуазныхъ нравовъ, Зудерману, никогда не удастся подняться до колоссальныхъ свѣтлыхъ вершинъ общечеловѣческаго творчества, зажигающаго яркіе звѣзды общечеловѣческихъ идеаловъ. Можетъ быть только въ „Родина“ Зудерманъ сдѣлалъ попытку возвыситься надъ простымъ бытописаніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, прислушайтесь къ этимъ гордымъ словамъ артистки—героини Магды: „О, прошу покорно! Увольте отъ этого... Я не хочу изображать изъ себя pendant къ блудному сыну! Если бы я вѣрталась какъ дочь, какъ заблудшая дочь, тогда я не стояла бы здѣсь такой — гордо поднятой головой; тогда въ полномъ сознаніи всѣхъ своихъ грѣховъ, я ваялась бы здѣсь, передъ вами. А этого я не хочу... Не могу! Потому что я — я, и я не должна себя ронять. И потому нѣтъ у меня больше родного дома, и потому я снова должна уйти... и потому?“. О, какъ вѣрно появилась Комиссаржевская Магду, когда изображала ее не борющейся противъ мелочныхъ предрассудковъ артисткой, а женщиной протестующей, женщиной, оскорбленной въ собственномъ достоинствѣ, бросающей вызовъ всему соціальному укладу, всему строю общественной жизни. Но Зудерманъ обыкновенно очень далекъ отъ активной борьбы противъ нелѣпыхъ и пошлыхъ парадоксовъ мѣщанскаго міра. Онъ сторонится смѣлыхъ турнировъ, отважныхъ схватокъ; онъ предпочитаетъ лавочковья перчатки тяжелой, желѣзной перчаткѣ; и въ чемъ, въ чемъ, но въ революціонизмъ Зудермана обвинять нельзя; онъ благоразуменъ, и поэтому, конечно, не пойдетъ, подобно Донъ-Кихоту, сражаться съ вѣтранными мельниками.

По все же, было бы неправильно сказать о Зудерманѣ, что онъ вовсе не борется; чтобы бороться противъ устоевъ буржуазнаго міра вовсе не нужно быть якобинцемъ или социалистомъ, нужно быть просто честнымъ человѣкомъ. И Зудерманъ отлично понимаетъ, что міръ мѣщанскій, съ его прописной моралью и квасной добродѣтелью, міръ, въ которомъ рыцарская честь уступила мѣсто честности лавочника, міръ, въ которомъ алтари превращены въ прилавокъ, а жрецы — въ торгашей,—Зудерманъ,—говоря я,—отлично понимаетъ, что этотъ міръ ничтоженъ, пошлъ и дряблъ; но одно дѣло понимать, что то-то и то-то нехорошо, нелѣпо, безнравственно, неразумно,—а другое дѣло—активно бороться противъ этой нелѣпости, этого безобразія. Зудерманъ, повторяю, не борецъ; и, однако, изображая жизнь такую, какая она есть, отражая въ своихъ пьесахъ ¹⁾, какъ на экранѣ, мѣщанскую среду, онъ неизбежно отражаетъ и ея недостатки.

¹⁾ Я говорю все время о Зудерманѣ только, какъ о драматургѣ, потому, что повѣсти его и романы („Frau Sorge“, „Der Katzensteg“, „Solantes Hochzeit“, „Es war“ и другіе особеннаго художественнаго значенія не имѣютъ и въ широкихъ европейскіхъ кругахъ успѣхомъ не пользуются).

...извѣтъ фотографіи, въ концѣ концовъ,—очень опасная вещь,—палка въ оба конца; самый объективный изъ современныхъ драматурговъ, Зудерманъ все таки опасенъ для буржуазнаго строя потому, что онъ изображаетъ его фотографически точно; кто знаетъ, можетъ быть. именно въ силу того онъ для насъ особенно опасенъ, ибо, гдѣ примѣшиваются социальныя тенденціи, личные интересы, субъективные идеалы, тамъ возможенъ споръ, тамъ возможны и различныя точки зрѣнія. Но противъ фактовъ не спорятъ, передъ ними надо преклоняться.

Отношеніе Зудермана къ мѣщанству, съ его неизбежными спутниками: сытой пошлостью, пошлой ограниченностью, ограниченной моралью, съ его семью картинными добродѣтелями—отлично характеризуются словами Траста („Чисть“), обращенными въ лицо Курта и Лотара—этихъ энигоновъ мѣщанскаго міросозерцанія: „Господа, честь имѣю!.. Pardon, я не имѣю ея!.. Вы ее у меня не приберете... Слѣдовательно, мнѣ остается только самое простое удовольствіе проводить съ вами, но это для меня двойное удовольствіе“.

Борисъ Бразоленко.

Проф. П. Лоуэль.

Населенъ-ли Марсъ?

Непосвященный, можетъ быть, думаетъ, что астрономъ долженъ быть авторитетомъ въ любомъ астрономическомъ вопросѣ. Но астрономія въ настоящее время, подобно, напримѣръ, медицинѣ, до такой степени специализировалась, что человекъ, занимающійся небесной механикой, ни въ коемъ случаѣ не компетентенъ въ наблюдении планетъ. Даже въ близко соприкасающихся областяхъ часто уживаются различные воззрѣнія, особенно же это имѣетъ мѣсто при наблюдении планетъ. Недавно получилъ я письмо отъ выдающагося астронома, который смѣняясь, въ прямолинейности каналовъ, обратилъ вниманіе на значеніе хроматической аберраціи и предложилъ мнѣ средства, не подозревая того, что средства эти уже 30 лѣтъ примѣняются Скиапарелли, а затѣмъ и мною. Въ дѣйствительности, только такіе астрономы могутъ составить себѣ мнѣніе о томъ, населенъ ли Марсъ, которые внимательно и специально его изучаютъ. При разсужденіи о какомъ-либо наблюдении, кромѣ личности наблюдателя, очень важное значеніе имѣетъ, несомнѣнно, положеніе наблюдателя на гнѣзды. Подробности, ясно видимыя при хорошемъ воздухѣ, совершенно скрываются отъ наблюдателя при плохомъ воздухѣ. Полтора года тому назадъ были сдѣланы опыты на Лоуэльской обсерваторіи въ Флагстаффъ (Flagstaff, Аризона), чтобы опредѣлить число видимыхъ тамъ въ опредѣленномъ мѣстѣ звѣздъ и сравнить съ числомъ звѣздъ, зарегистрированныхъ въ той же самой части неба Вашингтонской и Ликской обсерваторіями. Результаты получились слѣдующіе:

Лоуэльъ (рефракторъ 24 дюйма)—172 звѣзды; Ликъ (—36 д.)—161 звѣзда; Вашингтонъ (—26 д.)—61 звѣзда.

Эту разницу нужно приписать покою и прозрачности воздуха въ Флагстаффъ. Это имѣетъ еще гораздо большее значеніе при наблюдении планетъ и даетъ возможность производить значительно болѣе точныя изслѣдованія подробностей на ихъ поверхности.

Затѣмъ, при наблюденіяхъ нужна крайняя тщательность, точное знаніе своихъ собственныхъ глазъ, вліяніе теченія воздуха на телескопическое изображеніе и многое другое. Не менѣ этого необходима также систематическая постоянная работа. Скиапарелли полагалъ, что наблюдатель Марса, чтобы изучить его, долженъ изслѣдовать планету, по крайней мѣрѣ, въ теченіе одного ряда противоположеній, иными словами, въ продолженіе 15 лѣтъ. Въ Флагстаффъ такое систематическое изученіе

Марса, продолжается уже въ теченіе 12 лѣтъ и обнимаетъ шесть противостоящихъ, т. е. шесть периодовъ, ближайшаго къ землѣ положенія планеты. Впродолженіи каждаго изъ этихъ благоприятныхъ периодовъ, Марсъ точно излѣдовался въ теченіе, приблизительно, 7 мѣсяцевъ, по возможности безъ всякихъ перерывовъ, а такая непрерывность наблюденій возможна только при такихъ благоприятныхъ условіяхъ. Въ 1903 году въ теченіе 48 дней планета всю ночь непрерывно была видна. Тысячи, непрерывно производимыхъ снимковъ передаютъ мельчайшія подробности. Такое количество матеріала даетъ намъ факты, о которыхъ можно судить только имѣя подобную же коллекцію; но другой таковой не имѣется.

Наконецъ, при наблюденіи имѣетъ значеніе различіе человѣческихъ глазъ. Въ то время, какъ одинъ глазъ крайне впечатлительнъ къ свѣтовымъ ошущеніямъ и менѣе приспособленъ къ опредѣленію формы видимаго, другой обладаетъ обратными свойствами.

Такъ какъ я тщательнѣйшимъ образомъ принималъ во вниманіе всѣ вышеупомянутыя обстоятельства, то я могу только повторить слова Скиапарелли, сказанныя имъ своими критиками: «Я безусловно увѣренъ въ томъ, что я наблюдаю».

Рядъ явленій, наблюдаемыхъ на планетѣ, въ высшей степени замѣчательнъ. Явленія эти тѣсно связаны съ вопросомъ о жизни на Марсѣ. Надъ топографической картиной, которую представляетъ планета, распространена тонко сотканная, сѣтъ линій. Линіи эти прямолинейны или симметрически загнуты и на всемъ протяженіи имѣютъ однородный характеръ, будучи съ одного конца до другого одного цвѣта. Нѣкоторыя напоминаютъ черту, сдѣланную карандашомъ, другія—тонкую паутину. Но это всегда ясныя линіи и при тихомъ воздѣхѣ онѣ рѣзко ограничены. Когда воздухъ неспокоенъ, онѣ становятся шире, расплываясь въ полосы, совершенно такъ, какъ початная страница намъ представляется безформеннымъ пятномъ, когда она сильно и быстро двигается отъ вѣтра; въ такомъ скрытомъ видѣ ихъ наблюдаютъ на разныхъ обсерваторіяхъ, такъ какъ ясное изображеніе извращается во время прохожденія черезъ нашу атмосферу. Во многихъ случаяхъ я имѣлъ возможность установить, что подобныя извращенія вызваны нашимъ воздухомъ. Такъ какъ линіи не имѣютъ измѣримои толщины, то онѣ видимы, только благодаря ихъ длинѣ; вотъ кажущіеся парадоксы каждый можетъ проверить, разсматривая телеграфныя проволоки. При помощи опытовъ съ проволоками, которые были произведены въ Флагстафѣ, было доказано, что мы еще можемъ видѣть на Марсѣ линію, шириною всего въ $1\frac{1}{2}$ километра.

Сѣтъ начинается близъ края полярной шапки. Далѣе петли ея соединяютъ всѣ выдающіяся изображенія большихъ синевато-зеленыхъ плато. Пересѣченія линій обозначены небольшими пятнами, напоминающими булавочную головку. Не прекращаясь у темныхъ поверхностей, эти линіи пересѣкаютъ ихъ и соединяются съ линіями, которые составляютъ сѣтъ у противоположной полярной шапки. Вслѣдствіе этого вся поверхность планеты имѣетъ такой видъ, будто она покрыта сѣтью землемѣрной триангуляціи. Вся поверхность покрыта этими развѣтвленіями, изъ чего можно заключить, что она должна представлять материкъ.

Строго геометрическій видъ этихъ линій говоритъ за то, что это не могутъ быть трещины, какія мы наблюдаемъ на лунѣ, и рѣки, извѣстныя намъ на землѣ. Силошное однообразіе ихъ и удивительная прямолинейность исключаетъ и то и другое предположеніе. Другого естественнаго объясненія для ихъ образованія не существуетъ. Ихъ видъ и, особенно, ихъ взаимное соотношеніе, не можетъ быть объяснено никакой другой разумной гипотезой. Онѣ выглядятъ, какъ и с к у с

ственные сооружения, и чѣмъ дольше и болѣе критически ихъ сматривать, тѣмъ болѣе убѣждаешься, что по своему характеру онѣ не могутъ быть ничѣмъ инымъ. Не всѣмъ извѣстно, что чѣмъ больше Складарски издѣлывалъ эти линіи, тѣмъ болѣе убѣждался въ ихъ геометрической формѣ. Карты въ своей послѣдовательности ясно доказываютъ, съ какою точностью онѣ относились къ видѣнному, и какъ сами линіи вынуждали къ признанію удивительную систему въ расположеніи этихъ линій.

Хорошимъ доказательствомъ ихъ неестественнаго происхожденія можетъ служить то обстоятельство, что критики, которые не видали ихъ, вынуждены отрицать правильность наблюденія, потому что это явилось послѣднимъ выходомъ, чтобы избѣжать необходимости признать въ нихъ искусственное сооруженіе. Но отрицать то, чего самъ не видѣлъ, не видѣлъ другой, это равносильно отрицанію существованія Парижа только потому, что отрицающій тамъ не былъ.

Присутствіе линій не исчерпываетъ вопроса; еще болѣе убѣждаетъ ихъ положеніе. У того, кто мѣсяцами непрерывно наблюдалъ ихъ, гасится убѣжденіе, что эти образованія измѣняются. Гдѣ прежде не замѣтны линіи, таковыя появляются. И это не имѣетъ никакого отношенія къ близкому и отдаленному положенію отъ планеты земли. Дѣйствительно, въ періоды, когда Марсъ всего ближе къ намъ, обыкновенно не видны линіи, лучшими для обнаруживанія линій, и это одна изъ причинъ, почему такъ долго не были замѣчены. Линіи находятся въ строгой зависимости отъ другого обстоятельства, отъ времени года на Марсѣ. Въ определенные мѣсяцы на Марсѣ онѣ поразительно ясны, въ другіе — темныя поверхности, съ которыми онѣ стоятъ въ связи, несомнѣнно, темныя области. То обстоятельство, что линіи проходятъ по нимъ, указываетъ, что эти поверхности не могутъ быть морями, какъ предполагалось раньше. Между тѣмъ, другія явленія какъ напр. ихъ сезонныя измѣненія съ временами года, указываютъ на то, что это растительныя поля. Подобное же временное измѣненіе испытываютъ и линіи, что говоритъ о существующей здѣсь зависимости.

Кто желаетъ познакомиться со всей цѣпью доказательствъ естественнаго происхожденія этихъ линій, тотъ долженъ прочесть литературу объ этомъ предметѣ. Здѣсь можно указать только на нѣкоторые пункты. Однимъ изъ лучшихъ доказательствъ того, что эти линіи, дѣйствительно «каналы», о которыхъ намъ много говорили, служитъ напр. путь, по которому онѣ идутъ въ своемъ развитіи. Онѣ обозначаются всегда въ то время, когда начинаютъ таять полярныя шапки. Первыми темнѣютъ каналы, ближайшіе къ шапкѣ, за ними болѣе отдаленные, и такимъ образомъ каналы развиваются, становясь все шире и шире. Такъ волна измѣненій медленно проходитъ по всей поверхности. Это измѣненіе происходитъ въ началѣ лѣта. Несомнѣнно, что вещество, изъ котораго состоятъ шапки — замерзшая вода, потому что, во первыхъ, это вещество имѣетъ видъ снѣга, во вторыхъ нѣтъ другого, извѣстнаго намъ вещества, похожаго на него по виду и характеру, въ третьихъ мои послѣдніе изслѣдованія доказываютъ, что во всякомъ случаѣ на Марсѣ нѣтъ сильнаго холода, какъ обыкновенно думаютъ, вслѣдствіе того, что онъ очень удаленъ отъ солнца, и что его средняя температура приблизительно 9°C. Когда вода идетъ изъ откормившихся зимнихъ запасовъ, на полюсахъ начинается развитіе каналовъ (См. рис.). Но характеръ этого явленія, обнаруживаетъ иную причину, чѣмъ чисто естественный процессъ. Поверхность планеты представляетъ ровную поверхность. Вода, освободившаяся въ одномъ мѣстѣ, за нѣкоторыми исключеніями, не пойдетъ сама на другое мѣсто. Она не могла бы, вовсе двигаться отъ полюсовъ къ экватору. Какъ это не удивительно,

явленіе все таки происходитъ, даже болѣе того, вода переходитъ въ другое полушаріе. Дважды, въ теченіе марсоваго годѣ происходитъ это, единственное въ своемъ родѣ явленіе; одинъ разъ отъ одного полюса, полгода спустя отъ другого. Никакая физическая сила не могла бы осуществитъ это явленіе, такъ какъ теченіе происходитъ вопреки законамъ силы тяготѣнія. Пасколько можно измѣрить, теченіе происходитъ съ равномерной скоростью въ 80 километровъ въ день, или около 3 километровъ въ часъ.

Что же такое, спросить, эти, такъ называемые, каналы. Лучшій отвѣтъ можно дать, указавъ на Ингу. То, что мы называемъ каналами, это узкія, полосы въ среднемъ около 15—30 километровъ. Онѣ имѣютъ видъ

Последній снимокъ Марса, сдѣл. Лоуэллемъ.

Сѣв. и южн. полюсы покрыты льдомъ. Достойна вниманія разница между резко очерченными равнинами южной половины и шапки и неопредѣленными контурами разрозненной сѣверной полярной шапки (наверху). Каналы, стходятъ отъ льда и яснѣе выражены въ темныхъ, чѣмъ въ свѣтлыхъ областяхъ.

растительныхъ полосъ и являются дѣйствительно таковыми. Издали также выглядѣлъ бы и Ингу. Проходя по пустынѣ онъ оплодотворяетъ поло у земли шириною, приблизительно, въ 25 километровъ. Однажды въ году эта полоса земли зеленеетъ, совершенно также, какъ и каналы на Марсѣ, а затѣмъ она снова желтѣетъ. Самую рѣчку нельзя было бы разглядѣть на такомъ разстояніи, какъ Марсъ, и она была бы еще менѣе замѣтна, если бы ложе ея было еще уже, какъ это, вѣроятно, имѣетъ мѣсто на Марсѣ. Такимъ образомъ, мы съ полнымъ правомъ можемъ назвать линіи каналами, хотя имѣть никакого основанія предполагать, что онѣ огромнаго размѣра, точно также, какъ наши городскіе водопроводы не нуждаются въ болѣе широкихъ трубахъ, чѣмъ съ разрѣзомъ около 60 сантиметровъ, и какъ оазисъ въ Сахарѣ обязанъ своимъ происхожденіемъ очень незначительному источнику. Это единственное объясненіе, которое можно дать, согласно съ наблюдаемыми фактами относительно самихъ линій и пятенъ на ихъ пересѣченіяхъ и является логическимъ выводомъ изъ всего, что дало изслѣдованіе послѣднихъ лѣтъ о фактическомъ состояніи планеты.

Единственный разумный выводъ изъ наблюдений, которыя мы имѣемъ, — единственное, подтвержденное фактами, заключеніе — это то, что на Марсѣ есть живыя существа.

Я не берусь сказать, каковы эти живыя существа, одарены ли они разумомъ или нѣтъ. Для этого у насъ нѣтъ еще достаточно знаній. Какъ не научно отрицать наблюденія потому, что мы боимся поражающихъ выводовъ,

въ которыхъ они насъ приводятъ, точно также не целесообразно заппнаться наукой умозрѣніемъ тамъ, гдѣ еще необходимы наблюденія, какъ бы ни были интересны и даже полезны такіа умозрѣнія.

Библіографія.

С. Найденовъ. „Пьесы“, томъ 1-й, изданіе товарищества „Знаніе“, Спб., изданіе второе, цѣна 1 р.

Эта книжка, весьма изящно изданная товариществомъ „Знаніе“, какъ, впрочемъ и все, что издаетъ это богатое у насъ товарищество, заключаетъ въ себѣ четыре пьесы г. Найденова: „Дѣти Ванюшина“, „Блудный Сынъ“, „Померъ Тринадцатый“ и „Богатый человѣкъ“.

Кто знакомъ съ пьесами г. Найденова, тотъ, мы думаемъ, согласится, что онѣ написаны авторомъ подъ сильнымъ прямымъ вліяніемъ Чехова.

Г. Найденовъ—талантливый и любимый публикой ученикъ Чехова.

Главная особенность „чеховскихъ“ пьесъ—это отсутствіе въ нихъ *дѣйствія*, понимая подъ послѣднимъ то центральное драматическое событіе или лицо, вокругъ котораго концентрируется все въ пьесѣ, изъ котораго завязывается сама драма и, постепенно развиваясь, рѣшительно и естественно стремится къ своему финалу—развязкѣ. Какъ у Чехова, такъ и у Найденова находимъ мы, собственно говоря, драму... безъ драмы. А между тѣмъ, пьесы этихъ писателей необыкновенно дѣйствуютъ на насъ; даже болѣе того: именно подобнымъ пьесамъ усвоено специальное названіе: пьеса съ настроеніемъ.

Въ чемъ же секретъ этого могучаго, охватывающаго все существо наше, настроенія, которое мы выносимъ изъ пьесъ, лишенныхъ самаго необходимаго элемента въ драмѣ, дѣйствія? Ответъ нужно искать въ измѣнившейся общественной психологій современнаго читателя и зрителя.

Что приводило въ движеніе античную драму? Идея рока и вѣра въ бесплодную борьбу съ нимъ людскаго племени.

Что было пружиной шекспировской драмы? Игра реальныхъ человѣческихъ страстей, когда страсти эти были еще такъ молоды и свѣжи въ челоѣчествѣ, не поношены и не надорваны. Наконецъ, что приводить въ движеніе *бытовую* драму, гениальнымъ творцомъ которой у насъ въ Россіи былъ Гоголь? Сплетеніе смѣшнаго съ великимъ и трагическимъ въ различныхъ, такъ сказать, пропорціяхъ и комбинаціяхъ того и другого элемента въ жизни.

Наконецъ, пробить часть появиться *новой драмѣ*—чеховской драмѣ съ настроеніемъ. Здѣсь не ищите ни Рока, ни игры молодыхъ, яркихъ страстей, ни быта... здѣсь царствуетъ безраздѣльно та психологическая сущность современнаго человѣка, которую прекрасно можно опредѣлить словомъ „настроеніе“. Въ самомъ дѣлѣ, мы люди безъ догматовъ, безъ абсолютныхъ этическихъ, умственныхъ, эстетическихъ и какихъ угодно другихъ нормъ. Нѣтъ въ насъ ни страстного отрицанія, ни могучаго, непоколебимаго утвержденія. Переоцѣнка старыхъ нормъ жизни не приве а еще насъ къ созданію новыхъ, самодовѣющихъ цѣнностей. Мы всѣ еще въ броженіи, еще только въ исканіи чего-то новаго и необходимаго намъ. Вотъ почему и ко всякому явленію жизни мы подходимъ, не зная заранѣе, какъ мы отнесемся къ нему, благословимъ его, или проклянемъ, или пройдемъ безучастно дальше. Даже не самое явленіе жизни насъ какъ будто интересуетъ, а что-то новое, что-то *третье*, стоящее между нами и жизнью. Это именно и есть *настроеніе*, логъ вѣсть откуда слетающее на нашу надорванную, извѣрившуюся, половинчатую душу и такъ красиво и своевольно окрашивающее собою явленія жизни, преломляясь гдѣ-то тамъ, на днѣ нашей психики.

Мы переживаемъ какой-то культъ этихъ еще непсихическихъ, неизвѣданныхъ *настроеній*, которыя падаютъ на нашу душу отъ самыхъ, повидному, старыхъ и давно извѣстныхъ фактовъ и мыслей. И художникъ, который можетъ бросить эту особенную *тѣнь* на нашу психику, дѣлается героемъ дня. Таковъ именно талантъ и г. Найденова. Чтобы не быть голословнымъ, возьмемъ хотя бы первую (и, кстати, самую любимую у насъ вещь его) „Дѣти Ванюшина“. Г. Найденовъ называлъ ее драмой. Но драмы—въ общепринятомъ въ драматической поэзій смыслѣ—здѣсь вы не найдете. Это просто рядъ картинъ, совершенно самостоятельныхъ, связанныхъ развѣ единствомъ лицъ и обстановки.

Передъ вами цѣлая галлерея лицъ изъ двухъ, взаимно исключающихъ, взаимно отрицающихъ и мучающихъ другъ друга поколѣній. Старое: купецъ Ванюшинъ, его жена, Арина Ивановна, г. Красавинъ, довѣренный одной богатой московской фирмы, генеральша Кукарникова, Авдотья, экономка въ домѣ Ванюшиныхъ, и Акулина, горничная. А вотъ представители молодого поколѣнія: дѣти Ванюшиныхъ,—Алексѣй, уволенный гимназистъ, Константинъ, прозябающій за отцовскимъ прилавкомъ, образованный молодой человѣкъ, любящій книги и чтеніе; Клавдія, Людмила, Аня, Катя, дочь генеральши, Нина—все это протестуетъ, недовольно своей жизнью, свысока поглядываетъ на „старшихъ“, не покоряется и т. д. Но спросите любого изъ этихъ протестантовъ: чего они собственно хотятъ, что они отрицаютъ и что благословляютъ, къ чему стремятся? Ничего удовлетворительно-опредѣленнаго, яснаго и примиряющаго вы не услышите отъ нихъ.

Авторъ, въ одномъ мѣстѣ своей драмы дѣлаетъ какъ бы очную ставку двухъ враждебныхъ и далекихъ другъ другу поколѣній, въ лицѣ старика Ванюшина и наиболѣе симпатичнаго изъ „молодыхъ“, его сына Алексѣя. Оказывается, эти „враги“, мѣшающіе другъ другу жить на бѣломъ свѣтѣ, ни въ чемъ другъ друга не обвиняютъ: все было сдѣлано со стороны „старшихъ“ для того, чтобы „младшимъ“ жилось лучше и повеселѣй.

„Алексѣй (обращаясь къ отцу). Не надо такъ огорчаться... вы ни въ чемъ не виноваты.

Ванюшинъ. Какъ не виновать-то? Мои вѣдь вы?

Алексѣй. Вы дѣлали все, что по вашему убѣжденію было пужно намъ, трудились, работали для насъ, кормили, одѣвали, учили...

Ванюшинъ. Такъ откуда же вы такіе?

Алексѣй. Сверху. Вотъ въ томъ-то и дѣло, папаша, что мы жили наверху, а вы внизу. Внизу вы работали, трудились, чтобы намъ жилось спокойно наверху... и мы жили, какъ кто хотѣлъ, какъ Богъ на душу положитъ.

(Ванюшинъ настаиваетъ рыдать и внимательно слушаетъ сына, покачивая головой).

Ванюшинъ. Такъ... такъ...

Алексѣй. Вы знали, что мы чему-то учимся, что-то читаемъ, гдѣ-то бываемъ, но какъ мы воспринимаемъ, гдѣ бываемъ—вы этого не знали. Но крышамъ, еще маль-

чинками, мы убегали сверху, и нерѣдко взрослыми продибывали нас, развращали няньки и горничныя, мы сами себя развращали—старше это дѣлалось наверху, и вы ничего не знали.

Ванюшинъ. Такъ... такъ...

Алексѣй. Вы рождали насъ и отправляли наверхъ. Рѣдо мы вамъ, внизъ, если не хотѣлось ѣсть и пить, а вы поднимались къ намъ только когда находили необходимымъ ругать насъ и бить. И вотъ мы выросли, мы сошли уже взрослыми людьми, со своими вкусами, желаніями и требованіями, и вы не спрашиваете, откуда мы такіе? Какъ, должно быть, тяжело вамъ!

(Опирается на ручку кресла, на которомъ сидитъ Ванюшинъ и плачетъ. Ванюшинъ цѣлуетъ его въ голову).

Алексѣй. Вы цѣлуете? Вѣдь это первый поцѣлуй отца! Папаша! (Сидитъ передъ нимъ на колѣни и цѣлуетъ руку).

Ванюшинъ. Поѣзжай... куда хочешь, поѣзжай, помогать буду... (Крѣпко жимаешь его къ груди). Родной мой!

И вотъ—какъ видите—было достаточно одного откровеннаго, дружнаго объясненія „старого“ съ „новымъ“, чтобы эти „враги“ почувствовали дружбу и любовь, и признательность, и уваженіе. Даже на что старикъ Ванюшинъ былъ скупъ, а и то, расчувствовавшись, предлагаетъ сыну и деньги и родительское благословеніе—ѣхать въ Петербургъ учиться. Въ концѣ концовъ зритель не понимаетъ, что же собственно скрывается за этимъ таинственнымъ „верхомъ“ и „низомъ“ (вѣдь не этакъ же въ самомъ дѣлѣ виновъ всему ладу?). Сыпъ (Алексѣй), тотъ самый, который такъ благородно ищетъ и крадетъ у матери чуть не послѣдніе 60 р., за которые эта несчастная женщина должна отвѣчать передъ грознымъ мужемъ... и крадетъ для какой-то личной женщины. Другой „ученый“ (Константинъ) живетъ съ двоюродной сестрою Еленой, дѣлаетъ ее матерью и потомъ постыдно бросаетъ и женится на Еленѣ, то „сословномъ предразсудкѣ“, на генеральской дочери... Словомъ, „высшая“ о которой говоритъ Алексѣй, довольно условна и подозрительна. И вотъ къ намъ и приглашаемъ читателя дать себѣ отчетъ: почему такъ захватывающе дѣйствуетъ на насъ эта сцена, почему она такъ близка и понятна намъ, почему своей логической и иной несообразности? Оч видно, здѣсь мелькнуло что-то новое, чего всѣ такъ жадно ищемъ мы, что-то примиряющее, какой-то мостъ выходъ.

И на насъ, силою художника, слетаетъ давно желанное настроеніе...

Настроеніе чего-то дѣтски-наивнаго и въ то-же время стараго и мудраго, возстающаго на весь строй, на весь status quo старой жизни, протестующаго противъ него, падающаго въ собственной несостоятельности и всепрощающаго. А этого-то намъ и нужно...

Петръ Гайда.

Уptonъ Синклеръ. *Царь промышленности.* Повѣсть. Пер. съ англ. скаго. Изд. К-ва „Новъ“. Москва 1907 г. стр. 102, ц. 45 к.

Американскій писатель извѣстенъ русской читающей публикѣ, какъ авторъ романа „Дебри“, появившагося одновременно въ двухъ журналахъ и нѣсколькихъ отдѣльных изданіяхъ. Иллюзія большаго успѣха не должна насъ вводить въ заблужденіе. Дѣйствительнаго успѣха не было и не могло быть: было лишь впечатленіе зарвавшихся издателей, не устоявшихъ предъ шумной сенсацией, самою вождавшей выходъ „Дебрей“ въ странѣ долларовъ.

Авторъ обладаетъ нѣкоторой наблюдательностью, неимѣющей, однако, ничего общаго съ ясновидѣніемъ художника; онъ, точно аппаратъ въ рукахъ проницательнаго фотографа, быстро запечатлѣваетъ житейскіе факты въ ихъ конкретной послѣдовательности. Сюжеты его произведеній—всегда современны до послѣдней ultra; ихъ завязка—событіе текущаго дня, воспроизведенное со всею подлинностью, ихъ герои—дѣйствительные и всѣмъ извѣстные персонажи американскаго рынка и биржи. Далѣе фотографированія, слегка расцвѣченнаго фантазіей, авторъ не идетъ. Его литературные приемы элементарны до смѣшного, лексиконъ, имѣющій

въ распоряженіи словъ—скуденъ и убогъ. Если ко всему этому присовокупить полное отсутствіе художественнаго таланта,—то можно будетъ составить себѣ довольно точное представленіе о „знаменитомъ американскомъ писателѣ“, срывающемъ обильныя лавры.

Повѣсть „Царь Промышленности“—исторія одного американскаго милліонера,—слабѣ „Дебрей“. Хлесткій фельетонъ умѣстенъ въ газетѣ бульварнаго типа, но претендовать на отдѣльное изданіе не можетъ. Книжкѣ предпослано предисловіе переводчика, весьма курьезное и... малограмотное. Издана брошюра К-вомъ „Повѣ“ неряшливо и грязно. Цѣна чрезвычайно высока. *Н. М-ий.*

Л. Вигуру. *Соціальная эволюція въ Австраліи.* Изд. Попул.-научн. бібліотеки. Спб. 1907. стр. 230. ц. 75 к.

Книга Л. Вигуру—новѣйшій трудъ по исторіи соціальныхъ реформъ Австраліи, исполненный съ чрезвычайною добросовѣстностью, какъ на основаніи изученія всей литературы предмета—вплоть до официальныхъ документовъ, мелкихъ брошюръ, журнальныхъ замѣтокъ и оттисковъ,—такъ и на основаніи личныхъ изслѣдованій и наблюденій, произволившихся на мѣстѣ. Всякая новая работа объ Австраліи встрѣчается съ особымъ интересомъ, ибо въ отношеніи соціальныхъ экспериментовъ горсть австралійскихъ поселенцевъ далеко опередила старыя страны, и результаты, достигнутыя здѣсь, имѣютъ большое практическое значеніе, такъ какъ являются самымъ могучимъ аргументомъ въ пользу той или иной изъ реформъ.

Авторъ широко раздвинулъ рамки своей работы. Въ первыхъ главахъ онъ даетъ географическій очеркъ Австраліи и очеркъ ея первоначальной колонизаціи, вачатой путемъ устройства исправительныхъ заведеній и каторжныхъ тюремъ. Австралію, какой мы ее видимъ теперь, создали свободные иммигранты, дѣйствія которыхъ—и тогда, когда они шли въ разрѣзъ съ видами правительства, опасавшагося слишкомъ большого „разсѣянія“ населенія, никогда не встрѣчали того бессмысленно тупого и преступнаго противодѣйствія, о которое постоянно разбивалось наше колонизаціонное движеніе. Правительственная политика британской колоніи, при всѣхъ своихъ колебаніяхъ и измѣненіяхъ, имѣла безусловно благотворное вліяніе на жизнь страны.

При изученіи аграрнаго вопроса въ Австраліи во всемъ объемѣ выступаетъ его чрезвычайная сложность; поучительна и интересна исторія произволившихся здѣсь аграрныхъ мѣропріятій, приводившихъ нерѣдко къ совершенно неожиданнымъ послѣдствіямъ. Лучшія земли страны и здѣсь уже захвачены небольшимъ числомъ капиталистовъ, но въ послѣднее десятилѣтіе правительство упорно стремится къ раздѣленію крупныхъ владѣній, устанавливая прогрессивный налогъ на имѣнія и получаемый отъ нихъ доходъ. Благотворность этой мѣры вѣдъ всякаго сомнѣнія; она важна и въ томъ отношеніи, что вынуждаетъ крупныхъ владѣльцевъ поднимать культуру земли. Законъ, вотпированный въ Новой Зеландіи въ 1892 г., разрѣшаетъ въ случаѣ необходимости огчужденіе земель крупныхъ владѣльцевъ для разбивки ихъ на участки. Замѣчательные результаты дала система „вѣчной аренды“ (на 999 лѣтъ), открывающей возможность земледѣльцу отдать всѣ свои средства на обработку земли.

Рабочее движеніе въ Австралазіи разсматривается съ достаточной обстоятельностью. Отдѣльныя главы посвящены своеобразному міру скваттеровъ и царству искателей золота.

Богатыя матеріалы, собранные авторомъ, разработаны слабо. Слишкомъ мало обобщеній и выводовъ. Издана невнимательно и неряшливо.

Н. Марскій.

А. А. Лопухинъ. *Изъ итоговъ служебнаго опыта.* Изд. В. М. Саблина. Москва, 1907 г. стр. 69. ц. 50 к.

Къ книжкѣ А. Лопухина—объ итогахъ его служебнаго опыта читатель приступаетъ съ большими ожиданіями. Но... тщетно: онъ не найдетъ здѣсь того,

что вправѣ быть бы ожидать. Книжка Лопухина есть нѣчто среднимъ трактатомъ о русской полиціи и докладною запиской начальства „о современномъ состояніи российской полиціи и благовременности ея реформы“. Записка составлена чиновникомъ „юридически образованнымъ и мыслей просвѣщеннаго,—но и среднему читателю—ничего новаго она не сообщитъ. Что въ настоящее время на полицію падаетъ „небольшая доля вины въ томъ, что въ Россіи хаосъ“, что въ установленномъ закономъ порядкѣ произведеній по политическимъ дѣламъ „совершенно упразднены элементы личной неприкосновенности“, что положеніемъ Высочайше утвержденнымъ 18 авг. 1881 г. „все населеніе Россіи поставлено въ зависимость отъ личнаго усмотрѣнія чиновъ полиціи“,—все это истины азбучныя. Правда, самое интересное въ всеуслышаніе бывшаго главы полиціи, что „господствующая въ Россіи анархія явилась прямымъ послѣдствіемъ той роли, которую полиція играла въ жизни народа“ (стр. 47)—не лишено известной доли пикантности. Впрочемъ, утвержденіе это несомнѣнно нѣсколько преувеличено: полиція была лишь частью стараго режима, а главы ея—верховными палачами нашей общественной жизни. Этимъ и опредѣляется ихъ роль. Свершится ли реформа нашего застоя, и въ какомъ направленіи, проектируемомъ авторомъ—путемъ передачи установленія порядка въ самой странѣ самому населенію, организованному въ самоуправляющіяся единицы, или путемъ учрежденія особой судебной полиціи, подчиненной прокурорскому надзору—судить объ этомъ преждевременно.

Н. М.—й.

Кн. С. Д. Урусовъ. *Записки губернатора*. Изд. В. М. Сабина. Москва, 1907 г. стр. 383, ц. 1 р. 50 к.

При чтеніи этой замѣчательной книги—страшно ставится за русскихъ обывателей: кѣмъ управляются они, кто ихъ опекаетъ... (о страницѣ изданнаго томика на насъ глядятъ Щедринскіе градоправители и прочіе „члены“ изъ „Губернскихъ очерковъ“—и лица ихъ—не образы художника, но подлинные персонажи изъ полицейскаго и административнаго міра, реальность которыхъ жестоко ощущается безправнымъ населеніемъ. Тутъ и поручикъ К.—явный идиотъ, кощунственно комбинирующій нагайку съ образомъ Богородицы, неугасшая лампадою, евангеліемъ и крестомъ, и нашедшій въ систематическомъ каждомъ избиеніи евреевъ особаго рода спортъ, привлекающій своей острой изысканностью; тутъ и одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ губернатора, старшій совѣтникъ губернскаго управленія въ Кишиневѣ, фонъ Р., не сумѣвшій выполнить достаточно ловко обязанности пачака и потому зарывшій въ землю живое челоуѣка... Свершивши этотъ актъ вполне сознательно и въ твердой памяти, фонъ Р. и понинѣ подвизается на высшихъ ступеняхъ служебной іерархіи, а о ступеняхъ своемъ любитъ рассказывать, какъ „о примѣрѣ своей находчивости проявленныхъ на службѣ по идейскихъ талантовъ“ (стр. 351—2). Много добнаго рода фактовъ находимъ мы въ „Запискахъ“, и все же для читателя совершенно ясно, что авторъ знаетъ гораздо больше, чѣмъ говорить. Но и въ настоящемъ томѣ воспоминаній кн. Урусова, уже сказано не мало. Бывшій губернаторъ и товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ достаточно компетентенъ для сужденія о погромахъ и погромщикахъ;—это неоспоримо доказали знаменитыя разоблаченія въ качествѣ депутата государственной думы. Тутъ еще болѣе углубляя свою, ранѣе установившуюся точку зрѣнія, кн. Урусовъ указываетъ, хотя и осторожно, но вполне опредѣленно и твердо, что громадная дѣятельность союза русскаго народа находитъ опору въ нѣкоторой власти имущихъ. (Стр. 146—167).

Рецензируемая книга—лишь небольшая часть задуманныхъ авторомъ очерковъ прошлаго, которые должны охватить періодъ отъ 1872 г. по 1906 г. Несомнѣнно, дальнѣйшіе выпуски будутъ ожидать многими и въ литературѣ мемуаровъ и въ видномъ мѣсто.

Н. М.—й.

П. Д. Первовъ. *Педагогическая хрестоматія.* Изд. К. И. Тихомирова. Москва 1907 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

„Семья и школа,—по мнѣнію Стоюнина,—должны взаимно дополнять другъ друга и быть въ постоянной тѣсной связи“. Можеть-ли наша семья дополнять школу? Наши родители считаютъ своимъ долгомъ воспитывать дѣтей, но не считаютъ нужнымъ знакомиться съ педагогикой. Если игнорируется педагогика, какъ наука, то, конечно, не обратятъ вниманія и на „Педагогическую Хрестоматію“. Однако каждому интеллигенту нужно знать основы педагогики. Въ этомъ отношеніи „Хрестоматія“ г. Первова можетъ быть весьма полезной книгой. Въ ней приведены лучшія мѣста изъ произведеній лучшихъ учителей педагогики А. К. Менского, Локка, Руссо, Песталоцци, Ушинскаго, Пирогова, Стоюнина, съ краткимъ изложеніемъ ихъ біографій и педагогическихъ идей.

С—въ.

Д. Маролинъ. *Спутникъ эмигранта.* Изд. С. М. Богуславскаго. Кіевъ 1906 г. Цѣна 50 коп.

Авторъ въ своей книгѣ имѣлъ въ виду придти на помощь нашимъ эмигрантамъ. Съ этою цѣлю въ ней изложены главныя требованія дальняго путешествія черезъ разныя страны и дано краткое географическое описаніе мѣстъ иммиграціи Сѣверной и Южной Америки, Африки и Азій. Кромѣ этого, въ книгѣ имѣются весьма важныя свѣдѣнія объ условіяхъ жизни въ тѣхъ же странахъ для эмигрантовъ разныхъ профессій. Въ концѣ приложены необходимыя фразы для разговора съ переводомъ на англійскій языкъ. Книга составлена хорошо и можетъ дать много полезныхъ совѣтовъ какъ при выборѣ мѣста поселенія, такъ и въ дорогѣ.

С—въ.

А. И. Новиковъ.

Панорама русской и иностранной действительности.

I. Внутренняя хроника.

Результаты выборов въ думу.—Гаданія о настроеніи страны.—Нѣсколько словъ о составѣ думы.—Ближайшія задачи думы.—Непроизводительные расходы.—Дѣло Гурко о превышеніи власти.—Еще изъ той же области.

Наконецъ выборы въ третью думу произведены. Въ оппозиціонной печати каждый газетный номеръ полонъ сообщеніями о томъ, какое давленіе оказывалось на выборы. Стоить ли перечислять отдѣльные случаи этого давленія? Стоить ли приводить примѣры? Несомнѣнно нѣтъ! Обо всемъ этомъ достаточно было писано въ газетахъ. Доходило на примѣръ до такихъ курьезовъ, что въ Перми, въ залѣ, гдѣ происходили выборы въ депутаты, подъ столъ сажали сыщика слѣдить за тѣмъ, кто изъ выборщиковъ будетъ что говорить.

Правда, такое же давленіе производилось и на выборы во вторую думу. Почему же въ громадномъ большинствѣ это давленіе не привело ни въ чему? Намъ кажется, что чѣмъ больше давленіе въ дѣлѣ выборовъ, тѣмъ больше дѣлѣютъ тѣ, которые являются свидѣтелями этого, и даже тѣ, въ чью пользу давленіе производится. Я, конечно, не говорю про людей, потерявшихъ совѣсть окончательно. (Я убѣжденъ, что, когда изъ подъ стола въ Перми вытаскивали спрятавшагося подъ скатертью сыщика, то результатомъ оказалось несомнѣнное полѣтѣніе всего состава выборщиковъ. Иной одесситъ и не пошелъ бы на выборы—стоитъ-ли?—а какъ оштрафовали газету, взялъ да и пошелъ съ кадет-

скимъ бюллетенемъ, не штрафуй, молъ! Все это психологически вѣрно. Поэтому не въ репрессіяхъ однихъ дѣло).

Правая пресса торжествуетъ, что Россія поправѣла. Поправѣніе ясно высказалось въ послѣднихъ выборахъ. И начинаютъ сравнивать число социалистовъ, кадетовъ, правыхъ и Пуришкевичей во второй думѣ и въ третьей.— Такой пріемъ нельзя не признать недобросовѣстнымъ. Пусть страна въ извѣстномъ смыслѣ и поправѣла — къ этому я вернусь—но выводить-то это изъ состава третьей думы такъ логически нелѣпо, что можетъ быть объяснимо только недобросовѣстностью. Всякій ребенокъ знаетъ, что сравнивать можно только предметы однородные; сравнивать двѣ думы, выбранныя по двумъ разнымъ избирательнымъ законамъ, и выводить изъ этого заключеніе о настроеніи страны могутъ только или идіоты, или Меньшиковы.

Очевидно, что не такія были бы ликованія какъ теперь, еслибы можно было думать, что произошло дѣйствительное поправѣніе. Къ чему бы тогда дѣлать и переворотъ 3 го іюня? Законы, такъ недавно объявленные основными, измѣнить вопреки имъ сампимъ—никому не можетъ быть особенно пріятно. Судъ исторіи только для Дубровинныхъ и Грингмутовъ совершенно безразличенъ, но вѣдь такихъ немного. И если все-таки законъ 3-го іюня былъ опубликованъ, то конечно лишь потому, что другого выхода не было. И этому-то закону Россія обязана тѣмъ, что имѣетъ правую думу, непохожую на предыдущую. А что новая дума не похожа на первую дѣло, видно всякому по вѣшнымъ признакамъ, не говоря уже о политическихъ ярлыкахъ депутатовъ.

Прежде въ думахъ пахло черноземомъ: черноземныя поддевки, черноземныя чувства. Теперь дума господская. Крестьянъ, обязательныхъ по закону 3-го іюня,—50, по одному на губернію, а сверхъ обязательныхъ много—много человекъ 20 крестьянъ. Да и то, что это за крестьяне! Торговецъ, лавочникъ, старшина, церковный староста—словомъ то, что называется въ деревнѣ міроѣдомъ. Для приличія официальныя телеграммы прибавляли къ этимъ словамъ: „занимается и хлѣбопашествомъ“. А деревенскій житель знаетъ, какъ торговцы занимаются хлѣбопашествомъ, снимая за безцѣнокъ наѣлы голодныхъ!

Въ первой думѣ было много крестьянъ, не занимающихся хлѣбопашествомъ: учителя, служашіе въ земствѣ, студенты... (О, какой тогда подняли шумъ, и какъ строго наблюдало начальство при выборахъ во вторую думу, чтобы такіе люди не попадали въ депутаты). Тогда послѣдовало сенатское разъясненіе о хлѣбопашествѣ. Теперь пошли торговцы, міроѣды, даже отродясь сохи въ рукахъ не державшіе... Но міроѣдъ—человѣкъ благонамѣренный, не учительшка и не студентиска какой...

И вотъ во всей думѣ оказывается 15 лѣвыхъ т. е. трудовиковъ! (не считая 15 рабочихъ социалъдемократовъ). 15 трудовиковъ на всю Россію, когда болѣе ста милліоновъ ея населенія—несомнѣнно трудовики по чувству, по міровоззрѣнію, по пониманію своихъ правъ! Удивительно ли это, если принять во вниманіе, что по всей Россіи землевладѣльцы и богатые горожане давали болѣе 50% выборщиковъ, которые выбирали представителей крестьянства? Надо отдать этимъ помѣщикамъ и домовладѣльцамъ справедливость, они хорошо понимаютъ свой классовый интересъ. Люди, менѣе стойкіе въ этомъ отношеніи, не смотря на законъ, стыда и справедливости ради, дали бы крестьянскимъ выборщикамъ самымъ намѣчать, хоть своего то единственного кандидата... такъ нѣтъ же! и этого стыда у нихъ не оказалось и они изъ числа крестьянскихъ выборщиковъ старались выбрать самаго черносотеннаго! За то, что за чудная коллекція представителей дворянства! Однихъ титулованныхъ—человѣкъ сорокъ.

Не дурно обстоятъ въ думѣ дѣла и духовенства. Два архіерея и 50 священниковъ являются тоже представителями земли отъ землевладѣльческой курии. Но что это за священники, уже ясно по всему. Опытъ отцовъ Огнѣва и Афанасьева изъ первой думы, отцовъ Тихвинскаго, Бриллиантова и проч. изъ второй — по-

казалъ, въ какой мѣрѣ можно разсчитывать на свободу депутатовъ и священниковъ. Вѣдь нельзя требовать подвига мученичества отъ людей, правдѣ сказать, не стоило бы и жертвовать собой и семьей изъ-за дѣл рѣчей въ думѣ.

Интересно остановимся нѣсколько на выборахъ въ пяти большихъ городахъ: Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ, Киевѣ, Ригѣ. Почему-то законъ 3-го ввелъ въ этихъ городахъ прямые выборы. Если правительство зъ имъ хотѣло явить свой либерализмъ, то надо признать что либерализмъ этотъ былъ для не опасенъ. Дѣйствительно, всѣ эти пять городовъ набрали всего 16 депутатовъ изъ конхъ 8 избраны въ куріи богачей и всего 8 въ общей куріи. Что жъ дали эти выборы? По первой куріи—октябристы, по второй—кадеты. Только въ Одессѣ кадетъ прошелъ и по первой куріи, очевидно благодаря долгой мѣстной дѣятельности генерала Каульбарса и графа Коновницына. Такой результатъ прямыхъ выборовъ доказалъ, что классовая дифференціация у насъ происходитъ весьма успѣшно. Три года тому назадъ богатые помещики и купцы жертвовали на революцію, пока считали ее очень далекой, но, встрѣтившись съ нею лицомъ къ лицу, они живо отвернулись отъ нея и задрапировали октябристскую мантию. Вторая курія—курія мелкой буржуазіи—какъ ей надо было, выбрала кадетовъ. Другой, конечно, результатъ оказался бы, если бы выборы были не только прямые, но и всеобщіе. Рабочіе и вся сѣдната были лишены голоса—вотъ очевидная причина пораженія лѣвыхъ кандидатовъ.

Указали мы на результатъ прямыхъ выборовъ потому, что по нимъ трудно можно судить о дѣйствительномъ настроеніи народа. Оно оказалось во многихъ случаяхъ не правдою кадетовъ. Тотъ же результатъ получился и во всѣхъ остальныхъ городахъ Россіи съ тою только разницей, что выходы этихъ городовъ потонули въ морѣ помещиковъ-выборщиковъ.

На счетъ настроенія рабочихъ тоже получились весьма точныя данныя. Почти всѣ выборщики отъ рабочихъ были социалъдемократы, такъ что въ шести губерніяхъ, гдѣ по закону 3-го Іюня полагалось по одному депутату отъ рабочихъ, помещикамъ волей-неволей пришлось выбрать социалиста—другихъ не было.

Остается крестьянство, о настроеніи котораго по выборамъ судить нѣтъ. Официально почти всякій крестьянинъ—правый, а то и монархистъ и правый восславный. Это доказали выборы и во вторую думу, гдѣ двѣнадцать нисколько не выбранныхъ изъ своей среды уполномоченныхъ правыхъ, выдѣлившись свою очередь прогрессивныхъ выборщиковъ, въ концѣ концовъ представились депутатами с.-р.-ами. Это и понятно: крестьянину не только возбраняется открыто на-строга быть с.-ромъ, но и воспрещается быть прогрессивистомъ. Десяти тысячъ такихъ прогрессивистовъ гуляютъ по святой Руси, въ качествѣ администраціи высланныхъ изъ предѣловъ своей губерніи. Уполномоченный дѣлается чуть-чуть помятымъ; выборщики еще храбрѣе и на онецъ депутатъ, «неприкосновенный» уже вовсе сбрасываетъ съ себя всякую маску, пока, конечно, не попадетъ въ тюрьму, по лишеніи своей неприкосновенности. А разъ система выборовъ крестьянскихъ представителей такова, что они въ рукахъ дворянъ и священниковъ, то крестьянамъ нѣтъ случая проявить своего настроенія въ лицѣ своихъ депутатовъ. Такъ они и остаются правыми. О крестьянскомъ настроеніи при этомъ судить уже не по выборамъ, а по другимъ признакамъ. Иначе, конечно, за 3-го Іюня не лишился бы голоса этихъ самыхъ крестьянъ, которые, по словамъ, должны были бы служить „опорой“.

А судить о настроеніи крестьянъ лучшее всего по писаніямъ тѣхъ, чуждымъ меньшиковъ и по фактамъ. Теперь мы, къ прискорбію, вошли въ эпоху аграрныхъ преступленій, ничѣмъ не регулируемыхъ, ничѣмъ часто не мотивированныхъ. Конечно правая печать старается свалить ихъ на шее революціонеровъ и агитаторовъ; но, если мы обратимся къ извѣстіямъ, которыя, въ настоящее

противорѣчіи съ рептильными писаніями, невольно проскальзываютъ даже въ черносотенныя изданія, то картина получается совсѣмъ пная. Изъ черниговской, изъ воронежской, изъ смоленской и изъ многихъ другихъ губерній въ томъ же «Новомъ Времени» появляются корреспонденціи о враждебномъ для помѣщиковъ настроеніи крестьянъ. Подробно описываются случаи, когда крестьяне скрываютъ тѣхъ, кто поджигалъ помѣщичье имущество, и кто избивалъ и грабилъ помѣщиковъ, а также когда крестьяне цѣлыми селами отказывались выходить тушить пожары, когда горѣло помѣщичье добро. Говорятъ тутъ ужъ не объ отдѣльныхъ агитаторахъ или преступникахъ, а обо всемъ крестьянствѣ. Не противъ агитаторовъ отдѣльныхъ держатъ помѣщики стражниковъ, не отъ преступниковъ бѣгутъ изъ дъревень въ сіюлицы, не противъ мирнаго крестьянства заводятъ особы полці и херсонскіе дворяне. Нѣтъ, не вѣрять сами пишущіе, что крестьянство поправѣло!

Мы этимъ не думаемъ утверждать, что крестьянство и даже рабочіе настроены революціонно. Одно дѣло оппозиціонность, другое дѣло революціонность. Для революціонности нужно сознаніе своей силы, нужна организація, объединеніе въ болѣшей или въ меньшей степени—всего этого нѣтъ. Оппозиціонность можетъ быть при подавленности, безъ надежды на побѣду въ близкомъ будущемъ, безъ желанія возстать. Полѣвныя или поправѣныя есть дѣло болѣшей или меньшей сознательности, готовности болѣе или менѣе примириться съ существующимъ порядкомъ. Въ этомъ смыслѣ никакого поправѣнія у насъ нѣтъ.

Есть придавленность, потеря энергій—да. Но на думѣ, избранной всеобщимъ голосованіемъ, это несколько бы не отразилось, и врядъ ли въ нее проникъ бы хоть одинъ черносотенецъ. Вотъ какъ поправѣлъ народъ. А что поправѣло дворянство и денежная аристократія, что они объединяются, что они забрали въ руки не только земства и городскія думы, но и государственную думу—это правда, въ этомъ поправѣнніи никто не сомнѣвается; никто этому не удивляется, ибо это естественно, нормально; иначе и быть не можетъ.

Тріумфальное шествіе союза 17 октября и черносотенцевъ по рельсамъ закона 3-го іюня вынесло на депутатскія кресла все выдающееся, все болѣе или менѣе значительное. Если кто и не попалъ, то очевидно изъ упрямства, или изъ желанія умереть на своемъ посту, но не сдаваться. Взять хоть Ю. Н. Милютина. Онъ предпочелъ пасть добле тно въ Петербургѣ, нежели скрѣмн: пройти, гдѣ-нибудь въ провинціи, что теперь такъ легко для благонамѣреннаго человѣка. Наконецъ бывають и ошибки; вѣдь могъ Ю. Н. Милютинъ и впрямь повѣрить въ поправѣніе народа и искренне надѣяться пройти отъ Петербурга.

Другія соображенія были у разныхъ Гамзѣй Гамзѣйчей. Такъ, очевидно председатель союза русскаго народа, докторъ Дубровинъ, никакъ не могъ надѣяться пройти отъ Петербурга, ибо лучше другихъ знаетъ, чего стоятъ милліоны членовъ его сторонниковъ: онъ и не выставлялъ своей кандидатуры. Если провалился Крушеванъ, то это на почвѣ бюджета (не государственнаго); въ Бессарабіи, очевидно, черная сотня такъ сильна въ числѣ выборщиковъ (не подумайте въ народѣ), что она позволила себѣ междоусобную брань. Тутъ то и провалился Крушеванъ.

Но придется примириться съ отсутствіемъ Дубровина, Восторгова и Крушевана и утѣшиться тѣмъ, что и безъ нихъ на тѣхъ скамьяхъ будутъ славные борцы. Такъ Пуришкевичъ, Шульгинъ и всѣ вообще, обезсмертившіе себя еще во второй покойной думѣ! Но имъ, повидному, придется всѣмъ померкнуть передъ новой восходящей звѣздой. Мы имѣемъ въ виду минскаго депутата, капитана 3-го ранга въ отставкѣ, Шмидта.

Но будемъ говорить серьезно. Избраніе г. Шмидта — патологическое, доказывающее, что въ союзѣ русскаго народа мы можемъ быть, съ людьми психически больными. Бываютъ же и массовые на почвѣ религіи. Почему не быть имъ и на почвѣ политики?

Обрагима прежде всего къ біографіи г. Шмидта. Мы, конечно, въ виду не его личную жизнь, которой не принято касаться, хотя очень трудно обосновать необходимое для общественнаго дѣятеля уваженіе на нравственной грязи, хотя бы и въ личной жизни. Нѣтъ, мы имѣемъ въ виду его общественную дѣятельность, хотя и не на парламентскомъ поприщѣ. Судя по этой общественной дѣятельности мы будемъ не на основаніи сплетенъ, на основаніи неопровержимыхъ судебныхъ данныхъ, которыя всякій можетъ прочитать по официальной судебной хроникѣ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ капитанъ 2-го ранга Шмидтъ, служившій въ балтійскомъ флотѣ, былъ отданъ подъ судъ за продажу иностранной жавѣ плановъ укрѣпленій Кронштадта. Иностранныхъ державъ, купившихъ эти секреты, не принято называть, ибо купившій можетъ обидѣться и объявить войну. Но это дѣла не мѣняетъ. Всякій, и не специалистъ, пойметъ значеніе плановъ Кронштадта. Естественно было взволноваться морскимъ, дипломатическимъ, всякимъ инымъ сферамъ. Преданному военно-морскому суду капитану Шмидту грозила смертная казнь.

На судѣ г. Шмидтъ говорилъ: въ сношеніяхъ съ агентами „иностранной державы“ я былъ, деньги за планы Кронштадта я получилъ, но измѣнъ не было, потому что я имъ вручилъ невѣрныя—завѣдомо невѣрныя планы. Какая же тутъ измѣна? Попробуй-ка они воспользоваться этими планами, они бы попали сами въ просакъ. Выходитъ, что Россія-то я какъ оказалъ услугу, направивши ея противниковъ на ложный слѣдъ...

Пусть такъ... да, вѣроятно, такъ оно и было, ибо приговоренъ онъ только къ поселенію. Затѣмъ онъ былъ помилованъ...

Таковъ человѣкъ! Морской штабъ-офицеръ за деньги притворяется никому своей родины и надуетъ противника... Пусть! но какъ ни какъ это колоссальное мошенничество человѣка, не имѣющаго ничего святого. Выбравшій изъ морской среды, можно было полагать, что это человѣкъ для общественной дѣятельности погибшій... и вдругъ мы видимъ его депутатомъ, членомъ 3-й думы, правда отъ союза русскаго народа, но все-таки депутатомъ, а не какъ бы народнымъ представителемъ. Какъ же это могло случиться? Еще не шло, еслибы онъ былъ избранъ до раскрытія его прошлаго; а то до выборовъ это прошлое было раскрыто оппозиціонною прессою. До выборовъ Шмидтъ являлся на устроенное въ минскомъ театрѣ предвыборное собраніе союза русскаго народа. Всѣ уже знали его исторію; ни онъ самъ, ни кто изъ нея не отрицалъ по существу, ограничившись руганью по части оппозиціи, тѣмъ не менѣе союзники ему сдѣлали овацію!.. и тѣмъ не менѣе онъ былъ избранъ въ депутаты. Какъ это можно объяснить иначе, чѣмъ массовымъ психозомъ, нравственнымъ уродствомъ цѣлой группы людей? Скажемъ, Крушевскій съ его погромами... Какъ ни какъ эти погромы, этого антисемитизма, могутъ быть объяснены политической нетерпимостью. Это то же нравственное уродство, но все-таки другого рода, съ подобіемъ идейности. Крушевскій записывалъ выходы русскихъ отъ притѣсняющихъ ихъ евреевъ. Это нелѣпо, гнусно! Ничего видна его фальшь! Но другіе, глупые, темные, могутъ повторить! А тутъ. Ничего похожего на какую бы то ни было идейность—мошенничество, игра измѣну... и въ результатѣ овація и депутатское кресло.

Изъ всей минской группы союзниковъ оказался одинъ здоровый—театръ. Лошкаревъ. Въ томъ же выборномъ собраніи Минска его просили идти въ депутаты. Но когда прошелъ Шмидтъ, онъ отъ этой чести отказался, не быть товарищемъ Шмидта.

Есть въ политикѣ для разныхъ темныхъ дѣлъ іезуитское оправданіе: цѣль оправдываетъ средства. Выгодно, такъ самого черта выберемъ, не то что Шмидта. Увы! и этого оправданія въ данномъ случаѣ нѣтъ.

Если спросить кадетовъ, что бы они предпочли: получить ли въ думу одного Шмидта отъ правыхъ или провести десять кадетовъ? Они бы должны были отказаться отъ своихъ кандидатуръ. Ибо не будетъ болѣе сильнаго аргумента противъ крайней правой, какъ то, что среди нихъ Шмидтъ. Какъ могли этого не понять Дубровины и Восторговы? Интересно тоже, какъ съ нимъ будутъ об-
щаться графы Бобринскіе или, тоже бывший морякъ, князь Барятинскій? Ихъ конекъ—та ложная честь, которую французы называютъ *point d'honneur*. А въд-
нимъ придется рядомъ сидѣть съ минскимъ депутатомъ! Поживемъ—увидимъ!..

Чрезвычайно трудно что либо предрѣшать на счетъ будущей думы. Резуль-
таты ея скажутся во всякомъ случаѣ не скоро: первая недѣля, а то и первые
мѣсяцы уйдутъ на ознакомленіе другъ съ другомъ, на старанія тѣхъ и другихъ
перетянуть на свою сторону неустановившихся. На такъ называемыхъ умѣренныхъ
точать зубы не только правые и октябристы, но даже кадеты. Одни лѣвые—а
ихъ всего десятка три—не имѣютъ никакой надежды разростись въ болѣе мно-
гочисленную группу. Иначе имъ не останется другого, какъ стараться думскую
трибуну использовать въ агитационныхъ цѣляхъ. Но надо правду сказать: если
первая дума, если вторая дума этой цѣли не достигли, то рассчитывать на успѣхъ
въ этомъ отношеніи при теперешнихъ лѣвыхъ депутатахъ прямо смѣшно. Очевидно
талантовъ между ними ожидать нельзя, такъ какъ все мало мальски выдающееся
тѣмъ или инымъ путемъ лишено права голоса, а слѣдовательно и избранія. Три-
бунъ, съ которыхъ бы раздавалось свободное слово за 1905 и 1906 годы было
свѣтло и помыму думы, но нечего грѣха таить—дѣло кончилось аппло-
дисментами и... страшной реакціей. Дѣло, значитъ не въ свободномъ только словѣ,
не въ трибунѣ одной...

Затѣмъ идетъ буржуазная оппозиція, состоящая изъ трехъ группъ: человекъ
50 чистыхъ кадетовъ, человекъ 30 націоналистовъ, поляковъ и мусульманъ, и
человекъ 30 разныхъ прогрессистовъ, включая сюда и мирнообновленцевъ. Вотъ
какъ мѣняются времена! Полтора года прошло со времени первой думы, когда
мирнообновленцевъ Гейдена и Стаховича считали „ужасными“ черносотенцами.
Когда они выходили, ихъ не слушали, относились къ нимъ съ презрѣніемъ. А
теперь Стаховича забаллотировали господа дворяне, какъ революціонера!

Итакъ всей оппозиціи съ лѣвыми 140 человекъ, безъ лѣвыхъ 110. И все
таки кадеты духомъ не падаютъ или дѣлаютъ скорѣе видъ, что не падаютъ, въ
расчетъ будто бы на безпартійныхъ. Правыхъ—не оппозиционныхъ депутатовъ—300
(всѣхъ 442); изъ нихъ 90 (мы округляемъ) октябристовъ, 40 союза русскаго на-
рода, 140 правыхъ и 30 умѣренныхъ. Такъ говорятъ оффиціальныя извѣстія. Но
въ дѣйствительности изъ этихъ 300 человекъ непримиримыхъ правыхъ, въ духѣ
русскихъ монархистовъ, не такъ уже много. Не такъ много и среди октябристовъ
истинныхъ конституціоналистовъ. Большинство--неопредѣленныхъ, но конечно не на-
столько неопредѣленныхъ, чтобы попасть въ ряды кадетовъ. Вопросъ, въ крайнемъ
случаѣ можетъ стоять такъ, что они могутъ оказаться и чистыми черносотен-
цами и легонькими конституціоналистами въ духѣ октябристовъ. Не надо забы-
вать, что въ большинствѣ случаевъ всѣ эти правые: помѣщики, мірофды, свя-
щенники и ставленники помѣщиковъ, люди въ политикѣ мало понимающіе, мало
читавшіе (хотя многіе изъ нихъ и съ высшимъ образованіемъ), съ понятіями да-
леко не установившимися. Они будутъ колебаться то вправо, то влево, будутъ
непоследовательны, но все это конечно въ предѣлахъ своихъ интересовъ. Отъ
лѣвыхъ, въ томъ числѣ и кадетовъ, они будутъ бѣжать, какъ отъ зачумленныхъ.
Вообще рассчитывать на эту аморфную массу врядъ ли приходится.

Поэтому и кадетамъ остается использовать думу, какъ трибуну, черезъ головы министровъ и депутатовъ народу. Ихъ рѣчи будутъ дѣлать на настроеніе народа, какъ рѣчи лѣвыхъ, а на народный разумъ, ихъ рѣчи будутъ не зажигательныя, не призывающія къ тѣмъ или другимъ выходящимъ дѣйствіямъ, а по возможности холодныя, со строгой критикой правительственныхъ дѣйствій и правительственныхъ законопроектовъ. Но тѣмъ не менѣе, и въ тѣмъ или въ законодательство или въ правительственную практику кадетамъ удастся уже по тому, какъ на нихъ смотреть весь правый флангъ. Волею судьбы для нихъ дума будетъ также служить лишь трибуной, хотя бы и мирной.

Разсматривая списки правыхъ, тоже приходится придти къ грустному заключенію. Изъ трехсотъ человѣкъ большинство правое въ смыслѣ союза съ народомъ, т. е. враги всякой конституціи, сторонники усиленныхъ охранительныхъ мѣръ и т. п. Самы октябристы-то представляютъ собою весьма смѣшную группу конституціоналистовъ, не смотря на свою довольно многообещающую программу. Не надо забывать, что вездѣ они были ближе по симпатіямъ къ царистамъ, нежели къ кадетамъ, а во многихъ мѣстахъ они на выборахъ въ блокъ съ союзомъ русскаго народа. Между ними есть искренніе конституціоналисты праваго центра, вроде Капустина, но много ли ихъ? Для нихъ нужно имѣть человѣкъ сто, чтобы составить вмѣстѣ съ оппозиціей конституціонное большинство.

Позволимъ себѣ маленькое отступленіе. Кто бы сказалъ еще годъ тому назадъ, что мы будемъ дифференцировать октябристовъ? Что мы будемъ хвататься за якорь спасенія за Капустинскихъ и Волконскихъ (мы имѣемъ въ виду, конечно, рязанскаго)? Между тѣмъ это такъ. Только трусъ или малодушный человекъ шепчетъ кулаками по воздуху. Предоставимъ нашимъ „патріотамъ“ кричать. Ливевичъ разбилъ бы японцевъ, не заключи Витте мира. Мы должны признать наше пораженіе. Безъ увѣренности въ побѣдѣ, не можетъ быть и дѣла. Но исторія доказала, что увѣренности одной мало. Нужно иное соотношеніе силъ. Теперь оно противъ свободы. Нужно поколѣніе, чтобы измѣнилось соотношеніе силъ, и чтобы снова могла возродиться вѣра въ свободу. Поэтому двадцать, тридцать лѣтъ придется еще топтаться на мѣстѣ. Для насъ, которые за это время сойдемъ съ жизненной сцены, это тяжело, но что за тридцать лѣтъ въ исторіи Россіи? Ничего! Но можетъ ли кто сомнѣваться въ побѣдѣ все-таки будемъ на сторонѣ свѣта, свободы, прогресса? Пиктъ! Намъ, не теряя изъ виду и будущаго, надо стараться устроиться теперь такъ, чтобы было народу наименѣе плохо за этотъ періодъ времени. Девизъ хуже—тѣмъ лучше“ теперь не годится. Вотъ почему приходится хвататься за конституціонныхъ октябристовъ!... Мы негодовали на кадетовъ, да и на насъ за ихъ дряблость въ первой и второй думѣ, потому что была вѣра. Мы покажемъ насколько мы были правы, доказавъ, можетъ быть, что не было дряблости, и исторія сложилась бы иначе; но теперь приходится со вниманіемъ относиться къ кадетскому призыву сохранить хоть подобіе конституціи: будетъ житья легче съ Капустинскими, нежели съ Пуришкевичами и Шидловскими.

Теперь посмотримъ, что можетъ изъ всего этого выйти. Дифференціация правыхъ на конституціоналистовъ и черносотенцевъ будетъ происходить постепенно. Народъ правой думы не признаетъ своей представительницей, если не увѣренъ въ ней хоть въ какихъ-нибудь реальныхъ благахъ. Это не могутъ не понять октябристы, которые считаютъ себя истинными конституціоналистами. Народное представительство безъ прочныхъ корней въ народѣ, безъ народныхъ надеждъ, безъ связанныхъ съ нимъ надеждъ народа—не есть народное представительство, а превращается въ бюрократическое учрежденіе, вроде коммиссіи оцѣнки людей. Чѣмъ же можетъ правая дума заслужить народное довѣріе, безъ какого никакого успокоенія теперешней анархіи ожидать нельзя?

Въ первую очередь народъ интересуется реформами экономическими. Въ этой области мало могутъ дать ему не только октябристы, но и кадеты. „Господская“ дума, конечно, не станеть облегчать зависимость крестьянъ отъ помещиковъ и рабочихъ отъ фабрикантовъ. Это врядъ ли нуждается въ поясненіи.

Затѣмъ идетъ насажденіе въ Россіи законности и уничтоженіе произвола администраціи. Никакой законъ не имѣетъ значенія, если существуютъ исключительные законы, могущіе остановить дѣйствіе этого закона. Въ разрядъ такого рода думскихъ мѣропріятій назовемъ, кромѣ уничтоженія усиленныхъ и иныхъ охранъ, амнистію, хотя бы только административно сосланныхъ и высланныхъ, и введеніе суда присяжныхъ. Это все кажется вѣдь весьма немногимъ. Вѣчно жить подъ дѣйствіемъ исключительныхъ законовъ народъ не можетъ. Въ сущности это все только возвратъ къ тому, что уже было сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ эпоху великихъ реформъ. Конституціонное большинство не можетъ этого потребовать въ этой или другой формѣ. Пойдетъ ли на это и правительство? Этого, конечно, предсказать нельзя. Правительство, имѣя въ рукахъ безусловно покорный государственный совѣтъ, конечно, все можетъ, не доводя даже до veto верховной власти. Что сдѣлаетъ октябристская дума, если правительство на это не пойдетъ? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: преклонится передъ волею правительства и дѣлу конецъ. Народъ это, конечно, узнаетъ и одышитъ по достоинству. Симпатію онъ нѣкоторую за хлопоты къ думѣ возымѣетъ, но и только уваженія за стойкость въ отстаиваніи народныхъ нуждъ онъ къ ней не почувствуетъ. Если же правительство, понявъ всю дѣйствительную силу и видя опору въ думѣ, согласится на возвращеніе Россіи на путь законности—тогда можно ждать продолжительнаго успокоенія: усталый народъ вздохнетъ свободнѣе, помирившись пока и на этомъ отрицательномъ облегченіи своихъ страданій.

Затѣмъ идетъ третья область думской работы. Это область законодательная. Надо думать, что даже октябристская дума взглянетъ на эту свою дѣятельность съ нѣкоторой широтой. (Очень ужъ не приглядно все то прошлое, которое довело Россію до Цусимы). Даже черносотенцы говорятъ, что возврата къ старому они не хотятъ. Октябристы это понимаютъ и подавно. Но увы! и тутъ мало надежды на то, чтобы можно было достигнуть серьезныхъ результатовъ. Видно это изъ того, что правительство уже внесло въ думу подъ видомъ законопроектовъ. Все это съ одной стороны отрицательные законопроекты вродѣ замѣшъ нѣсколькихъ исключительныхъ законоположеній однимъ всеобъемлющимъ, или вродѣ усиленія полиціи, преподнесеннаго подъ видомъ ея реформы, и тому подобныя; съ другой стороны законопроекты позитивныя, такіе, какихъ тысячи проведено черезъ государственный совѣтъ за послѣднія сорокъ лѣтъ. О нихъ и говорить не стоитъ. Никакихъ свободъ, ни равноправіе гражданъ, ни равноправіе еврейскаго, ни дѣйствительнаго насажденія на Руси образованія—ничего! Можно надѣяться, что октябристская дума въ этомъ отношеніи пойдетъ дальше правительства, хотя ей и предстоитъ встрѣтить отпоръ у бюрократіи, которой широкій полетъ законодательной мысли окончательно чуждъ.

Четвертая область думской работы—финансовая и бюджетная. Здѣсь опять надежды слабы. Должно понятый патріотизмъ и, скрывающійся подъ этимъ словомъ націонализмъ, заставить думу не только увеличивать военные расходы, но и согласиться на постройку ненужнаго флота. Перенесеніе податнаго бремени съ работающаго класса на классъ собственниковъ не мыслимо уже по одному составу депутатовъ. Сокращеніе казнокрадства—вотъ все чего можно ожидать.

Въ общемъ крупнаго реальнаго улучшенія условій, въ которыхъ народъ живетъ, ожидать нельзя. И единственная польза отъ думы будетъ переходъ Россіи на конституціонный путь. Въ такомъ случаѣ можно будетъ лишь со временемъ надѣяться, что въ этомъ направленіи она начнетъ эволюционировать, приближаясь къ гарантированнымъ свободамъ, къ болѣе совершенному избирательному закону и къ парламентаризму. Впрочемъ слишкомъ много темныхъ силъ придется

побороть народу на этомъ пути, прежде чѣмъ эти надежды на славную эволюцію оправдаются въ болѣе или менѣе значительной мѣрѣ. Многое придется пережить нашимъ дѣтямъ...

Третьей думѣ приходится собираться при условіяхъ прямо невѣроятныхъ точки зрѣнія западнаго конституціонализма. Даже тамъ, гдѣ и слѣдовъ ламентаризма, какъ въ Германіи, реальное значеніе парламента заключаются сомнѣнно въ рѣшающемъ голосѣ въ дѣлахъ законодательства и бюджета. Съ трудовъ приходится положить германскому правительству, чтобы построить сколько бровеносцевъ, чтобы немного усилить армію! Какъ ни какъ безъ парламента, безъ уступокъ ему, иногда очень значительныхъ, обойтись не удастся. У насъ по 87 статьѣ, т. е. безъ парламента, проведены такіе законы, какъ законъ объ уничтоженіи общины, о праздничной торговлѣ.

Остается бюджетъ. Оказывается, что по основнымъ законамъ бюджетное право думы такъ ограничено, что сводится почти къ нулю. Такое по крайней мѣрѣ дается основнымъ законамъ толкованіе. Съ каждымъ днемъ въ газетѣ появляются извѣстія о громадныхъ предпріятіяхъ правительства, проведенныхъ безъ думы, безъ гласнаго ихъ обсужденія, словомъ по старому. Такъ, мы знаемъ, что амурская желѣзная дорога, которая имѣетъ связать забайкальскую съ тихоокеанскою, дорога вдоль лѣваго берега Амура въ 200 съ лишнимъ верстѣмъ строится. А стоитъ она должна во всякомъ случаѣ болѣе ста милліоновъ рублей, если эта желѣзная дорога и несвоевременна, если эти деньги и могли бы быть употреблены съ большей пользой, то во всякомъ случаѣ это деньги не нужны (постольку, конечно, поскольку онѣ пойдутъ на дѣло, а не въ карманъ строителей, какъ на забайкальской и манджурской.). Рано ли поздно ли желѣзная дорога проведена быть должна.

Но теперь мы хотимъ повести рѣчь о такихъ милліонахъ, которые могутъ оказываться прямо-таки брошенными на вѣтеръ. Мы говоримъ о постройкѣ флота, которая оказывается тоже уже начатою безъ думы. Пусть не подумаетъ читатель, что это воли лѣвыхъ, старающихся видѣть дурную сторону во всякомъ правительственномъ мѣропріятіи. Есть у насъ политическія партіи, есть органы печати, взявшіе, какъ бы монополію патріотизма. Подъ флагомъ этого патріотизма дѣлаются гибельныя для Россіи дѣла. Всѣ доводы оппозиціи отвергаются не доводами же, а криками о патріотизмѣ. Въ дѣлѣ флота даже этого не замѣчается. Даже „Новое Время“ возстало противъ безумной траты денегъ. Конечно, самые сильные доводы мы можемъ почерпнуть изъ того „Новаго Времени“. Сильны они будутъ именно потому, что нельзя будетъ разноречиво противопоставить патріотическихъ выкриковъ, бессильныхъ противъ самихъ листовъ патріотизма.

Первый вопросъ, который возникаетъ, таковъ: нуженъ ли Россіи въ настоящее время флотъ? „Новое Время“ разрѣшаетъ этотъ вопросъ совершенно правильно. Флотъ намъ не нуженъ. Англія, Японія, Германія, Франція, Соединенные Штаты ведутъ обширную морскую торговлю. У нихъ громадные, все расширяющіеся, торговые флоты. Естественно имъ заботиться и о военномъ флотѣ для поддержки торговаго. Иначе въ случаѣ войны имъ грозитъ разореніе. Въ Россіи торговаго флота нѣтъ. Десятки лѣтъ „патріоты“ кричали о необходимости флота такой; сыпались правительственные субсидіи, мечтали о сообщеніи Персій моремъ, о дальневосточномъ торговомъ флотѣ.... Но все это кончилось ничѣмъ, а теперь и говорить объ этомъ перестали. Значитъ, съ этой точки зрѣнія военный флотъ намъ не нуженъ. Остается говорить о флотѣ для морскихъ дѣлъ ствій во время войны. Таковыя двоякого рода: во первыхъ флотъ для морскихъ сраженій, для схватокъ съ иностранными флотами. Тутъ возникаетъ вопросъ

женіе. Если Англія и другія, менѣе сильныя морскія державы имѣютъ каждая по флоту, намъ нужно для равновѣсія имѣть ихъ цѣлыхъ три по числу нашихъ морей: Балтійскаго, Чернаго и Великаго Океана. Дѣйствительно, Черное море для насъ заперто Парижскимъ договоромъ. Отпереть Дарданеллы мы могли бы лишь, побѣдивъ на морѣ Англію, которая, конечно, нашего флота не выпуститъ. Последній договоръ нашъ съ нею и на Азіатскомъ-то материкѣ даетъ ей перевѣсъ. Неизвѣстно заговаривали ли наши дипломаты о выходѣ изъ Чернаго моря, когда договоръ съ Англіей былъ въ стадіи обсужденія, но во всякомъ случаѣ врядъ ли имъ и въ голову приходило настаивать на этомъ. Къ послѣднюю войну, несмотря на желаніе усилить флотъ Рождественскаго черноморской эскадрой, пришлось отъ этого отказаться. Все это понимаетъ Новое Время и жалбеть о брошенныхъ на черноморскую эскадру десяткахъ милліоновъ, говоря, что для Чернаго моря при этихъ условіяхъ достаточно было бы и двухъ броненосцевъ противъ Турціи.

Говоря, значить, о флотѣ для будущей войны, мы черноморской эскадры принимать въ соображеніе не должны, хотя она въ настоящее время, благодаря своей вынужденной бездѣятельности, и осталась единственно стоящей названія флота. Стоить вспомнить плаваніе Рождественскаго отъ Балтики до Цусимы, чтобы убѣдиться, что на случай войны балтійская эскадра столь же мало можетъ придти на помощь дальневосточной, какъ эта можетъ помочь балтійской эскадрѣ въ Европѣ. Нельзя имѣть базу въ разстояніи 12 тысячъ верстъ. Мы приблизительно тутъ въ положеніи Соединенныхъ Штатовъ, которымъ, чтобы перевести флотъ изъ Атлантическаго Океана въ Великій, нужно обогнуть Южную Америку. У Англіи цѣлый рядъ колоній, укрѣпленій, бухтъ, изъ коихъ каждая можетъ служить базой. Поэтому у Англіи флотъ одинъ, который она можетъ перебрасывать, куда хочетъ. Къ тому же стремятся Германия и Франція съ ихъ остановками въ Африкѣ, въ Азіи, въ Австраліи и на островахъ Великаго Океана. Для насъ же задача вдвое труднѣе и второе, если считать расходы на черноморскій флотъ. Соединенныя Штаты могутъ позволить себѣ роскошь двухъ флотовъ—они для этого достаточно богаты. Мы не можемъ.

Флотъ, говорятъ, нуженъ не только для нападеній, не только для сраженій въ открытомъ морѣ, но и для защиты береговъ.

И на это отвѣчаетъ „Новое Время“ совершенно правильно. Въ статьѣ „Армія и флотъ“, въ № 11.354, оно доказываетъ, что для защиты береговъ нужныѣ крѣпости, нежели флотъ. Примѣръ Портъ-Артура доказываетъ, что подъ руководствомъ такого генерала, какъ Стессель, и то крѣпость продержалась около года. А стояла она, если не считать нелѣпой постройки Дальяго, нѣсколько милліоновъ. Такъ не лучше ли вмѣсто флота по берегамъ Великаго океана и Балтійскаго моря построить нѣсколько первоклассныхъ крѣпостей, да нѣсколько миноносцевъ и подводныхъ лодокъ, нежели цѣлые флоты?

Итакъ, флотъ намъ не нуженъ. Второе положеніе, которое защищаетъ „Новое Время“, то, что мы и не можемъ его имѣть. У насъ нѣтъ науки; офицеры доказали свою несостоятельность; матросы ненадежны. Къ чему при этихъ условіяхъ намъ расходовать сотни милліоновъ, чтобы все это богатство прахомъ пошло въ первую серіозную войну?

Доказавъ невозможность для насъ сдѣлаться морской державой и бесполезность этой затѣи, авторъ статьи переходитъ къ тому, что у насъ дѣлается... Но лучше предоставимъ ему самому слово:

„Даже программа судостроительства—краеугольный камень въ постройки флота—невольно останавливаетъ на себѣ удивленное вниманіе своей безжизненностью и непонятнымъ влеченіемъ къ новой Цусимѣ. Мы не будемъ уже говорить, что новыя суда русскаго флота, какъ „Баянъ“, „Паллада“ и „Адмиралъ Макаровъ“, представляютъ изъ себя типы судовъ устарѣвшихъ уже 10 лѣтъ назадъ: что „Павелъ I“ по своему вооруженію и бронированію займетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ среди новѣйшихъ броненосцевъ; что наши суда строятся въ 2 и 3

раза дольше, чѣмъ въ Японіи и соотвѣтственно хуже,—что давно обратилось въ нормальное явленіе“...

Затѣмъ авторъ переходитъ къ нелѣпой затѣѣ, уже приводящейся въ исполненіе, постройки для Амура на 20 милліоновъ рублей канонерскихъ судовъ съ броней. На счетъ ихъ трогательно сошлись „Рѣчь“ и „Новое Время“, доказывая, что онѣ ни на что не нужны и въ случаѣ войны будутъ потоплены. „Новое Время“ называетъ эти канонерки—годными пугать часекъ...

Авторъ статьи переходитъ къ тому, что у насъ уже рѣшили бросить десятки милліоновъ на постройку броненосцевъ громадныхъ размѣровъ, типа знаменитаго англійскаго Dreadnought. Два изъ нихъ будетъ строить Балтійскій заводъ. Остатокъ постройки—не менѣе четырехъ лѣтъ. Цена каждого болѣе 20 милліоновъ.

„И вотъ черезъ нѣсколько лѣтъ мы увидимъ пару чудовищныхъ по своимъ стоимостямъ... и бесполезности судовъ... къ тому времени уже устарѣлыхъ по непреложному закону русскаго судостроительства“...

Такъ пишетъ нововременскій писатель, очевидно хорошо знающій дѣло. Не больше всего поражаетъ слѣдующая фраза статьи: „Правда, намъ готовы заграницей ссудить милліарды и на него построить въ пять лѣтъ какой угодно флотъ“...

„Новое Время“ зря такихъ вещей не пишетъ: оно слишкомъ близко къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ зимуютъ раки. Къ тому же Освѣдомительное Бюро этого извѣстія не опровергло.

Тутъ прямо оторопь беретъ: неужели ужъ и деньги нашли? Цѣлый милліарды! Да въдь это ужасно! Бѣдная конституціонная Россія съ ея правой душой, правыми министрами и разбитыми иллюзіями!...

Когда старину высокіе бюрократы совершали преступленія по должности, то таковыя почти всегда оставались безнаказанными и влекли за собою назначеніе членомъ государственнаго совѣта. Всякій скандалъ заглушался: этого требовала „честь мундира“. Когда министръ путей сообщеній Кривошеинъ былъ уволенъ изъ министерствъ со службы въ простую отставку безъ назначенія въ государственный совѣтъ, вся бюрократія дивилась строгости государя. Преданы забвенію были въ громадномъ большинствѣ случаевъ преступленія большихъ и маленькихъ чиновъ въ японскую войну. И вдругъ дѣло Гурко всплыло наружу, послужило предметомъ обсужденія для печати, довело его до суда и до обвиненія по суду! Это одна изъ несправедливостей, которой мы обязаны мимоletнему освободительному движенію, и которая теперь оказалась бы невозможной.

Это дѣло подняла опять таки печать! (Теперь это окончилось бы тысячерублевымъ штрафомъ для редактора, а тогда судебнымъ процессомъ для героя дѣла). Дѣло было связано съ продовольствіемъ для голодающихъ; ожидалась вторая дума; отмолчаться было нельзя, какъ отмолчались по другому, тоже хлѣбному обвиненію, брошенному тѣмъ же Александромъ Стаховичемъ.

Гурко—товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ—личность, сильно выдвинувшаяся въ эпоху освободительнаго движенія, какъ одинъ изъ его укротителей. Впервые онъ прославился въ первой думѣ, когда съ министромъ земледѣлія Стшинскимъ выходилъ поучать депутатовъ по аграрному дѣлу. Много прошло на этой каюдрѣ бюрократовъ, и всѣ они, начиная съ Горемыкина, всегда держали себя холодно, сухо, но безусловно прилично-корректно. Чѣмъ другимъ, а внѣшностью нашихъ министровъ не попрекнешь. Исключеніе составлялъ Гурко: памятна его небольшая фигурка, развязно до неприличія переминавшаяся съ ноги на ногу, облакачивавшаяся то направо, то налево, его гнусавый, громкій голосъ, его надменный тонъ учителя съ ученикомъ; памятно колоссальное невѣжество, которое онъ проявлялъ въ своей рѣчи по тому самому аграрному во-

просу, спеціалістомъ по которому онъ являлся. Гурко считался однимъ изъ устоевъ истинно русскихъ людей отъ Грингмута, Восторгова и Шмидта.

И вдругъ такое разоблаченіе: Гурко, ни съ кѣмъ не совѣтуясь, не доложивъ министру, не сообщивъ продовольственному совѣщанію, сдать поставку нѣкому Лидвалю, спеціалисту въ области очень далекой отъ хлѣбной, причѣмъ выдалъ ему восемьсотъ тысячъ рублей авансомъ. Лидваль оказался несостоятельнымъ, и казна потерпѣла болѣе милліона убытка. Несмотря на это, г. Гурко до послѣдней минуты оставался товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, получая жалованіе. Дѣло продовольствія только потому не особенно пострадало, что у правительства хватило рѣшимости, отрѣшивши г. Гурко отъ продовольственного дѣла, порвать немедленно съ Лидвалемъ, несмотря на его просьбы и совѣты Гурко дать ему отсрочку на мѣсяць или на два.

Въ результатѣ долгая процедура отдачи Гурко подъ судъ. Въдъ товарища министра отдать подъ судъ не такъ-то легко: на это нужно опредѣленіе сената, да еще согласіе государственнаго совѣта. Наконецъ Гурко подъ судомъ: въ министерскомъ мундирѣ онъ сидитъ передъ судомъ сенаторовъ съ сословными представителями—такъ судятъ особъ третьяго класса. Предсѣдательствуетъ сенаторъ Кузьминскій, производившій сенаторскія ревизіи въ Баку и въ Одессѣ по случаю армянскаго и еврейскаго погромовъ, дипломатъ, по теперешнему времени стойкій сенаторъ, заслужившій названіе измѣнника отъ союза русскаго народа за то, что не вполнѣ обѣщавъ одесскаго градоначальника, нынѣ тоже сенатора Нейдгарда.

За недостаткомъ мѣста, мы не станемъ вдаваться во всѣ подробности дѣла и ограничимся указаніемъ главныхъ сторонъ процесса.

Что та ое Лидваль? Бывшій портной, затѣмъ торговецъ ватерклозетными принадлежностями, антрепренеръ кафе-шантана съ пѣвчичками и карточной игрой на нижегородской ярмаркѣ; онъ же—поставщикъ въ Нижнемъ-Новгородѣ хлѣба для голодающихъ, причѣмъ, по свидѣтельству нижегородскаго губернатора Фредерикса, подрядъ исполнилъ хорошо, хотя съ опозданіемъ. Несмотря на всѣ эти занятія, Лидваль человекъ бѣдный,—и это говоритъ оберъ-прокуроръ сената Кемпе,—и Гурко, и всякій могъ бы узнать отъ любого дворника того дома, гдѣ Лидваль жилъ.

Тутъ приходится сказать два слова о Фредериксѣ и его отношеніи къ Лидвалю. Та же нескромная свободная печать обвинила Фредерикса въ корыстныхъ сношеніяхъ съ Лидвалемъ по дѣлу кафешантана и хлѣбной поставки. Тутъ обнаружались даже денежные переводы Фредериксу за границу отъ Лидваля. Баронъ Фредериксъ сначала, конечно, много писалъ о чести своей и своихъ предковъ, всѣхъ привлечь къ суду, но былъ отданъ сенатомъ подъ судъ не только за превышеніе и бездѣйствіе власти, какъ Гурко, но и за лихоимство. Теперь этотъ баронъ, вызванной по дѣлу Гурко въ судъ, не явился за неврученіемъ повѣстокъ.

Вотъ этому то Лидвалю и отдается многомилліонная поставка хлѣба для голодающихъ безъ соблюденія должныхъ формальностей. Главнымъ образомъ нарушены были двѣ „формальности“. Не собрано справокъ о Лидвалѣ: дѣло объ этомъ подрядѣ не разсматривалось въ особомъ совѣщаніи съ участіемъ земскихъ дѣятелей и не докладывалось министру. Обнаружена удивительная снѣшка: все обдѣлано, до выдачи денегъ включительно, въ два дня.

Объяснять все дѣло передъ судомъ сената Гурко такъ же самоувѣренно и надменно, какъ нѣкогда говорилъ въ думѣ—это свидѣлствуютъ очевидцы.

Я, говоритъ онъ, не держался буквы закона, а соблюдать его духъ. Я торопился, а потому и не соблюлъ формальностей. Да, я люблю и уважаю дворниковъ и всякую полицію (слушайте, молъ, истинно-русскіе люди!), но зачѣмъ мнѣ было наводить справки у дворниковъ, когда я имѣлъ свидѣтельство губернатора Фредерикса?

Относительно Лидваля Гурко не пришло въ голову навести справку на биржѣ, или это отняло бы много времени, а о кредитоспособности Международнаго банка (!!) онъ успѣлъ навести официально справку, когда черезъ него надо было переводить деньги тому же Лидвалю. Неправда ли, характерно? Относительно передачи дѣла въ совѣщаніе помощникъ Гурко по продовольственнымъ части Литвиновъ ему говорилъ и получилъ отвѣтъ: „лишнее“. Въдѣлѣ сомнѣній можно было созвать экстренно. Или это противорѣчило духу закона?

Перейдемъ къ побужденіямъ, заставившимъ Гурко такъ безцеремонно поступать съ казенными милліонами? Взятка, какъ у Фредерикса? Нѣтъ, этого изъ дѣла не видно, если подъ взяткой понимать только деньги. И Родичевъ, бросившій въ думѣ по адресу Гурко слово „воръ“, не могъ бы подкрѣпить эти фактическими данными. Вообще взятки чаще берутся и предлагаются, нежели раскрываются.

Но въ дѣлѣ Гурко было другое. Въ судѣ въ качествѣ свидѣтелей приглашались: Эстеръ, портниха съ Невского, которой приписывается болѣе дѣятельность устроительницы великосвѣтскихъ свиданій, нежели шитье платьевъ, г-жа Сытова содержательница хора пѣвчихъ въ Акваріумѣ, пѣвчиха Духовская, разные дворники, горничныя „этихъ дамъ“... Г-жа Эстеръ принимала Гурко (!!) и была знакома съ Лидвалемъ, когда онъ еще былъ портнымъ, но свиданій между ними не устраивала. За пѣвчихой Духовской Гурко ухаживалъ въ отдѣльных кабинетахъ, куда приглашалась и г-жа Сытова...

Это интимныя дѣла Гурко, и мы не стали бы въ нихъ копаться, тѣмъ болѣе, что кто изъ ихъ брата—важнаго бюрократа—передъ Богомъ не грѣшенъ? Но зачѣмъ тутъ переплетается съ его именемъ имя Лидваля? Дѣло перестаетъ быть только интимнымъ. Горничная, дворники показываютъ, что въ день сдачи подраба Лидвалю г-жа Сытова получила громадныя суммы денегъ... Такъ значить вотъ кто получилъ взятку деньгами? за знакомство? И не объясняетъ ли это торопливость Гурко?

Съ другой стороны, нельзя же безпрекословно вѣрить сплетнямъ горничныхъ! Но тутъ мы руководствуемся болѣе психологическими соображеніями, нежели юридическими. Сенатъ, государственный совѣтъ—всѣ эти инстанціи, черезъ которыя проходило дѣло Гурко въ предварительной своей фазѣ, вѣдъ всякаго сомнѣнія къ нему были расположены, смотрѣли на него, какъ на жертву освободительнаго движенія, жертвовали имъ, скрѣпя сердце. И мы убѣждены, что если бы подъ этими визитами Гурко къ Эстеръ и въ Акваріумѣ не крылось ничего Лидвальскаго, то, повѣрите, всѣ эти пѣвчихи и эксплуататорши ихъ не были бы привлечены къ дѣлу.

Посмотрите, напримѣръ, показанія министровъ: какой дружбой они дышатъ по отношенію къ обвиняемому:

Стишинскій, соратникъ Гурко по думѣ, объясняетъ, что передавать дѣло въ совѣщаніе онъ не былъ обязанъ. Г. Гурко—добавляетъ Стишинскій—исключительно талантливый, энергичный человѣкъ, дѣятельность котораго заслуживаетъ полнаго уваженія.

Шванебахъ, бывшій государственный контролеръ, оказавшійся слишкомъ правымъ для „либеральнаго“ нынѣшняго министерства, тоже сказалъ, что внести дѣло на обсужденіе совѣщанія „формально“ закономъ не требовалось.

Премьеръ Столыпинъ далъ слѣдующій отзывъ. Гурко—даровитый, талантливый, работоспособный человѣкъ, безукоризненной честности. Выдачу авансомъ крупнои суммы Лидвалю премьеръ находитъ неосмотрительной.

Естественно было, послѣ такихъ компетентныхъ свидѣтелей и ихъ отѣнковъ не только дѣйствія Гурко, но и его личности, ожидать оправдательнаго приговора. Тѣмъ не менѣе Гурко признанъ виновнымъ. Правда, статья о превышеніи власти можетъ повлечь за собою даже ссылку, но г. Гурко подвергся болѣе мягкому наказанію, даже самому легкому, какое по этой статьѣ полагается. Онъ исклю-

ченъ со службы безъ права поступленія вновь въ теченіе трехъ лѣтъ. А черезъ три года онъ можетъ занять постъ не только товарища министра, но и министра.

Не надо забывать, что правило, кажущееся очевиднымъ, что отвѣтственность высшихъ за одно и то же дѣло должна бы быть больше, нежели отвѣтственность низшихъ, съ бюрократической точки зрѣнія, примѣняется какъ разъ обратно. Латинская поговорка: *Quod licet jovi non licet bovi* понимается буквально.

Поэтому мы понимаемъ „Новое Время“, которое, отражая взгляды известной части правительственныхъ сферъ, находить наказаніе очень суровымъ. Черносо-тенныя изданія видятъ во всемъ этомъ дѣлѣ интригу либераловъ, а Гурко и даже Лидваля изображаютъ жертвами.

Надо думать, что на этомъ дѣло не окончится. Оно вѣроятно будетъ об-жаловано или пайдется другой какой-либо выходъ, но во всякомъ случаѣ трудно предполагать, чтобы дѣло кончилось даже такимъ, на взглядъ обыкновенной публики, снисходительнымъ приговоромъ. Все за это говоритъ: и шумъ, поднятый вокругъ жертвы освободителей союзомъ русскаго народа, и свидѣтельства его друзей, и наконецъ его признанія въ любви, обращенныя къ дворникамъ... И чего добраго, изъ всего этого дѣла Гурко выйдетъ не только обѣденнымъ, но и съ чувствомъ оскорбленной невинности и гордо поднятой головой... Въдъ періодъ освободительнаго движенія кончился на много лѣтъ...

Пропозволь тѣмъ страшень, что онъ границъ не знаетъ. Влестящій при-мѣръ безбрежности произвола мы имѣемъ въ недавнемъ административномъ оштрафованіи въ Тамбовѣ губернаторомъ Муратовымъ присяжнаго повѣреннаго Шатова. На богатаго тамбовскаго помѣщика Петрово-Солова, брата депутата третьей думы, готовилось покушеніе, своевременно предотвращенное. Одинъ кре-стьянинъ былъ по этому дѣлу арестованъ и отданъ подъ судъ. Въ обвинитель-номъ актѣ значилось, что онъ на предварительномъ слѣдствіи признался. Но на судѣ онъ отъ своего признанія отказался, объяснивъ, что былъ вынужденъ брать на себя вину вслѣдствіе побоевъ, которымъ подвергся со стороны полиціи. Правда ли это, вѣтъ ли, но его защитникъ Шатовъ на этомъ построилъ свою защитительную рѣчь, яркими красками нарисовавъ картину истязаній, къ кото-рымъ полиція прибѣгала съ цѣлью выманить признаніе обвиняемыхъ. Это ока-залось настолько убѣдительнымъ для суда, что обвиняемый былъ оправданъ.

Губернатору Муратову, требовавшему, чтобы непременно былъ виновный, это оправданіе показалось чуть ли не обидою, и для поддержанія своего престижа онъ, на основаніи положенія объ усиленной охранѣ, оштрафовалъ Шатова на пять-сотъ рублей за возбужденіе населенія противъ администраціи ложными извѣстіями. Но этимъ легкомысленнымъ поступкомъ губернаторъ Муратовъ поставилъ себя въ невозможное положеніе къ вѣдомству юстиціи, въ вѣдѣніи котораго находятся присяжные повѣренные, и штрафъ съ Шатова былъ снятъ, что конечно въ на-стоящее время является прямо чѣмъ-то необычайнымъ.

Послѣ такого безтактнаго поступка губернатору оставаться на мѣстѣ врядъ ли удобно, и онъ самъ вѣроятно по меньшей мѣрѣ попроситъ перевода. Но это лишь предположеніе...

Отъ редакціи.

Въ виду необходимости, для ускоренія выхода журнала, выпустить думу, книгу, мы просили автора дополнить обзорніе свѣдѣніями за ноябрь.

Первые шаги третьей Думы.

Наконецъ открылась третья дума, дума благонамѣренная, „дума русская“, дума барская... Открылась при всеобщемъ молчаніи, безъ малѣйшаго подъема духа въ населеніи, безъ волненій, какъ безъ успокоенія!.. Точно народа думы не существуетъ! Народъ молчитъ: гдѣ наказы? гдѣ крики на улицахъ: „газетъ“, „газетъ“? Ничего нѣтъ подобнаго, и по прежнему читаютъ, здѣсь убитъ стражникъ, тамъ ограбленъ еврей, а тамъ нападеніе совершено на почтовый морской пароходъ или на потѣздъ. Словомъ, точно думы и нѣтъ.

Только верхніе слои въ лицѣ высшей бюрократіи, журнальнаго и политиканствующихъ слоевъ интеллигенціи жадно слѣдятъ за каждымъ словомъ, какое говорится, въ думѣ и въ партіяхъ, около думы...

Высшая бюрократія старается изо всѣхъ силъ убѣдить легковѣрныхъ людей, а главное Европу, быть можетъ, впрочемъ и себя самихъ, что перешняя третья дума въ высокой степени отражаетъ желанія всего русскаго народа. Журналисты пишутъ про думу потому, что писать то не про что, хотя и есть про что, но нельзя или, если и можно, то не такъ, какъ слѣдуетъ по правдѣ. Критиковать прошедшее нельзя, ибо критиковать можно только одну сторону—ругательную, а хвалить нельзя, ибо это запрещается и по закону и безъ закона. Будущее разрѣшается предвидѣть тоже только въ одну сторону—успокоенія... Словомъ кромѣ какъ о думѣ, писать нечего. Вотъ мы и пишемъ о думѣ, причемъ и тутъ не увѣрены, что редакторы, превратившіеся въ невыносимыхъ цензуровъ, не урѣжутъ и не исковеркають нашихъ писаній. А почему, прилѣдится имъ прощать это варварство: будь мы редакторами, мы бы то же стали бы дѣлать!...

Оказывается, впрочемъ, что и о думѣ нельзя писать всего и вездѣ. И примѣръ, въ Симбирскѣ „Волжскія Вѣдомости“ оштрафованы губернаторомъ за то, что онъ отзывъ о депутатѣ-монархистѣ Мотовиловѣ. Въ Кіевѣ запрещены митинги и цензурой (оказывается, тамъ есть такая и понинѣ, вопреки закона) редактуры на праваго депутата Проценко. Объясняется это „неприкосновенностью“ депутатовъ, какъ членовъ правительственнаго учрежденія, каковымъ стала, по думѣ, третья дума въ отличіе отъ первыхъ думъ, весьма неприкосновенныхъ. Впрочемъ и неприкосновенность у насъ однобокая только по отношенію къ швамъ, ибо депутатовъ социалистовъ Чхеидзе и Полетаева, при возвращеніи изъ прогулки по Финляндіи, задержали на вокзалѣ, да обыскали.

Мы вполне раздѣляемъ мнѣніе г. Ермолова, который, кажется, всегда былъ весьма глубокимъ и дальновиднымъ человѣкомъ, министромъ и писателемъ, что теперешняя дума не третья, а первая. Говорятъ даже, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ это сказалъ, Пуришкевичъ и Гамзѣй Гамзѣичъ иначе ее, какъ первую думой, и не называютъ. Ну, да Богъ съ ними со всѣми!..

Мы все это привели, чтобы читатель имѣлъ представленіе о томъ, въ какихъ условіяхъ дума „работаетъ“, а мы о думѣ пишемъ. Маленькіе штрихи къ тѣмъ, что тѣмъ же часто душе болѣе. Переходимъ къ краткому изложенію того, что происходило съ 1-го ноября въ Таврическомъ дворцѣ.

Собрались наши (свободно избранные) депутаты 1-го ноября. Улицы пустыньны, такъ какъ собираются въ близъ лежащихъ улицахъ строго запрещено, для чего согласно опубликованнаго приказа градоначальника былъ выданъ

варить въ 600 съ лишнимъ городовыхъ, 100 съ лишнимъ околоточныхъ съ соотвѣтствующимъ числомъ конныхъ городовыхъ и жандармовъ. Для чего это все было сдѣлано—неизвѣстно, ибо врагъ не явился, и демонстрація силъ оказалась ненужной.

Чтобы въ нѣсколькихъ словахъ освѣтить то, что дѣлалось 1-го ноября внутри думы, воспользуемся яркой характеристикой князя Евгенія Трубецкого, человека умѣреннаго, мирнообновленца. Вотъ что онъ пишетъ въ своемъ московскомъ органѣ:

„Громовые раскаты „ура“, но безъ дѣйствительнаго подъема духа, пѣнье народнаго гимна при отсутствіи національнаго чувства; „единодушное“ избраніе председателя при полномъ разномысліи, фраза о „единствѣ и цѣлости Россіи“, столь рѣзко контрастировавшая съ внутренней рознью и взаимной ненавистью собравшихся въ залѣ депутатовъ, вотъ что приходилось видѣть и слышать 1-го ноября въ Таврическомъ дворцѣ“. Прибавить къ этому нечего: кромѣ сплошной лжи мы и ожидать ничего не могли.

Когда мы пишемъ эти строки, прошло уже двѣ недѣли думской „работы“, и пока въ ней разрѣшается только одинъ вопросъ и то вполне теоретическаго характера: есть у насъ конституція или нѣтъ? Самая постановка этого вопроса можетъ показаться шуточною, излишнею. Между тѣмъ этотъ вопросъ дебатруется горячо, до потери голоса, чуть-ли не до слезъ и въ думѣ, и въ коммиссіяхъ, и въ партійныхъ собраніяхъ, и въ прессѣ, и въ обществѣ. Было у насъ 17-ое октября съ знаменитымъ манифестомъ, обѣщавшимъ и свободы и законодательный парламентъ. Затѣмъ изданы основные законы, въ которыхъ чернымъ по бѣлому написано, что безъ одобренія думы никакой законъ въ жизнь пройти не можетъ. Верховная власть этими актами себя ограничила. Дѣйствительно, по этимъ основнымъ законамъ созывались двѣ думы, требовавшія министровъ къ отвѣту: министры къ отвѣту выходили. Словомъ въ Россіи дѣйствительно конституція. Дѣйствуетъ она и теперь, хотя третья дума созвана по закону 3-го іюня, вопреки основнымъ законамъ. Но даже Суворинъ называлъ законъ 3-го іюня государственнымъ переворотомъ. А разъ законъ, изданный вопреки основнымъ законамъ, есть государственный переворотъ, то тѣмъ самымъ существовала и нарушенная конституція. Но нарушеніе конституціи, происшедшее 3-го іюня, было лишь частичнымъ нарушеніемъ, съ неполной отмѣной ея. Поэтому мы и говоримъ, что у насъ конституція есть и теперь. И еслибы послѣдовалъ новый высочайшій актъ въ отмѣну части или всѣхъ основныхъ законовъ, то это было бы опять государственнымъ переворотомъ.

Это азбука государственнаго права, понятная у насъ всякому гимназисту 8-го класса, а заграничней и полуграмотному мужику.

Спорить съ этимъ было бы смѣшно и нелѣпо, еслибы за этими спорами не скрывалось нѣчто другое, что и требуетъ разъясненія.

Первый вопросъ о томъ, есть ли у насъ конституція или нѣтъ, поднятъ прессой 2-го ноября послѣ вступительной рѣчи председателя 3-ей думы Хомякова. Выбранъ онъ былъ единогласно всей думой (если не считать нѣсколькихъ „дикихъ“ шариковъ). Оппозиція голосовала искренне за Хомякова, какъ за лѣваго октябриста и за человека, извѣстнаго своей политической прямолинейностью и честностью. Она не знала, что выборы Хомякова являются результатомъ компромиса правыхъ и октябристовъ. Правые хотѣли перетянуть октябристовъ на свою сторону во избѣжаніе мало-вѣроятнаго, но все-таки возможнаго блока октябристовъ съ лѣвыми. Къ тому же правымъ желательно было выторговать себѣ побольше мѣстъ въ президіумѣ. Октябристамъ же было чрезвычайно важно провести своего человека въ председатели по возможности единодушно. На этой почвѣ и состоялось соглашеніе правыхъ съ октябристами. Впервые проявилось оно въ дѣйствительно единодушномъ избраніи Хомякова. Но не прошло и десяти минутъ послѣ того, какъ результатъ этого голосованія былъ объявленъ; какъ

оппозиціи пришлось горько разочароваться въ томъ, что она отдала Хомякову. Его вступительная рѣчь была такова, что подъ нею могъ бы сѣсть самъ Пуришкевичъ! Надо признаться, что рѣчь была не изъ удачныхъ. Начиналась она поддѣлкой подъ русскій жанръ:

„Поклонъ Государственной думѣ!“ При этомъ председатель низко наклонился думѣ. Затѣмъ была пущена стрѣла въ окраины и инородцевъ въ фразы о „свѣтлой будущности великой, единой и нераздѣльной Россіи“. Затѣмъ было говорить о единствѣ Россіи, противъ которой не возстаютъ не только дети, но и социаллисты? Очевидно единство тутъ противопологалось автономіи, которая въ дѣйствительности единству не противорѣчитъ. Непонятно обращеніе Хомякова къ думѣ на вы: „вы пришли сюда“... „съ второй въ васъ!“... „Вамъ въ помощь, господа!“... Всѣ эти выраженія, которыя не къ лицу председателю, избранному изъ того же состава думы. Почему не сказать было:

Но главное не въ томъ. Главное въ томъ, что онъ даже не произнесъ слова „конституція“, не упомянулъ даже объ актѣ 17-го октября! Въ первой и второй думѣ, Муромцевъ и Головинъ напирали на конституціонность строя; въ третьей Хомяковъ ее предвѣстительно замалчиваетъ.

Его сторонники—октябристы объясняли это умолчаніе тѣмъ, что рѣчь была на предварительномъ обсужденіи октябристовъ и правыхъ, причемъ правые сдѣлали условіемъ блока именно умолчаніе о конституціи. Хорошо! Но не вышло ли мы спросить, насколько такой компромиссъ этиченъ для политической жизни? Въдѣ октябристы имѣютъ весьма приличную программу. Они отъ нея не отказались и продолжаютъ выступать подъ конституціоннымъ флагомъ 17 октября. Но это возражаютъ, что мало ли у кого что въ программѣ, отъ чего приходится отказываться въ виду реального соотношенія силъ. Пусть такъ, пусть и кадеты держатся тактики гораздо болѣе правой, нежели ихъ же программа—но нельзя ужасно себя парти отказывать отъ основъ, во имя которыхъ люди сгруппировались. А эти основы октябристовъ—17-е октября, конституція, свобода! Если на словахъ надо ихъ держать! иначе это значитъ обезличиться, отказаться отъ себя! Неужели не сознавали этого октябристы и Хомяковъ? Компромиссу есть извѣстный предѣлъ; иначе грани не будетъ между Пуришкевичами и Хомяковыми. А этотъ путь опасный для Хомяковыхъ.

Еще болѣе отшатнуло отъ октябристовъ оппозицію дальнѣйшее избраніе президіума. Въ товарищи председателя избраны членъ союза русскаго народа князь В. М. Волконскій, шацкій уѣздный предводитель дворянства, и баронъ Мейндорфъ, октябристъ, юристъ, приватъ-доцентъ университета. Изъ нихъ первымъ товарищемъ, замѣстителемъ Хомякова—князь Волконскій, человекъ, который словно никогда ничѣмъ не выдававшийся и врядъ ли имѣющій выдаться въ будущемъ. Секретаремъ избранъ Сазоновичъ, хотя и профессоръ Варшавскаго университета, но болѣе извѣстный скандаломъ, учиненнымъ во второй думѣ вмѣстѣ съ Пуришкевичемъ и Келеповскимъ (за что всѣ трое были выведены изъ думы). Нежели своей профессурой. Старшимъ помощникомъ секретаря, единственнымъ имѣющимъ право голоса въ президіумѣ, избранъ опять таки правый—Замысловскій. Такимъ образомъ, въ президіумѣ оказалось два октябриста: Хомяковъ и Мейндорфъ и три правыхъ: Волконскій, Сазоновичъ, Замысловскій. Большинство на сторонѣ правыхъ! Такъ понимаютъ господа октябристы компромиссы! Минуту торжества при счетѣ шаровъ Хомякова они отдали большинство правымъ и дали себя обезличить.

За кулисами октябристской игры оказались удивительныя дѣла. Гучковъ проявилъ себя полновластнымъ диктаторомъ, причемъ нѣкоторыя подробности приглашенія были рѣшены имъ съ представителями правыхъ даже безъ опроса октябристской фракціи. Любопытно, что лидеры октябристовъ и правыхъ другъ другу не были настолько, что скрѣпили свое рѣшеніе актомъ и подписями. Гучковъ

октябристовъ своею подписью. Фракція оказалась настолько покорной своему вождю, что пошла за нимъ, несмотря на пренебрежительное его къ ней отношеніе.

Компромиссъ съ правыми, съ одной стороны, самодержавіе Гучкова, съ другой, показались невыносимыми нѣсколькимъ лѣвымъ октябристамъ, которые отказались отъ фракціи и пристали къ фракціи объединенныхъ мирнообновленцевъ и прогрессистовъ. Назовемъ изъ числа ихъ Хвощинскаго, Антонова, В. Комсина...

Рѣчью Хомякова не окончился вопросъ о русской конституціи. Это было только начало. Первымъ вопросомъ, поднятымъ правыми, былъ адресъ Государю Императору. Выбрали для составленія его комиссію изъ 18 человекъ: 6 октябристовъ, 6 лѣвыхъ, 6 правыхъ. Текстъ составили октябристы, но онъ не удовлетворялъ ни правыхъ, ни лѣвыхъ, ибо не заключалъ въ себѣ ни слова „самодержавіе“, ни слова „конституція“. 6 лѣвыхъ требовали вставить конституцію и встрѣчали отпоръ остальныхъ двѣнадцати. Такимъ же образомъ оставались въ меньшинствѣ 6 правыхъ съ требованіемъ включить самодержавіе. Спорили долго, чуть ли не до слезъ. Залотѣли было октябристы всѣхъ помприть и обратились съ такою рѣчью къ остальнымъ: вы хотите непременно конституціи? а вы непременно самодержавія? Извольте, мы согласны и съ вами, и съ вами — вставимъ и то и другое! Но увы! и на это не пошли ни правые, ни лѣвые, требовавшіе отъ октябристовъ, чтобы они выбрали или одну форму правленія или другую...

Наконецъ выработана была редакція безъ самодержавія и безъ конституціи, но гдѣ новый строй описывался подробно со всѣми конституционными признаками. Такъ въ адресѣ говорилось про „права народного представительства, упроченныя основными законами Имперіи“ и про „обновленный манифестомъ 17-го октября государственный строй“. Эта редакція и была предложена думѣ, которая обсуждала ее съ 11 часовъ утра до часу ночи. Говорило 60 ораторовъ, причемъ кадеты требовали конституціи, правые самодержавія, а октябристы поманиловски хотѣли все примирить.

Кончилось тѣмъ, что кадеты послали пословъ октябристамъ, обѣщая отказаться отъ слова конституція и удовлетвориться ея описаніемъ, если октябристы провалятъ самодержавіе. Октябристамъ открылась перспектива выйти побѣдителями и провести свой адресъ безъ поправокъ. А потому они на этотъ разъ вынали напечатыванію слѣва: самодержавіе провалилось, и правые демонстративно ушли; кадеты добровольно отказались отъ конституціи, устроивъ такъ, что адресъ прошелъ единогласно. Кромѣ непримиримыхъ правыхъ, отъ голосованія воздержались социаль-демократы, не принимавшіе никакого участія въ обсужденіи адреса, трудовики, заявившіе, что они стоятъ на почвѣ адреса первой думы объ амнистіи и свободахъ, и поляки, поправка которыхъ о правахъ національностей была отвергнута...

Въ концѣ засѣданія ночью всѣ почему-то начали кричать „ура“. Получилась сцена вродѣ той, которую описалъ кн. Трубецкой 1-го іюня. Рѣшеніе думы отказалось единодушнымъ при воздержаніи отъ голосованія обоихъ крылъ парламента и при наличности 256 депутатовъ изъ общаго числа въ 442 чел. Торжество лѣвыхъ и злоба правыхъ не поддаются описанію...

А главное, кто намъ и теперь отвѣтитъ на нашъ вопросъ, что у насъ: самодержавіе или конституція? Ясно, что вопросъ не подвинулся ни на одинъ шагъ, несмотря на массу потраченныхъ на него времени и силъ. Оно и понятно: вѣдь не важно, что о конституціи думаетъ та или другая партія. Важно то, что думаетъ объ этомъ само правительство, у котораго власть въ рукахъ. Одна газета вложила въ уста министра фразу о томъ, что у насъ есть конституція. На другой день появилось опроверженіе Освѣдомительнаго Бюро, что никогда министръ этой фразы не произносилъ. Тутъ не важно, произносилъ ли министръ эту фразу или

нѣтъ, а въ высокой степени важно, что министерство черезъ военнаго бюро считаетъ нужнымъ это опровергать. Стало быть, есть ли у конституціи, нѣтъ ли, но официально про нее не говорится и даже говорить нелагается. Положеніе это въ высокой степени оригинальное и врядъ ли кому-нибудь подыскалъ прецедентъ. Есть примѣръ обратнаго въ Турціи. Конституція нѣтъ на бумагѣ, а на дѣлѣ ея нѣтъ. Это понятно, ибо всякому пріятно лучше, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ. Но и обратное все-таки объ снимо.

Дѣло въ томъ, что конституція есть результатъ соотношеній силъ. Государственная власть на землѣ старается увеличиться и боится ограниченія. Это свойство власти, а потому естественно. Даже когда мы видимъ какъ бы самоограниченіе власти, напр., людей, отказывающихся отъ права жизни и смерти надъ соими жепами—то и тутъ это самоограниченіе является результатомъ сознанія, что такая власть по той или иной причинѣ, хотя бы нравственнаго свойства, должна быть имъ, носителямъ ея.

Возьмите императора Вильгельма и спросите его по душѣ, желать ли онъ возстановленія самодержавія — конечно желать бы! Но онъ этого не можетъ добиться, зная, что этого не можетъ, хотя и натъ гиваетъ струны на столько, насколько это является возможнымъ при данномъ соотношеніи силъ. Соотношеніе силъ еще бѣе противъ короля Эдуарда, и вотъ мы видимъ въ Англіи парламентаризмъ и почти что полное народовластіе. Конечно у англійскаго короля м гутъ быть и другія соображенія моральнаго свойства о необходимости конституціонности, но вѣдь въ соотношеніи силъ входятъ и нравственныя силы, являющіяся результатомъ высокой культуры.

У насъ, послѣ пережитой грозы, законный порядокъ (такой или иной) еще не возстановленъ. Силы еще не достаточно взвѣшены. А потому еще нельзя съ увѣренностью сказать, какой строй укрѣпится прочно на года и десятилѣтія. По этому правая кричитъ: „самодержавіе“, лѣвая кричитъ „конституція“, а въ действительности мы пока имѣемъ самое октябристское, и ужъ весьма самобытное конституціонное самодержавіе или самодержавную конституцію, а то еще болѣе самобытный строй: ни того, ни другого!

Всякое предсказаніе на этой почвѣ будетъ очевидно простымъ гаданіемъ, а потому мы отъ такового воздержимся.

Ничего не выяснивши относительно существующей у насъ формы правленія, дума теперь имѣетъ приступить къ „работѣ“ *). Въ чемъ эта работа будетъ заключаться, покажетъ скорое будущее. А пока мы должны отмѣтить тѣ измѣненія, которыя произошли въ группировкѣ и распредѣленіи думскихъ партій.

При голосованіяхъ лѣвая опредѣлилась въ 150—160 человекъ. Съ отъ

*) Въ настоящее время, когда эта статья посылается въ наборъ, многое уже выяснилось, такъ какъ опубликована правительственная декларация, въ думѣ П. А. Столыпинымъ. Она „пронизываетъ“, — пишетъ „Товарищъ“, — впечатлѣніе не только изложенія программы, но и намѣреннаго отвѣта на пренія и постановленія думы 13 ноября. Въ контрастѣ со смысломъ всѣхъ рѣчей октябристовъ и даже умѣренно-правыхъ (и конечно, лѣвыхъ ихъ), исходившихъ отъ манифеста 17 октября, въ декларациіи объ этомъ государственномъ актѣ вовсе не упомянуто. Трудно допустить въ этомъ случайность, тѣмъ болѣе, что вся начертанная будущая программа дѣйствій правительства проникнута жесткимъ тономъ и угрозами. Если правительство продолжаетъ признавать народное представительство, то оно же напоминаетъ ему объ „исторической самодержавной власти“, „свободная воля которой, создавъ существующія установленія и охраняя ихъ, призвана, въ минуты потрясенія и опасности для государства, къ спасенію Россіи и обращенію ея на путь порядка и истинной правды“.

Остается, стало быть, теперь ждать дальнѣйшихъ результатовъ.

Редакция.

сутствующими и присоединившимся всѣми наберется 180. Распредѣляются они такъ: 35 социалъстовъ, изъ коихъ 17 социаль-демократовъ и 18 трудовиковъ съ примыкающими къ нимъ. Кадетовъ съ кадетующими и націоналистами - поляками и мусульманами — 100 и человекъ 35 объединенныхъ въ одну группу мирно-обновленцевъ и прогрессистовъ. (Вотъ до чего мы дошли, что и мирнообновленцы въ рядахъ оппозиціи).

Трудно провести грань между октябристскимъ центромъ и правой, такъ мало отличаются правый октябристъ отъ такъ называемаго «умѣреннаго праваго». Тѣмъ не менѣ октябристовъ партійныхъ послѣ отпаденія нѣсколькихъ человекъ влѣво считается 140, да крайнихъ правыхъ съ «умѣренными» 120. Дѣло въ томъ, что эти правые разбиты на двѣ группы: крайнихъ правыхъ, открыто заявляющихъ себя сторонниками самодержавія въ числѣ человекъ 60 и 60 же умѣренныхъ съ Крупенскимъ и Бобринскимъ во главѣ. По этимъ именамъ чистѣйшихъ черносотенцевъ можно судить объ «умѣренности» умѣренныхъ и о томъ насколько можно вѣрить въ провозглашаемую ими конституціонность. Крайніе правые дѣлятся въ свою очередь на нѣсколько группъ: союза русскаго народа, оранинаго союза, имѣющаго специальную цѣль борьбы съ инородцами по въ дѣйствительности они представляютъ одно цѣлое подъ руководствомъ Пуришкевича и арміея Митрофана. Тутъ же большинство многочисленнаго думскаго духовенства, такъ удивительно стѣлающагося отъ немногихъ священниковъ первыхъ двухъ думъ. Теперешніе священники выбраны землевладельцами, прежніе — народомъ...

Въ общемъ прежнее дѣленіе на три болѣе или менѣ равныя части остается, и теперь такъ, что все въ рукахъ октябристовъ. Все поэтому неопредѣленно, какъ неопредѣленны октябристы *).

Александръ Новиковъ.

*) Одно слово о Шмидѣ. Онъ захотѣлъ пристать къ октябристамъ — его не приняли въ фракцію. Онъ сталъ толкаться къ правымъ и тѣ его не приняли, предложивъ прежде очиститься отъ обвиненія въ измѣнѣ. Повидимому при повѣркѣ его правъ всей думой, его выборы будутъ касированы и званіе депутата будетъ признано несовмѣстимымъ съ государственной дѣятельностью.

II. Иностранная хроника.

Положеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ.—Процессъ Мольте—Гардена—политика Германіи.

Чѣмъ болѣе вдумываешься въ злосчастную нашу иностранную политику послѣдніе годы, тѣмъ досаднѣе становится за ту роль, которую играла Россія въ мировой исторіи, въ сравненіи съ той, которую она же играла втеченіи предъидущихъ десятилѣтій. Что насъ тянуло въ Портъ-Артуръ и на Ялу, какъ не грубое любостыжаніе нѣсколькихъ высокопоставленныхъ лицъ? Чѣмъ могло любостыжаніе прикрыться, какъ не другимъ почти столь-же грубымъ чувствомъ стремленія къ захвату новыхъ громаднѣхъ пространствъ плохо лежащей въ Манджуріи и въ Корей? Спасали ли мы кого? Нѣтъ, мы поработали! Наше поражение не могло ни въ комъ вызвать чувства сожалѣнія или симпатій, оно не заслуживаетъ этихъ чувствъ простое насиліе. Врядъ ли въ самой Россіи могло въ комъ либо, кромѣ Безобразова, Абазы e tutti quanti остаться чуждыми ненависти или злобы противъ Японіи: такъ чувствуется всѣми, что мы сами виноваты! Tu l'as voulu Georges Dandin.

Теперь перенесемся за тридцать лѣтъ назадъ, когда въ Босніи и Герцеговинѣ, а затѣмъ и въ другихъ славянскихъ земляхъ поднялось возстаніе противъ Турціи. Пока Россія официальная еще не рѣшалась высказаться, среди насъ происходило броженіе, объединившее различныя слои населенія, различныя партіи во имя освобожденія славянъ. Одновременно ѣхалъ въ Сербію молодой гвардіецъ-аристократъ, славянофилъ Кирѣевъ, трупъ котораго пронизанный пулями турецкими пулями, не могъ быть найденъ на полѣ сраженія, и въ Герцеговинѣ революціонеръ—земледелецъ Кравчинскій-Степнякъ, убившій шефа жандармеріи Мезенцева. Всѣхъ объединяло желаніе освободить славянъ отъ турецкаго ига! И лишь самые заядлые консерваторы (правѣ славянофиловъ!) были противъ освободительной войны.

Правда, Россія хотя и побѣдила, но скорѣе въ этой войнѣ высказала свою слабость, нежели силу, ибо ей пришлось напрячь всѣ силы въ борьбѣ съ такимъ ничтожнымъ противникомъ, какъ Турція! Но какъ бы то ни было, на сторонѣ Россіи были симпатіи лучшихъ людей. Припомнимъ Гладстона и его борьбу противъ Турокъ; припомнимъ Гарибальди, рвавшагося съ одра солѣзни на полѣ сраженія. Что бы кто ни говорилъ, война 1876—77 годовъ была война истинно геройская, война освободительная. Со временъ Олега Константинополь былъ предметомъ русскихъ вожделѣній. Когда мысль о Константинополѣ связалась съ мыслию объ освобожденіи христіанъ отъ турецкаго ига, она стала еще дороже еще симпатичнѣе. И только Юпитеръ отнимающій разумъ у тѣхъ, кого хочетъ погубить, могъ наталкивать насъ сначала на Персію и Индію, а затѣмъ на Портъ-Артуръ.

Все это мнѣ приходитъ на умъ, когда я берусь говорить о томъ, что было для насъ восточнымъ вопросомъ и что смѣнилось на дальневосточную авантюру.

Единственно возможное рѣшеніе славянскаго вопроса было то, которое имѣлось Санъ-Стефанскимъ договоромъ. Македонія и часть Фракіи отходила къ Сербіи, восточная Румелія къ Болгаріи, владѣнія, которыя должны были дойти до Солоникъ и Эгейскаго моря. Всѣ турецкія владѣнія, которыя лежали къ Константинополю и прилежащей части Фракіи съ Адрианополемъ, отходили къ Россіи, тѣмъ совершенно оторванной отъ этихъ владѣній оставались мусульманскія владѣнія у Адриатическаго моря и Боснія съ Герцоговиной, но уже автономныя.

Себѣ Россія брала такъ мало, что міръ удивился ея безкорыстіемъ! Эта война была по истинѣ освободительная!

Трудно понять, почему Европѣ, съ Англіей и Германіей во главѣ, понадобилось вмѣшаться въ это дѣло и позвать Россію на судъ Берлинскаго конгресса. Врядъ ли опасны были бы для кого бы то ни было нѣсколько болѣе обширныя Сербія и Болгарія. Но ихъ урѣзали. Боснію и Герцеговину передали во власть Австріи, навѣвъ это дипломатическимъ выраженіемъ временная „оккупация“. Но это еще польза: австрійскіе вѣмцы—не турки, на колѣ людей не сажаютъ, женъ, дочерей не насилюютъ. Не такъ страшна оказалась участь и восточной Румелии, получившей автономію и турецкаго генералъ-губернатора, и ухитрившаяся вскорѣ освободиться отъ этого генералъ-губернатора, и революціоннымъ путемъ воссоединиться съ Болгаріей. Но что совсѣмъ непонятно—это судьба Македоніи. Зачѣмъ понадобилось оставить эту несчастную страну подъ игомъ пулуиѣсаца? Въ Македоніи четыре народности: болгары, греки, сербы, кучеваляхи. Такъ неужели ихъ всѣхъ потому оставили подъ ненавистнымъ гнетомъ, что не сумѣли подѣлить страну между ними. Или боялись черезъ чуръ усилить Болгарію, присоединивъ къ ней Македонію, большинствъ населенія которой несомнѣнно болгарское? Или хотѣли какъ ни какъ умялить результаты русской побѣды, и такъ сказать проучать Россію, чтобы не зазнавалась, жертвуя для этого Македоніей?

Славянофилы рвали и металы, когда Россія пошла на берлинскій конгрессъ и тамъ вынуждена была отказаться отъ части выговоренныхъ у Турціи результатовъ ея побѣды. По ихъ мнѣнію, надо было настоять на своемъ и не подчиняться требованіямъ Виконсфильда, поддержаннымъ честнымъ маклеромъ, Бисмаркомъ. Врядъ ли они правы. Теперь, конечно, не секретъ, что дѣ турецкой войны у насъ былъ заключенъ тайный договоръ съ Австріей, подписанный въ Пештѣ. По этому договору Австрія обязывалась сохранить нейтралитетъ, который намъ былъ необходимъ, ибо не нужно быть стратегомъ, чт бы понять, какое роковое для насъ значеніе могло бы имѣть вмѣшательство Австріи, когда всѣ наши силы съ гвардіей включительно, были за Дунаемъ. За этотъ нейтралитетъ мы обязывались не вступать въ Константинополь.

Русское свойство—переоцѣнивать свои силы. Мы вѣчно всѣхъ закидывали шапками, даже когда всѣмъ ясно, что дѣло кончено. Это нелѣпое русское свойство нашихъ псевдо-патріотовъ, которые и патріатизмъ то весь видятъ въ самовосхваленіи и самовозвеличеніи, вопреки очевидности. Такъ, послѣ Портъ-Артура, Мукдена и Цусимы мы еще кричали, что Ливевичъ бы въ порошокъ стеръ японцевъ, не помѣшай ему Витте. Такъ и въ 1877 году мы негодовали на то, что не взяли Константинополя. Правда наша велемудрая дипломатія изъ всего дѣлаетъ секреты на десятки лѣтъ. Такъ подъ секретами остался и Пештскій договоръ. И теперь про существованіе его не знаютъ не только публика, но и специалисты историка, стоящіе внѣ дипломатической officialной науки господъ Мартенса и комп... Между тѣмъ, не заручись мы согласіемъ Австріи, намъ нельзя бы было воевать. Ибо, опять повторяемъ, турецкая война раскрыла лишь нашу слабость, имѣющую глубокія органическія причины. Поэтому кажутся ребяческими крики славянофиловъ о томъ, что не надо было бояться Австріи, надо было взять Константинополь, не надо было подчиняться Европѣ на берлинскомъ конгрессѣ и т. д. Все это изъ той же области переоцѣнки своихъ силъ и безбрежной самонадѣянности, такъ дорого намъ уже обошедшейся. Стоить ли говорить, что наши власти военныя и дипломатическія, конечно, не пошли бы на униженія, и не стали бы выслушивать всѣхъ упрековъ въ антипатріотизмъ, которыя на нихъ сыплются, еслибы не были въ душѣ увѣрены въ этой слабости Россіи?

Такъ или иначе Македонія осталась во власти ислама, а Европа стала заботиться о благополучіи македонцевъ. О томъ, къ чему эти заботы приводятъ, а и хотѣлъ поговорить.

Всѣ четыре македонскія народности во враждѣ между собой. Проявляется эта вражда въ особенности ярко между наиболѣе многочисленными изъ нихъ:

болгарами и греками. Политика Турціи неизмѣнно такова: политическое равновѣсіе христіанъ между собой, чѣмъ только возможно. Если въ общинѣ македонцев и мало грековъ, назначается грекъ—священникъ или грекъ—учитель, а если много грековъ, назначается болгаръ. Въ общину, большинство которой составляютъ сербы, назначаются болгары. Ясно, что при первомъ подозрѣніи падаетъ на ненавистнаго священника или учителя, и дѣло часто до убійства. А Турція тутъ какъ тутъ, чтобы водворить „порядокъ“—разъѣхъ людей выбитыхъ изъ коленъ образовалъ банды греческія, болгарскія и вырѣзывавшія болгары, и болгарскія, нападавшія на грековъ. Банды эти уживалась патриотами—выходцами изъ Греціи и Болгаріи. А туркамъ опять представлялся блестящій случай водворить порядокъ своими войсками. Турки дѣлаютъ смотря на эту игру великія державы-покровительницы Македоніи постоянно разбираютъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вопросъ: кто виноватъ? греки ли? болгары ли? сербы ли?

Дикость турокъ, обнимающихъ всѣхъ христіанъ подъ однимъ общимъ именоваіемъ „гяуровъ“, доходила по временамъ до того, что убивали русскихъ дипломатовъ. 31-го марта 1903 албанцемъ фанатикомъ убитъ русскій консулъ въ Митровицѣ Щербъ на. 8 августа того же года убитъ туркомъ жандармъ въ Монастырѣ консулъ Ростовскій.

И несмотря на все это Россія дѣлала видъ, что не понимаетъ турецкія игры: вмѣстѣ съ другими она разыскивала тайные комитеты въ Болгаріи и не старалась воздѣйствовать, а не на Турцію. Чѣмъ объяснить русское турецкое филъство, замѣнъ вишее славянофилъство? Профессіональный политикъ объяснитъ это желаніемъ Европы, съ Россіей включительно, сохранять status quo. Не трогать Турцію, надо даже поддержать „больного человѣка“ (вѣчно больного, не умирающаго), ибо при дѣлѣхъ можетъ разгорѣться всемірная война. Такъ разсуждаютъ дипломаты: Турція, моль, печальная необходимость. И подъ этимъ подписывается Россія, которая вела, навлекая на себя упреки въ донкихотство, нѣсколько освободительныхъ войнъ съ Турціей? И не правильнѣе ли другое положеніе, что освободительная война велась въ эпоху какого ни на есть прогресса, а туркофилская политика началась одновременно съ реакціей? Не ли это явленіе другого порядка изъ области сродства душъ?

Есть другое объясненіе. нельзя, моль, дать Македоніи свободы. Перестанутъ между собою греки, да болгары, да сербы, да румыны: получится погромъ не всемірный, то всебалканскій. И вотъ приходится держать Турцію роли балканскаго жандарма. Что бы сказали Аксаклы и другіе при такомъ четаніи словъ: Турція—жандармъ христіанскихъ народностей!

На этой почвѣ, какъ бы для того, чтобы подчеркнуть роль Россіи въ этомъ вопросѣ, Македонскія дѣла, по молчаливому соглашенію Европы, передаются въ руки двухъ на болѣе заинтересованныхъ державъ: Россіи и Австріи. Произошло это такъ: императоръ Николай II осенью 1903 года посѣтилъ императора Франца-Иосифа въ Мюрцштегскомъ охотничьемъ замкѣ. Тутъ 3-го октября заключено между Россіей и Австріей такъ называемое мюрцштегское соглашение, действующее до сихъ поръ. По этому договору, обѣ державы выработали проектъ реформъ для Македоніи, каковой и былъ предъявленъ Турціи для исполненія.

Какъ объяснить себѣ, что Европа перестала какъ-бы интересоваться балканскими дѣлами? Какъ Англія, такъ ревниво охранявшая Дарданеллы, двинула сепаратное соглашеніе Россіи съ Австріей? А объясняется это очень просто. Для Россіи, одну Австрію Европа ни за что не опустила бы распоряжаться Балканами, но обѣихъ вмѣстѣ—почему нѣтъ. И не былъ ли это самый удобный ходъ для сохраненія правъ Турціи? Европа понимала, что, и придя къ соглашенію, обѣ державы ни за что не перестанутъ слѣдить другъ за другомъ. Волнѣ это соглашеніе двухъ державъ еще упорчивало существующее положеніе.

Вообще предоставлять преобладающее вліяніе двумъ державамъ въ сѣверно-

Европа повидимому не боится. Взять хотя бы алхесирасскую, на которой Европа, съ Германіей включительно, охотно согласилась играть роль жандармовъ одновременно Франціи и Испаніи. Одну изъ нихъ, ни за что бы туда не допустили.

Мюрцштегское соглашеніе привело къ предъявленію требованій къ Турціи. Македоніи оставленъ прежній генералъ-инспекторъ Хильми-паша, при въ помощь ему назначены два агента, одинъ русскій, другой австрійскій (это эти два агента назначались на два года, а потомъ этотъ срокъ бытъ, конечно, продленъ). Учреждена была международная жандармерія съ итальянскимъ главою Де-Джюрджисомъ во главѣ. Затѣмъ было объявлено, что по достиженіи спокойствія страны, турецкое правительство обязывалось произвести измѣненіе территориальныхъ границъ административныхъ округовъ, причемъ въ соображеніе неслѣдуетъ быть принимаемъ національный составъ населенія. Наконецъ, въ будущемъ обещался новый составъ администраціи и суда, съ участіемъ мѣстныхъ христіанъ.

Посмотримъ, какъ отразилось соглашеніе на Македоніи: четыре года дѣйствуютъ русскій и австрійскій агенты, дѣйствуетъ жандармерія, собранная изъ жандармовъ всѣхъ державъ, а успокоенія нѣтъ. Нѣтъ и администраторовъ и судей мѣстныхъ христіанъ.

Но предоставимъ слово болгарскому патріоту Фосіеву, недавно издавшему въ Парижѣ книгу, посвященную македонскому вопросу. Мюрцштегское соглашеніе, говоритъ онъ, не только окончилось полнымъ крахомъ, но и принесло обратные результаты.

1) Прежде были, хоть и не въ большомъ числѣ, администраторы—христіане. Теперь, были болгары на постахъ: помощника генералъ-губернатора въ ускубскомъ вилайетѣ, помощника сересскаго мутесарифа. Теперь нигдѣ нѣтъ ни одного болгарина. 2) До реформъ въ Константинополь направлялась масса болгаръ. Почти всѣ булочники, садовники, мелочники станицы были болгары. Немедленно, послѣ мюрцштегской „реформы“ всѣ македоняне высланы изъ Константинополя, и до сихъ поръ лишены права жить тамъ. 3) Прежде вакансіи болгарскихъ митрополитскихъ кафедръ замѣщались безъ припятствій. Теперь, послѣ смерти митрополита Григорія, въ концѣ 1906 года, назначенный на его мѣсто епископъ Аксентій не допускается Портой, утверждающей, что до выборовъ должны быть улажены нѣкоторые спорныя дѣла между Портой и Болгаріей. 4) Прежде разрѣшалось богослуженіе и обученіе дѣтей на болгарскомъ языкѣ. Теперь много церквей и школъ запечатано, чего прежде не бывало.

Таковы минусы. А плюсовъ нѣтъ. О преобразованіи суда идутъ лишь разговоры. А чего стоятъ разговоры и обѣщанія Порты, это г. Фосіевъ показываетъ на цѣломъ рядѣ примѣровъ, взятыхъ изъ исторіи турецкой дипломатіи за послѣдніе 19-й вѣкъ.

Въ результатѣ получается совсѣмъ безотрадная картина, безъ малѣйшей надежды на просвѣтленіе даже въ будущемъ. Ну а агенты? А жандармерія? На нихъ также имѣются цифры.

1) Въ ноябрѣ 1904 г. въ Зеленицѣ убито 12 болгаръ. 2) Въ апрѣлѣ 1905 г. въ Загричанахъ убито 60 болгаръ. 3) Въ юлѣ 1905 г. въ Горлопещинѣ убито 17 болгаръ. 4) Въ ноябрѣ 1905 г. въ Неволанахъ убито 13 болгаръ. 5) Въ сентябрѣ 1906 г. въ Силевѣ убито 15 болгаръ. 6) Въ октябрѣ 1906 г. въ Живовѣ убито 18 болгаръ. и т. д. и т. д. Привожу лишь нѣсколько примѣровъ изъ массы остальныхъ. Жѣ твы исчисляются тысячами. Ясно, что жандармерія не помогаетъ. Дѣйствъ вавшія чѣты, въ дѣлѣмъ случаѣ греческія, состояли изъ 200—300 человѣкъ. Чѣмъ же вызывается эта междоусобица среди христіанскаго населенія? и почему борьба идетъ не противъ турокъ, а другъ противъ друга? Причину этого, оказывается, надо искать все въ томъ же долженствованіи внести успокоеніе Мюрцштегскому соглашенію. Статья III его гласитъ, какъ

мы видѣли, что послѣ успокоенія страны административныя единицы имѣютъ быть перераспределены въ своихъ границахъ, соответственно національностямъ. И вотъ эти національности не безъ основанія поняли, въ томъ смыслѣ, что ко времени успокоенія имъ нужно, какъ можно болѣе притѣснить территоріи, гдѣ бы онѣ составляли большинство. А средства для этого представилъ съ такою же выразительностью населеніе другихъ національностей, какъ поголовно, то дѣлаютъ достаточно, чтобы оставшіеся въ живыхъ сами разбивались. Этому средству прибѣгать стали было все, и верхъ вѣроятно остался бы за болгарскими, какъ наиболѣе многочисленными. Нити заговоръ были въ Афинахъ, Вѣннѣ, а гдѣ и Софіи. Но давленіе австро-русской дипломатіи живо заставило болгарское и сербское правительства не только прекратить всякія связи съ чужеземцами, не только лишить ихъ всякой матеріальной и правительственной помощи, но и принять противъ нихъ мѣры, не давая даже скрываться въ Сербіи и Болгаріи при преслѣдованіи ихъ турецкими войсками. Волей-неволей Болгарія и Сербія стали, какъ бы на сторону Турціи. Въ 1904 г. Болгарія въ этомъ случаѣ подписала даже соглашеніе съ Турціей.

Другое дѣло Греція. Связь греческаго правительства съ греческими сепаратистами продолжаетъ существовать до послѣдняго времени. Въ вышеприведенной таблицѣ мы видѣли, что, пострадавшими все время являются болгары. Связь греческихъ четь съ греческимъ правительствомъ и греческимъ константинопольскимъ патріархатомъ несомнѣнна и установлена многими документами. На убитыхъ болгарскихъ находили шифрованныя письма, изъ которыхъ оказалось, что начальникомъ перваго революціоннаго района былъ епископъ монастырскій, а втораго района епископъ Гребенскій. На убитыхъ же находились донесенія, адресованныя Коротиласу, греческому генеральному консулу въ Салоникахъ. Все это было извѣстно и австрийской дипломатіи и международной жандармеріи. Какъ же могло случиться? И почему на Грецію не было произведено такого-же давленія, какъ и на Болгарію.

А очень просто: Греція дѣйствовала съ согласія Турціи! греческимъ четь помогала турецкая полиція и турецкія войска! Чегниковъ греческихъ укрывалъ турки! Греки являлись въ своихъ убійствахъ представителями консервативнаго и дорогого и русской, и австрийской, да и всей европейской дипломатіи! Болгарія гдѣ замышляла собака, какъ говорятъ нѣмцы!

Недавно русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Извольскій, посѣтилъ императора въ Вѣну. Результатомъ этого посѣщенія была нота, посланная одновременно русскимъ и австрийскимъ правительствами своимъ представителямъ въ Афины, Вѣннѣ, Бѣлградѣ и Софіи. Нота эта помѣчена 15-мъ сентября 1907 года. Въ ней излагаются событія, происходящія въ Македоніи, приписываются „ошибочному“ толкованію населеніемъ III статьи мюнхенскаго договора. Дается и настоятельное „ошибочное“, толкованіе ея, заключающееся въ томъ, что статью эту надо понимать не такъ, какъ она написана, т. е. что округа будутъ передѣляться по національностямъ, а иначе, т. е., что это дѣленіе на округа будетъ производиться по столь незначительнымъ цѣлямъ, что изъ-за этого не стоитъ особенно волноваться.

Затѣмъ говорится, что самое это передѣленіе округовъ произойдетъ не по прошествіи не нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а нѣсколькихъ лѣтъ, послѣ исчезновенія послѣдней банды.

Читатель видитъ, что нота не особенно страшна ни для Турціи, ни для греческихъ бандъ. Любопытно въ ней то, что, хотя банды греческія, хотя даже русско-австрийскіе дипломаты знаютъ, что Болгарія и Сербія, по своимъ противодѣйствіямъ славянскимъ четамъ — тѣмъ не менѣе нота эта, въ отношеніи тѣхъ же выраженій, передана въ Болгарію и Сербію, какъ и въ Грецію. Это очевидно требовала дипломатія. Нельзя же, дѣйствительно признаться, что дипломатія знаетъ виновныхъ уже четыре года и никакихъ мѣръ не принимаетъ. Газетахъ, впрочемъ, проскользнуло сообщеніе, что въ Афинахъ представители

великихъ державъ словесно сдѣлали какія-то добавленія къ нотѣ, долженствовавшія сдѣлать ее для Греціи особенно убѣдительною.

Но и это еще второстепенной важности дѣло. Громадное значеніе имѣетъ фраза, попавшая въ ноту: „Всякая дѣятельность,“ говорится въ этомъ дипломатическомъ актѣ, „бандъ въ трехъ вилайетахъ можетъ только ухудшить положеніе. вызывая Порту на усиленіе репрессій, что можетъ быть вполне оправдано и приведетъ только къ отсрочкѣ осуществленія преобразованій, столь необходимыхъ для блага и для интересовъ христіанскихъ народностей Македоніи.“

Вникните, читатель, въ эту тираду. Итакъ, турецкія репрессіи противъ христіанъ могутъ быть оправданы! И это подписываетъ г. Губастовъ, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ! Что наши министры имѣли въ виду подъ словомъ репрессій? Ужъ не сажаніе ли на колъ? не вспарываніе ли животовъ болгарскихъ женщинъ? Вѣдь эти репрессіи турецкихъ войновъ намъ давно извѣстны.

Появленіе бандъ несомнѣнно отсрочить осуществленіе реформъ — говорятъ намъ. Что же это такое? Благо двухъ милліоновъ македонскихъ христіанъ зависитъ отъ бандъ. Да вѣдь банды-то организуются греческимъ правительствомъ при благосклонномъ участіи Порты! Значитъ стоитъ Портѣ постараться, чтобы ихъ было побольше... и дѣлу конецъ? Таковъ смыслъ ноты? Или это соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ желаніямъ державъ - покровительницъ? Вѣдь времена мѣняются; мѣняются міровоззрѣнія; и русскимъ войскамъ, чего добраго придется еще подавлять въ Турціи возстаніе христіанъ, бою о бою съ австрійскими. И ни одинъ голосъ не протестуетъ. Точно, дѣйствительно, одеревелили сердца!

Исторія Черногоринъ, за все царствованіе князя Николая, является сколкомъ съ исторіи Россіи, и историческая кривая Черногоринъ поднимается и опускается соотвѣтственно съ кривой русской современной исторіи.

Мало замѣченнымъ прошло извѣстіе, облетѣвшее два года тому назадъ міръ, что Черногорія изъ деспотіи превращается въ конституціонную монархію. Сами мы въ то время были заняты своимъ освободительнымъ движеніемъ. Намъ было не до Черногоринъ! Тѣмъ не менѣе похвалили князя Николая, не доведшаго дѣла до междоусобицы. Были назначены выборы въ скупшину, т. е. въ новый парламентъ. Собралась скупщина и отнеслась къ своему дѣлу въ высокой степени добросовѣстно. Оказалось, что крошечная Черногорія, своимъ пространствомъ равная среднему русскому уѣзду въ 9000 квадратныхъ верстъ съ населеніемъ въ четверть милліона т. е. опять же съ населеніемъ одного русскаго уѣзда, сумѣла сразу выбрать дѣльныхъ людей. Оказалось, что и въ крошечной Черногоріи администрація позволяла себѣ всякія злоупотребленія, и что финансы ея страдали отъ многочисленныхъ хищеній. Скупщина горячо взялась за дѣло обновленія администраціи и укрѣпленія бюджета.

Такъ же быстро, какъ мы узнали о переходѣ Черногоринъ на конституціонный путь, узнали мы и о томъ, что скупщина распущена и что назначены новые выборы на 18-го октябрю с. г. Тутъ опять отмѣтнымъ совпаденіе реакціонной политики у насъ и въ Черногоринъ. Но сходство и на этомъ не останавливается.

Всѣ люди, теперь подходящіе къ концу пятого десятка и старше, помнятъ конечно, какъ билось у нихъ сердце въ 1875 году, кгда начиналось герцеговинское возстаніе, при описаніи подвиговъ черногорскихъ юнаковъ въ схваткахъ противъ турокъ. Многіе не забыли еще имена этихъ героев: Илья и Савва Пламенацъ, Пеко Павловичъ, Назаръ Сочинца... неужели ничего не говорятъ эти звуки вашему сердцу? Неужели забыли вы портреты, которыми пестѣли тогда иллюстраціи и которые продавались отдѣльными листами по улицамъ Петербурга?... Конечно помните!

Затѣмъ мы всё потеряли ихъ изъ виду. Большинство князей порѣ умерло, а о судьбѣ нѣкоторыхъ мы узнали на дняхъ... и вотъ мы узнали.

Органъ такъ называемой „народной партіи“, т. е. оппозиціи, закрытъ, редакторъ высланъ за предѣлы Черногоріи, а типографія ея разрушена, причѣмъ кто ее разрушали, получили награду. Депутаты первой скупщины посажены въ тюрьму, въ томъ числѣ старый воевода Лазарь Сотица (помните на его фотографіяхъ его смѣлые глаза и длинные усы?) 27 представителей рода Дростовичъ въ тюрьмѣ. На улицѣ найдены трупы вождей оппозиціи Саввы Пламени и князя, (помните его?) учителя Бошкавича... Дома вождей оппозиціи Никшичъ разгромлены... оппозиція отказалась отъ участія въ выборахъ во вторую скупщину, 18-го октября; пройдутъ только правительственные кандидаты. Лучшие люди въ тюрьмахъ или убиты, дома разрушены, оппозиціи нѣтъ...

Нельзя обойти молчаніемъ процесса о клеветѣ, разбирававшегося недавно въ Берлинѣ и извѣстнаго подъ именемъ процесса Мольтке—Гардена. Процессъ важенъ не только, какъ разоблаченіе распущенныхъ нравовъ германской аристократіи, но и какъ показатель того, въ чьихъ рукахъ находятся судьбы германской имперіи. Хотя Германія является федераціей двадцати сорока маленькихъ конституціонныхъ государствъ, связанныхъ въ одно общее германское конституцій, на основахъ всеобщаго, хотя и не равнаго, избирательнаго права, вслѣдствіе отсутствія въ ней парламентаризма, т. е. безусловной заимчивости министровъ отъ парламента, судьбы государства почти всецѣло находятся въ рукахъ императора. Императоръ рѣшаетъ всѣ вопросы внутренней и внешней политики, императоръ можетъ объявить войну и заключить союзъ.

Всѣ думали, что императоръ Вильгельмъ, человѣкъ въ высшей степени талантливый, лично и безусловно самостоятельно руководить германской политикой, посредствомъ назначаемыхъ имъ министровъ. Процессъ Гардена окончательно разрушилъ эти иллюзіи, раскрывъ глаза обществу, и какъ дважды—дважды показавъ, что онъ въ рукахъ дворцовой камарильи, состоящей изъ людей, не только стоящихъ на самой низкой ступени нравственнаго развитія, но даже физически больныхъ на почвѣ эротоманіи.

Когда императоръ Вильгельмъ II былъ еще молодымъ принцемъ, графъ Филиппъ Эйленбургъ, или какъ его звали въ интимныхъ придворныхъ кругахъ „Филли“ былъ его повѣреннымъ и самымъ близкимъ компаньономъ. Онъ лежалъ къ самымъ сливкамъ аристократіи и былъ, что называется и въ этихъ кругахъ, „тонкой“ натурой: поэтъ и музыкантъ, мистикъ и эстетъ, при этомъ искусный дипломатъ. Близкій къ императору, онъ приблизилъ къ нему и другихъ своихъ, такихъ же аристократовъ, какъ онъ самъ. Въ числѣ ихъ назовемъ князя Куно Мольтке, Гольштейна и французскаго дипломата Леконта. Вліяніе этого кружка на императора было давно извѣстно, въ свое время вызвавъ протестъ дѣйствіе самого Бисмарка. Но и Бисмарка камарилья осилила. Эта же камарилья способствовала паденію Каприви и многихъ другихъ министровъ. Ихъ паденію обязанъ своимъ возвышеніемъ и князь Бюловъ. Сами они выбрали себѣ министры, которыхъ были имъ по вкусу: такъ самъ Филли былъ посломъ въ Вѣнѣ, а затѣмъ предпочелъ вернуться въ Берлинъ, и снова занять мѣсто самаго близкаго совѣтника императора. Графъ Мольтке, какъ военный, избралъ себѣ мѣсто губернатора Берлина...

За послѣднее время въ „Berliner Tageblatt“ появилось извѣстіе, что самъ Канцлеромъ, что камарилья задумала подкопаться и подъ него. Намъ вѣстно, чѣмъ бы это кончилось, если бы не появился въ журналѣ Zukunft статья знаменитаго передового публициста Максимиліана Гардена. Гарденъ, называя членовъ

по именамъ, обвинилъ ихъ въ невѣроятныхъ оргіяхъ и противоестественныхъ сношеніяхъ между собой. Императоръ изъ всѣхъ немедленно уволилъ графовъ и отстранилъ отъ себя. Говорить, что вниманіе Вильгельма на статью было обращено самымъ насльднымъ принцемъ, ибо никто другой на это не попался. Самъ ли императоръ впервые это узналъ и вознегодовалъ, или вынужденъ былъ пожертвовать своими друзьями изъ страха передъ общественнымъ мнѣніемъ—кто знаетъ? Неизвѣстно также, что побуждало графа Куно Мольтке судить противъ Гардена процессъ о клеветѣ, надежды ли очиститься самому по приказу свыше, но фактъ тотъ, что судебный процессъ состоялся въ октябрѣ.

Под удивимый Гарденъ въ дѣйствительности былъ во все время процесса искусственнымъ обвинителемъ. Дѣйствительнымъ подсудимымъ передъ лицомъ всего міра былъ Мольтке. Мы не намерены передавать здѣсь всей той грязи, которая вскрылась на процессѣ. Рядъ свидѣтелей, въ томъ числѣ разведенная жена Мольтке, показывали, что у графа Мольтке влеченіе къ лицамъ своего пола и отвращеніе къ женщинамъ. Эксперты признали это за половое извращеніе. Установивъ близость Мольтке къ „Филли“, Гардену важно было раскрыть участіе въ дѣлѣ самого Эйленбурга. Но этотъ послѣдній уклонился отъ явки, приславъ свидѣтельство о болѣзни, хотя въ этотъ самый день только пріѣхалъ въ Берлинъ. Судъ постановилъ отправить къ нему на домъ свидѣтеля противоестественныхъ оргій (или скорѣе потерпѣваго, солдата—гвардейца), но графъ его не допустилъ до себя. Все это увеличивало торжество Гардена и восстанавливало общественныя мнѣнія противъ камірильи.

Наконецъ Максимилианъ Гарденъ былъ оправданъ судомъ шеффеновъ т. е. смѣшаннымъ судомъ правительственныхъ судей и представителей населенія. Графъ Мольтке обжаловалъ рѣшеніе суда, но это не важно. Пускай верховный судъ, политикъ ради, и отмѣнитъ оправдательный приговоръ суда низшей инстанціи, пускай Гарденъ и отсидитъ сколько тамъ полагается—все это даже весьма вѣроятно—но дѣло сдѣлано: не только вся Германія, но и весь міръ знаетъ, кто въ теченіе послѣдняго десятилѣтія управлялъ судьбами Германіи. Можно ручаться, что теперь правительство рейхстага не распустилъ: результаты выборовъ были бы теперь иные, чѣмъ годъ назадъ.

Въ числѣ откровеній, которыми міръ и дѣло прогресса обязаны Гардену, есть одно, имѣющее особенное значеніе и раскрывающее истинную цѣну „патріотизма“ великихъ міра сего. А чей „патріотизмъ“ чище нѣмецкаго, да еще дворянскаго? Вотъ что оказалось:

Когда императоръ Вильгельмъ бряцалъ по обыкновенію оружіемъ по дѣламъ Марокко, и когда онъ заставилъ созвать Алхесирасскую конференцію, у себя дома въ кругу своей милой камарильи онъ рѣшилъ изъ-за Марокко до войны дѣло ни въ какомъ случаѣ не доводить. Но можетъ ли что устоять передъ любовью? Это нѣжное чувство, какъ мы видѣли, раздѣлялъ съ членами камарильи изъ нѣмецкихъ аристократовъ и французскій дипломатъ Леконтъ. Любовь любовью, а дипломатія дипломатіей. Узнавъ про рѣшеніе Германіи, (а Германія и камарилья являлись однимъ и тѣмъ же) не воевать, Леконтъ далъ объ этомъ немедленно знать французскому правительству. Понятно, что это повліяло на французскій ободряющимъ образомъ; и членамъ конференціи велѣно было не уступать.

Въ результатѣ дѣло для Германіи окончилось однимъ бряцаніемъ оружія. Изъ примѣра Леконта видно, къ какимъ средствамъ еще въ 20-мъ вѣкѣ приходится прибѣгать дипломатамъ, чтобы одерживать побѣды!

Напрашивается вопросъ: какъ могъ Гарденъ, простой публицистъ, не только быть такъ хорошо освѣдомленнымъ насчетъ закулисныхъ дѣлъ германскаго двора, но и добыть доказательства, вроде подлинныхъ писемъ, знакомство съ достоверными свидѣтелями и проч.? Оказывается, что и это объясняется весьма просто. Въ числѣ членовъ кружка я называлъ тайнаго совѣтника Гольштейна. На почвѣ ли любви или на злой, но его изъ кружка исключили. Несчастный влюбленный

началь ждать минуты, когда онъ могъ бы отомстить „измѣннику“! Эта минута настала, когда дерзкая камарилья вздумала свергнуть Гольштейна. Установлена—связь Гольштейна съ Бюловымъ съ одной стороны, Гольштейна съ Гарденомъ съ другой. Теперь читателю все ясно: Гольштейнъ — оружие въ руки врага. Вѣдь самъ онъ былъ членомъ камарильи! Ему вѣдь въ руки! Дальше этого идутъ одни догадки, насколько Бюловъ самъ руководилъ Гарденомъ.

Такова эта человѣческая драма. Но трагедія не въ томъ, что негодники рессорились, и что вся грязь эта вышла наружу. Всѣмъ извѣстно, сколько тутъ накапливается подъ золотомъ. Памятны дѣло и смерть Круша-растлѣвателя. Извѣстна придворная хроника Парижа, Мадрида и другихъ городовъ. Трагедія въ томъ, что судьбы Германіи, а за нею всего міра отчасти въ рукахъ Валленберговъ и графовъ Мольтке. А вѣдь камарильи были во все времена, не только теперь. И теперь камарильи есть не во одномъ Берлинѣ. Честь и слава Гардену, раскрывшему это дѣло, какъ честь и слава всѣмъ, кто способствуетъ такъ или иначе раскрытію темныхъ дѣлъ, прикрытыхъ громкими фразами о долгѣ, о патриотизмѣ, о служеніи родинѣ, о любви къ народу... Только печатью, оказывающеюся, раскрываются глаза народовъ. И въ Германіи задуть печать уже невозможно. Въ ней свобода печати уже не временное явленіе! она останется на вѣки!

Вернемся на минуту къ Гаагскому конгрессу не для того, конечно, чтобы говорить о его бесплодности, а для того, чтобы извлечь изъ одного голосованія поучительное соображеніе на счетъ вліянія Германіи на Балканскій полуостровъ. Читатель помнитъ, конечно, побѣдку императора Вильгельма II въ Иерусалимѣ и въ Константинополѣ, гдѣ онъ завелъ дружескія сношенія съ султаномъ. Съ тѣхъ поръ Германія уклоняется отъ всѣхъ международныхъ дѣйствій, направленныхъ противъ Турціи. Она добилась того, что ей предоставлена постройка желѣзнодорожной артеріи изъ Малой Азіи до долины Евфрата, имѣющей дойти до Индійскаго океана. Австрія, кажется, теперь уже на вѣки неразрывно союзница Германіи, укрѣпляетъ свое вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ. Частенько слышится рѣчи о германскомъ вліяніи, распространяющемся отъ Сѣвернаго моря до Персидскаго залива. Прежде, до Цимъ и Портъ-Артуровъ, наша забота могла бы заключаться въ томъ, чтобы вырвать Балканскій полуостровъ изъ вліянія Германіи. Увы! у насъ больше нѣтъ и быть не можетъ международныхъ соображеній...

Такъ вотъ, въ Гаагѣ самымъ животрепещущимъ вопросомъ былъ вопросъ объ учрежденіи междуна одна о суда, къ которому державы были бы обязаны обращаться въ нѣкоторыхъ случаяхъ развогласіи. Поняно, что если при такомъ решеніи капиталистическомъ стрѣбъ есть какая-либо надежда на прекращеніе войнъ, то путь къ этому одинъ: международный судъ и обязательное къ нему обращеніе въ случаѣ конфликтовъ. Вопросъ этотъ былъ поднятъ совместно Англіей и Америкой и горячо поддержанъ Франціей. Германія возражала. Попытка Россіи примирить обѣ стороны не удалась. Въ результатъ при голосованіи девять державъ помѣнались дѣлу состояться: Бельгія, Швейцарія, Германія, Австрія, Турція, Румынія, Греція, Черногорія и Болгарія. Исключая первыхъ двухъ, побужденія коихъ въ этомъ вопіющемъ голосованіи намъ неизвѣстны, мы получаемъ ту сферу германскаго вліянія, о которой мы говорили. Въ свои и австрійскія, что все равно, сѣти Германія оказывается успѣла увлечь не только Турцію, но и все христіанскія державы Турціи. Сербіи мы въ ихъ числѣ не видимъ, потому что она находилась во временной размолвкѣ съ Австріей по экономическимъ вопросамъ. Мы говоримъ временной, ибо нѣтъ сомнѣнія, что не сопротивление одной Сербіи остановитъ планы Германіи. Не есть ли высшее торжество политики это выдѣленіе нѣмецкаго вліянія одновременно и въ Турцію и въ разнородныхъ, враждующихъ и съ нею и между собой христіанскихъ государствахъ?

И вотъ, когда мы видимъ, что какая-то темная сила неудержимо толкаетъ Россію къ Квантуск-му полуострову, когда тѣмъ временемъ Европа оказывается безсильной прекратить братоубійственную авархію въ Македоніи, не вправъ ли мы предположить, что эта темная сила есть Германія? Подчинить себѣ экономически—а вѣдь теперь все съ этого начинается—южное и западное славянство, сохраняя дружбу „Россіи“, не есть ли это величайшее торжество германской дипломатіи? И что думаютъ объ этомъ наши, такъ называемые, славянофилы, все забывшіе, чтобы стать на стражъ стараго режима?.. Языкъ человѣческій гибокъ, и объяснить они сумѣютъ и это!

Александръ Новиковъ.

Списокъ книгъ, присланныхъ для отзыва.

- АН. КРЕМЛЕВЪ.** Давидъ, царь Іудейскій, ц. 75.
И. Х. ОЗЕРОВЪ. Что такое общество потребителей. Изд. II. ц. 35 к.
Ө. ПРОКОПОВИЧЪ. Рабочее движеніе въ Германіи. Изд. „Нашей Жизни“, ц. 1 р. 50 к.
ВРУЭРЪ. Обыденныя явленія природы и жизни. Изд. Вольфа, ц. 1 р. 25 к.
Н. С. КАРЦОВЪ. Записки по педагогической психологіи, ц. 75 к.
А. А. ВЕРСЪ. Правственность, какъ неминүемый продуктъ общественныхъ инстинктовъ, ц. 40 к.
А. А. ВЕРСЪ. Естественная исторія чорта, ц. 30 к.
В. ЧЕРТКОВЪ. Наша революція. Москва, 1907 г. Ц. 20.
 Каталогъ книгъ о пермскомъ краѣ. Пермь. 1907 г. Ц. 25.
НИКОЛАЙ МОРОЗОВЪ. Д. И. Менделѣевъ. Двѣ публ. лекц. Ц. 75 к.

Д-ръ Фридлибъ.

Новая цѣлебная сыворотка.

Въ „Мюнхенскомъ медицинскомъ еженедѣльникѣ“ № 19 появилась работа проф. Дейчманна изъ Гамбурга, которая, несомнѣнно, привлечетъ вниманіе и интересъ широкихъ круговъ. Работа эта главлена: „Новая сыворотка животныхъ противъ микробныхъ зараженій чловѣка“.

Лѣтомъ 1906 г. я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ Дейчманномъ и завязать съ нимъ товарищески-дружескія сношенія.

Дейчманнъ тогда уже изготовилъ свою сыворотку и испытывалъ на практикѣ. Весьма естественно поэтому, что въ нашихъ разговорахъ онъ охотно касался темъ, имѣвшихъ отношеніе къ области серологическаго.

Благодаря этимъ бесѣдамъ я, можетъ быть, лучше освидѣтельствовалъ относительно его сыворотки, чѣмъ можно узнать о ней изъ его работъ.

Дейчманнъ пошелъ по совершенно новому пути; пытаясь использовать сыворотку, годную не только при одной определенной болѣзни, но при разнообразнѣйшихъ паразитарныхъ зараженіяхъ, мѣстной природы, такъ и при зараженіи всего организма.

Сущность разбираемой сыворотки заключается въ томъ, что она не создаетъ невоспримчивости и не содѣйствуетъ, какъ другія сыворотки, выработкѣ антитоксина, но обладаетъ только свойствомъ держивать клѣтки животнаго организма, въ случаѣ опасности, въ борьбѣ противъ бактерій и придать имъ свѣжую энергію.

Дейчманнъ сказалъ себѣ, что каждый здоровый организмъ обладаетъ способностью побѣждать возбудителей болѣзни, если они имъ доступны, что является естественнымъ исцѣленіемъ, и эти стремленія должны быть направлены къ тому, чтобы поддержать эту способность.

Строго говоря, процессъ этотъ происходитъ постоянно въ каждомъ организмѣ, т. е. пока индивидъ живетъ и дышетъ, въ каждой его клѣткѣ, железахъ и сокахъ идетъ непрерывная борьба, какъ днемъ и ночью самые разнообразные микробы получаютъ пищу въ организмѣ.

Исходъ вызванной этимъ невидимой борьбы зависитъ отъ

нападаютъ ли въ достаточной степени кѣтки, железы и соки естественной силой, чтобы одолѣть вторгнувшагося врага, при чемъ наступаетъ излеченіе, или же они постепенно уничтожаются проникшимъ въ организмъ врагомъ, который распространяется въ немъ, т. е. происходитъ заразное заболѣваніе. Въ первомъ случаѣ мы не замѣчаемъ ничего, кромѣ временнаго недомоганія, и затѣмъ наступаетъ естественное выздоровленіе; въ другомъ случаѣ мы говоримъ о тифѣ, холерѣ, пневмоніи (воспаленіи легкихъ), зараженіи крови и т. д., и начинается врачебное лѣченіе.

Изготавливая свою сыворотку, Дейчманнъ исходилъ изъ того соображенія, что должно быть возможно поддержать въ случаѣ опасности скрытыя въ кѣткахъ силы, и если онѣ потрачены въ борьбѣ, придать организму новыя силы. Дѣло шло, слѣдовательно, о томъ, чтобы найти вещество, придающее эти свойства сывороткѣ животнаго, которое подвергается его воздѣйствію. Онъ воспользовался для этой цѣли дрожжами, которыя онъ вводилъ во все увеличивающихся количествахъ въ организмъ животнаго посредствомъ питанія.

Въ послѣднее время дрожжи съ успѣхомъ примѣняются при заражномъ катаррѣ влагалища и подобныхъ заболѣваніяхъ. Такъ какъ дрожжи не убиваютъ бактерій, то Дейчманнъ естественно пришелъ къ тому выводу, что дрожжи увеличиваютъ производство предохранительныхъ веществъ въ организмѣ.

Изъ сыворотки пользуемыхъ дрожжами животныхъ можно получить эти предохранительныя вещества и ввести въ человѣческій организмъ. Какъ упомянуто выше, и самъ человѣческій организмъ въ состояніи готовить такія вещества, если постепенно вводить въ него значительныя количества дрожжей.

Поэтому можно было бы съ полнымъ правомъ возразить: къ чему же этотъ обходной путь посредствомъ тѣла животнаго? Но той простой причинѣ, что для изготовленія вспомогательныхъ силъ необходимъ здоровый организмъ, у больного же способность эта ограничена, а частью и вовсе отсутствуетъ.

Если ввести въ больной организмъ дрожжи въ такомъ количествѣ, какъ это необходимо, то онъ реагируетъ неблагоприятно.

Поэтому непосредственное введеніе дрожжей, особенно у больныхъ лихорадкой противопоказывается. Но здѣсь можно примѣнить готовые предохранительныя вещества, выработанныя организмомъ животнаго. Они приводятъ на поле битвы свѣжія вспомогательныя и резервныя войска, которыхъ не нужно предварительно собирать, обучать и сформировывать.

Другими словами: здоровому тѣлу животнаго предоставили пронавести работу, къ которой было уже неспособно больное тѣло человѣка.

Дейчманнъ приступилъ къ работѣ, стараясь получить сыворотку отъ заразныхъ глазныхъ заболѣваній. Но было вполнѣ естественно, что всѣ теоретическія предположенія и разсужденія подтвердились на практикѣ и, употребляя сыворотку при различныхъ микробныхъ зараженіяхъ всего организма, получили выдающіеся результаты.

Чего же достигъ до сихъ поръ Дейчманнъ своей цѣлебной сывороткой?

Въ его работѣ приведенъ рядъ исторій болѣзни изъ его практики глазного врача.

Изъ этого слѣдуетъ, что тяжелыя формы зараженія излечивались при полномъ отсутствіи всякаго другаго лѣченія, исключительно посредствомъ новой цѣлебной сыворотки.

Точно также опыты съ сывороткой въ больницѣ св. Георгія проф. Денехи подтверждаютъ ея цѣлебныя свойства. Рѣчь идетъ о 24 случаяхъ крупозной пневмоніи (воспаленіе легкихъ). Самъ я съ неожиданнѣйшимъ успѣхомъ употреблялъ сыворотку въ пяти случаяхъ заразнаго воспаленія горла, и каждый разъ, послѣ впрыскиванія 1—2 сантим., наблюдалъ быстрое пониженіе температуры. Общее состояніе пациентовъ было превосходно, и выздоровленіе шло очень быстро.

Между тѣмъ были сдѣланы и другіе опыты съ благопріятнымъ исходомъ.

Особое значеніе, кажется мнѣ, имѣетъ случай съ послѣродовой лихорадкой, усиленной воспаленіемъ легкихъ,—случай, бывшій у жены товарища. Пациентка, послѣ нѣсколькихъ большихъ дозъ сыворотки, исцѣлилась.

Хотя нельзя еще сдѣлать окончательнаго вывода и должны быть произведены безпристрастныя наблюденія, но можно все таки сказать, что уже въ виду извѣстныхъ до сихъ поръ случаевъ исполненія врачебный міръ долженъ обратить вниманіе на Дейчманновскую сыворотку.

Морисъ Хильквитъ.

Отношеніе американскихъ рабочихъ къ пришельцамъ.

I.

Введение.

Отношеніе социализма къ эмиграціи является однимъ изъ важныхъ вопросовъ, оставшихся неразрѣшенными на предпоследнемъ интернациональномъ социалистическомъ конгрессѣ. Вопросъ этотъ настолько же новъ, насколько онъ обширенъ, и делегаты не были достаточно подготовлены для обстоятельнаго обсужденія его. Конгрессу были предложены двѣ резолюціи: одна, исходившая отъ комиссіи, высказывалась противъ ограниченія эмиграціи рабочаго класса; другая, предложенная представителями Голландіи, Австраліи и Соединенныхъ Штатовъ, выражала протестъ организованнаго рабочаго класса противъ эмиграціи рабочихъ некультурныхъ націй, напр., китайскихъ и африканскихъ кули.

По настоянію Кайръ Гарди, обѣ резолюціи были отвергнуты для того, чтобы дать возможность социалистическимъ партіямъ ближе ознакомиться съ вопросомъ.

Обсужденіе этого вопроса откладывалось до штутгартскаго конгресса. Для правильнаго рѣшенія этой проблемы, делегаты должны были почерпнуть весьма цѣнный матеріалъ изъ опыта Соед. Шт.

Соединенные Штаты являются страной, куда преимущественно направляется потокъ эмиграціи: это происходитъ не только потому, что американцы исторически являются націей эмигрантовъ, но и потому, что эмиграція всегда служила и продолжаетъ служить могущественнымъ факторомъ, какъ роста и развитія, такъ и созданія промышленныхъ и социальныхъ основъ Соед. Шт.

Въ 1820 году народонаселеніе Соединенныхъ Штатовъ равнялось 9.638.453: въ 1900 году число это возросло до 76.303.387. Если принять во вниманіе, что за этотъ періодъ времени въ Соедн. Штаты прибыло свыше 19 милліоновъ эмигрантовъ, и что плотность населенія у эмигрантовъ значительно выше, чѣмъ у природныхъ американцевъ, то дѣлается яснымъ, что главную массу современнаго населенія Америки составляютъ эмигранты и ихъ потомство.

Большинство природныхъ гражданъ едва ли можетъ насчитать болѣе 2—3 поколѣній предковъ: между тѣмъ число жит., рожденных за-границей, въ 1905 году достигаетъ уже 13—14 милл.

Эмиграція въ Соединенныхъ Штатахъ постоянно возрастаетъ. Въ

периодъ времени отъ 1830 до 1850 годъ число эмигрантовъ номѣрно ежегодно достигаетъ около $\frac{1}{4}$ милл.; въ слѣдующій десятилѣтія оно возрастаетъ до $\frac{1}{2}$ милл.; а въ 1905 году число эмигрантовъ уже 1 милл. Соединенные Штаты являются, такимъ образомъ, экономической страной, куда направляется современная эмиграція.

Изученіе источниковъ и причинъ этой эмиграціи, ея вліяніе на успѣхъ Штатовъ и въ особенности на преуспѣваніе рабочаго класса въ Штатахъ—представляетъ болѣе, чѣмъ мѣстный интересъ.

II.

Источники, причины и вліяніе эмиграціи.

Въ срединѣ прошлаго столѣтія въ Америку эмигрировали преимущественно изъ Ирландіи и Германіи. Въ десятилѣтіе 1840—1850 вина всѣхъ эмигрантовъ приходится на Ирландію и $\frac{1}{4}$ на Германію. Въ слѣдующее десятилѣтіе объ эти націи почти сравниваются и представляютъ около $\frac{2}{3}$ всѣхъ эмигрантовъ Америки; остальную $\frac{1}{3}$ составляютъ англичане, шотландцы, французы и шведы. Въ 1880 году эмиграція изъ Германіи, Ирландіи, Англіи и Скандинавскаго полуострова достигаетъ кульминаціонной точки, а затѣмъ въ послѣднее 25-ти лѣтъ притокъ эмигрантовъ изъ этихъ странъ постепенно уменьшается. Въ этихъ поръ главная масса американскихъ эмигрантовъ составляется переселенцевъ изъ Австро-Венгріи, Італіи и Россіи. Въ 1870 году эмигрантовъ изъ этихъ трехъ странъ составляло всего 1 проц. общаго числа эмигрантовъ Соединенныхъ Штатовъ; въ 1880 году число этихъ эмигрантовъ уже 10 проц., а въ пятилѣтіе 1901—1905 гг. оно составляетъ уже $\frac{2}{3}$ всего числа эмигрантовъ. Число итальянскихъ эмигрантовъ въ этотъ періодъ составляетъ 959.768, австрійскихъ (Венгр.) 944.239 и русскихъ 685.735.

Причину этихъ перемѣнъ надо искать главнымъ образомъ въ экономическихъ условіяхъ европейскихъ государствъ и Америки.

Эмиграція въ Америку достигаетъ значительныхъ размѣровъ въ послѣднюю половину прошлаго столѣтія, т. е. въ періодъ, когда въ прогрессивныхъ государствахъ Европы особенно развито капиталистическое производство съ неизбежнымъ промышленнымъ кризисомъ, безработицей, нищетой, въ то время, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ промышленность только развивалась, былъ избытокъ въ дешевой плодородной землѣ, другихъ неисчерпанныхъ природныхъ богатствахъ. Этотъ экономическій мотивъ имѣетъ непосредственное вліяніе на эмиграцію. Во время германской войны число эмигрантовъ падаетъ болѣе, чѣмъ на 90% въ 1861, 1862 и до 1865 г.; по окончаніи этой войны, число это снова возрастаетъ почти до $\frac{1}{4}$ милліона и продолжаетъ возрастать до 1874 года, когда оно достигаетъ 459.803; наступившее въ этомъ году промышленное затишье отражается тотчасъ же на эмиграціи, которая изъ года въ годъ понижается до 1878 года, когда она достигаетъ уже только числа 138.469. Промышленное затишье 1894—1898 гг. выразилось въ пониженіемъ эмиграціи почти въ половину ежегодно.

Но не одни экономическія условія вызываютъ эмиграцію; на нея время отъ времени вліяли и политическіе мотивы.

Неудачная революція 1848 года и роковая судьба социалистическаго закона 1878 года способствовали всякій разъ значительному увеличенію эмиграціи. То же вліяніе имѣли и революціи во Франціи 1848 и 1870 гг. Политическія и религіозныя преслѣдованія евреевъ въ Россіи способствовали положительно «исходу» жертвъ преслѣдованія въ Америку.

причины вызывают естественную, добровольную эмиграцию, надо отличать от искусственной и сознательно вызываемой довольно сомнительными средствами. Наибольшая доля вины в отношении падает на трансатлантические пароходныя общества. Деятельность въ послѣднія десятилѣтія достигла колоссальныхъ раз-
 мѣровъ. Главный источникъ доходовъ представляютъ палубные пассажиры, которые являются самымъ выгоднымъ грузомъ, не требующимъ никакого ухода. Они такъ скучены на кораблѣ, который перевозитъ свыше 2000 человекъ, такъ непритязательны въ пищѣ и въ удобствѣ! Поэтому для пароходныхъ обществъ наиболее выгодными являются именно палубные пассажиры; но на палубѣ рѣдко путешествуютъ удовольствия, и пароходныя общества держатъ главнымъ образомъ агентами. Участіе пароходныхъ обществъ и ихъ агентовъ въ дѣлѣ эмиграціи далеко не всемъ ясно, потому что по большей части они обдѣлываютъ свои дѣлишки тайно, такъ какъ законы Соединенныхъ Штатовъ и другихъ странъ преслѣдуютъ подобныя дѣянія. Однако ни для кого не секретъ, что большія общества содержатъ во всѣхъ частяхъ Европы цѣлыя арміи агентовъ, на обязанности которыхъ лежитъ восторженными описаніями условий жизни въ Америкѣ, высокой заработной платы, легкости найти заработокъ, возбуждать въ бѣднякахъ желаніе поискать счастья и счастья въ Новомъ Свѣтѣ.

Компанія «Red Star Line» насчитывала недавно 1500 такихъ агентовъ, «Anchor Line» 2500, «Inman Line»—3400. Это небольшія сравнительно общества; другія пользуются услугами, вѣроятно, еще большаго числа агентовъ. На ряду съ этими профессиональными совратителями, пароходныя общества пользуются услугами десятковъ тысячъ добровольныхъ посредниковъ.

Маркусъ Браунъ, эмиграціонный инспекторъ, въ докладѣ главному комиссару въ 1903 году говоритъ: «Во время моего путешествія, особенно по Австро-Венгріи и Россіи, я узналъ, что значительное число виднѣйшихъ лицъ, какъ то священниковъ, учителей, почтмейстеровъ, сельскихъ стариковъ—находятся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ агентами пароходныхъ компаній, и что они даютъ совѣты и указанія эмигрантамъ относительно пріобрѣтенія билетовъ на проѣздъ, паспортовъ и т. п. За свое посредничество они получаютъ плату отъ агентовъ. Эти субагенты, часто занимающіе официальное положеніе, пользуясь неопытностью и простотою крестьянъ, склоняютъ ихъ часто продать или заложить свое имущество, чтобы добыть себѣ необходимую для путешествія сумму».

Кромѣ пароходныхъ обществъ, въ искусственномъ побужденіи къ эмиграціи въ Соединенные Штаты заинтересованы и другія капиталистическія общества. Нѣкоторыя крупныя промышленныя предпріятія заинтересованы ввозомъ въ страну иноземной рабочей силы. Для горной промышленности, желѣзнодорожнаго дѣла и т. п. привозится цѣлыя массы подготовленныхъ, неопытныхъ, но дешевыхъ рабочихъ. Въ случаяхъ забастовки американскихъ рабочихъ или же въ тѣхъ случаяхъ, когда профсоюзная организація даетъ имъ возможность поднятъ цѣны до высокаго уровня, выписываются изъ за-границы и «ученые» рабочіе по письменнымъ или словеснымъ договорамъ.

Однако до конца прошлаго столѣтія эмиграція въ Соединенныхъ Штатахъ не представляла важной соціальной проблемы. Свободная страна была такъ велика, промышленность ея такъ развивалась, что могучій потокъ эмиграціи легко растворялся въ новой странѣ.

Но въ послѣднее время, когда использовано все до извѣстнаго вавшееся неприиспособленнымъ, когда утилизируются каждый элементъ производительныхъ силъ вполне развитой капиталистической экономики образовали неразрывно связанную съ нею «промышленную резервную армію». Теперь и предприниматели и рабочіе начинаютъ мываться надъ тѣмъ, разумно ли будетъ продолжать политику безоглядной эмиграціи.

Что касается предпринимателей, то для нихъ задача эта въ сущности проста: въ ихъ интересахъ имѣть не только достаточное количество рабочихъ рукъ, но и нѣкоторый излишекъ, запасную безработную армію, которая даетъ имъ возможность держать цѣны на низкомъ уровнѣ. До поры, пока американское рабочее населеніе не дошло до этого пункта, имъ поощряли; «добрые» капиталисты были удивительно гостеприимны по отношенію къ «угнетеннымъ и униженнымъ» европейскими безработными правительствами». Американскіе эмиграціонные законы были либеральны. Но съ момента достиженія необходимаго капиталистамъ количества рабочаго населенія дальнѣйшее увеличеніе его является не только лишнимъ, но и нежелательнымъ. И вотъ американскіе господствующіе классы начинаютъ удѣлять больше вниманія «неблагопріятному социальному вліянію иностранцевъ, стоящихъ на низшемъ культурномъ уровнѣ», и въ законахъ проявляется уже тенденція къ ограниченію эмиграціи.

Послѣднія соображенія относятся, понятно, къ капиталистическимъ классамъ вообще; въ частности же есть еще не мало такихъ, которые могли бы съ выгодой примѣнить дешевую чужеземную рабочую силу. Они стараются привлечь ее, не смотря ни на какіе запретительные законы.

III. Отношеніе организованнаго рабочаго класса.

Только организованная часть американскаго рабочаго класса имѣла опредѣленное отношеніе къ эмиграціонному вопросу, причемъ она задалась за ограниченіе эмиграціи.

Въ течение послѣднихъ 30 лѣтъ соединенныя собранія «рынка труда»—нѣкогда могущественной рабочей организаціи—и «Федерация рабочихъ»—въ настоящее время самой многочисленной и сильной организаціи въ Америкѣ—не разъ выносили резолюціи съ требованіемъ ограничить эмиграцію. Наиболѣе часто выставляемые ими требованія по отношенію къ эмигрантамъ были: свидѣтельство о здоровьи, объ образованіи, записки въѣзда законтрактованнымъ рабочимъ и нѣкоторымъ расамъ.

Д-ръ Самуилъ Гомперсъ, президентъ федерации, въ слѣдующихъ словахъ изложилъ задачу собранія 1905 года:

«Въ истекшемъ году въ Америку высадилось свыше милліона иммигрантовъ, большая часть которыхъ сейчасъ же обратилась въ конкурентовъ на рабочемъ рынкѣ. Въ настоящее время они вошли уже въ нашу промышленную систему. Черезъ нѣсколько лѣтъ многіе изъ нихъ станутъ дѣятельными членами ихъ профессиональных организацій подобно тому, какъ многіе тысячи прибывшихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ принимаютъ теперь дѣятельное участіе въ американскомъ рабочемъ движеніи. Но въ ихъ прибытіи для насъ связано разрѣшеніе нѣкоторыхъ проблемъ. Изъ коихъ первую является задача ввести ихъ въ кругъ рабочаго движенія. Задача эта нелегкая и потребуетъ отъ насъ не мало заботъ и усилій, такъ какъ многіе изъ нихъ у себя на родинѣ ничего не слыхали о профессиональных принципахъ и о необходимости единенія».

«Но въ то время, какъ организованная часть рабочихъ нашей страны занята воспитаніемъ и организаціей пришлыхъ элементовъ, она не можетъ

не упустить изъ виду вліянія эмигрантовъ на старую и вѣчно насущную задачу поддержанія и повышенія заработной платы и уменьшенія рабочаго дня. Вновь прибывающіе рабочіе, которые жадно набрасываются на любую работу, безусловно способствуютъ уменьшенію доли рабочаго въ продуктѣ работы и увеличенію доли капиталиста. Эмигранты-рабочіе даютъ возможность хозяевамъ повысить требованія къ рабочимъ, принудивъ ихъ въ тоже время довольствоваться малымъ».

«Мы приводимъ всѣ неблагопріятныя слѣдствія прибытія нашихъ американскихъ товарищей безъ всякаго по отношенію къ нимъ дурного намеренія; напротивъ, ихъ интересы являются въ то же время и нашими интересами».

«Самымъ большимъ препятствіемъ для преуспѣванія милліона товарищей, прибывшихъ къ намъ въ этомъ году, служатъ милліоны тѣхъ, которые послѣдуютъ за ними; задерживая ихъ успѣхъ, эти послѣдніе будутъ тормозить и всю массу американскаго рабочаго класса. Мы желаемъ этимъ будущимъ переселенцамъ добра, но нельзя требовать, чтобы ради нихъ мы ради насъ мы принесли въ жертву интересы всего рабочаго класса и его потомства. Ради нашего спасенія и спасенія нашихъ дѣтей надо положить предѣлъ постоянному переполненію такъ называемаго «рабочаго рынка». Это необходимо было бы сдѣлать, если бы даже соискательства находящихся уже здѣсь и тѣхъ, которые придутъ, происходили при равныхъ условіяхъ; но въ дѣйствительности условія эти далеко не равны. Большая часть нашихъ эмигрантовъ стоитъ на гораздо болѣе низкой ступени развитія, чѣмъ масса американскихъ рабочихъ, и именно потому то они и представляютъ опасность. Чѣмъ бѣднѣе и невѣжественнѣе рабочій, тѣмъ больше зависитъ онъ отъ предпринимателя, тѣмъ легче сдѣлать его орудіемъ уничтоженія независимости его товарищей. Точно такъ, какъ дешевый женскій и дѣтскій трудъ вытѣсняють мужской, такъ и дешевый трудъ непросвѣщенныхъ эмигрантовъ вытѣсняетъ трудъ американцевъ, который основывается на американскихъ условіяхъ работы и вознагражденія».

«Однако, хотя въ этомъ и заключаются наши интересы и наше благосостояніе, требованія ограниченія эмиграціи въ будущемъ основываются не на этихъ только соображеніяхъ».

«Если бы рабочіе другихъ странъ оставались у себя на родинѣ въ большемъ количествѣ, обстоятельства тамъ сложились бы иначе. Рабочіе могли бы достигнуть большаго матеріальнаго, политическаго и соціальнаго успѣха и способствовали бы воцаренію свободы и права въ своихъ государствахъ. Въ неограниченной свободѣ рабочихъ покидать свою родину лежитъ причина устойчивости неблагопріятныхъ политическихъ и социальныхъ условій на ихъ родинѣ».

«Наше требованіе ограниченія эмиграціи является по столько же человѣколюбивымъ по отношенію къ народамъ другихъ странъ, по сколько оно мудро, справедливо и предусмотрительно по отношенію къ нашей націи».

Рабочіе нѣкоторыхъ обширныхъ отраслей промышленности, состоящіе членами федераціи, выказываютъ еще меньше терпимости по отношенію къ эмигрантамъ-рабочимъ ихъ профессіи: они стараются отстранять ихъ отъ организаціи довольно высокимъ взносомъ и нерѣдко ставятъ условіемъ вступленія въ организацію определенное время пребыванія на мѣстѣ. Эта недалновидная политика является однако скорѣе исключеніемъ, чѣмъ правиломъ, и можетъ примѣняться лишь тамъ, гдѣ рабочая организація настолько сильна, что можетъ управлять рабочимъ рынкомъ.

Во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что неблагоприятное отношеніе американскаго рабочаго класса къ эмигрантамъ имѣетъ основаніе, особенно съ экономической точки зрѣнія.

Потребности американскаго рабочаго въ среднемъ гораздо больше потребностей эмигрантовъ. Заработокъ американскаго земледельца въ среднемъ (исключая время жатвы) достигаетъ 1,25 до 1,50. долларовъ въ время, какъ англійскій рабочій получаетъ около 50 центовъ, русскій и австрійскій — около 30 центовъ, а итальянскій и того меньше. Надо принять во вниманіе, что условія жизни въ Америкѣ въ три раза дороже, чѣмъ въ вышеназванныхъ странахъ; но, даже принимая это въ расчетъ, разница получится довольно значительная. Благодаря разницѣ въ потребностяхъ и привычкахъ рабочихъ, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности пришлые рабочіе совершенно вытѣснили мѣстныхъ. На рудникахъ, напр., американскій рабочій былъ вытѣсненъ сперва англійскимъ, а ирландскимъ, которые вскорѣ были вытѣснены болѣе дешевыми итальянскими рабочими, а эти въ свою очередь уступили мѣсто еще болѣе дешевой рабочей силѣ — итальянцу и славянину. Жизнь этихъ рабочихъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, по истинѣ ужасна. Скученные въ грязныя тѣсныхъ хижинахъ, въ нищенскихъ лохмотьяхъ, питающіе болѣе чѣмъ скудно, они принуждены рано посылать на работу и дѣтей своихъ. Обязательное обученіе — для этихъ людей пустая фраза.

На почвѣ безпомощности, неорганизованности эмигрантовъ-рабочихъ создались разные виды ихъ эксплуатаціи. Одинъ изъ наиболее распространенныхъ видовъ такой эксплуатаціи состоитъ въ существованіи предпринимателей, «падроне» (padrone), нанимающихъ большія партіи иностранцевъ рабочихъ еще на ихъ родинѣ или сейчасъ по ихъ пріѣздѣ въ Соединенные Штаты. Падроне платитъ имъ скудное жалованіе и затѣмъ отдаетъ ихъ въ наймы для полевыхъ работъ, для желѣзнодорожныхъ сооружений, для работъ по канализаціи, по мощенію улицъ, очисткѣ ихъ и т. п., причемъ разница между платой, получаемой рабочимъ отъ падроне, и платой, получаемой послѣднимъ за рабочаго и составляетъ барышъ падроне.

Другая, не менѣе распространенная система эксплуатаціи эмигрантовъ, практикуется главнымъ образомъ въ отрасли промышленности, занимающейся изготовленіемъ готоваго платья. Дѣло происходитъ такъ: вѣсто того, чтобы производить работу на фабрикѣ, ее сдаютъ по низкой поштучной цѣнѣ предпринимателю. Послѣдній нанимаетъ нѣсколькихъ портныхъ, отводитъ имъ маленькую, антигигиеническую лавчонку, часто сообщающуюся съ жилыми помѣщеніями, и въ этой обстановкѣ портные должны работать неопредѣленное число часовъ за ничтожную плату, никогда не видя своего настоящаго хозяина, и не имѣя возможности высказать ему свои нужды. Жертвами этого рода эксплуатаціи являются преимущественно евреи и итальянцы. Благодаря энергичной агитаціи, злоупотребленія эти въ послѣднее время нѣсколько ослабли.

Подобная эксплуатація имѣетъ деморализующее вліяніе на американскій рабочій рынокъ.

Дешевый трудъ эмигрантовъ особенно отзывается на простыхъ, неученыхъ рабочихъ; но было бы заблужденіемъ считать, что организованныхъ, образованныхъ рабочихъ это совершенно не затрагиваетъ. Развитіе машиннаго производства способствуетъ сглаживанію разницы между простымъ и ученымъ рабочимъ, и во многихъ отрасляхъ наступаютъ длинныя періоды безработицы для образованныхъ рабочихъ, которые должны прибавляться тяжелой, грубой работой.

Въ послѣдніе десятилѣтія интересы организованныхъ рабочихъ въ вопросѣ объ эмиграціи отчасти сознали съ интересами предпринимателей, поэтому законодатели отнеслись благосклонно къ требованію рабочихъ ограничить эмиграцію. Слѣдуетъ замѣтить, что изъ всѣхъ требованій, время отъ времени предъявляемыхъ организованными рабочими, требованіе

важныхъ законовъ для эмиграціи охотнѣ всего удовлетворялось существующими классами. Въ продолженіе послѣднихъ 30 лѣтъ законодательство Соединенныхъ Штатовъ не разъ касалось ограниченной эмиграціи. Первымъ актомъ конгресса въ этомъ отношеніи былъ законъ объ ограниченіи для эмигрантовъ-китайцевъ; затѣмъ съ 1882 до 1888 года слѣдовалъ цѣлый рядъ прибавленій къ этому закону. Въ 1880 году въ Соединенныхъ Штатахъ было свыше 100.000 китайцевъ, большинство которыхъ проживало въ Калифорніи. Они работали въ рудникахъ, при постройкѣ тихоокеанской желѣзной дороги, на плантаціяхъ, на фермахъ. Чрезвычайно великая потребность ихъ и, вслѣдствіе этого, дешевизна ихъ труда, способность организоваться и примкнуть къ американскому рабочему классу, своеобразная одежда и привычки — все это вызвало враждебное отношеніе къ нимъ мѣстнаго рабочаго населенія. Когда, въ концѣ 19-го годовъ прошлаго столѣтія, наступило въ промышленности Калифорніи безпримѣрное затишье, выбросившее на улицу большую часть мѣстныхъ рабочихъ, это враждебное отношеніе перешло въ ненависть. Вся отвѣтственность за социальныя и экономическія невзгоды была взыскана на китайцевъ. Въ средѣ рабочихъ произошло бурное движеніе, разразившееся изреченіемъ «Калифорнской рабочей партіи» (Working mens Party of California) съ лозунгомъ «Долой китайцевъ». Обѣ старыя рабочія партіи приняли этотъ девизъ, и конгрессъ пошелъ на встрѣчу желаніямъ калифорнійцевъ. Въ настоящее время въ Соединенные Штаты не допускаются эмигранты китайцы, за исключеніемъ чиновниковъ, учителей, студентовъ, купцовъ и туристовъ.

Постепенно конгрессъ издавалъ и другіе ограничительные законы противъ эмигрантовъ. Въ настоящее время запрещенъ въѣздъ въ Соединенные Штаты слѣдующимъ лицамъ: 1) идиотамъ, сумасшедшимъ, эпилептикамъ; 2) лицамъ съ заразительными или опасными болѣзнями; 3) преступникамъ, полигамистамъ, проституткамъ; 4) бѣднякамъ, нищимъ и лицамъ, которые могутъ быть обузой для благотворительныхъ обществъ; 5) законтрактованнымъ рабочимъ и эмигрантамъ, которые получили вспоможеніе отъ кого либо для совершенія путешествія.

Послѣдній пунктъ и отчасти и 4-й приняты, главнымъ образомъ, благодаря агитаціи организованнаго рабочаго класса.

Послѣ убійства президента Мэкъ-Кинли анархистомъ. Цольгосцемъ, американцемъ по происхожденію, прошелъ извѣстный законъ объ исключеніи изъ числа эмигрантовъ и анархистовъ, причемъ анархистовъ законъ характеризовалъ какъ лицъ, агитирующихъ за насильственное ниспроверженіе строя Соединенныхъ Штатовъ и другихъ образовъ правленія и за убійство официальныхъ лицъ...

Современное законодательство запрещаетъ всякое побужденіе и поощреніе эмиграціи пароходными обществами и облагаетъ каждаго эмигранта налогомъ въ два доллара.

4. Соціалистическая точка зрѣнія.

Соціалисты Соединенныхъ Штатовъ до настоящаго времени мало занимались эмиграционнымъ вопросомъ, такъ какъ вопросъ этотъ никогда не имѣлъ достаточно важнаго политическаго значенія, чтобы обратить на него вниманіе соціалистовъ, какъ политической партіи; къ тому же вліяніе соціалистической партіи на тредъ-юніонистское движеніе еще на столько слабо, что партія эта не привлекается хотя бы для теоретическаго только рѣшенія вопроса, имѣющаго такое важное значеніе для всего рабочаго класса.

Обыкновенно соціалисты не раздѣляютъ холодной точки зрѣнія тредъ-

юнионистовъ на эмиграціонный вопросъ. Въ отношеніи же улучшения экономическаго положенія американскихъ рабочихъ, конечно, не можетъ быть признана желательною; но все же ея пріятное вліяніе нѣсколько преувеличивается. Пришлый рабочий увеличиваетъ предложеніе труда, но за то онъ способствуетъ и росту спроса. Онъ не только производитель, но и потребитель. Въ существующихъ обстоятельствахъ, онъ принужденъ производить больше, чѣмъ погребляетъ, то все же нельзя упускать изъ виду его вліяніе на ростъ промышленности. Жалкія жизненныя условія эмигранта — это преходящее, а не постоянное. Опытъ показалъ, что большая часть эмигрантовъ рабочихъ скоро улучшаетъ свое положеніе, ассимилируется съ американскими рабочими и примыкаетъ къ профессиональнымъ союзамъ. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ современный организованный рабочий классъ, состоящій по преимуществу изъ эмигрантовъ или бывшихъ эмигрантовъ.

Эмиграція является для рабочаго класса страны, давшей пришлымъ эмигрантамъ, зломъ, постольку же зависящимъ отъ экономическихъ условій, поскольку послѣднія являются виновными въ дѣтскомъ и жестокомъ трудѣ и существованіи арміи безработныхъ въ каждой капиталистической странѣ.

На переселеніе рабочихъ по большей части вліяютъ экономическія условія; оно является такимъ же естественнымъ слѣдствіемъ промышленнаго развитія, какъ и стремленіе массъ изъ деревни въ города, или изъ города въ городъ въ предѣлахъ каждаго отдѣльнаго государства. Капитализмъ интернаціоналенъ, и рабочіе классы цивилизованнаго міра — это странствующая армія, батальоны которой, въ зависимости отъ требованій промышленнаго развитія, направляются постоянно изъ города въ городъ, изъ страны въ страну, изъ полушарія въ полушаріе.

Современное государство не можетъ искусственно оградить себя отъ естественнаго потока современныхъ переселеній рабочихъ точно такъ же, какъ не можетъ оно стоять совершенно внѣ всемірнаго рынка. Неумолимы законъ предложенія и спроса направляетъ потокъ этотъ въ ту или другую сторону, и всякіе ограничительные законы и распоряженія являются въ дѣйствительности и паллиативными мѣрами борьбы съ нимъ.

Если бы положеніе рабочаго рынка въ Соединенныхъ Штатахъ было хуже европейскаго, переселеніе европейской рабочей арміи прекратилось бы само по себѣ, какъ бы либеральны и заманчивы ни были условия для эмигрантовъ. Съ другой стороны, если американская промышленность потребуеетъ больше рабочихъ рукъ, чѣмъ она можетъ доставить у себя, тогда всѣ ограничительные и запретительные законы будутъ бессильны остановить притокъ чужеземныхъ рабочихъ рукъ. Поэтому организованные рабочіе классы должны направить всѣ свои усилія на организацию и подъемъ своихъ пришлыхъ товарищей, а не на ихъ изгнаніе.

Однако, хотя и не раздѣляя обычныхъ воззрѣній организованныхъ рабочаго класса, социаллисты не могутъ и игнорировать ихъ.

Вышесказанное относится только къ эмиграціи, вызванной естественнымъ путемъ экономическими условіями и политическими обстоятельствами. Совсѣмъ другое отношеніе должно быть къ тому роду искусственно вызванной эмиграціи, о которой уже выше упоминалось. Эмиграція, искусственно вызванная ради выгоды пароходныхъ обществъ, агентовъ и другихъ частныхъ пріинимателей, гибельна, какъ для рабочихъ страны, откуда выходятъ эмигранты, такъ и для рабочихъ страны, куда они направляются. Въ такой эмиграціи надо оказывать энергичное противодѣйствіе. Привлеченіе иностранныхъ рабочихъ въ качествѣ штрейкбрехеровъ для сокрушенія

рабочей организации вредить въ равной степени какъ социалистамъ, такъ и трэдъ-юнионистамъ, и все успія, направленные на борьбу съ этимъ капиталистическимъ приемомъ, встрѣтятъ поддержку социалистовъ. Далѣе, большая часть американскихъ социалистовъ присоединяется къ требованію не допускать эмигрантовъ тѣхъ расъ и націй, которыя до сихъ поръ не принимаютъ участія въ современномъ производствѣ и не способны ассимилироваться съ рабочими оказавшей имъ гостепріимство страны и примкнуть къ ихъ классовой борьбѣ. Это требованіе вытекаетъ изъ естественнаго чувства самосохраненія.

Какія расы должны быть причислены къ этой категоріи—это вопросъ, который время отъ времени долженъ рѣшаться въ зависимости отъ обстоятельствъ. Раньше нежелательнымъ элементомъ въ Калифорніи признавались китайскіе рабочіе; въ послѣднее время то же высказывается и по отношенію къ японскимъ рабочимъ. Однако, основательность требованія недопущенія японцевъ, основательность предположенія, что они неспособны организовать на американской почвѣ, не способны принять участіе въ борьбѣ своихъ американскихъ товарищей—это вопросъ, который въ настоящее время служитъ предметомъ горячихъ споровъ въ американской партіи и въ рабочей классѣ. Что касается меня, то я не настолько знакомъ съ этимъ вопросомъ, чтобы рѣшать его.

Точка зрѣнія американскихъ социалистовъ на эмиграционный вопросъ, выразилась въ резолюціи, принятой почти единогласно національнымъ комитетомъ социалистической партіи.

«При чрезвычайности развитія капиталистической системы необходимы переселенія рабочихъ изъ одной страны въ другую; интернаціональный рынокъ является слѣдствіемъ интернаціональнаго производства и обмена. Волна передвиженія рабочихъ, вызываемая пріусущими современному способу производства силами, растетъ вмѣстѣ съ ростомъ капитализма и съ возрастающей интенсивностью интернаціональной классовой борьбы. Волна эта вызывается по большей части рабочими, принужденными покинуть свое отечество вѣдѣвіе экономического давленія или вѣдѣвіе политической или національной нетерпимости и преслѣдованій.

«Но часто эмиграція рабочихъ вызывается искусственно желѣзнодорожными и пароходными обществами, спекулянтами и другими капиталистическими факторами, которые помощью обильныхъ обѣщаній привлекаютъ массы рабочихъ въ чужія страны.

«Жертвы этого обмана часто покидаютъ работу, семью, друзей, истративаютъ свои скудные средства на путешествіе, чтобы въ концѣ концовъ въ новомъ отечествѣ терпѣть страшныя лишения, а иногда въ буквальномъ смыслѣ слова умирать съ голода.

«Однако, эти два рода эмиграціи нельзя смѣшивать съ преднамѣреннымъ привлеченіемъ капиталистами рабочихъ ружь для того, чтобы обострить конкуренцію, понизить заработную плату рабочихъ и сломить силу ихъ организации.

«Рабочіе эти, будь то нанятые каждый въ отдельности по контракту въ другихъ капиталистическихъ странахъ, или прибывшіе цѣлыми массами изъ странъ, не затронутыхъ капиталистическимъ производствомъ, неразрывно связанною съ нимъ классовою борьбою, всегда готовы явиться штрейкбрехерами и почти все безъ исключенія не поддаются социалистической и профессиональной пропагандѣ.

«Справедливость и благоразуміе побуждаютъ рабочихъ, всѣхъ страши своихъ несчастныхъ товарищей, вынужденныхъ къ эмиграціи духъ солидарности и братства, въ то время, какъ чувство самосохраненія заставляетъ ихъ противиться наплыву неорганизованныхъ, не поддающихся пропагандѣ рабочихъ.

«На основаніи вышесказаннаго конгрессъ вмѣняетъ въ обязанности социалистамъ и организованному рабочему классу слѣдующее:

1. Прийти на помощь совѣтомъ и дѣломъ рабочимъ, прибывающимъ добрыми намереніями; воспитать въ нихъ принципы социализма и прогрессивнаго движенія; принимать ихъ въ соответствующія организации, привлечь ихъ по возможности скорѣе къ рабочему движенію ихъ отечества.

2. Бороться, особенно черезъ посредство интернаціональнаго бюро, капиталистическими предпринимателями путемъ широкаго опубликованія истиннаго положенія дѣлъ.

3. Бороться всѣми возможными средствами противъ ввоза дешевой рабочей руки, имѣющаго цѣлю разрушить рабочую организацию, ухудшить жизненныя условія рабочаго класса и отдалить осуществленіе идеаловъ социализма. Конгрессъ предлагаетъ социалистическимъ партіямъ въ странѣ требовать отъ законодательной власти изданія законовъ, соответственно изложеннымъ въ этой резолюціи основаніямъ, и предоставлять полныхъ гражданскихъ и политическихъ правъ всѣмъ эмигрантамъ рабочимъ. Конгрессъ предоставляетъ отдѣльнымъ національнымъ организациямъ приспособлять возвыщенные здѣсь принципы къ специальнымъ нуждамъ и обстоятельствамъ ихъ отечества».

Эта резолюція, составленная авторомъ настоящей статьи, должна подвергнуться обсужденію на ближайшемъ интернаціональномъ конгрессѣ. Она дополняется резолюціей, предложенной товарищемъ Альджернономъ изъ національнаго комитета партіи, старающейся разъяснить отношенія социалистовъ къ чужеземнымъ рабочимъ, уже поселившимся въ Америку. Она гласитъ:

«Принимая во вниманіе, что въ Соединенныхъ Штатахъ находится много рабочихъ, отличающихся съ массы бѣлыхъ рабочихъ по наци, нравамъ, обычаямъ, расѣ, религіи и взаимнымъ антипатіямъ; что можно ожидать, что эти чужіе элементы и впредь будутъ находиться въ такомъ же количествѣ или въ еще большемъ, несмотря на всѣ ограничительныя законы, какъ бы ни казались они цѣлесообразны и справедливы; давая, принимая во вниманіе, что взаимная антипатія между различными частями рабочаго класса стѣсняетъ интересы всего класса, ослабляетъ силы въ борьбѣ съ капитализмомъ за улучшеніе положенія рабочаго въ настоящемъ и за освобожденіе его въ будущемъ,—національный комитетъ социалъдемократической партіи вмѣняетъ въ обязанность всѣмъ членамъ партіи и друзьямъ ея въ качествѣ социалистовъ, сочленовъ партіи и гражданъ:

«1. Требовать для всѣхъ гражданъ Соединенныхъ Штатовъ, безъ различія расы и происхожденія, равныхъ гражданскихъ и политическихъ правъ, гарантировать каждому право натурализоваться и пользоваться школами и другими общественными учрежденіями на равныхъ основаніяхъ».

«2. Содѣйствовать привлеченію рабочихъ разныхъ расъ къ политическимъ и профессиональнымъ организаціямъ рабочаго класса и установленію взаимнаго пониманія и товарищескихъ отношеній между ними и мѣстными рабочими бѣлой расы.

«3. Всѣми средствами способствовать ассимиляціи этихъ чуждыхъ элементовъ на почвѣ одинаковыхъ интересовъ рабочихъ и бороться съ національными, религіозными и расовыми предрассудками».

Научное Обзорѣніе.

Новыя открытія въ области науки и техники.

Инж. А. Ф. Коллинсъ.

Какъ построить простой беспроволочный телефонъ.

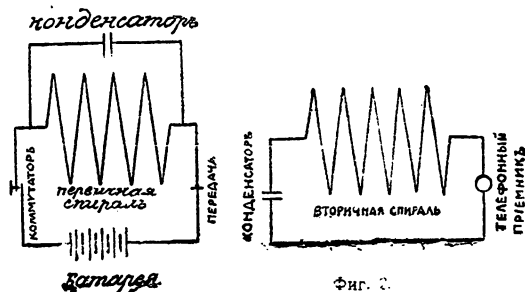
Въ настоящее время существуетъ нѣсколько способовъ передачи членораздѣльной рѣчи между двумя мѣстами, или беспроводного телефонированія, какъ эту передачу обыкновенно называютъ. Изъ наиболѣе важныхъ могутъ быть названы слѣдующіе способы передачи: 1) при помощи электромагнитной индукціи, 2) при помощи разсѣянія электрическихъ токовъ, 3) измѣненіемъ силы свѣтового луча, 4) электростатической индукціей и 5) электромагнитными волнами.

Первый способъ, именно электромагнитной индукціи, — самый простой изъ всѣхъ перечисленныхъ; онъ можетъ служить не только для опытовъ, но и для демонстрированія передъ публикой возможности передачи человѣческой рѣчи черезъ пространство безъ помощи проволокъ, причемъ даже присутствіе стѣнъ и другихъ преградъ не можетъ въ большой степени препятствовать передачѣ.

Принципъ беспроводного телефона (электромагнитной индукціи) тотъ же самый, какъ и въ индукціонной катушкѣ, въ которой энергія первичнаго электрическаго тока преобразуется въ магнитныя линіи силъ, а эти послѣднія затѣмъ въ свою очередь преобразовываются во вторичныя электрическіе токи. Точно такъ же и аппаратъ для беспроводного телефонированія по идеѣ своей сходенъ съ индукціонной катушкой, такъ какъ онъ состоитъ изъ двухъ проволочныхъ спиралей: первичной, играющей роль передающаго аппарата, и вторичной, служащей пріемнымъ аппаратомъ. Вслѣдствіе этого, и дѣйствіе беспроводного телефона аналогично съ дѣйствіемъ катушки: когда по первичной спиральи пробѣгаетъ токъ непостоянной силы, вокругъ нея мгновенно возникаетъ магнитное движеніе въ формѣ линій силъ, которыя распространяются кругами, попеременно

расширяющимися и сжимающимися, подъ прямымъ угломъ къ направлению тока, оббгущаго по этой спирали. Въ тотъ моментъ, когда линіи силъ, исходящія отъ первичной спирали, попадаютъ на проволоку и пронизываютъ витки вторичной спирали, электромагнитная энергія превращается въ электрическую, и въ оборотахъ вторичной спирали возникаетъ электродвижущая сила, величина которой пропорціональна количеству линій силъ, пересѣкающихъ витки во время обороты спирали. Если обѣ спирали устроены въ индукційной формѣ, то есть такъ, что обѣ онѣ находятся въ тѣсномъ соосѣдствѣ другъ съ другомъ, и при этомъ вторичная спираль намотана съ внѣшней стороны первичной, то потеря при описанномъ рядѣ послѣдовательныхъ превращеній энергии будетъ сравнительно невелика, и при такомъ устройствѣ индукціонное устройство будетъ наибольшимъ. Катушку можно построить и такъ, что первичная спираль будетъ превращать энергію пробѣгающихъ по ней электрическихъ токовъ въ магнитныя линіи силъ, которыя не будутъ ограничены тѣснѣйшимъ соосѣдствомъ мѣстомъ ихъ возникновенія, но могутъ быть переданы на значительныя расстоянія; если вторичная спираль будетъ помѣщена въ полѣ силъ (которое имѣетъ радиусъ въ пятьдесятъ и болѣе футовъ), то въ ней возникнутъ индуктированныя токи, при чемъ количество энергіи, получаемой этой спиралью, зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ, изъ которыхъ главными являются количество энергіи въ первичной спирали, діаметръ обѣихъ спиралей, количество оборотовъ проволоки въ каждой изъ нихъ и разстояніе, разделяющее ихъ.

Мы не навѣрваемся углубляться въ разсмотрѣніе значенія этихъ обстоятельствъ, такъ какъ законы, которымъ они подчиняются, могутъ быть найдены въ любомъ учебникѣ электричества и магнетизма; нашей цѣлью въ настоящемъ

Фиг. 2.

Простая индукціонная система беспроволочнаго телефона.

случаѣ будетъ дать описаніе устройства простого беспроволочнаго телефона, который дастъ хорошіе результаты на разстояніяхъ до тридцати или сорока футовъ и будетъ дѣйствовать безъ замѣтной потери энергии даже въ томъ случаѣ, если оба дома раздѣляютъ передатчикъ и приемный аппараты.

Передающій аппаратъ въ простѣйшей формѣ состоитъ изъ источника электродвижущей силы, первичной проволоочной спирали,

называемой индукторомъ, и говорной трубки обыкновеннаго телефона, которыя всѣ соединены послѣдовательно другъ съ другомъ; приемный аппаратъ содержитъ вторичную проволоочную спираль и слуховую трубку обыкновеннаго телефона. Схематически устройство обѣихъ частей показано на рис. 1 и 2.

Чтобы построить беспроволочный телефонъ, пригодный для демонстраціи, нужно первымъ дѣломъ приобрести необходимыя матеріалы. На первомъ планѣ стоитъ приобретение источника электродвижущей силы. Для пропусканія тока черезъ первичную спираль можетъ служить батарея изъ сухихъ элементовъ, такъ какъ они могутъ быть приобретены легче и дешевле, чѣмъ другія, но быстрое ослабленіе напряженія и силы тока такихъ элементовъ препятствуетъ полученію сколько-нибудь удовлетворительныхъ результатовъ; при испытаніи сухихъ элементовъ десять или двѣнадцать штукъ ихъ должны быть соединены послѣдовательно парами, и нужно очень внимательно слѣдить за тѣмъ, чтобы токъ замыкался при помощи прѣрывателя въ тотъ самый моментъ, когда производящій опыты перестаетъ говорить. Батарея изъ шести или восьми элементовъ съ двухромкалевой солью дастъ болѣе подходящій источникъ

вичнаго тока, но такая батарея требуетъ очень тщательнаго ухода. Всего лучше будетъ, если возможно, получить прямой токъ въ 110 вольтъ; въ этомъ случаѣ разстояніе между обѣими спиралями можетъ быть сильно увеличено. Въ тѣхъ случаяхъ, когда токъ получается отъ электрическаго освѣщенія, слѣдуетъ, конечно, ввести достаточное сопротивленіе, для того, чтобы токъ не пережегъ передающаго аппарата. Когда работа производится съ батареей, говорная трубка (передатчикъ) должна быть приспособлена къ току слабого напряженія, напр., въ шесть или восемь вольтъ; когда же мы имѣемъ дѣло съ токомъ электрическаго освѣщенія, то передатчикъ долженъ быть приспособленъ для двадцати пяти вольтъ. Передатчики для этихъ напряженій имѣются въ продажѣ.

Обезпечивъ себя насчетъ источника электродвижущей силы и доставивъ подходящий для имѣющейся силы тока передатчикъ, нужно перейти къ изготовленію первичной спирали. Диаметръ этой спирали можетъ быть какой угодно величины, но надо имѣть въ виду, что чѣмъ больше спираль, тѣмъ больше (при одинаковыхъ остальныхъ условіяхъ) разстояніе, на которое телефонъ будетъ дѣйствовать. Диаметръ, соответствующій любому разстоянію передачи, можетъ быть вычисленъ на основаніи данныхъ теоріи электромагнитной передачи. Для того ряда опытовъ, который мы здѣсь имѣемъ въ виду, хорошая величина діаметра спирали будетъ три фута. Спираль должна быть сдѣлана приблизительно изъ двухъ фунтовъ тонкой магнитной проволоки, имѣющей двойную изолирующую обмотку, которая должна быть свернута въ кругъ съ діаметромъ въ три фута. Самый легкій способъ сворачиванія этой проволоки будетъ состоять въ слѣдующемъ: на полу или на стѣнѣ описываютъ кругъ требуемаго діаметра, по окружности котораго на разстояніи дюймовъ шести другъ отъ друга вбиваютъ тонкіе гвозди на достаточную глубину, чтобы они не выскочили, когда проволока будетъ наматываться на нихъ. Потомъ проволоку свиваютъ вокругъ нихъ не очень туго, но и не очень свободно, для того, чтобы она не соскочила съ гвоздей, когда будутъ накладываться слѣдующіе обороты ея. Окончивши наматку покрываютъ полученную такимъ образомъ спираль изолирующимъ слоемъ парафина, предварительно растопленнаго и наносимаго на спираль въ горячемъ состояніи при помощи щетки. Сдѣлавши это, вынимаютъ достаточное число гвоздей, чтобы можно было снять спираль, а затѣмъ, чтобы не дать оборотамъ ея отодвинуться одинъ отъ другого, обматываютъ всю спираль прилипающей тесьмой, какая употребляется электротехниками, или же обвиваютъ кисеей, нарезанной лентами въ одинъ дюймъ ширины; послѣ того, какъ намотана каждая лента, ее покрываютъ парафиномъ. Этимъ заканчивается устройство трехъ необходимыхъ частей передающаго аппарата. Спираль вмѣстѣ съ говорной трубкой можно укрѣпить на стѣнѣ, а батарею поставить на полу, послѣ того, какъ всѣ части будутъ соединены, какъ показано на рис. 1; но гораздо красивѣе и удобнѣе въ смыслѣ переноски было бы приготовить чистенькій ящикъ въ 6 дюймовъ ширины и 8 дюймовъ вышины; крышка его можетъ быть на петляхъ или же привинчивающаяся; весь ящикъ устанавливается на треножникѣ, какой можно достать въ любомъ магазинѣ фотографическихъ принадлежностей. Говорная трубка привинчивается къ передней стѣнкѣ, а спираль можетъ быть просто повѣшена на крышкѣ ящика, какъ на фиг. 3.

Проводники отъ батареи, говорная трубка и концы спирали соединяются другъ съ другомъ послѣдовательно, причемъ концы проволоки можно соединить либо прикрѣпляя ихъ къ гвоздикамъ, вбитымъ въ стѣнки ящика, либо ввести ихъ внутрь ящика и тамъ спаявая ихъ.

Приемная спираль должна имѣть тотъ же діаметръ, какъ и первичная, и можетъ быть сдѣлана изъ двухъ фунтовъ проволоки съ двойной изолирующей обмоткой, которая должна быть много тоньше чѣмъ та, изъ которой сдѣлана первичная; эту спираль также слѣдуетъ покрыть парафиномъ и обмотать тесьмой. Прежде чѣмъ наматывать тесьму, не мѣшаетъ отрезать два куска толстой гибкой

проводами и припаять къ концамъ вторичной катушки, чтобы устранить возможность развернуться у этой послѣдней. При спайваніи нельзя употреблять кислотъ; предварительно очистивши концы проводовъ, можно употребить чистую канифаль въ качествѣ плавня.

Какъ и въ передающемъ аппаратѣ, приемная спираль и слуховая трубка могутъ быть укрѣплены на такомъ же ящикѣ, какой былъ описанъ выше, и установлены на фотографическомъ треножникѣ, въ результатѣ чего получится красивый и удобный для переноски приборъ; но если желательно избѣжать лишнихъ расходовъ, то можно весь приемный аппаратъ укрѣпить на стѣнѣ. Слуховой трубкой нашего безпроводнаго телефона можетъ служить обыкновенная телефонная слуховая трубка, но, конечно, можно получить болѣе отчетливую передачу рѣчи и на большемъ разстояніи, если достать усовершенствованную слуховую трубку специально для безпроводнаго телефона. Дѣйствіе всего аппарата можетъ быть замѣтно усилено, если въ цѣпи передающаго аппарата сдѣлать отвѣтвленіе, какъ указано на рис. 1, и въ это отвѣтвленіе ввести бумажный конденсаторъ съ небольшою электроемкостью (напр. въ полъ микрофарада), а въ цѣпи приемнаго аппарата сдѣлать разрывъ и съ него ввести послѣдовательно бумажный конденсаторъ въ одинъ микрофарадъ.

Описанный приборъ для безпроводнаго телефонированія можетъ служить для передачи рѣчи „только въ одномъ направленіи“; это значитъ, что человекъ, находящійся у передающаго, аппарата можетъ говорить, но не можетъ получить отвѣта, а находящійся у приемника можетъ услышать рѣчь говорящаго, но не можетъ говорить въ отвѣтъ.

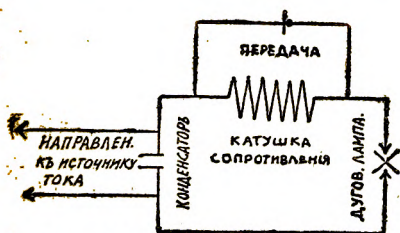
Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это можетъ оказаться не недостаткомъ а наоборотъ преимуществомъ; но если конструкторъ-любитель пожелаетъ, чтобы его аппаратъ дѣйствовалъ въ обѣ стороны, тогда на каждомъ изъ сообщающихся между собой пунктовъ слѣдуетъ установить и приемный и передающій аппаратъ.

Чрезвычайно важно имѣть въ виду, что обѣ спирали (передающая и приемная) непремѣнно должны находиться въ параллельныхъ плоскостяхъ, иначе говоря, либо обѣ спирали должны быть расположены вертикально въ параллельныхъ плоскостяхъ (или въ одной и той же плоскости) либо обѣ должны быть расположены горизонтально (въ параллельныхъ или въ одной и той же плоскости), но ни въ какомъ случаѣ плоскости обѣихъ спиралей не должны быть взаимно перпендикулярны. Къ аппарату могутъ быть присоединены сигнальные приборы или колокольчики, приводимые въ дѣйствіе волнами Герца.

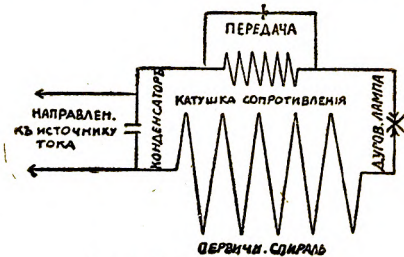
Кромѣ передачи рѣчи, есть еще много другихъ опытовъ, которые могутъ быть произведены съ описаннымъ приборомъ; напримѣръ, если въ передающемъ аппаратѣ замѣнить говорную трубку прерывателемъ, а въ приемномъ, вмѣсто слуховой трубки, установить металлическія ручки, и придвинуть обѣ спирали на меньшее разстояніе, то можно будетъ производить электрическіе разряды сквозь тѣло человека, прикасающагося къ металлическимъ ручкамъ приемника, хотя бы на пути дѣйствія прибора находилась стѣна дома. Далѣе, если, не измѣняя только что указанного устройства передающаго аппарата соединить маленькую лампочку накаливанія съ концами вторичной спирали, то можно будетъ заставить эту лампочку накаливаться и т. д.

При передачѣ рѣчи, сила тока, очевидно, зависитъ отъ передающаго аппарата; самые лучшіе передатчики требуютъ не больше, какъ полъ ампера и 25 вольтъ. Чтобы увеличить количество передаваемой энергіи, можно съ большимъ успѣхомъ воспользоваться „говорящей лампой“. Говорящая лампа или „аркофонъ“, какъ ее называютъ, представляетъ собою вольтову дугу, употребляемую въ качествѣ телефоннаго приемника и воспроизводящую членораздѣльную рѣчь. Говорящей лампой можетъ служить обыкновенная дуговая лампа, регулируемая просто отъ руки и питаемая постояннымъ токомъ въ 110 вольтъ; она соединяется послѣдовательно съ катушкой сопротивленія. Эта катушка вмѣстѣ съ

говорящей трубкой составляет одну вѣтвь электрической цѣпи, и та же катушка вмѣстѣ съ „говорящей лампой“ и конденсаторомъ составляетъ другую цѣпь, какъ показано на рис. 5. Отрицательный уголь долженъ быть плотнымъ, а положительный—рыхлымъ, т. е. долженъ содержать постороннія вещества для того, чтобы дуга получилась болѣе длинной и болѣе ровной. Когда примѣняется говорящая лампа, то толщина проволоки въ первичной спирали должна быть значительно увеличена, и спираль должна содержать не менѣе 25 оборотовъ проволоки при діаметрѣ футовъ въ пять. Сила тока должна регулироваться при

Фиг. 5. Схема „говорящей лампы“ (аркофона).

Фиг. 6. Дуговой передатчикъ.

помощи реостата, пока не получится наилучшее дѣйствіе прибора. Рис. 6 показываетъ схематически порядокъ соединенія отдѣльныхъ частей въ приборѣ съ дуговымъ передатчикомъ. Приемной спиралью въ этомъ случаѣ можетъ служить та же самая, которая была выше описана для передачи на небольшія разстоянія. Имѣя дуговой передатчикъ съ діаметромъ спирали въ пять футовъ и приемникъ съ трехфутовой спиралью, можно передавать человѣческую рѣчь на разстояніа болѣе ста футовъ.

Фиг. 3. Передающій аппаратъ.

Фиг. 4. Приемный аппаратъ.

Д-ръ Г. Гехтъ.

Телефотография (Система Корна).

Послѣ того, какъ около середины истекшаго столѣтія научились примѣнять электричество для передачи письменныхъ знаковъ и живой рѣчи, слѣдующей задачей для неустанно мыслящаго человѣческаго духа должна была явиться электрическая телефотография. На самомъ дѣлѣ задача о передачѣ фотографій электрическимъ путемъ почти такъ-же стара, какъ телефонъ и телеграфъ. Только ея рѣшеніе было несравненно труднѣе, и долгіе годы она не уступала соединеннымъ усиліямъ науки и техники. Лишь въ послѣднее время, благодаря усиліямъ проф. Корна въ Мюнхенѣ, удалось сдѣлать большой шагъ въ практическому рѣшенію этой задачи, и изображенія, которыя недавно переданы его аппаратами изъ Мюнхена въ Берлинъ, даютъ въ сравненіи съ прежними поразительно хорошіе результаты.

Возможность электрической телефотографіи обнаружилась въ первый разъ, когда нашли матеріалъ, сопротивление котораго электрическому току зависитъ отъ силы освѣщающаго его свѣта. Это интересное тѣло—селенъ, элементъ, очень похожій по другимъ своимъ свойствамъ на сѣру. Какъ и она, селенъ встрѣчается въ нѣсколькихъ формахъ. Одна изъ нихъ, металлическій селенъ, сѣровато-черная, подобная шиферу, масса проводитъ электрическій токъ, хотя и очень плохо. Но такую слабую электропроводность селенъ обнаруживаетъ только въ темнотѣ. Если его освѣтить, то его сопротивление значительно уменьшается и при самомъ сильномъ освѣщеніи можетъ составлять всего $\frac{1}{100}$ его сопротивленія въ темнотѣ. Кусочекъ этого своеобразнаго тѣла, такъ называемый селеновый элементъ, будучи включенъ въ цѣпь электрической батареи, при измѣняющемся освѣщеніи, будетъ, слѣдовательно, вызывать колебанія силы тока, въ цѣпи, соответствующія въ каждый моментъ освѣщенію селена. Это свойство селена и даетъ уже въ принципѣ конструкцію отправляющаго аппарата для телефотографіи.

Чтобы передать при помощи электрическихъ токовъ изображеніе на отдаленную станцію, мы прежде всего приготавливаемъ фотографическій снимокъ на гибкой, прозрачной пленкѣ и натягиваемъ этотъ фотографическій негативъ на полый стеклянный цилиндръ (рис. 1). Если сосредоточить при помощи собирательнаго стекла свѣтъ сильнаго источника свѣта (лампы Нернста) на одной точкѣ изображенія и отразить при помощи системы зеркалъ внутри вертикально стоящаго стекляннаго барабана прошедшій свѣтъ на находящійся внизу селеновый элементъ, то онъ будетъ освѣщенъ сообразно со степенью прозрачности соответствующаго мѣста пленки. Если теперь привести во вращеніе посредствомъ мотора стеклянный барабанъ, на которомъ находится наша пленка, и позаботиться о томъ, чтобы при каждомъ оборотѣ цилиндръ передвигался вверхъ на небольшое разстояніе— $\frac{1}{2}$ или 1 мм., то наша свѣтлая точка постепенно пройдетъ по всей пленкѣ. Одновременно съ этимъ лучи источника свѣта будутъ проникать черезъ фотографическій негативъ то сильнѣе, то слабѣе, смотря по его прозрачности и, соответственно этому, то болѣе, то менѣе сильно освѣщать селеновый элементъ. Съ тою-же скоростью, съ какою про-

бѣгаютъ свѣтлыя или темныя части пленки, колеблется освѣщеніе селеноваго элемента, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его электрическое сопротивленіе. Батарей, въ цѣль которой включенъ селеновый элементъ, можетъ посылать на сколь угодно далекую станцію токи, сила которыхъ соотвѣтствуетъ прозрачности отдѣльныхъ мѣстъ пленки.

Вмѣстѣ съ этимъ, повидимому, уже удалось рѣшеніе одной половины задачи: мы разложили оптическое изображеніе на импульсы электрическаго тока, сила которыхъ мѣняется совершенно точно соотвѣтственно оттѣнкамъ изображенія. И мы могли-бы тотчасъ-же перейти ко второй части задачи—превратить эти переменные импульсы тока на нашей приемной станціи обратно въ соотвѣтствующія свѣтотворныя дѣйствія и снова соединить въ изображеніе. Однако, къ сожалѣнію, въ теоріи вещи кажутся всегда гораздо легче и проще, чѣмъ они есть на практикѣ. Когда попытался работать съ такимъ простымъ отправнымъ аппаратомъ, то оказалось, что въ переданныхъ изображеніяхъ отдѣльные оттѣнки переходили одинъ въ другой, вслѣдствіе чего изображенія оказались нерѣзкими и совершенно расплывчатыми. Скоро узнали, что причины этого слѣдуетъ искать въ одномъ, очень непріятномъ свойствѣ селеноваго элемента въ отправномъ аппаратѣ. Такой элементъ не въ состояніи при быстро мѣняющемся освѣщеніи моментально мѣнять свое сопротивленіе и тотчасъ-же принимать его окончательную величину. Ему нужно для этого всегда извѣстное время, которое, при случаѣ, можетъ достигать нѣсколькихъ минутъ. Въ этомъ случаѣ говорить объ инертности селеновыхъ элементовъ. Это свойство, разумѣется, составляетъ очень большую помѣху для телефотографіи. Видь если-бы всякій разъ ждать, пока элементъ пріобрѣтетъ сопротивление, соотвѣтствующее освѣщенію въ данный моментъ — а это нужно сдѣлать, чтобы получить сколько-нибудь рѣзкія изображенія съ правильными переходами,—то потребовалось-бы непомѣрно большое время для передачъ, что дѣлаетъ практическое примѣненіе всего способа невозможнымъ.

Здѣсь и начинается собственная работа проф. Корна, и главной его заслугой для успѣха телефотографіи надо считать изобрѣтеніе селеноваго компенсатора для устраненія инертности селеновыхъ элементовъ.

Для примѣненія селеновыхъ элементовъ къ нашимъ цѣлямъ надо имѣть въ виду два свойства: чувствительность и инертность. Подъ чувствительностью разумѣютъ измѣненіе сопротивления, соотвѣтствующее данному освѣщенію, подъ инертностью — время, которое нужно элементу для этого измѣненія сопротивления. Корнь, включивъ навстрѣчу другъ другу два различныхъ элемента, изъ которыхъ одинъ былъ болѣе чувствителенъ и при этомъ менѣе инертенъ, чѣмъ другой, получилъ, во всякомъ случаѣ, уменьшеніе чувствительности, но одновременно нѣкоторое уменьшеніе инертности. Получающееся теперь измѣненіе сопротивления этой системы двухъ элементовъ, правда, равняется лишь разности обихъ измѣненій сопротивленія, взятыхъ въ отдѣльности, но зато достигается окончательно въ гораздо болѣе короткое время,—а это главное. Этой маленькой уловкой Корнь добился въ первый-же разъ хорошихъ изображеній, въ которыхъ отдѣльные оттѣнки уже не переходили одинъ въ другой, а слѣдовали другъ за другомъ совершенно правильно, какъ въ оригиналѣ: онъ достигъ вмѣстѣ съ тѣмъ и удобнаго, короткаго времени передачи — два преимущества, которыхъ ранѣе нельзя было соединить другъ съ другомъ.

Разсмотрѣвъ, какъ обстоитъ дѣло на станціи отправленія, напра-

вимся на приёмную станцію, на которой мы найдемъ рѣшеніе обратной задачи: превращеніе колебаній электрическаго тока въ соответствующія свѣтотыя явленія и соединеніе послѣднихъ въ изображеніе, точно передающее оригиналъ. Задачу обратнаго превращенія отдельныхъ импульсовъ тока въ колебанія силы свѣта разрѣшаетъ, такъ называемое, свѣтовое релѣ, которое въ этой формѣ также впервые примѣнено Корномъ. Между двумя вертикально стоящими полюсами

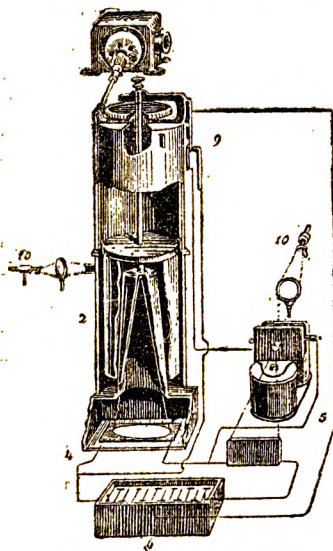

Рис. 1 Отправляющій аппаратъ.

1. Моторныя двигатели. 2. Вѣликъ отправления. 3. Приёмный валикъ. 4. Селень. 5. Компенсаторъ. 6. Батарея. 7. Проводъ. 8. Свѣтовое релѣ. 9. Синхроническое приспособленіе. 10. Источникъ свѣта (лампа Нернста).

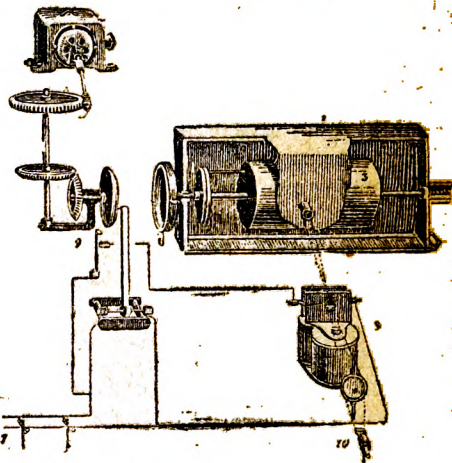

Рис. 2. Приёмный аппаратъ.

сильнаго электромагнита натянуты горизонтально одна надъ другой двѣ тонкихъ металлическихъ полосы, служащія обѣ вмѣстѣ проводникомъ приходящихъ электрическихъ токовъ, и между которыми находится маленькая прямоугольная алюминиевая пластинка. Если черезъ обѣ эти металлическихъ струны проходитъ токъ, то онѣ должны отклоняться магнитомъ сообразно съ силой проходящаго тока. Если мы пропустимъ черезъ эти металлическихъ проволоки приходящія со станціи отправления токи, то болѣе слабые, то болѣе сильные, то вмѣстѣ съ этимъ будетъ то подниматься, то опускаться и наша алюминиевая пластинка. А вслѣдствіе этого лучи источника свѣта, сосредоточиваемыя посредствомъ собирательнаго стекла на алюминиевой пластинкѣ, будутъ то болѣе, то менѣе ослабляться, то имъ будетъ совершенно прегражденъ путь *). Такъ при помощи электрическихъ токовъ колебанія силы свѣта въ отправномъ аппаратѣ передаются на приёмную станцію. Чтобы снова соединить этотъ переменный свѣтъ въ изображеніе, сосредоточиваютъ прошедшій мимо алюминиевой пластинки свѣтъ съ помощью втораго собирательнаго стекла на одной точкѣ свѣточувствительной пленки. Эта послѣдняя натянута на барабанъ, вращающійся съ такою-же скоростью, какъ и барабанъ отправнаго

*) Подобное-же свѣтовое релѣ примѣняется на станціи отправления для того, чтобы съ помощью особаго источника свѣта освѣщать второй элементъ селеноваго компенсатора съ такою-же силой, какъ и главный элементъ.

аппарата, и въ теченіе каждаго оборота передвигающійся далѣе на соответствующее разстояніе.

Такъ какъ одинаковая скорость вращенія обоихъ цилиндровъ составляетъ главное требованіе для достоинства переданнаго изображенія, и такъ какъ, съ другой стороны, было очень трудно получить въ различныхъ мѣстахъ посредствомъ различныхъ моторовъ одинаковыя продолжительности оборота, то Корнъ посвятилъ особое вниманіе синхронизму (одновременности вращенія) обоихъ барабановъ и посредствомъ простаго приспособленія достигъ достаточно хорошаго согласованія. Корнъ заранѣе жертвуетъ полнымъ синхронизмомъ и только въ началѣ каждаго полнаго оборота возстановляетъ автоматически одинаковое положеніе обоихъ барабановъ. Для этой цѣли онъ заставляетъ двигатель пріемника вращаться чуть-чуть быстрее, чѣмъ въ отправномъ аппаратѣ, и устраиваетъ такъ, что послѣ каждаго оборота пріемный барабанъ удерживается пружинной задержкой, пока немедленно вслѣдъ за этимъ отправной барабанъ не окончитъ своего оборота. Тогда этотъ послѣдній приводитъ въ дѣйствіе электромагнитъ, оттягивающій задержку отъ пріемнаго барабана, и оба барабана опять одновременно начинаютъ новый оборотъ. Такимъ чрезвычайно простымъ способомъ обезпчивается даже и при не вполне одинаково идущихъ моторахъ правильная передача изображенія.

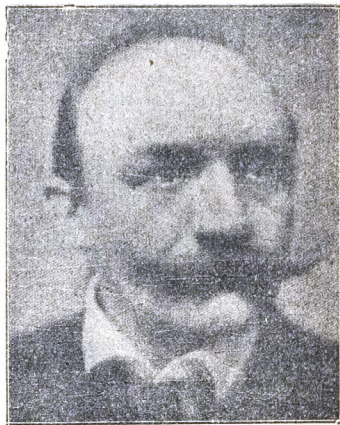

Рис. 3. Изображеніе, переданное телефотографіей.

Самая передача, какъ ясно изъ изложеннаго, совершается по точкамъ. Изображеніе въ отправномъ аппаратѣ разбивается лучами, проносящимися черезъ него на очень небольшомъ пространствѣ, на отдѣльные элементы, почти точки, которыя въ воспринятомъ изображеніи снова соединяются въ отдѣльныя линіи. Однако эта передача по точкамъ совершается съ такой значительной быстротой, что, напр., возможно передать въ 6 минутъ изображеніе величиною 13×24 см. въ отправномъ аппаратѣ, 9×12 см. въ пріемникѣ. Если требуется особенно хорошо передать подробности изображеній и по возможности устранить вліяніе видимыхъ на нашемъ рисункѣ вертикальныхъ линій, то число оборотовъ, а слѣдовательно, и время удваиваютъ. Этимъ способомъ было передано изъ Мюнхена въ Берлинъ воспроизведенное на рис. 3 изображеніе.

При важности телефотографіи въ практической жизни надо съ радостью привѣтствовать эти новые успѣхи въ ея усовершенствованіи. Если въ уголовныхъ дѣлахъ ея примѣненіе можетъ получить громадное значеніе, то въ военной области оно можетъ сдѣлаться столь же необходимой для передачи снимковъ мѣстности, какъ сдѣлалось уже необходимымъ для развѣдочной службы безпроводное телеграфированіе *).

*) Въ настоящее время идея передачи рисунковъ получила новое разрѣшеніе, и съ этимъ усовершенствованіемъ мы познакомимъ читателей въ ближайшемъ будущемъ.

Проф. Б. Линдеманны. ✕

Новѣйшіе вопросы геофизики.

Что такое геофизика?

Геофизика, въ обширномъ смыслѣ слова, изслѣдуетъ всѣ явленія неорганической природы, относящіяся къ нашему земному шару, его твердой корѣ, его воздушной и водяной оболочкѣ и его неизвѣстной внутренности—неизмѣримая область, слишкомъ большая для отдѣльной науки. Велико влѣдствіе этого и число вспомогательныхъ наукъ геофизики. Астрономія и геодезія, физическая географія и океанографія, метеорологія, климатологія и еще цѣлый рядъ специальныхъ отраслей знанія должны вмѣстѣ доставлять для геофизики матеріалъ, который она уже обязана разобрать и объяснить, свести отдѣльные явленія на общіе законы и, гдѣ это достижимо, на математическія формулы.

Въ исторіи геофизики уже много разъ случалось, что старинныя, очень уважаемыя ученія болѣе практическихъ наукъ (геологіи, географіи) должны были уступить мѣсто закону, найденному путемъ точнаго исчисленія. Недавно, напримѣръ, геологи должны были поучиться у геофизиковъ въ вопросѣ о строеніи внутренности земли.

Какъ всѣмъ извѣстно, доступная людямъ часть земной коры составляетъ лишь чрезвычайно тонкую оболочку нашей планеты. Глубочайшія буровыя скважины и рудники не проникаютъ далѣе, чѣмъ на 2 километра вглубь; остальное пространство до центра земли—круглымъ счетомъ еще 6370 километровъ—остается пока, а весьма вѣроятно и на будущее время, неизслѣдованною областью. Температура и давленіе уже на глубинѣ немногихъ километровъ такъ высоки, что нѣтъ надежды на то, чтобы человѣческое искусство и техника когда-либо преодолѣли ихъ.

Но наука открыла своего рода телеграфъ, проходящій черезъ внутренность земли. Азбука этого природнаго телеграфа поддается такому хорошему толкованію, что мы теперь обладаемъ довольно надежными извѣстіями о томъ, какъ обстоитъ дѣло тамъ, въ ядрѣ нашей планеты.

До сихъ поръ въ этой области приходилось ограничиваться исключительно предположеніями, наиболѣе извѣстное изъ которыхъ — объ огненно-жидкой внутренности земли — многія десятилѣтія занимало первое мѣсто. Еще и теперь есть популярныя книжки, не знающія ни о какомъ другомъ воззрѣніи.

Согласно этому ученію, внутренность земли дѣйствительно наполнена массой изъ расплавленныхъ камней (т. наз. «магмой» — греческое слово, означающее въ переводѣ «тѣсто»). Иногда высказывались довольно наивныя сужденія объ «огненно-жидкомъ подземномъ океанѣ»: въ старинныхъ учебникахъ географіи и географіи можно прочесть, какъ тамъ, о внутреннюю сторону земной коры плещется грандіозный огненный «океанъ», какъ онъ тамъ и сямъ отрываетъ отъ коры выступающія скалы и снова образуетъ ихъ, какъ онъ, взволнованный взрывами газовъ, съ грохотомъ ударяется объ окружающую его оболочку, отчего происходятъ землетрясенія и тому подобныя катастрофы на землѣ. Хотя уже довольно скоро поняли несостоятельность такихъ воззрѣній, однако въ отдѣльных случаяхъ они появлялись и много позже. Въ головахъ нѣкоторыхъ теоретиковъ большую роль играли приливы, вызываемые притяженіемъ луны и солнца въ огненномъ океанѣ. Извѣстно, что Руд. Фалькъ считалъ землетрясенія, а также взрывы въ копяхъ, слѣдствіями приливовъ въ морѣ магмы. По этому воззрѣнію, они должны были проходить въ новолуніе и полнолуніе, какъ и высшіе приливы нашихъ морей. Однако, тщательная статистика, составленная І. М. Нернтеромъ, показала, что такія катастрофы случаются столь-же часто и во время первой и послѣдней четверти луны, т. е. во время низкихъ приливовъ.

Иначе обстоитъ дѣло съ вопросомъ, слѣдуетъ ли считать жидкой определенную область внутренности земли, не ядро, не главную массу земного шара, но довольно узкую среднюю область, немного глубже твердой коры.

Увеличеніе температуры съ глубиною въ различныхъ мѣстахъ оказалось довольно неодинаковымъ. Оно совершается, понятно, очень быстро въ вулканическихъ областяхъ, даже и тамъ гдѣ вулканы давно уже потухли, напр., у Нейфена въ Швабскихъ Альпахъ, и, напротивъ, медленно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ отложения (т. е. слопетія горныя породы, осадившіяся изъ воды) покрываютъ слоемъ въ цѣлый километръ болѣе древнія изверженныя (т. е. выброшенныя въ огненно-жидкомъ видѣ) породы, какъ напр., въ сѣверо-германской низменности. Можно сказать, что въ среднемъ температура повышается на 1° на каждые 30 метровъ глубины, т. е. на 30° на километръ; отсюда легко вычислить, что на глубинѣ 40—50 километровъ большинство металловъ и минераловъ должны находиться въ расплавленномъ состояніи. Эти послѣдніе въ свою очередь дѣйствуютъ, какъ растворители, на болѣе тугоплавкія вещества, такъ что примѣрно на глубинѣ 50 километровъ, вѣроятно всего, не встрѣчается уже никакихъ твердыхъ веществъ. Но такъ какъ давленіе верхнихъ слоевъ на той же глубинѣ составляетъ приблизительно 10,000 атмосферъ, то «магму» слѣдуетъ себѣ представлять вовсе не какъ легкоподвижную жидкость, а какъ крайне вязкое тѣсто.

Что-же будетъ дальше? Уже на глубинѣ 300 километровъ жаръ такъ ужасенъ, что тамъ всѣ извѣстныя намъ вещества могутъ существовать лишь въ газообразномъ состояніи. Но и давленіе соотвѣстственно этому возрастаетъ и производить нѣчто весьма замѣчательное, что мы лишь съ трудомъ можемъ себѣ представить. Эти газовыя массы должны быть еще вязче и плотнѣе магмы, вѣроятно приблизительно столь-же тверды (упруги), какъ сталь.

Никого нельзя винить, если онъ при этой мысли, онъ покачаетъ головой. Уже представленіе о газообразныхъ металлахъ, золотѣ и т. п. не всякому близко знакомо. Но что эти металлы по своей сущности не газообразны, не похожи на воздухъ, а невѣроятно тверды и неподатливы,—представляютъ собою «ядро» въ полномъ смыслѣ этого слова,—это уже рѣшительно выходитъ за предѣлы нашего пониманія.

Тутъ и нельзя особенно много помочь. Мы не можемъ представить читателю ни одного случая, гдѣ-бы онъ могъ познакомиться съ тѣмъ, что называется «твердымъ газомъ». Правда, возможно охладить нѣкоторые газы, какъ углекислоту, такъ сильно, что они обратятся въ «снѣгъ». Но здѣсь происходитъ совершенно другой процессъ: снѣгъ изъ углекислоты — уже не газъ, а дѣйствительно твердое, кристаллическое тѣло, какъ ледъ, какъ алмазъ. Всякій газъ посредствомъ достаточно сильнаго охлажденія можетъ обратиться въ твердое состояніе и кристаллизоваться, но онъ при этомъ не теряетъ свое состояніе, не остается уже газомъ. Между тѣмъ газы въ массахъ внутренности земли—вовсе не кристаллическія вещества, а аморфныя газы, настолько сжатые громаднымъ давленіемъ, что они физически уподобляются твердымъ тѣламъ.

Однако мы можемъ немного приблизить эти вещи къ нашему пониманію. Всякій назоветъ воскъ, смолу, асфальтъ при обыкновенной температурѣ «твердыми», а между тѣмъ въ физическомъ смыслѣ это—жидкости, хотя и чрезвычайно вязкія и трудно-подвижныя. Есть даже физики, которые идутъ въ этомъ направленіи еще дальше и готовы считать за жидкости всѣ «аморфныя», т. е. некристаллическія тѣла, въ томъ числѣ, асфальтъ, также стекло, опалъ.

Тутъ, слѣдовательно, мы имѣемъ тѣла, представляющіяся намъ твердыми уже при обыкновенномъ атмосферномъ давленіи. Но подъ дѣйствіемъ громадныхъ давленій во внутренности земли всѣ жидкости и газы должны принять состояніе, которое можно, въ нѣкоторомъ смыслѣ, уподобить состоянію воска или смолы.

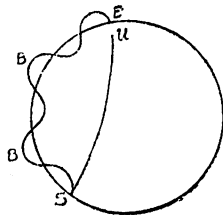
Итакъ, главную массу земного шара составляютъ такого рода уподобленные газы. Познакомимся теперь немного съ веществомъ, съ химическою природою этихъ газовъ.

Оказывается, что выраженіе «тверды, какъ сталь»—болѣе, чѣмъ простое сравненіе. Земное ядро, всего вѣроятнѣе, состоитъ, главнымъ образомъ, изъ желѣза. Весьма выдающіеся геофизики (Милькъ, Вихертъ, Арреніусъ) сходятся на этомъ взглядѣ. Они несогласны между собою лишь относительно размѣровъ этого желѣзнаго ядра: одинъ полагаетъ, что на его долю должно приходиться $\frac{3}{5}$ длины земнаго діаметра, другой— $\frac{19}{20}$. Но это, въ концѣ концовъ, вопросъ второстепенный.

Какъ дошли эти изслѣдователи до мысли о желѣзномъ ядрѣ земли? Давно извѣстенъ тотъ фактъ, что удѣльный вѣсъ земли, какъ его определяютъ астрономы, не совпадаетъ съ удѣльнымъ вѣсомъ горныхъ породъ, образующихъ земную кору. Важнѣйшія изъ этихъ породъ, гранитъ и гнейсъ, въ среднемъ въ 2,8 раза тяжелѣе воды. Напротивъ, астрономы вычисляютъ, что земной шаръ, рассматриваемый какъ одно тѣло, представляетъ въ $5\frac{1}{2}$ разъ тяжелѣе водяного шара такой-же величины. Изъ этого слѣдуетъ, что болѣе легкія вещества находятся въ поверхностныхъ слояхъ, а болѣе тяжелыя собрались къ центру земли. Изъ тяжелыхъ веществъ желѣзо имѣетъ наибольшее распространеніе; это доказываютъ метеориты, обломки разлетѣвшихся на части небесныхъ тѣлъ. Другіе тяжелые металлы (золото, платина, никкель, ртуть и пр.) должны находиться въ земномъ ядрѣ лишь въ менѣе значительныхъ количествахъ.

Блестящее подтвержденіе этой теоріи дало современное ученіе о землетрясеніяхъ. Распространеніе такъ наз. «отдаленныхъ сотрясеній» и есть то «телеграфированіе черезъ внутренность земли», о которомъ шла рѣчь выше. Отдаленными сотрясеніями въ геофизикѣ называютъ колебанія почвы, исходящія изъ очага землетрясенія, находящагося на весьма большомъ разстояніи—но меньшей мѣрѣ 1000 километровъ. Они не ощущаются непосредственно людьми, и о нихъ даютъ знать лишь чрезвычайно чувствительные измѣрительные приборы («сейсмографы»).

Нашли, что при каждомъ отдѣльномъ сотрясеніи являются колебанія различнаго рода. Сначала—очень малыя и слабыя, но быстро слѣдующія другъ за другомъ—такъ наз. «первоначальное возмущеніе». Затѣмъ внезапно, съ рѣзкимъ переходомъ, появляются гораздо болѣе сильныя, но медленнѣе колеблющіяся волны—«главное возмущеніе». Что касается послѣднихъ, то всѣ наблюденія указываютъ, что онѣ распространяются вдоль земной поверхности, т. е. по волнистой линіи BSE на прилагаемомъ рисункѣ, изображающемъ разрѣзъ земного шара, если E есть первоначальное мѣсто сотрясенія, S положеніе наблюдательной станціи.

U—мѣсто начала землетрясенія въ глубинѣ. E—первоначальное мѣсто сотрясенія на поверхности земли, S—станція наблюденія.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ мелкими, быстрыми колебаніями первоначальнаго возмущенія. Судя по всему, что мы о нихъ знаемъ, они должны распространяться черезъ внутренность земли (какъ указано на чертѣжѣ кривую US).

Это заключаютъ, во-первыхъ, изъ громаднаго увеличенія ихъ быстроты съ глубиною. Въ то время, какъ поверхностныя волны проходятъ лишь около $3\frac{1}{2}$ килом. въ секунду, скорость волнъ первоначальнаго возмущенія достигаетъ 12 килом. Такая скорость мыслима только въ очень равномерной, чрезвычайно упругой матеріи; этимъ требованіямъ какъ разъ и удовлетворяетъ въ высокой степени желѣзное ядро нашей планеты.

Во-вторыхъ, надо принять во вниманіе, что первоначальное возмущеніе проявляется гораздо слабѣе, чѣмъ слѣдующее за нимъ главное возмущеніе. Такъ какъ оба вызываются однимъ и тѣмъ-же первоначальнымъ толчкомъ, то явившіяся первыми колебанія, повидимому, должны были потерѣть въ пути значительное ослабленіе. Какъ это происходитъ, было бы не понятно, если бы они распространялись по земной поверхности, но вполне объясняется прохожденіемъ черезъ страшно нагрѣтые и сжатые газы внутренности земли. Чрезвычайно большое «внутреннее треніе» этихъ газовъ вызываетъ значительное ослабленіе первоначальнаго толчка.

Найденною скоростью волнъ землетрясенія воспользовались и для того, чтобы выразить въ числахъ упругость земного ядра. Была вычислена сжимаемость этого ядра, которая и опредѣляетъ собою его упругость. Результаты, однако, нѣсколько расходятся. Въ то время, какъ одни изслѣдователи находятъ, что ядро такъ-же упруго, какъ сталь, другой позлагалъ, что можно установить въ восемь разъ меньшую сжимаемость, слѣдовательно, въ восемь разъ большую упругость.

Изъ всего этого получается, какъ вполне надежный выводъ, слѣдующее: земной шаръ содержитъ желѣзное ядро, окруженное каменной оболочкой. Оболочка раздѣляется на два пояса: верхній, уже отвердѣвшій, окристаллизовавшійся, и нижній—расплавленный. Желѣзныя массы ядеръ газообразны, но вслѣдствіе невообразимо большаго давленія по меньшей мѣрѣ столь-же неподатливы, какъ сталь.

Выдающийся интерес представляет, наконецъ, еще и то, что в какой части внутренности земли таится источникъ вулканическихъ дѣйствій. Всего естественнѣе, разумѣется, искать его въ среднемъ, расширяющемся поясѣ.

Какъ извѣстно, А. Штюбель пытался объяснить вулканическія изверженія допущеніемъ, что огненно-жидкая масса на извѣстной ступени сжатія очень сильно расширяется. Она совершенно такъ же, какъ замерзающая вода въ замѣнутомъ со всѣхъ сторонъ помѣщеніи, разрываетъ свою оболочку и проникаетъ черезъ трещины на поверхность.

Теорія Штюбеля нуждалась до сихъ поръ въ доказательствахъ. Но недавно ф.-Вольфъ, основываясь на фундаментальныхъ работахъ Тайлора о кристаллизаціи и плавленіи, попытался точнѣе обосновать ее.

По мнѣнію ф.-Вольфа, въ огненно-жидкомъ среднемъ поясѣ находятся два слоя, обнаруживающихъ прямо противоположныя явленія при затвердѣваніи: верхній, въ которомъ магма при кристаллизаціи сжимается, и нижній, въ которомъ она при томъ же процессѣ расширяется. Изъ этого слѣдуетъ, что по мѣрѣ охлажденія внутренности земли нижній, расширяющійся слой оказываетъ сильное давленіе по направленію вверхъ. Если это давленіе достаточно сильно для того, чтобы прорвать оболочку, то кристаллизовавшаяся отчасти магма снова обрабатывается въ жидкость, такъ какъ послѣ внезапнаго уменьшенія давленія ея точка плавленія оказывается значительно ниже прежняго. Массы магмы могутъ теперь безпрепятственно изливаться вверхъ, при чемъ всецѣло отъ мѣстныхъ условій зависитъ, достигнутъ ли онѣ поверхности земли и образуютъ вулканъ или же проникнутъ въ подземныя пустоты, которыя онѣ расширять и заполнять. Въ первомъ случаѣ говорятъ объ изверженіи, во второмъ—о вѣдреніи магмы.

Согласно этимъ изслѣдованіямъ, источникъ вулканической силы приходится искать въ «кристаллизаціонномъ давленіи» нижнихъ слоевъ огненно-жидкаго пояса.

Мелкія сообщенія изъ области науки и техники.

Физика, химія, минералогія, астрономія. Способность животного угля образовывать растворы. Трансваальскій алмазъ („Библ. для Сам.“ № 10). Перемѣщеніе магнитнаго полюса. Вторитный первоисточникъ радія („Нар. Уп.“ № 11). Наблюденія на Монбланѣ. Новый способъ открытія переменныхъ звѣздъ („Библ. Сист. Зн.“ № 10). **Географія, метеорологія, палеонтологія.** Изъ фауны области озера Чадъ. Сокращеніе границъ глетчеровъ („Нар. Уп.“ № 10). Ископаемая змѣя. Динозавръ, найденный въ Африкѣ. Новый островъ. Борьба съ градомъ („Библ. для Сам.“ № 10).—**Физическая медицина.** Количество энергіи, расходуемой при разговорѣ и пѣніи („Библ. Сист. Зн.“ № 11). Вліяніе возраста матери на размѣръ тѣла дѣтей. Передается ли проказа животными („Библ. Сист. Зн.“ № 11). Течка и ея причины („Библ. для Сам.“ № 11).—**Техника.** Число автомобилей въ Англіи („Библ. Сист. Зн.“ № 10). Беспроводный телеграфъ. Башня Эйфеля въ качествѣ часовъ („Нар. Уп.“ № 10). Новые фотографическія объективы („Библ. для Сам.“ № 10). Новая машина для доенія. Бездымный уголь („Нар. Уп.“ № 11). Бѣговія колеса. Юбилей парохода („Библ. для Сам.“ № 11).

I. ОТДѢЛЪ ОБЩІЙ.

Нѣсколько причинъ заставляютъ насъ на этотъ разъ сократить нашу передовую бесѣду до послѣднихъ предѣловъ возможности. Изъ нихъ на первомъ планѣ стоитъ желаніе не задерживать выхода настоящаго №, и безъ того западаваго, вслѣдствіе двукратной, въ теченіе его печатанія, забастовки типографіи, печатающей этотъ номеръ. Правда, эти двѣ забастовки были очень кратковременны, но они вносили много дезорганизациі во всю остальную работу и потому нанесли не мало вреда Редакціи. Другою причиною является продолженіе моей болѣзни, которая значительно отражается на моей работоспособности. Имѣются и еще нѣкоторыя другія причины, изъ которыхъ назову лишь двѣ, сводящіяся къ хлопотамъ въ разныхъ учрежденіяхъ: возобновившіяся лекціи и собранія подписчиковъ, встрѣтившія тренія со стороны администраціи (отсюда необходимость заботы устранить эти тренія) и непріятіе почтовымъ вѣдомствомъ „Настольной Энциклопедіи“ къ разсылкѣ, опять-таки влекущее за собою цѣлую массу неожиданныхъ потѣдокъ и пр. Наконецъ..., вѣдь приходится писать такъ много для журнала и другого, начиная съ книгъ и кончая отвѣтами.

Все это, вмѣстѣ взятое, заставляетъ насъ просить на этотъ разъ извиненія читателей за отсутствіе передовой бесѣды, въ которой такъ много хотѣлось бы сказать, еще больше спросить: вѣдь въ головѣ ронится масса всякихъ проектовъ, предложеній, которые желательно было бы отдать на вашъ, товарищи, судъ, послушать вашего мнѣнія...

Все это приходится отложить.

Сегодня же мы, вмѣсто нашей бесѣды помѣстимъ пару писемъ подписчиковъ, которыя, надѣмся, вызовутъ оживленный обменъ мнѣніями.

Считаемъ, однако, необходимымъ предупредить на будущее время, что читатели, присылающіе письма въ расчетъ на помѣщеніе ихъ въ журналъ, должны принять во вниманіе, что въ будущемъ году явится много новыхъ подписчиковъ, которымъ могутъ быть непонятны недомолвки, являющіяся слѣдствіемъ продолженія обсуждения задѣтыхъ ранѣ вопросовъ во всѣхъ отдѣлахъ „Взаимопомощи“. Поэтому каждый, желающій высказать какое-либо новое соображеніе, задать любой вопросъ авторамъ писемъ, помѣщенныхъ въ 1907 г., и т. д., долженъ такъ редактировать свое письмо, чтобы въ немъ было резюмировано все, до сихъ поръ сказанное товарищамъ, и только послѣ этого можно высказывать личныя соображенія.

Просимъ обратить на это обстоятельство особенное вниманіе.

Далѣе, имѣя въ виду возможность помѣщенія нѣкоторыхъ писемъ въ Международномъ Журналѣ Есперо, значить, на двухъ языкахъ, не мѣшаетъ имѣть

въ виду, что важнымъ условіемъ для писемъ въ этомъ журналѣ является общечеловѣческій характеръ, возможная сжатость мысли, возмѣстительность и т. д. Обо всемъ этомъ мы, впрочемъ, еще поговоримъ въ другой разъ, а теперь просимъ вниманія къ помѣщаемымъ далѣе письмамъ товарищей. Къ сожалѣнію недостатокъ времени не позволилъ намъ разобратъ въ всей гущѣ писемъ передъ нами матеріала.

Чему насъ учили и почему мы не пишемъ.

Многоуважаемый Господинъ Редакторъ. Въ напомнимъ вамъ, редакторъ, и читателямъ о ихъ обязанностяхъ, вы удивляетесь, что вамъ пишутъ по поводу содержанія различныхъ статей, помѣщаемыхъ въ „Вѣстникъ Знанія“ и въ другихъ къ нему приложеніяхъ, объясняя это равнодушіемъ, равнодушіемъ или несочувствіемъ подписчиковъ вашей просвѣтительной дѣятельности. Позвольте-же въ настоящемъ письмѣ сказать вамъ мнѣніе подписчика „Вѣстника Знанія“ о причинахъ, заставляющихъ иногда воздерживаться отъ выраженія своихъ мыслей на бумагѣ.

Обычный рядовой читатель „Вѣстника Знанія“—мелкая сошка. Народный учитель, фельдшеръ, иерѣдка священникъ, кой-гдѣ мелкій чиновникъ—вотъ читатели, которые въ большинствѣ своемъ стоятъ лицомъ къ лицу съ трудностями жизни, невѣжествомъ, и обязанные въ силу своихъ служебныхъ обязанностей входить въ постоянныя сношенія съ народомъ. Понятно, что для такихъ подписчиковъ „Вѣстникъ Зн.“ незамѣнимъ, и однако отъ большинства такихъ-то подписчиковъ вы не получаете никакихъ писемъ. Принадлежа къ разряду этой мелочи, я не считаю себя идейнымъ подписчикомъ „Вѣстника Знанія“, просвѣтительному дѣлу „Вѣстника Знанія“ вполнѣ сочувствую и смѣю васъ увѣрить, что не изъ-за влѣдствіе косности или другихъ указываемыхъ вами причинъ. Не пишу потому, что не умѣю писать, стыжусь посылать въ редакцію свои „сочиненія“, отнимать у васъ драгоцѣнное время на чтеніе моихъ полуграмотныхъ писемъ. Неумѣнье писать,—вотъ основная причина молчанія, съ чѣмъ, я не хочу гласиться многіе изъ моихъ товарищей по журналу. Но послѣ того, какъ вы гласились читать письма и полубразованныхъ подписчиковъ, чтобы черпать изъ нихъ приучить ихъ къ писанію, послѣ этого, думаю, совсѣмъ не писать еще трудно.

Расскажу вамъ, какъ коверкала людей школа, въ которой я учился, и увидите, что научиться чему-либо было негдѣ. Образование я получилъ въ духовной семинаріи, по окончаніи которой шестой годъ служу сельскимъ учителемъ. Вступивъ на путь самостоятельной жизни, я скоро увидѣлъ, что семинарская премудрость хватить не надолго, и она вскорѣ, дѣйствительно, разлетѣлась.

*) Смѣемъ увѣрить нашихъ читателей, что они придають слишкомъ большое значеніе слогу своихъ писемъ. Для насъ важно одно лишь—содержаніе писемъ и ихъ отношеніе къ нашей работѣ, нашимъ планамъ. Пусть только письма будутъ четко написаны, и ихъ будетъ побольше, тогда мы будемъ довольны. Не слѣдуетъ также и преувеличивать своего значенія. Повѣрьте, дѣло не въ стилѣ, а искренности и обдуманности. Чѣмъ вы рѣшили подѣлиться въ письмѣ. Пусть ваше мнѣніе будетъ объективно, основано на наблюденіяхъ изъ узкаго круга,—бѣды въ этомъ, если оно не будетъ: вѣдь у насъ имѣется свое мнѣніе, которое, однако, не пользуется въ поддержкѣ,—мы должны все время слышать, что думаютъ о нашей работѣ читатели въ главной массѣ. Молчаніе ихъ способно убивать мысль о равнодушіи, а оно убиваетъ энергію. Вѣдь до сихъ поръ, мы не организовали нашего Союза въ такой формѣ, чтобы члены Союза являлись дѣятельными нашими помощниками, единственною поддержкой нашей энергіи, единственнымъ нравственнымъ удовлетвореніемъ отъ нашей работѣ. Пишите же больше, сердечнѣе!

мыльный пузырь, разбившись о жизненные тернии. Къ учительству я былъ со всѣмъ не подготовленъ и избралъ этотъ родъ службы только по внутреннему побужденію. На привитыхъ въ семинаріи идеалахъ строить жизнь стало невозможно, такъ-какъ и идеалы-то эти заключались въ стремленія къ жирному поповству.

Съ болью въ сердцѣ вспоминается время, проведенное въ духовной школѣ, откуда мы вышли людьми безъ принциповъ, безъ идеи, безъ положительныхъ знаній. Однажды, въ четвертомъ классѣ духовнаго училища намъ вздумалось почитать сочиненія Пушкина, о которомъ мы уже кой-что слышали. Намѣреніе наше чуть-было не осуществилось, такъ какъ вскорѣ у частнаго лица, намъ удалось достать почти всѣ сочиненія этого писателя, изданныя отдѣльными книжечками. Катихизисъ пошелъ въ сторону. Я уцѣпился за „Капитанскую дочку“ и уже съ наслажденіемъ дочитался до момента, когда капитанъ Мироновъ созвалъ военный совѣтъ, чтобы изыскать средство для отраженія Пугачева, какъ въ это время въ квартиру вошелъ дѣйствительный непріятель, только не Пугачевъ, а нашъ инспекторъ, по прозванью Мизгирь, и книжка моя вскорѣ оказалась въ рукахъ школьнаго жандарма. Потрясая трофеемъ своей полицейской дѣятельности, онъ застоналъ своимъ ехиднымъ теноркомъ: „Вотъ они, вотъ они, — тѣмъ на квартирахъ-то занимаются! Экое гнѣздо-то ихъ собралось! А! Смотрите-ка, вѣдь, что они читають-то! Эта безнравственная книжонка васъ не накормитъ, а латинская грамматика накормитъ!“ Книжка наша была тутъ-же конфискована. Только теперь мнѣ кажется очень милымъ сопоставленіе „безнравственныхъ“ сочиненій Пушкина съ кормленіемъ, но въ то время одно сознаніе ожидаемыхъ каръ заставляло трепетать. О Тургеневѣ и Достоевскомъ и думать не приходилось. Учитель богословія въ пятомъ классѣ семинаріи предостерегалъ отъ чтенія „Братцевъ Карамазовыхъ“ — смѣшно, что дѣйствительные инквизиторы боялись литературнаго, карамазовскаго инквизитора. Молодежь не могла свободно читать и изучать даже „азбуку“ русской литературы. О какомъ-либо знакомствѣ съ западной литературой не могло быть и рѣчи. Вообще, все, что случалось прочесть хорошаго, читалось урывками, подпольно, слѣдовательно, было мало-полезно. Мы только научились отлучать отъ церкви Льва Толстого — вотъ и все наше знакомство съ русской литературой. Въ старшихъ классахъ семинаріи намъ всѣми мѣрами старались вдолбить мысль, что положительная наука никогда не противорѣчитъ Библіи, только, молъ-де, скороспѣлая ученость начинать съ отрицанія Бога, а посему, наши педагоги дѣлали отсюда выводъ о тожественности безбожія и невѣжества. Вамъ-бы, любезнѣйшій редакторъ, не поздоровилось отъ нашего Мизгиря! Да. А бессмысленное долбленіе наизусть текста изъ священныя книгъ поощрялось. Я самъ получилъ 5+ за то, что выучилъ наизусть и прочиталъ, не пропустивъ „и“, „Слово Іоана Златоуста о преданіи“, правда, не очень большое: двѣ страницы.

А вотъ и еще примѣръчикъ того, какъ, помрачая умъ, въ насъ вбивали религіозность. Во время всенощнаго бдѣнія ученики чинно парами подходили къ святому Евангелію, чтобы, приложившись, столь же чинно уйтъ и стать на свое мѣсто до конца службы. Шагахъ въ трехъ отъ аналоя стоялъ бдительный инспекторъ. Ученики подходили парами. Все шло благообразно. Но вотъ одинъ изъ учениковъ, крестясь, дерзнулъ не донести пальцевъ руки до плечевой кости, — свади тотъ-часъ раздавалось знакомое шипѣнье Мизгиря: „на лѣвое-то, на лѣвое-то плечо!“ Со страхомъ и трепетомъ шелъ на свое мѣсто пойманный на мѣстѣ преступленія и обличенный въ „небреженіи къ святымъ“. Мы ужъ знали, что „святотатцу“ придется голодать, а намъ, его одноклассникамъ посидѣть около часа послѣ уроковъ. Едва только кончались уроки, какъ Мизгирь являлся въ классъ и устранивалъ нѣкогого рода маршировку. Шейный крестъ вляли на класный столъ, ученики, какъ въ церкви, выстраивались парами и начиналось прикладываніе къ „евангелію“. Самъ Мизгирь играетъ роль священника, которому про-

ходящіе пары должны отвѣшивать низкіе поклоны. Ребята на это не знали, свое дѣло: крестились и кланялись столь усердно, что даже дѣла палача, видимо начинало смягчаться. Безмолвіе стало нарушаться полусмѣльными и полугрозными замѣчаніями Мизгиря: „На дѣвое-то плечо хороша. Ниже, ниже священнику-то кланяйся!“—Наконецъ возгласомъ, обращеннымъ виновнику происходящей церемоніи: „а ты негодный мальчишка, оставь обѣда,“—заканчивалась пытка, обѣщавшая повториться послѣ ближайшаго праздника.

Учили насъ кой-чему и изъ области міровѣдѣнія. Мы съ благоговѣніемъ помню, слушали, какъ учитель закона Божія, умилнымъ голоскомъ, со слезами на глазахъ, рассказывалъ о сотвореніи міра. „Богъ-то, вѣдь, какъ ваша бабушка: сдѣлалъ тѣсто, да, это наминаетъ, это наминаетъ; скатаетъ булочки, какъ бросить! Вотъ и мѣсяцъ! Смотрить: нѣтъ, плохо вышло. Веретъ еще побольше,—опять наминаетъ, наминаетъ, скатаетъ булочку, да какъ бросить! Глядь—солнце! И давай кидать, и давай кидать,—а на небѣ-то все звѣзды“... Знакомство наше съ зоологіей ограничивалось только тѣмъ, что учитель русскаго языка кстати и не кстати кричалъ на урокахъ по адресу учениковъ: „Свиньи безрогія! Скоты!!“ Полагаю, что я не уклонился отъ темы, такъ долго оставался на вышензложенныхъ фактахъ; они, мнѣ думается, служатъ не дурной иллюстраціей къ тому: чему и какъ насъ учили. Вы помните „что рассказъ Библии“ о запретныхъ плодахъ райскаго древа познанія для нашихъ воспитателей не былъ пустымъ звукомъ. Такъ вотъ почему, мы забывали о своихъ обязанностяхъ“. И сейчасъ мнѣ было трудно рѣшиться писать это, несмотря на то, что по выходѣ изъ семинаріи я успѣлъ уже многому научиться. Стыдно вѣдь свое невѣжество выставлять напоказъ. Подкупаешь лишь вашу идейность,—увѣренность, что вы не только редакторъ-издатель дурнаго журнала, но и близкій идейный человѣкъ—другъ, которому можно писать и на порномъ языкѣ, —да... еще тайное желаніе опровергнуть ваше обвиненіе.

Вильгельмъ Вильгельмовичъ! Имѣйте мужество, потерпите еще: вѣдь уже разбили глухую стѣну невѣжества; дайте-же возможность окрѣпнуть дуга великой идейной смѣлы, которая быстро растетъ вокругъ васъ. Кой-гдѣ появляются отдѣлы Союза „Вѣстникъ Знанія“. Счастливые! Они уже объединяются. Захолустные подписчики, не имѣемъ возможности объединиться, но вѣрьте: имѣетъ значеніе „Вѣстн. Знанія“ громадно, и если мы пока еще не пишемъ, вмѣсто того съ наслажденіемъ ѣдимъ, благодаря вамъ, плоды древа познанія, вмѣстѣ съ этимъ кой-чему, подождите, и научимся. Не преувеличу, если скажу, что, сдѣлавшись подписчикомъ вашего журнала я нашелъ смыслъ жизни. Служить для меня и университетамъ и источникомъ, черпая изъ котораго, я являюсь душой для служенія народу.

На идеалахъ „Вѣстника Знанія“ обновляется жизнь, на нихъ-же строится кромѣ того, зданіе великой, просвѣщенной свѣтомъ познанія народной смѣлы.

Проченъ фундаментъ, на которомъ вы строите ваше зданіе.

Учитель Николай Поповъ.

Къ статьѣ В. В. Битнера «Напоминаніе».

(Взаимопомощь № 7. 1907 г., стр. 174).

Глубокоуважаемый Вильгельмъ Вильгельмовичъ! Вы такъ неустанно проповѣдуете свои идеи, такъ неустанно будите насъ, заброшенныхъ въ глухую уголки родной Россіи, такъ усиленно зовете насъ къ свѣту, что прямо, не

рита, что такую массу энергіи можетъ проявить *одинъ* человѣкъ. Нужно слишкомъ много вѣры въ лучшее, и притомъ въ близкое лучшее будущее, чтобы такъ усильно работать (не думайте, что я говорю все это „комплименты“, нѣтъ я глубоко оцѣнилъ Вашу неустанную энергію и Вашу широкую инициативу и притомъ я пришелъ къ этому убѣжденію постепеннымъ, медленнымъ путемъ размышленія о Вашей дѣятельности и критики ея). Итакъ, Вы, глубокоуважаемый Вильгельмъ Вильгельмовичъ, работайте, страстно зовете къ свѣту—знанію, зовете на борьбу съ тьмою, не жатѣ своихъ силъ и своей энергіи, а мы, заброшенные вглубь Россіи, отвѣчали молчаніемъ; Вы надрываете свои силы, подымая свѣточъ знанія, а мы не хотимъ поддержать Вашу, если не ослабѣвшую еще, то могущую скоро ослабѣть руку; и Вамъ, одинокому бойцу, начинаетъ казаться, что мы, заброшенные вглубь Россіи, равнодушны къ знанію, свѣту, культурѣ, что мы относимся безразлично къ этимъ великимъ идеаламъ человѣчества; у Васъ вырывается горькое слово укора намъ, не хотимъ помочь Вамъ нести свѣточъ знанія въ народъ.

Глубокоуважаемый Вильгельмъ Вильгельмовичъ! О, если бы Вы знали, какое сильное у многихъ изъ насъ стремленіе поработать на общую пользу и если бы Вы знали, какая сильная радость охватываетъ многихъ изъ насъ, когда намъ удастся заложить въ душу одного изъ нашихъ меньшихъ братьевъ, хоть маленькую искорку свѣта, если мы, хоть капельку прояснили тьму въ головѣ нашего брата изъ народа. (Я говорю послѣднее потому, что самъ испытывалъ подобныя чувства, работая въ народной школѣ. Какъ бы мы хотѣли отлаться всесторонней просвѣтительной работѣ, такъ какъ сознаемъ всю ея важность, всю ея необходимость для каждого народа, тѣмъ болѣе русскаго!

Но развѣ намъ дадутъ возможность свободно работать? Развѣ намъ позволятъ вложить въ голову крестьянина истинный свѣтъ? Наша администрація увидитъ въ этомъ „революцію“—это фактъ. Ого, позволить собраться людямъ вмѣстѣ и читать „Налогов и государственное раззореніе“ или даже такую невинную вещь, какъ, положимъ, „Донсторическій человѣкъ“—это вѣдь нарушеніе „устоевъ“ государства! Чего недоставало? Наша администрація, которая при словѣ „книги“, „просвѣщеніе“, (не говорю уже о словахъ: — именно о словахъ — только о словахъ), „соціальный“, „право“, „политическій“ и т. д.; не говорю и о красныхъ обложкахъ книгъ, — приходить въ злобное состояніе, администрація, которая отнимаетъ „Эволюція идеѣ божества“ (прил. къ „Вѣстн. Знанія за 1906 г.) за то только, очевидно, что „эволюція“ близко по произношенію къ слову „революція“ (у меня во время обыска едва удалось „отвоевать“ отъ пристава „Эвол. идеѣ Бож.“, доказывая, что тогда если ужъ онъ возьметъ эту книгу, то нужно брать весь „Вѣстникъ Знанія“),—развѣ эта администрація допуститъ какіе-то „кружки“ и чтеніе книгъ, въ которыхъ нѣтъ, нѣтъ да и промелькнетъ слово: „свобода“ и т. п.

...И поневолѣ впадаешь въ апатію, и все становится немпо; кажется, вмѣсто купола неба опустился на насъ тюремный сводъ, который насъ душитъ своей тяжестью... Всѣ Ваши свѣтлыя идеи о „Народныхъ Академіяхъ“ и т. д. кажутся намъ какою-то фантастическою сказкою, какою-то далекою невыполнимою при нынѣшнихъ условіяхъ мечтою...

И теперь я думаю передъ сознаніемъ каждого русскаго интеллигента, вмѣющаго „душу живу“ стоятъ два вопроса: куда идти—нести ли знанія въ народъ (науку, искусство и т. д.) или же содѣйствовать скорѣйшему разрушенію преградъ, которыя мѣшаютъ лучамъ свѣта—знанію со всей неудержимостью хлынуть въ народную тьму: вѣдь при нынѣшнихъ условіяхъ такъ мало можно сдѣлать и такъ много нужно энергіи, чтобы учить другихъ съ чисто-образовательною цѣлью — не знаешь, куда броситься, не знаешь, гдѣ болѣе продуктивна работа...

Итакъ, глубокоуважаемый Редакторъ, вотъ почему, я думаю, *Вѣстникъ Знанія* шлѣхъ. Не равнодушіе, не недлюбовь къ знанію—свѣту, а тяжелая, невозможная условія для культурной работы создали это молчаніе.

О, еслибъ хоть немного ослабили путы, связывающія насъ! Съ радостью понесли свѣтъ вглубь народа!

Остаюсь уважающій Васъ подписчикъ „Вѣстника Знанія“ № 14.

Идеи „Вѣстника Знанія“ среди эстовъ.

Многоуважаемый г. редакторъ! Извините, мы, питомцы „Вѣстн. Зн.“ еще такъ косны и индифферентны, что ждемъ Вашего „напоминанія“, только тогда, нехотя, приняться за отвѣты. Я ужъ такъ и положилъ, — отвѣтами по поводу Народной Академіи совѣтъ не возвратитъ: стыдно написать тамъ только, что—„Да, желательны!“—желательны все это, и дѣла, и сжегодникъ,—если не имѣю возможности всему этому оказывать такого содѣйствія (за исключеніемъ, положимъ, нѣсколькихъ рублей...). Что предложить въ поддержку такимъ грандіознымъ предпріятіямъ живущій въ грошевой учитель-пноронецъ, развѣ только свои добрыя пожеланія!? Такая среда, гдѣ здѣсь въ захолустѣ Эстляндіи, можно проповѣдывать „Вѣстн. Зн.“, это среда учительская,—но мы разбросаны по одиночкѣ, погрозилъ въ хлопотахъ погоня за насущнымъ хлѣбомъ. Негдѣ пригнать идеи, распространять Ваши изданія...

Однако, мы не бездѣйствуемъ. Эсты заняты учрежденіемъ своихъ свѣтительныхъ обществъ подъ назв. „Общ. Народн. Образованія“, которое за теченіе года у насъ появилось нѣсколько десятковъ. Въ болѣе богатыхъ краяхъ общества кинулись на открытіе учебныхъ заведеній (даже гимназій), также богатія ограничиваются скромною ролью открытія бібліотекъ, устройства церквей, спектаклей и—даже иногда лекцій. Все движеніе пока кажется вялымъ (исключая школы), что отчасти слѣдуетъ поставить въ вину, по моему положенію: процедура учрежденія общества представляетъ сплошное мѣтараніе собраній устраивать не разрѣшаютъ (или разрѣшаютъ по простѣиіи) самые лучшие люди наши посланы...

Нашимъ обществамъ образованія предстоитъ еще тернистый путь самаритянъ, самоуправленія и объединенія, пока они могутъ добиться своей національной цѣли: изданіе книгъ и журналовъ научнаго содержанія для народа, устройство лекцій и курсовъ на эстонскомъ языкѣ. Вслѣдствіе этого наше образовательное движеніе будетъ изолировано отъ Союза „Вѣстн. Зн.“; мы, интеллигенты-эсты, не можемъ оторваться отъ своего національнаго движенія, что приходится дѣлать, если объединяться въ отдѣлы Союза „Вѣстн. Зн.“*). Вслѣдствіе этого мы будемъ хладнокровнѣе относиться къ Вашимъ грандіознымъ планамъ, не будемъ всецѣло отдаваться имъ, хотя отъ всей души имъ симпатизируемъ. Но, наоборотъ, въ Вашей нравственной поддержкѣ, въ „Вѣстникѣ Знанія“ очень и очень нуждаемся. Ваши фанари, лекціи, руководства оказываютъ намъ незамѣнимую услугу, хотя переводъ лекцій очень затрудняетъ недостатокъ нашихъ терминовъ на эстонскомъ языкѣ. Я не преувеличиваю, если скажу, что Ваши горячіе призывы „учиться и учить другихъ“ воодушевляли многихъ нашихъ дѣятелей къ святому дѣлу просвѣщенія; особенно популяренъ сталъ „Вѣстн. Зн.“ сразу въ средѣ „деревенскихъ“ учителей. Для многихъ буквально

*) Здѣсь очевидно недоразумѣніе—Союзъ „Вѣстникъ Знанія“ настолько этому національному движенію мѣшать не можетъ, напротивъ, эстовъ всѣми силами содѣйствовать культурному движенію восточнотышей и др. народовъ. *Ред.*

яемъ оказывается новостью, все проглатывается съ жадностью этими проголодавшимися умами. Теперь будемъ въ мѣстныхъ образ. обществахъ съ пользою употреблять знанія, почерпнутыя изъ „Вѣстн. Зн.“ Со временемъ наши образовательныя общества объединятся въ союзъ, который можетъ примкнуть къ Союзу „Вѣстн. Зн.“. Отдѣльнаго же отдѣла Союза „Вѣстн. Зн.“ у насъ, по моему, учреждать не стоитъ,—боюсь, онъ былъ бы въ ущербъ нашему національному просвѣтит. дѣлу. Кружки же для самообразованія у насъ, конечно, будутъ и должны появляться; они несомнѣнно нужны.

II.

Съ предложеніемъ Московскаго отдѣла о выдѣленіи „Взаимопомощи“ въ отдѣльный органъ не могу согласиться. Вы уже указывали сами на матеріальныя затрудненія, но кромѣ того,—нѣкоторые отдѣлы „Взаимопомощи“ такъ тѣсно связаны съ „Вѣстн. Зн.“, что ихъ никакъ отдѣлить нельзя, ихъ все равно пришлось бы оставить и въ самомъ „Вѣстн. Зн.“, таковы: Спорные вопр. жизни и нравств., научная переписка, отвѣты. Другое дѣло, отдѣлъ „Молодежи“, но навѣрно и онъ пока долженъ помѣщаться въ самомъ „Вѣстн. Зн.“.

Не могу согласиться также съ мнѣніемъ о. Весѣды о лекціяхъ Нар. Ун. По моему, крестьяне страдаютъ у насъ не столько, отъ недостатка практическихъ свѣдѣній сколько отъ общаго политическаго режима. Самые лучшіе совѣты имъ негдѣ и никакъ примѣнять. И рабочій человѣкъ, и крестьянинъ нуждаются прежде всего въ общихъ знаніяхъ, въ правильномъ жпзн. и міропониманіи, только тогда онъ будетъ способенъ сознательно взяться за улучшение своего политическаго и экономическаго быта. Да вѣдь и теперешнія лекціи Нар. Ун. всѣ содержатъ много, очень много необходимыхъ практическихъ указаній. Совѣтуя продолжать лекціи въ томъ же духѣ.

Мысль изданія ежегодника очень удачная,—такая книга должна интересовать каждого образованнаго человѣка. Желательно, чтобы онъ заключалъ въ себѣ полное резюме пережитаго года. Можно пазначить даже особую подписную цѣну.

Самгадъ, 15 сент. 1907 г.

Подписчикъ учит. I. Вейманъ (№ 6983).

По поводу „ругательныхъ“ писемъ въ Редакцію *).

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Настоящее письмо мы помѣщаемъ не съ цѣлью продолженія полемики,—самъ авторъ письма проситъ не смотрѣть на него съ этой стороны,—а только лишь для возбужденія принципиальнаго вопроса о той или иной постановкѣ Суда Чести. Что касается г. Дюгенова, то мы просимъ его не принимать этого письма за какой-либо выпадъ противъ него лично. Ничего подобнаго здѣсь быть не должно, и мы считаемъ съ этой стороны вопросъ исчерпаннымъ.

*) Настоящее письмо слишкомъ запоздало своимъ появленіемъ, поскольку оно имѣетъ значеніе, какъ отвѣтъ на аппелляцію подп. свящ. Дюгенова, въ № 2 В. Зн. Оно было написано еще въ апрѣлѣ, но помѣшали „независимыя обстоятельства“. Было не до письма... Затѣмъ оно было готово въ маѣ, какъ снова грянули „непредвидѣнныя обстоятельства“... Такъ, по специфическимъ условіямъ переживаемаго времени, я цѣликомъ нахожусь во власти то „независимыхъ“, то „непредвидѣнныхъ“ обстоятельствъ...

Въ № 2 „Вѣстника Знанія“ за тек. годъ помѣщена статья Чести подп. свящ. Діогенова. Въ виду того, что она является порицаніемъ ему отъ группы подписчиковъ, возраженіемъ, отвергающимъ товарищескаго суда мнѣній среди подписчиковъ, какъ членовъ одной семьи, опускается настоятельная необходимость въ помѣщеніи отвѣтнаго письма.

Выраженіе порицанія, которое мы разсматриваемъ, какъ конкретное возраженіе идеи товарищескаго суда чести—правда, еще въ зачаточной формѣ встрѣтило горделивую отповѣдь со стороны подп. Діогенова. Мы съ своей стороны въ такомъ случаѣ обязаны снова говорить на эту тему и на этотъ разъ дать теоретическія разъясненія на принципиальной почвѣ; тѣмъ болѣе обязаны, если письмо подп. Діогенова имѣетъ по недоразумѣнію солидарныхъ нѣтъ, которые безвозвратно продолжаютъ мыслить по Діогеновски.

Поскольку рѣчь идетъ о свящ. Діогеновѣ, какъ работникѣ на полѣ свѣщенія, мы готовы засвидѣтельствовать свое уваженіе къ его неустаннымъ попыткамъ по воздѣлыванію дикой засоренной цѣлины. Но въ данномъ случаѣ хотимъ говорить не о заслугахъ его въ этой области, а о ложномъ и вредномъ взглядѣ члена нашего союза на сущность идеи суда чести, страннымъ казательствомъ котораго могутъ служить нежелательнымъ прецедентомъ въ нашемъ подобнаго рода.

Всякому, внимательно слѣдящему за отвѣтами—кстати сказать, сохранявшими всегда идейное содержаніе,—небезызвѣстно, что изумительные оскорбленія редакціи бывали, особенно въ первые годы существованія „Вольшинство“ „ругательныхъ“ писемъ, какъ извѣстно, касалось или фактуры, количества и качества даваемого матеріала или даже порядка выхожденія при оженіяхъ, перемѣны, неполученія; отсюда и происходили всякіе перлы, въ „карманчикъ“, „мошенничество“ и т. п. крѣпкія словечки базарнаго жаргона. Случались и такія, которыя съ высотъ благожелательнаго скептицизма пускались въ „легкую критику“ по поводу роли самаго журнала, его „затѣй“ и пр. всѣ эти велемудрыя сужденія обычно сопровождались столь „блестящими“ „свободными“ выраженіями, что становилось стыдно за самихъ авторовъ.

Наступило время. Подписчики Вѣстника Знанія убѣдились въ твердой позиціи и небывалой еще нигдѣ организаціи журнала, сплотились вокругъ него, почувствовали родную связь, которая и позволила объединить эту разбросанную по духовно однородную массу въ гигантскій по плану Союзъ „Вѣстникъ Знанія“. Проникнутые девизомъ „Вѣстника Знанія“: „Учиться и учить другихъ“, они главѣ съ редакціей составляютъ одну великую мессіанскую армію вѣстниковъ-популяризаторовъ знанія, ту армію, которая, „идя въ народъ“, имѣетъ цѣлью въ темной гушѣ народной зажечь факелы „Знанія“ и, освѣщая сумерки окружающаго, разрушать мрачное царство невѣжества и идти по ступенямъ свѣта царства Знанія къ Свобождѣ... Мы свято чтимъ тотъ день и часъ, когда редакція, призывъ вооружиться молотомъ знанія и ковать счастье народа... Въ день нашей тогѣ свѣтлый день, когда громко, во всеушадшаніе, всѣ молодыя силы призывались къ борьбѣ съ темными силами нашей жизни. Мы ощущаемъ этотъ согревающий и объединяющій лучъ энергій, которая горитъ въ редакціи Вѣстника Знанія и неустанно, давая силы, зовѣтъ на работу.

„Разуй обувь твою: здѣсь мѣсто свѣта!“

И всякое слово „гнило“ въ нашей семьѣ, откуда бы оно ни шло, было неразумнымъ словомъ „несмысленнаго галата“, а случаи беззащитныхъ удирокъ—руготни и всякихъ пошло-ѣдкихъ характеристикъ будутъ дикимъ оскорбленіемъ, злой насмѣшкой надъ святыми чувствами окружающихъ товарищей.

Что скажутъ они ему? Каково будетъ ихъ отношеніе къ ворвавшейся диссидансу въ ихъ согревѣтую однимъ чувствомъ среду?

Не появится ли чувство горькаго оскорбленія, недоумѣнія на лицѣ и вѣданія въ душѣ избавиться отъ „этакихъ“ судей“. „Товарищъ! быть можетъ“

недостаточно осмыслили свою роль въ нашемъ союзѣ, и потому мы ошиблись въ тебѣ, считая за товарища, а, быть можетъ... быть можетъ, ненормальнѣе!..“ Если констатируется, что здѣсь нѣтъ момента, предусмотрѣннаго патологической физиологіей, то всякій товарищъ, не только въ правѣ, но и нравственно обязанъ, помимо психическаго импульса, поставить такому диссонатору на видъ несовѣстимость его поступка съ тѣмъ званіемъ, которое онъ имѣетъ, какъ членъ Союза „Вѣстника Знанія“ (Хотя бы формально онъ и не числился). Было бы психологически негѣпо—въ данномъ случаѣ—сохранять невозмутимое спокойствіе трансцендентнаго философа, который умѣетъ сморгнуть „поверхъ“ всего, даже самой жизни...

Теперь позвольте спросить, умѣстно ли кричать и волноваться, какъ это дѣлаетъ подп. свящ. Діогеновъ, по поводу „возмутительно-грубыхъ выпадовъ“ со стороны товарищей-подписчиковъ, выразившихъ групповое порицаніе за оскорбленіе редакціи, которая,—повторяемъ,—есть часть всей великой семьи. Если это такъ, не свидѣтельствуетъ ли это о томъ, что такой подписчикъ, въ данномъ случаѣ свящ. Діогеновъ, не считаетъ себя товарищемъ и членомъ нашей душой-семьи и отрицаетъ судъ товарищеской совѣсти, хотя по странному недоразумѣнію апеллируетъ къ какому-то мишечскому для него суду чести. „Редакція позволяетъ себѣ терзать меня г.г. Кондр., глумиться надо мною“,—вопіетъ священникъ и самымъ выпуклымъ образомъ доказываетъ только что высказанную мысль. Потрудитесь, читатель, вдуматься въ эту фразу: въ ней скрытъ смыслъ глубокий и страхи немалые. Вѣдь, это въ другихъ словахъ значитъ: редакція „Вѣстника Знанія“ спустила на свящ. Діогенова стаю членовъ Союза, чтобы учинить надъ непокорнымъ судъ и расправу. Это сказано слишкомъ смѣло и зло. А, главное, оригинально! Редакція журнала въ качествѣ департамента полиціи, разсылающая отряды гнусныхъ карателей (О, Господи, съ нами крестная сила!) Гдѣ ужъ тутъ, милые мои, о товарищескихъ отношеніяхъ бобы разводить! И закататься не слѣдъ.

Итакъ, рѣшивъ стоять вѣдъ предѣловъ „достигаемости“ требованій товарищеской этики и стараясь все-таки что-то дѣлать *), подп. только наговариваетъ на себя. Онъ пускается въ область біографіи. Старательно рисуетъ намъ портретъ интеллигентнаго труженика-просвѣтителя медвѣжьего угла, любезно сообщаетъ о напичканомъ составѣ своей бібліотеки, выкладываетъ свои духовные запросы и пр. и прочая. И какъ это вы, дескать, милостивые государи, „г.г. Кондр. и Ко“ смѣете упрекать меня въ преступленіи противъ товарищеской чести? Вы знаете, что я не такой грѣшникъ, какъ другіе прочіе! Отъ такого, съ позволенія сказать, способа оправданія и защиты мы рѣшительно въ недоумѣніи! Здѣсь положеніе наше настолько затруднительно, что мы не рѣшаемся даже останавливаться въ разсужденіяхъ на эту тему. С нимъ-то различны углы расхожденія? Кому какое дѣло знать, сколько у меня „генераловъ отъ критики и публицистики“. Мало ли что есть у кого на свѣтѣ!

Далѣе. Далѣе снова біографія. Съ той неключительною цѣлью, чтобы вывести „происхожденіе“ некорректнаго поступка и незамѣтнымъ образомъ для себя, но опутительнымъ для насъ, показать и свой взглядъ на отношеніе къ чужой личности. Въ протяженной „апелляціи“ онъ тщательно разсказалъ, намъ про свои просвѣтительные и иные эксперименты, повѣдалъ о неудачахъ, преслѣдующихъ его, и всякихъ жизненныхъ заключеніяхъ, которыя накопили въ душѣ его горькій осадокъ неосуществившихся желаній и настолько вывели изъ состоянія равновѣсія, что явилась нестерпимая потребность всѣхъ ругать и разносить, рвать и метать направо и налево, не разбирая ни праваго, ни виноватаго, и избѣгая, однако, какими то чудомъ больше виноватыхъ. И настолько далеко

*) Фиксируя, повидимому, одну цѣль: ослабить впечатлѣніе отъ по-благовиднаго поступка.

въ этомъ зайти, что не хватаетъ, при первыхъ проблескахъ сознанія, и разорвать скандально-ругательное письмо въ Редакцію!

Во-первыхъ, позвольте замѣтить: поучительная біографія, какъ таковая вещь не предосудительная, но какъ способъ выясненія товарищескихъ отношеній она, по нашему крайнему разумію, всетаки несостоятельна, какъ бы ни была интересна она ни была. Во-вторыхъ, помилуйте, почтенные, вытаскивать съ большой головы на здоровую! Многіе изъ насъ имѣютъ у себя за плечами тяжелый багажъ жизненныхъ невзгодъ и неудачъ. Всѣмъ хорошо извѣстна старая практика российской дѣйствительности, гдѣ все новое, оригинально и смелое загоняется въ подполье, терпя крушеніе своихъ плановъ. Но, вѣдь, отбрасывая опрометчивыхъ раздачу направо и налево обидъ и оскорбленій, только тогда что онѣ рвутся съ языка,—дистанція огромнаго размѣра.

Едва ли и психологически правильно при такихъ острыхъ душевныхъ и рѣживаніяхъ оскорблять все то, что высоко и благородно. Кажется, должна быть обратная картина. Въ такіа минувны жизни хочется подѣлиться своимъ горемъ, повѣдать сокровенныя мысли и выстраданныя желанія, просить совѣта, поддержки слова или хоть вниманія къ своему горю.

Изъ нашего краткаго анализа напрашивается выводъ, что существуетъ, повидимому, новый типъ людей, для которыхъ рѣдкая, какъ оазисы въ пустыне, прогрессивность въ ихъ лагерѣ служить въ нужныхъ случаяхъ коррективомъ чести, совѣсти, а тернія жизни, ея испытанія—безусловнымъ стимуломъ во всякаго рода эксцессамъ,—напримѣръ, метанію стрѣлъ накопившей злобы туда, куда онѣ, по всѣмъ даннымъ своей безпаспортности, не должны бы и заглядывать.

Желательно, чтобы этотъ типъ проникался общимъ взглядомъ на этотъ вопросъ и тѣми понятіями, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ современному теоретическому уровню цивилизованнаго общества.

„Кондрашечкинъ и Я.“

ПРОЕКТЪ СУДА ЧЕСТИ.

Позвольте предложить вниманію товарищей подписчиковъ основанія моего проекта Суда Чести Союза „Вѣстникъ Знанія“.

Существующій у насъ въ настоящее время Судъ Чести не можетъ считаться Судомъ, какъ таковымъ, въ виду своей примитивности. Ознакомляя читателей обстоятельствомъ дѣла, онъ не заключаетъ въ себѣ наличности второго момента въ производствѣ суда, т. е. его постановленія, какъ выраженія зрѣлаго и справедливаго общественнаго мнѣнія.

Осуществленіе суда въ послѣдней формѣ, по моему проекту, будетъ таково. Начала децентрализаціи должны найти въ нашемъ Союзѣ свое наилучшее проявленіе; а потому никакого центрального учрежденія, предающаго суду и выносящаго судъ, не можетъ быть. Судъ Чести, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, долженъ быть мѣстный.

Вынося инкриминируемое письмо на страницы „Вѣстника Знанія“ съ адресомъ, редакция указываетъ тотъ отдѣлъ или кружокъ, въ которомъ долженъ подписчикъ состоятъ, или ближайшій къ нему по мѣсту. Разумѣется, это не служитъ „преданіемъ“ суду, а только необходимой справкой.

Мѣстный Отдѣлъ или кружокъ, имѣвъ сужденіе о поступкѣ подписчика, долженъ выносить рѣшеніе и, смотря по вредности его, дѣлаетъ мотивированное постановленіе о преданіи бойкоту (слѣдуетъ держаться тактики пассивнаго бойкота). Резолюція Суда помѣщается въ мѣстномъ органѣ печати *) и одновременно высылается въ очередной № „Вѣстника Знанія“.

*) А при народженіи повсемѣстныхъ отдѣловъ Союза въ органы, которые будутъ издаваемы этими отдѣлами.

полагая, что объявленіе бойкота не должно вести за собою безусловное возмездіе. Если подписчикъ изъ той „породы“, о которой говорилъ Вильгельмъ Кельховичъ Витперъ, то онъ не замедлитъ сдѣлать „разъясненіе“, которое, полагать, будетъ „удовлетворительно“. Впрочемъ, можно ли даже говорить о возможности „прискорбныхъ недоразумѣній“ со стороны такого подписчика!

Если же подписчикъ „изъ дикихъ“, т. е. изъ той категоріи подписчиковъ, которые, такъ сказать, мерещатся только цифры „8“ и „48“, то представляется случай прослѣдить эволюцію того или другого характера, въ зависимости отъ вліянія, которое оказалъ Судъ Чести. Бude его пробужденіе, коeму способствовало, вѣроятно, вынесенное коллективное осужденіе товарищами, онъ не откажется раскаяться и сдѣлаться „прозелитомъ“. Когда этого мы не увидимъ, въ случаѣ убѣдиться, что предъ нами чуждый намъ человѣкъ, по ошибкѣ попавшій въ нашу семью.

Предложенныя основанія, на которыхъ было бы наиболѣе цѣлесообразно наложить Судъ Чести, безъ сомнѣній, не всѣми деталями соотвѣтствуютъ настоящимъ условіямъ „гражданской“ жизни. Я обошелъ такія практическія соображенія, какъ отсутствіе органа печати или кружка Союза. Но надо полагать, что эти дефекты нисколько не остановятъ осуществленіе полезной идеи.

Дм. Кондрашечкинъ.

О Ежегодникѣ „Вѣстника Знанія“ и др. вопросахъ.

Глубокоуважаемый В. В. Въ № 7 нашего дорогаго журнала помѣщенъ опытъ отнѣсавъ къ подписчикамъ высказаться по разнымъ вопросамъ, помѣщеннымъ въ этомъ и предыдущемъ № №.

Такъ много проектовъ, и одинъ лучше, шире другого! Восторгаться ими—это бесполезно—отнимать у Васъ время. Что же касается одобренія, то такъ естественно звучитъ это словъ по отношенію ко всѣмъ Вашимъ чуднымъ замысламъ.

Остаются одни детали. О академіи я уже писала, но я увѣрена, что оставаясь въ Ельцѣ, я не доживу до того, чтобы имѣть возможность принять въ дѣлѣ личное участіе, и поэтому въ дополненіе къ листку мнѣ остается только подробное развитіе свое мнѣніе о ежегодникѣ „В. Зн.“. Самъ по себѣ онъ очень желателенъ и интересенъ. Желательно, чтобы онъ былъ необходимымъ приложеніемъ къ журналу, чтобы сдѣлать подписку на него обязательной. Иначе онъ можетъ не окупить расходовъ.

Такой ежегодникъ не долженъ быть слишкомъ большихъ размѣровъ. Охватывая разныя области, онъ долженъ быть по возможности кратокъ, передавая лишь главную мысль, освѣщая событія, но отнюдь не вдаваясь въ перечень подробностей. Лучше меньше фактовъ, лишь бы то, что помѣщено въ ежегодникѣ, давало интересный, содержательный матеріалъ для чтенія. Къ перечисленнымъ рубрикамъ еще желательно добавить краткій обзоръ литературы за истекшій годъ. Это значительно увеличитъ интересъ ежегодника.

Часть ежегодника должна представлять собою календарь съ записной книжкой. Въ этой послѣдней мѣсто можетъ быть уделено для самыхъ различныхъ записей: учебныхъ, служебныхъ, хозяйственныхъ, но желательна отдѣльная рубрика для занесенія всего, касающагося области саморазвитія, что съ этой цѣлью прочитано, что написано, и т. д. При этомъ отдѣльная записъ: какого числа начата какая книга, когда окончена, какое впечатлѣніе вынесено изъ ея чтенія и т. д. Можетъ быть оставлено мѣсто для выпишки тѣхъ отрывковъ изъ прочитаннаго въ теченіе года, которые произвели особенно сильное впечатлѣніе.

Ежегодникъ можетъ заключать въ себѣ обзоръ событій съ 1 іюля по 1 іюля, такъ какъ это соотвѣтствуетъ учебному году и вообще зимній періодъ нѣчто

цѣльное. Разсылаться же подписчикамъ онѣ долженъ съ 1 января журнала, чтобы они могли съ 1 января вести аккуратную записъ. Или же. Если ежегодникъ будетъ обозрѣвать годъ съ 1 января по 1 января, то въ немъ должна вестись съ 1 іюля, и часть его, содержащая записку, должна быть разслана не позже іюня.

По моему удобію записъ вести съ 1 января. Въ записной же можетъ быть отдѣлъ, наводящій на мысль о наблюдѣніи за тѣми или другими явленіями природы. Каждому отдѣлу записной книжки желательно было бы послать краткую статейку, выясняющую значеніе данного отдѣла. Въ текстѣ долженъ быть отдѣлъ, касающійся педагогики, дѣтской литературы и т. д. Конечно, изданіе идеала ежегодника едва ли достижимо, но по моему было бы разслать хотя первую часть ежегодника съ 1 іюля 1907 по 1 января 1908 г. не позднѣе декабря, и при этомъ разслать опросные листки, на которыхъ каждый имѣлъ бы возможность выразить свое мнѣніе о желательныхъ измѣненіяхъ.

Съ новаго подписного года было бы удобное издавать по-прежнему „В. Зн.“ съ 36-ью приложеніями, или въ крайнемъ случаѣ съ 12-ью обязат. и 24-ми необязат. отдѣльной подпискою, изъ коихъ 4 могутъ составлять различныя части ежегодника.

Съ другой стороны это дало бы можетъ быть возможность удѣлить 2 приложения для народа. Это уже мое мнѣніе по поводу письма священника В. Весѣды. Совмѣстить интересы крестьянской малограмотной массы съ интересами большинства подписчиковъ, конечно, немислимо. Но я думаю, что каждый идейный подписчикъ согласится удѣлить хотя малую лепту изъ той суммы, которую представляетъ нашъ журналъ, въ пользу ничего не платящей массы полуграмотнаго населенія. И пусть этой лептой будутъ хотя бы 2 приложения къ нашему журналу, которая будутъ разсчитаны исключительно на малограмотнаго слушателя или полуграмотнаго читателя. Они должны содержать интересныя статьи, самого разнообразнаго характера, предназначенныя для народа, какъ подарокъ ему отъ подписчиковъ интеллигентныхъ.

Пусть эти книги выходятъ передъ Пасхой и передъ Рождествомъ. Они радости могутъ онѣ принести. Лично я согласилась бы увеличить число страницъ и прибавить къ нимъ отдѣлъ для дѣтей, но я боюсь, что это уменьшитъ интересъ другихъ подписчиковъ къ журналу, и поэтому не советую больше 2-хъ такихъ приложений, потому что 2 приложения это много въ морѣ того, что даетъ нашъ журналъ, и эту каплю каждый, думаю я, удѣлитъ съ удовольствіемъ.

Выдѣленіе отдѣла „Взаимопомощи“ въ отдѣльное изданіе безусловно нежелательно. Это одна изъ самыхъ дорогихъ частей „В. Зн.“, а „В. Зн.“ долженъ всегда и во всѣхъ вопросахъ стоять на первомъ планѣ. Отъ него ничего нельзя отрывать. Прибавить, конечно, можно, но тогда и онъ прибавится, а будетъ ли это въ интересахъ большинства? Я думаю нѣтъ! Раздѣлять же нашъ дорогой „В. Зн.“, по моему, не надо.

Уважающая Васъ и признательная Вамъ подписчица № 8364 А. Рабей-мейстеръ.

Отвѣты кружкамъ Союза „Вѣстника Знания“.

Скатирибургскому кружку.—Выражаемъ желаніями. Что касается вопроса о томъ, какъ въ благодарность за Ваши замѣчанія по легализоваться, то въ настоящее время по поводу программы „Вѣст. Зн.“ въ будущемъ нѣтъ никакихъ въ этомъ отношеніи постановокъ; постараемся координировать желанія подписчиковъ. Необходимо лишь руководиться въ большинствѣ подписчиковъ съ условіями виллами 4 марта 1906 г., объ Обязательствѣ издательск. г. дѣла и редакціонными соображеніями и Союзахъ, опубликованными въ „Протоколѣ“.

Вѣст. Впрочемъ любой изъ ближайшихъ Адреса упомянутыхъ отдѣловъ были опубликованы въ журналѣ. Напишите. Можетъ быть, Московскій) можетъ Вамъ дать подробныя вѣщанія и правленія этихъ отдѣловъ на указанія. Опасенія нечеловѣкъ, желающихъ, пишутъ Вамъ по собственной инициативѣ, вступить въ кружокъ, но боящихся отвѣтственности, почему и сообщаемъ на всякій случай адресъ Вашего уполномоченнаго (см. ниже).

Обращаемъ вниманіе на то, что въ рассылаемой бесплатно всѣмъ желающимъ брошюра-каталогъ за 1907 г. помѣщены правила объ обществахъ и союзахъ 4 марта 1906 г.

Къ организаціонной дѣятельности Союза „Вѣстникъ Знанія“.

Отъ Неаполитанскаго отдѣла союза „Вѣстникъ Знанія“ („Corriere della Scienza“).

Русскимъ друзьямъ по идеѣ.

Товарищи! Мы надѣемся, что для васъ будетъ глубоко радостной вѣсть о зарожденіи идеи „учиться и учить другихъ“ далеко за рубежомъ Россіи, въ странѣ, замѣчательной не только красотой своей богатой природы, но и еще болѣе красивой историческаго прошлаго.

Этотъ новый успѣхъ идеи, подъ знаменемъ которой вы работаете сейчасъ въ Россіи, является серьезнымъ моментомъ въ развитіи нашей самообразовательно-просвѣтительной работы. Проникновеніе идеи союза „Вѣстникъ Знанія“ въ Италію безъ сомнѣнія тѣсно свяжетъ молодежь обоихъ странъ и дастъ общей нашей работѣ тотъ высокій идейный интересъ, какой можетъ дать только сознаніе, что эта работа не ограничивается узкими рамками даннаго района, а увѣренно идетъ впередъ, расширяя свои границы и приобѣтая все новыхъ и новыхъ сторонниковъ. Мы не сомнѣваемся, что сознаніе внутренней силы идеи, которая сумѣла перескочить черезъ границу Россіи и привиться въ другой странѣ, между мало еще знакомыми русскимъ кружкамъ „Вѣстн. Знанія“ людьми, среди совершенно иныхъ условій жизни,—это сознаніе сразу вдохнетъ энергію въ ряды всѣхъ русскихъ организацій, избравшихъ своимъ девизомъ: „Учиться и учить другихъ“, и сдѣлаетъ ихъ работу болѣе интенсивной и плодотворной, а эта напряженность работы, передавшись сюда, въ Италію, дастъ въ свою очередь новый толчекъ къ развитію и упроченію здѣсь просвѣтительныхъ идей союза „В. Знанія“.

Но дѣло, которое мы начинаемъ—въ высшей степени трудное и отвѣтственное. Если въ Россіи, при наличности такого серьезнаго въ смыслѣ пропаганды самообразовательно-просвѣтительныхъ идей органа, какъ „Вѣстникъ Знанія“, прочная организація союза была достигнута лишь втѣченіе нѣсколькихъ лѣтъ, то здѣсь, съ нашими скромными средствами усвой пропаганды для достиженія однородныхъ результатовъ понадобится можетъ быть вдвое большее количество времени и несомнѣнно во много разъ большее количество успѣховъ со стороны инициаторовъ предпринятаго дѣла. Вотъ почему мы, начиная нашу дѣятельность, прежде всего обращаемся къ вамъ, наши русскіе единомышленники, за моральной и не менѣе необходимой матеріальной поддержкой, въ которой—надѣемся—вы не найдете причинъ намъ отказать.

Такъ какъ основой неаполитанскаго отдѣла союза „Вѣстникъ Знанія“ является главнымъ образомъ русское студенчество и такъ какъ этотъ наиболѣе пока близкій къ идеѣ союза „В. Знанія“ элементъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе возрастаетъ здѣсь количественно, то первой нашей заботой является организація въ Неаполѣ русской бібліотеки, которая, удовлетворяя умственнымъ запросамъ существующей здѣсь русской колоніи, служила-бы объединяющимъ звеномъ для всѣхъ членовъ этой колоніи и являлась-бы центромъ пропаганды идей союза „Вѣстникъ Знанія“. Научный отдѣлъ этой бібліотеки мы надѣемся составить

собственными средствами, выписавши для этой цѣли различные издания“, къ вамъ-же, русскіе друзья, мы обращаемся съ просьбой помочь устройству отдѣла русской литературы, что вы могли-бы сдѣлать внося въ нашу бібліотеку произведенія русскихъ классиковъ, а также и современныхъ писателей, или полными комплектами (напр. полное собр. соч. Л. Н. Тургенева, Писарева, Гоголя и т. д.) или-же хотя-бы отдѣльными томами.

Затѣмъ мы просимъ всѣ отдѣленія союза „Вѣстн. Знанія“ не отказываться намъ въ присылкѣ своихъ отчетовъ о засѣданіяхъ или иныхъ документахъ, касающихся ихъ внутренней дѣятельности, а также своихъ уставовъ и проч. читанныхъ въ кружкахъ рефератовъ, которые могли-бы служить вспомогательнымъ матеріаломъ въ нашей организаціонной и самообразовательной работѣ. Отдѣлы, издающіе въ цѣляхъ внутренняго объединенія собственные журналы, органы печати (какъ это, напримѣръ, имѣетъ мѣсто въ Саратовѣ) при этомъ присылаютъ вмѣстѣ съ остальными документами и эти изданія. Все это послужитъ значительной поддержкой нашимъ начинаніямъ и поможетъ съ наименьшею затратой энергіи достигнуть положительныхъ результатовъ.

Привѣтствуя своихъ русскихъ друзей и единомышленниковъ, мы выражаемъ твердую увѣренность, что духовная связь, соединяющая насъ, никогда не порвется, что взаимный обменъ мыслей, взаимная дружеская поддержка послужатъ прочнымъ фундаментомъ для совмѣстной нашей работы въ двухъ далекихъ другъ от друга странахъ.

Мы, итальянскіе члены союза „Вѣстникъ Знанія“, желаемъ вамъ, русскимъ единомышленникамъ, счастливой, дружной и плодотворной работы.

Организаціонный комитетъ неаполитанскаго отдѣла союза „Вѣстникъ Знанія“:

Tommaso Piscopo-advocatus
Russo Tommaso Andente medicina.
 Р. Ширекъ.
 Л. Петровъ.
 С. Полтавскій.

Р. S. По всѣмъ вопросамъ, касающимся союза, обращаться къ секретарю неаполитанскаго отдѣла по слѣдующему адресу: Италія, Napoli, via Jernova presso Roberti al S-re Simeon Poltavskij.

Лица, желающія пожертвовать въ бібліотеку неаполитанскаго отдѣла, приглашаются сообщить предварительно открыткой названія и количество пожертвований. О всѣхъ поступившихъ пожертвованіяхъ будетъ опубликовано въ „Вѣстникъ Знанія“.

Неаполь.
 XI—10—1907.

О ходѣ организаціонной дѣятельности Союза „Вѣстникъ Знанія“

С. Сокольскій (Г. Симферополь, Петропавловская ул., домъ Богаевского, кв. Де-нежнаго), жел. организовать или вступить въ уже существующій, если таковой имѣется кружокъ союза „Вѣстника Знанія“. ☒ Федоровъ (Г. Екатеринбургъ, Верхъ-Вознесенская ул., д. № 12) жел. организовать въ Екатеринбургѣ кружокъ подписч. „В. З“. ☒ Гензулъ (С. Лирены, Кишиневскаго уѣзда, Бессарабской губ.) жел. примкнуть къ Кишиневскому отдѣлу союза или-же сдѣлать адреса для организаціи кружка „С. В. З“. ☒ Прохоровъ Митрофанъ жел. вступить въ „С. В. З“. членомъ (адр. С. Баево, Наро-Кулундинск. волост. Барнаульскаго Томской губ.) ☒ К. Кауфманъ (Г. Г. Орловской ж. д. ст. Фальдграфенъ) обраб. круж. „С. В. З.“ прос. прихл. ☒ А. Овчинниковъ (Н.-Новгородъ, Владиміръ-реальное училище) жел. организа.

губ. подписч. образ. круж. прос. прикнуть къ нему. В Харьковской губ. подписч. образ. „В.З.“ обрац. къ Θεодору Яценко (Тростянецъ, Харьк. губ. Яценко).

городѣ Рѣжницѣ, Витеб. губ. образов. круж. „С. В. З.“; обрац. по Розенмуйское народ. учил. Дм. Азбукинъ (ст. Дабужъ, Ряз.-д. с. Спасъ-Кобылицина) прос. член. круж. сообщ. примуть-ли изъ уззда въ число членовъ. Учит. Шиловъ (Митрополье, Тамбовск. губ.) жел. прим. Барат. круж. „С. В. З.“. Ф. Гур- (г. Рига, б. Кузнец. № 62) жел. прим. Тижскому круж. „В.З.“.

Общ.у Кіевскихъ товарищей подписчи- жел. прим. жел. прим. „В.З.“, прислать свои адреса, чтобы Товариществомъ собранія утвердить уставъ. г. Кіевъ, Ново-Тарасовск. пер., 1. Шкабара.

Екатеринбургъ, Пермск. губ. — Воз- уль, № 12, Алексій Васильевичъ проситъ лицъ, желающихъ прим- къ кружку подписчиковъ „Вѣст. Зн.“, обращаться за справками къ нему.

Въ Ростовѣ н-Д. образовался кружокъ „Вѣст. Зн.“ По постановленію Общ. Собранія кружка, насъ просятъ не публиковать фам- членовъ впрёдѣ до легализаціи кружка ни до особаго распоряженія.

Нельзя не пожалѣть, впрочемъ, что это сраженіе въ тайнѣ адресовъ учредителей не дастъ возможности лицъ, сочувствующихъ просвѣтителнымъ задачамъ Кружка, прим- къ нему.

Отъ Яренскаго Отдѣла Союза „Вѣст. Зн.“ получены копіи слѣдующихъ докумен- товъ: 1) Протоколъ Учредительнаго Собранія Яренскаго Отдѣла, 2) Протоколъ перваго Учредительнаго собранія Яренскаго Отд. 3) Уста- Яренскаго Отд. 4) Извѣщеніе Бюро Яренск. Отд. объ организаціи въ г. Яренскѣ Вологодской губ. названнаго отдѣла. Въ виду значенія такого рода документовъ для

организационной дѣятельности Союза, мы помѣщаемъ ихъ ниже цѣликомъ, за исклю- ченіемъ Извѣщенія, которое носитъ харак- теръ личнаго обращенія къ редактору, а потому мы знакомимъ съ нимъ читателей въ извлеченіи.

Яренскій Отдѣлъ организовался 30 сент. 1907 г. изъ политическихъ ссыльныхъ, а также и нѣкоторыхъ мѣстныхъ жителей. Въ настоящее время Отдѣломъ открыта для политическихъ ссыльныхъ школа изъ 3-хъ группъ, по программѣ 6-ти классовъ гим- назіи. Кромѣ того, организованы Отдѣломъ два кружка: по политической экономіи и всеоб- щей исторіи, въ которыхъ въ настоящее время идутъ планомѣрные занятія подъ руководствомъ опытныхъ лицъ. Въ непродол- жительномъ времени откроется еще нѣсколько кружковъ по другимъ вопросамъ.

Обращая вниманіе на эту, въ столь короткое время развившуюся просвѣтителную дѣятель- ность молодого Отдѣла, совершенно не рас- полагающаго средствами, и одновременно посылая Яренскому Отдѣлу на 45 р. книгъ, просимъ читателей, сочувствующихъ культурно-просвѣтителной работѣ новой ячейки Союза, прийти на по- мощь товарищамъ, направившимъ свою энергію на хорошее дѣло. Пожертвованія могутъ быть деньгами и книгами въ особен- ности ощущающагося надобность въ учебникахъ для школы отдѣла.

О всякомъ пожертвованіи направляемому непосредственно Яренскому Отдѣлу просимъ сообщать редакціи „Вѣст. Зн.“, которая, въ случаѣ надобности, будетъ публиковать имена жертвователей, (а также и ихъ размѣръ). Отдѣлъ со своей стороны, благоволивъ извѣ- щать Редакцію о поступившихъ въ его поль- зу пожертвованіяхъ. Лучшее всего это дѣлать въ періодическихъ отчетахъ о дѣятельности Отдѣла. Съ этими отчетами Редакція будетъ знакомить читателей въ извлеченіи (м. б. даже цѣликомъ, если будутъ интересны.) Всю корреспонденцію и пожертвованія просимъ направлять по адресу: Яренскъ, Вологод. губ., А. Колоташину.

Переписка подписчиковъ и читателей „Вѣстника Знанія“.

Яковъ Швеицъ (м. Чудново, Волынской губ.) жел. пер. съ экстернами, особенно ев- райскими, о положеніи экстерновъ, объ ихъ земленіяхъ, нуждахъ, о видахъ самодѣ- лельности среди нихъ, о существующихъ орга- низаціяхъ экстерновъ; о справочныхъ зада- чѣхъ и руководствахъ для экстерновъ. Фе- (Екатеринбургъ, Верхъ-Вознесен- ская ул., д. № 12), жел. перепис. съ под- писчиками журнала по вопросамъ техниче- скимъ и; вообще, злободневнымъ. А. М. (Одесса, ул. Жуковского, № 9) жел.

переп. по науч. вопрос. на языкъ русскомъ иesper. Н. Флаксъ (Г. Вилькомиръ, Ковен. губ.); жел. перепис. съ нѣкоторыми подпис. гор. Воронежъ, Курска, Твери, Калуги и Тулы. А. Зеленкевичъ (Вокзалъ Пришибъ Курско-Харьково-Совастопольской ж. д.) жел. перепис. по вопрос. психол., логики, теор. и психол. творч.

И. А. Македоновъ (Усолье, Перм. губ.) жел. перепис. на яз. esperanto для усовер- шенствов.

Къ товарищамъ Союза „Вѣстникъ Знанія“ города Москвы.

Товарищи! Находясь въ критическомъ положеніи (въ матеріальномъ отношеніи) я

прошу васъ убѣдительно: помогите мнѣ найти какое-нибудь мѣсто служащаго: конторщика,

кассира, или какую-либо письменную работу мой глаз, не будет... хоть за небольшое вознаграждение, дабы тѣмъ пустынѣ. Адресъ мой: Архангельскъ, Поддержать свое жалкое существованіе; у- въ ст. Прочновоковскую И. Ф. В... дѣшьте вашего несчастнаго собрата, и пусть

Предложеніе и спросъ труда.

„Бѣдная дѣвушка желаетъ учиться; очень тѣмскъ, с. Вознесенъ) проситъ тов. ... способная; средствъ никакихъ не имѣетъ. помочь ему найти подходящее мѣсто. Проситъ добрыхъ людей помочь ей. (Г. Ус-занятіе волостного писаря, конторщикъ Тамбовской губер., въ Крутичъ-пр. Человѣкъ семейный, безъ всякихъ ско-Байгорскую волость), Агриппинѣ Михай-ствъ; служилъ въ конторахъ и волост-ловѣ Печуриной. ☞ „Товарищи — подпис- писаремъ болѣе 15 л. Последнюю ... чики! помогите найти въ СІБ. какую-либо оставилъ, благодаря произволу администра-интеллигентную работу, чтобы получить обра-☞ Иванъ Балашовъ (г. Калуга, Дворян-зование. Желаю поступить на общеобразова-ул., д. Самсонова) убѣдитъ прос. ... тельные курсы Черняева, а средствъ подо-подпис. найти ему мѣсто народнаго ... жительно никакихъ нѣтъ. Кромѣ того, я въ крайнемъ случаѣ писца или ... Сильно нуждается. Учит. Бобъ (Зиньковъ, Подольск. губ. Бебехи) убѣд. прос. какой-нибудь работ-Петерб. писца, конторщика и т. д. ... цовъ. ☞ Артемовъ Григорій (г. Архан-нуждается.

Объявленія подписчиковъ.

„Желаю продать 1 часть самоучит. франц. нальной пѣны. ☞ А. М. Балтъ (Одесса, языка Туссена и Лангенштета и первую Жуковского, д. № 9) можетъ давать ... часть самоучит. нѣмец. яз. тѣхъ-же авто-по фотогр. ☞ Подписч. Пономаревъ ... ровъ или-же обмѣнить на изданія „В. З.“ вляеть, что въ Тобольской губер., Кур- (по обществу) или на соч. Репана ского уѣзда легко можно получить ... (изд. Глаголева). Адресъ: Могилевъ (Подоль-Народнаго учителя. Обращаюсь ... ской губ.) К. Пятти, Кіевская улица, Инспектору народныхъ училищъ (Г. Бир-д. № 330. ☞ Яценко (сел. Тростянецъ, писект. 2 района Тобольск. губер.) Харьковской губер.) мож. руководить и да-Кенжикъ (г. Абищенскъ, Карасульско-вать совѣты въ дѣлѣ подготовки къ различ-карское двухклас. учил.) предл. за ... нымъ экзаменамъ, а также исправлять фран. и нѣм. яз. урокъ киргизск. яз. ... писменные работы по русскому языку по О. Буйло жел. узнать адреса подписч. ... ариеметикѣ. Можно давать полезныя ука-бири. Адр. с. Карчагинскій—ферма-Канянского уѣзд. Томской губ. въ ... занія занимающимся самообразованиемъ. переселенч. чиновникъ. ☞ М. Дукинъ (Одесса, Таможня) предл. карт. для ... ☞ И. Добулъ (Байскъ, Томской губер., почтов. ящ. № 5). прос. товарищ.—подписч. фонаря, аныя въ видѣ прил. къ ... „В. З.“ указать, гдѣ можно приобрести „В. З.“ за два года—1906—1907 г. изд. ... художествен. открыт. письма (въ краскахъ журнала „Вѣст. Знан.“ со всеми прилож. съ видами г. Риги и окрестностей Лиф. 1'05 г. или-же за 1904 г. ☞ А. Лавинъ (Жирардовъ, Варшавск. губ.) жел. куп. „В. З. Швейцаріи) и т. д., Финляндіи, Кавказа, за 1903 г., 4, 5, 6 гг. съ прилож. и ... съ заграничными видами: Швейцаріи, Франціи, Англіи, Америки, Австраліи, в т. д. ☞ Всѣ изданія „Вѣст. Знан.“ можно получить въ разсрочку въ книжно-газет-номъ кіоскѣ угодъ Соборной и Потемкинской ул. въ Николаевѣ. ☞ Александръ Рейнбергъ (Лодзь, Цегель-няная ул. № 55, кв. 19).—жел. прод. вол-шебный фонарь редакціи „В. З.“ въ исправ-номъ видѣ. Дѣлаетъ уступку противъ nomi-Урала.

Пожертвованія:

Въ пользу голодающихъ. П. В. Кузь-нень—1 р. 25 к., Мостинъ—1 р., М-ковъ—50 к.

На Народный Иниверситетъ: Прокопен-ко 50 к.

На фондъ недостаточныхъ подписчиковъ: Ластовскій—25 к., Шутковъ—75 к., Соха-

нень—1 р. 25 к., Мостинъ—1 р., М-ковъ—50 к.

Въ распоряженіе Редакціи „В. З.“ Ф. Радобыльская-Губаревичъ—7 р., А-

жовъ—1 р., Тростянецъ—75 к.

II. Отдѣль молодежи.

О т ч е г о ?

Вот и послѣдній день!.. Мы всѣ собрались въ нашу актовую залу, послушали молебень, краткую рѣчь директора, расписались въ толстой книгѣ и каждая держала въ руках свернутый въ трубочку бѣлый листъ, который гласилъ, что она такого то года, мѣсяца и числа подвергалась испытанію и получила сей аттестатъ; и такъ у всѣхъ кромѣ одной, одна не удостоилась. стояла у окна и плакала, т. к. впереди оставался еще одинъ учебный годъ...

Директоръ, начальникъ и учителя старались говорить съ нами какъ съ равными, и оттого, что они старались это, у нихъ выходило неискренно, фальшиво, и мы глядѣли какъ то растерянно, смущенно и каждой хотѣлось скорѣе домой, чтобы не видѣть этого нуднаго кривлянія... Молодой учитель естественной исторіи, тотъ самый, который некрасивымъ ученицамъ ставилъ двойки, теперь старался быть одинаково любезнымъ и съ красивыми и съ некрасивыми, предлагалъ организовать какую-либо экскурсію, чтобы ознаменовать сегодняшний день. но его дѣло не кѣнилось, ученицы вяло соглашались, имъ всѣмъ хотѣлось скорѣе уйти и отдохнуть душой, потому что откуда то издалека нахлынули мрачныя мысли и голова была тяжела...

Отчего въ этотъ торжественный день ни одной радостной улыбки, свѣтлаго взгляда, живого воскликанія?

Кажется не такъ должно быть: мы окончили учебное заведеніе, можно сказать получили полную подготовку для вступленія въ жизнь, значить съ свѣжими силами за дѣятельную работу, честный трудъ на пользу обществу! Что можетъ быть лучше? Что можетъ быть лучше, когда смѣло дѣлаешь первый шагъ въ жизнь самостоятельную?

И жутко немного и притно и какой-то славный здоровый задоръ...

Но отчего же мы грустны?

Или быть-можетъ такъ тепло насъ пригрѣла, какъ любящая мать, дорогая гимназія и чувствуешь такое ощущеніе какъ будто вимой покидаешь теплую постельку и выходишь на воздухъ: сперва, ознобъ, непріятная дрожь, зато потомъ легко и здорово... Мо-

жетъ быть и мы находимся въ состояніи, только что поднявшихся, и жалко расставаться съ теплымъ мѣстечкомъ... О, если бы кому-нибудь изъ насъ предложили бы этотъ вопросъ!

Что жъ это такое, что за воспоминанія налетаютъ неизвѣстно откуда и давать сердце?

Первый бунтъ маленькихъ существъ. Какъ онъ рѣзко остался въ памяти, имъ мы впервые зарекомендовали себя, какъ неблагонадежныхъ, ничего хорошаго не обѣщающихъ въ будущемъ.

У насъ была классная дама, которую мы очень полюбили и она также къ намъ хорошо относилась. Вдругъ ее переводятъ, а намъ дають злую, презлую, которой всѣ боялись въ гимназіи, мы побѣжали всей гурбой къ начальницѣ съ просьбой оставить у насъ прежнюю классную даму, но начальница даже и не выслушала нашей просьбы, закричала: „убирайтесь вонъ, я Вамъ не подруга!“ Что хотѣла она этимъ сказать?

Мы же не уговорились и стали обсуждать вопросъ, какъ бы устроить намъ дѣло, пробовали подать коллективное прошеніе отъ родителей, но тѣ высказались противъ...

Тогда у насъ мелькнула отважная мысль. Въ городъ долженъ быть пріѣхать попечитель нашего учебнаго округа и, узнавъ, мы выбрали нѣсколько самыхъ храбрыхъ и отправлялись къ нему въ гостилицу; дрожа отъ страха и волненія, мы кое какъ дали ему понять зачѣмъ пришли, но этотъ почетный дѣятель, который и до сихъ поръ состоитъ членомъ всякихъ хорошихъ обществъ, видя что мы и безъ того еле стоимъ на ногахъ, началъ кричать на насъ и даже пробовалъ топтать ногами, а мы стояли передъ нимъ, глотая слезы, дрожа отъ страха и обиды... Потомъ брань въ школѣ, брань дома, чуть не уволили классную даму и чуть совсѣмъ не уволили и насъ... Изъ второго класса и за что же?

А потомъ... Лились потоки слезъ, сыпались двойки, слабѣли нервы, учащались истерики, развивалось малокровіе, тяжѣли сердца и уставали души, проводились безъ

сна тревожныя ночи и морозъ пробѣгать по кожѣ когда газетныя свѣдѣнія поподнялись еще однимъ случаемъ самоубійства...

Спокойно плепали карты, отливало ярко-краснымъ цвѣтомъ въ стаканахъ вино, спокойно почевали въ номерахъ, ходили въ публичные дома, обманывали женъ, спокойно смотрѣли на дѣтскій плачъ и истерику на зываля кукольной комедіей наши подотопи...

Спокойно сплетничали, срамляли ученицъ передъ всѣмъ классомъ, громко высказывали свои подозрѣнія, гуляли съ кавалерами или потерявъ надежду на взаимность чувствъ, изливали всю свою злобу на ученицъ, слово считая ихъ виноватыми въ томъ, что испортилась талія, выпали зубы, ввалились щеки, потускнѣли глаза и уши затикались ватой, наши классныя дамы и учительницы...

И страхъ, какой то нехорошій, рабскій, придавленный страхъ... Отчего же? Когда кажется въ учебныхъ заведеніяхъ мы смѣлимъ всѣхъ должны были заявлять о вопросахъ, интересующихъ наши души, о нашихъ человѣческихъ правахъ, о нашихъ нравственныхъ нуждахъ и приходилось молчать изъ боязни вызвать насмѣшки или колкость...

Учитель естественной исторіи не любилъ некрасивыхъ ученицъ, особенно еврейку и съ наслажденіемъ ставилъ пизъ двойки, а когда онѣ плакали, онъ закрывался записной книжкой и ехидно посмѣивался; по его предмету мы, проходя объ устройствѣ человѣческаго тѣла, успѣли пройти лишь устройство желудка, все же остальное осталось тайной...

Учитель русскаго языка былъ ходячій учебникъ и ни на шагъ не отступалъ, отъ программы. Помню, изучая „Переписку Курбскаго съ Іоанномъ“, мы попросили прочитать стихи объ этомъ Алексѣя Толстого и получили отказъ, такъ какъ этого въ программахъ не значится...

Учитель исторіи говорилъ намъ: „отвѣйте на тройку, а потомъ отказывайтесь сколько угодно“, мы и отказывались сколько угодно.

Передъ учителемъ математики дрожала весь классъ, а одна ученица-еврейка особенно его боялась; и вотъ эти дѣвочки рѣшались на его урокъ цѣлый часъ просиживать подъ партой въ духотѣ и пыли, въ спертотъ воздухѣ, лишь бы на одинъ день оттянуть свой отвѣтъ.

Законоучитель нашъ каждое двадцатое число почевалъ въ рестораціи и его часто рано утромъ отвозило домой вмѣстѣ съ учителемъ физики... Мы любилъ священника—это былъ единственный преподаватель, выходящій за предѣлы программы.

Но самый страшный человѣкъ для насъ была начальница; ей ничего не стоило на вечеръ при всѣхъ подойти къ ученицѣ, мазнуть пальцемъ по лицу и послать смуть пудру или сдѣлать выговоръ, что ученица, танцующая близко держится къ кавалеру, или на улицѣ поймавъ ученицу и поднявъ брань съ непринужденными выраженіями.

Какъ она могла спать спокойно, являясь

причиной слезъ и волнений, драмъ и трагедій дѣвочекъ?

Отчего это, несмотря на то, что вотъ два года, какъ пришлось покончить съ гимназіей, встрѣчаясь съ начальницей, чувствуешь, что вотъ она подойдетъ, свади и кричить тономъ базарной торговки: „Вотъ въ волосахъ гребенки! долой, гребенки!“ „Довольно Вамъ съ кавалерами шалить, мой порокъ!“

Неужели она никогда не задумывалась надъ своимъ отношеніемъ къ дѣтямъ, такъ долге, что у нея была дочь-гимназистка, которая наряжалась и завивалась почитая всѣхъ ученицъ и за ней всегда волочились хвосты офицеровъ?

Была у насъ классная дама, окончившая съ шифромъ институтъ, но это не помѣшало ей выразиться по адресу одной ученицы-еврейки: „отъ Васъ воняетъ, какъ отъ стоящей жидовки“...

А всякіе обыски въ партахъ, отбирание книгъ, всякія замысловатыя наказанія; распекались начальницей, получали ученицамъ письма, исключались по анонимнымъ доносамъ, а одной ученицѣ было отдано изъ гимназическаго капитала 50 руб., чтобы она ушла изъ гимназіи; запрещали посѣщенія театровъ, придирались къ платью, къ прическѣ, къ тому, какъ перекрестится ученица, носить она корсетъ или нѣтъ... И хотя бы что-нибудь свѣтлое, радостное...

Отчего въ этотъ день, когда намъ вручали аттестаты, стало такъ тяжело, чего то ждали и страшно будущаго? И сразу горячей волной хлынули эти воспоминанія Отчего столько нервныхъ разстройствъ, истерикъ общая усталость и отсутствіе духовныхъ силъ, и гложетъ сознаніе, что такъ много кругомъ работы, такой большой спросъ на работниковъ, сознаніе необходимости принести долю своего труда, положить хоть одинъ камень на великую постройку,—и въ тоже время переутомленіе, безсиліе, раздражительность, и безысходная гнетущая тоска? Отчего же?

И страшно, какъ страшно бойку съ голыми руками, и нечѣмъ вооружаться. На комъ лежала забота дать намъ ориентиръ, съ которымъ мы смѣло могли бы выступить въ жизнь и мысль о самоубійствѣ казалась бы безумной?..

Чья обязанность была направить насъ по верному пути, чтобы мы не искали дороги въ то время, когда надъ идти?

Чья вина, что мы, словно старики, рѣдкимъ смѣемся и въ отчаяніи дѣлаемъ безумныя поступки?

Развѣ въ больницу приходятъ здоровые люди?

Если они видѣли насъ испорченными, и еще въ дѣтствѣ мы слышали отъ самого испечителя учебнаго округа, что намъ много въ исправительномъ домѣ, чье же дѣло было исправить насъ, вылечить? Но изъ больницы выгонялись больные, честные дѣлались докторами, частые портялись и свободные превращались въ жалкихъ приниженныхъ рабовъ...

...и вѣда, что на кафедрахъ, гдѣ должны сидѣть люди любящіе, осторожно касаясь болѣзненныхъ мѣстъ, приближающіе насъ къ себѣ мягкимъ обращеніемъ, сидѣли чинники въ футлярахъ, ходячіе учебники, внушающіе страхъ и вражду?
И все это не бесцѣдно... И на долго, по- чему, что, кто изъ насъ теперь покоеть, кто

не рыдаетъ изъ-за пустяковъ, кто не падаетъ въ обморокъ въ театрѣ, кто не страдаетъ, не имѣя силъ работать, и, самъ сознавая, что работать нужно кто часто говоритъ о смерти и не спитъ по ночамъ?
А жизнь идетъ...

С. К.

Правъ-ли г-нъ Латынинъ?

(По поводу возраженія Латынина на статью гимназиста В-ко).

Въ № 6 Вѣстника Знанія авторъ статьи „Кто виноватъ“, разбирая вопросъ, поднятый въ статьѣ „Цвѣточки школьной жизни“, помѣщенной въ № 4 Вѣстника Знанія, старается доказать, что въ дѣлѣ воспитанія и образованія нашего юношества виновато наше общество, наша семья, наша учащаяся молодежь, а не педагоги и режимъ, царящій въ нашихъ школахъ. Такъ-ли это? Попытаюсь разобраться въ этомъ вопросѣ и разсказать объ учителяхъ и порядкахъ въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. ибо полемика, возникшая между авторами вышеприведенныхъ статей, затрагиваетъ только гимназическія порядки и ихъ учителей.

Авторъ статьи „Кто виноватъ“ въ устраненіи инспекторскаго надзора и въ уничтоженіи, дѣйствительно, излишнихъ правилъ, замѣтите, существующихъ въ гимназіяхъ, — видитъ страшное зло, ибо кто-же будетъ слѣдить за учениками и на каждомъ шагѣ прививать ему правила нравственности?

Ужъ не родители-ли? Но родителямъ, по выраженію автора статьи „Кто виноватъ“, только и дѣла, чтобы посѣщать вокзалы, общественные сады и т. п. мѣста.

Такъ, видите-ли, для того, чтобы въ будущемъ изъ юноши вышелъ высоконравственный человѣкъ, нужно оставить въ силѣ инспекторскій надзоръ, по моему, нравственно-качествующій нашу учащуюся молодежь, приучая ее съ дѣтства ко лжи, къ укрывательству и т. п. порокамъ.

Но г. Латынинъ, послушайте меня, инспекторскій надзоръ, въ защиту котораго Вы поднялись съ такимъ энтузіазмомъ, въ сравненіи съ тѣми порядками, которые существуютъ въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, — ничто. Дѣло въ томъ, что въ училищѣ, въ которомъ по злой ироніи судьбы очутился и пишущій эти строки, практиковались правила, карающія учениковъ тѣлесными наказаніями за самыя ничтожныя упущенія, а именно: ученикъ, провинившійся въ томъ, что послѣ перемены являлся 2—3 минутами позже, получалъ 5—10 разъ линейкой по рукамъ (вѣроятно, для поддержанія дисциплины); ученикъ, не выучившій урока, получаетъ „заграницу“, какъ любилъ выражаться одинъ изъ учителей по русскому языку.

Какъ сейчасъ помню одинъ случай изъ школьной жизни. На урокѣ арифметики учитель

вызываетъ Степанова *) и предлагаетъ рѣшить заданную задачу; Степановъ, долго вертясь около доски, принужденъ былъ сознаться, что не выучилъ урока и поэтому рѣшить такую-то не можетъ. Казалось-бы, что самое лучшее безъ всякихъ разговоровъ вызвать другого ученика, который-бы рѣшилъ эту задачу, а ученику, не выучившему урока, оставить соответственный баллъ.

А нашъ почтенный педагогъ начинаетъ кричать: „ахъ ты безграмотная тварь! не можешь рѣшить задачи! да я такъ тебѣ вълюбъ этотъ кусокъ мѣла и запущу!.. подлая безграмотная тварь!!! (нужно замѣтить, что это его любимыя выраженія, чуть-ли не каждый урокъ краснорѣчиво дивившійся изъ его устъ). И часто этотъ „педагогъ“, въ довольно нетрезвомъ видѣ, глумился надъ нами малышами, заставляя насъ дрожать отъ его прелестныхъ впитетовъ. Теперь остается спросить г. Латынина, — что и въ этомъ виноваты ученики, что съ ними обращаются, какъ съ собаками? Далѣе г. Латынинъ пишетъ: „нѣтъ, молодой человѣкъ, не педагогъ, не школа виновата въ нравственномъ уродствѣ нашего общества. Виновато все наше русское общество, — наша семья, наша интеллигенція, виновато общее наше невѣжество, некультурность, лѣнь, распушенность“... Конечно, въ глубокомъ смыслѣ виновато и наше русское общество, — наша семья, наша интеллигенція, только не въ томъ, въ чемъ упрекаете Вы ихъ, г. Латынинъ, — а лишь только въ томъ, что не принимаютъ непосредственнаго участія въ дѣлѣ воспитанія и образованія юношества, благодаря чему въ нашихъ школахъ водятся еще педагоги, подобные вышеуказанному. Казалось-бы, г. Латынинъ, что разъ мы невѣстивы и некультурны, то тѣмъ болѣе г. педагогамъ, претендующимъ на просвѣщенность, и культурность, слѣдовало-бы обращаться съ нами юношами не такъ, какъ вышеуказанный педагогъ, не правда-ли? Теперь, г. Латынинъ, кто болѣе нуждается въ нравственной опеки, отецъ-ли, хотя-бы даже и пьяный, или учитель, который воспитываетъ и прививаетъ правила нравственности? Дѣйствительно, можно сказать: куда ужъ такимъ педагогамъ прививать правила нравственности, когда они больше другихъ нуждаются въ нравственной опеки. А они жалкіе

*) Фамилія измѣнена.

ничтожные, берутся за такое великое дѣло, какъ воспитаніе юношества. И не мудрено, что послѣ такихъ воспитателей у насъ масса родителей пьяницъ, буяновъ, индифферентно относящихся къ образованію и воспитанію своихъ дѣтей, ибо у нихъ съ дѣтства убито все свѣтлое, хорошее, и ихъ танетъ только въ трактиры и сады. Вѣдь, это фактъ, что воспитаніе въ нашихъ школахъ поставлено такъ, чтобы съ дѣтства парализовать самостоятельность юношества и дѣлать изъ него (юношества) во всемъ подчиняющихся автоматовъ, — о чемъ еще разъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ послѣдніе циркуляры М. Нар. Просв., чуть-ли не уничтожившіе университетскую автономію и родительскіе комитеты. Далѣе г. Латынинъ: „въ массѣ — вся наша учащаяся молодежь составляетъ какъ-бы кадры революціонной арміи. Она отбилась отъ своего прямого дѣла — ученія и труда — и устраиваетъ забастовки и политическіе скандалы самого низкаго свойства“.

Какъ ни стараются въ нашихъ школахъ воспитывать насъ въ духѣ рабовъ и примирить съ окружающей несправедливостью, — все-же не ко всемъ прививается это „воспитаніе“, и не всѣ мирятся съ окружающимъ зломъ; и, дѣйствительно, часть этихъ непримиренцевъ изъ учащейся молодежи, во

главѣ съ возставшими народами, знамя борьбы за освобожденіе политическаго рабства. Поэтому учащуюся молодежь въ отсутствіи политическаго устройства „политическіе скандалы“ скандаловъ самого никакаго свойства, первыхъ, недобросовѣстно, а во вторыхъ, достойно лишь человѣка, враждебно относящагося къ свободѣ вообще и къ жизни вообще. Васъ — Вы намекаете на отсутствіе „патріотизма“ въ истинно русскомъ духѣ, но не надо думать, что о немъ не слѣдуетъ, а, наоборотъ, нужно радоваться. Еще нѣсколько оловъ переводныхъ экзаменахъ. Вы защищаете, что то не только осуждено выдающимися педагогами, конечно, не истинно русскаго свойства, и учеными, — но и сама жизнь требуетъ уничтожить ихъ (экзамены), — изъ-за нихъ и въ этомъ году погибли нѣкоторые молодыхъ жизни.

Въ заключеніе мнѣ хотѣлось-бы напомнить Вамъ, г-нъ Латынинъ, что правила ответственности, о которыхъ Вы съ такимъ увѣренностью распространяетесь, изъ „нашихъ“ не прививаются, какъ это практикуется въ нашихъ „благотворительныхъ“ школахъ.

Подписчикъ Вѣстника Знанія.

Ф. Зворонко.

Необдуманный совѣтъ?

„Женитесь“ — таково заглавіе отвѣтнаго письма (№ 4 „В. Зн.“) товарищѣй подписчиковъ къ товарищу Р., просившему совѣта, какъ поступить ему въ минуту страсти. Въ этомъ письмѣ есть такая фраза: „... въ настоящее время болѣе идеальная часть молодежи, экономическое положеніе которой не допускаетъ семейныхъ обузъ, предпочитаетъ иную форму: совместное сожителство на почвѣ обоюднаго соглашенія“. Скажите, какая разниа между тѣмъ и другимъ способомъ удовлетворенія страсти? Вѣдь не важно пойду ли я въ церковь за разрѣшеніемъ любить, или приду къ любимому человѣку и скажу: „Я люблю тебя, и мы будемъ жить вмѣстѣ, пока будемъ любить другъ друга. Важны послѣдствія совместной жизни. При жизни двухъ любящихъ, мужчины и женщины, неизбежно дѣторожденіе. А тутъ-то и зарыта собака! Самому воспитывать дѣтей — нѣтъ средствъ на общество и тѣмъ болѣе не надѣйся; не говорю ужъ, въ какомъ положеніи очутятся дѣти, когда ихъ отецъ и мать разлюбятъ другъ друга.

Да, надъ этимъ дѣтскимъ вопросомъ я

часто задумываюсь. И меня очень удивляетъ, почему современная, самая идеальная, часть молодежи избѣгаетъ въ обществѣ затронуть половой вопросъ; литература по этому вопросу мало распространяется.

Каждый взрослый человѣкъ хоть сколько нибудь представляетъ себѣ, насколько труденъ актъ рожденія, періодъ до и послѣ рожденія. Женщины въ это время нуждаются покоя, въ противномъ случаѣ всѣ невзгоды отражаются не только на матери, но и на ребенкѣ. Дѣлать выкидыши, это очень и очень рискованно для здоровья женщины, не говоря уже о томъ, какъ безнравственно убивать хоть и не рожденное, но уже живое существо. Это безнравственно, какъ и всякое убійство! Это преступленіе! Все равно, кто бы ни былъ въ этомъ виноватъ: государственныи ли строй, общество ли, или родители; важно то, что съ причинами, вызывающими такое преступленіе, пока нужно считаться.

Я бы была очень рада поговорить объ этомъ съ товарищами подробнѣе.

Е. Громякова.

Не инсинуируйте.

Въ № 6 „Вѣстн. Знан.“ появился отвѣтъ на статью гимназиста В.—ко, нѣкого Латынина. На всемъ протяженіи своей длинной статьи онъ старается доказать, что писатель, кто не виноватъ въ томъ, что калѣчатъ наше

юношество, какъ сами юноши, ихъ родители, интеллигентная семья и т. д.

„Въ учащейся молодежи, пишетъ авторъ, замѣчается подлѣишее отсутствіе патріотизма, она почти вся заражена политическимъ

свои, основанныхъ на самыхъ дурныхъ чувствахъ (?) злобѣ, ненависти, зависти. Въ ней притупилось нравственное чувство и она сдѣлалась легкой жертвой глупостей и мерзостей (?)

Эти слова авторъ бросаетъ на головы всѣмъ безъ разбора учащимся, всѣмъ тѣмъ юношамъ, которые хотятъ свѣта, знанія и истины. Конечно, они «заражены политическимъ» и у нихъ «полнѣйшее отсутствіе патріотизма», а вотъ, если бы они, какъ небольшая горсть учащейся молодежи въ Одессѣ, вышла бы на улицы резинами и финскими ножами вселять «патріотизмъ», тогда-бы она не дѣлала «глупостей и мерзостей». Въ массѣ вся наша учащаяся молодежь составляетъ какъ бы кадры революціонной арміи. Вотъ гдѣ все зло, вотъ что нужно искоренить.

Неужто г-нъ Латынинъ совершенно не знаетъ учащейся молодежи или умышленно закрываетъ глаза на вещи всѣмъ понятныя; неужели онъ серьезно думаетъ, что все юношество поголовно только и знаетъ, что флажировать по бульварамъ и посящать кабаки и притоны. Если это такъ, то очень прискорбно, что еще имѣются такіе люди, которые увѣрены въ силѣ плетки и карцера. Свое дѣйствіе эти душевнеспасительныя средства обнаружили въ лицѣ загнанныхъ, забитыхъ учениковъ средней школы, которые такъ встрепетались при первыхъ лучахъ свободы, такъ быстро померкнувшей.

Какъ грустно читать строки, въ которыхъ авторъ рассказываетъ о забастовкѣ младшихъ классовъ, требовавшихъ четырехчленной формулы, и какъ родители удивлялись ихъ политической зрѣлости. Да вѣдь это инсинуація, явно рассчитанная на легкомысленнѣе некоторыхъ.

Авторъ всѣ слова гимназиста В—ко, ка-сающихся способовъ образования и школьнаго воспитанія, испещрилъ выростительными

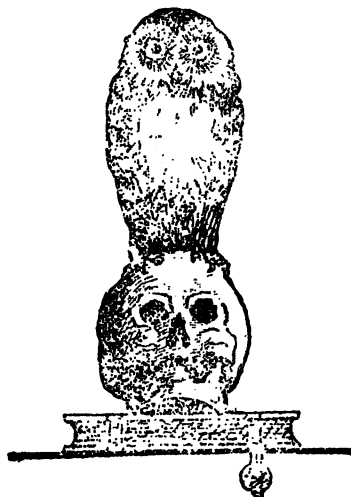
знакамъ, показывающими его несогласіе со словами В—ко. А развѣ они не правильны, развѣ преподаваніе не ведется допотопнымъ образомъ; учебники составлены Богъ вѣсть когда; латинскій языкъ, эта мертвечина, занимаетъ болѣе видное мѣсто въ преподаваніи, чѣмъ русскій, и лишь недавно появились въ печати замѣтка, въ которой министръ народнаго просвѣщ. советуетъ успѣшить преподаваніе этого языка, дабы ученики могли изясняться на немъ. Какъ это наши мудрые педагоги не захотѣли, чтобы ученики изяснялись на египетскомъ партіи! А эти надзоры, штрафныя журналы и отмычки по поведенію не обращаютъ школу, вмѣсто носителя знанія и честности, въ полицейскій участокъ? Развѣ не караются ученики, пришедшіе въ театръ, вторую школу, безъ мундира и прошедшіе по улицѣ позже установленнаго часа п. Боже сохрани, въ шинели не застегнутой на всѣ пуговицы? А учители, за рѣдкимъ исключеніемъ, являются врагами ученика, стараются поймать, наказать его, какъ какого либо преступника — злодѣя.

Правда и мы не «ангелы во плоти», какъ говоритъ г-нъ Латынинъ, но вѣдь учителя въ теченіе восьми лѣтъ и болѣе, могутъ всячески измѣнить душу ученика въ ту или иную сторону.

А экзамены, снова вводимые въ школахъ, развѣ это не умышленная попытка придавить, прижать учениковъ? И безсонныя ночи, проведенныя напролѣтъ надъ ненужной зубрежкой, будутъ укоромъ, не только педагогамъ и министерству, но и такимъ господамъ, какъ г-нъ Латынинъ, которые одобряютъ и рекомендуютъ ихъ.

Херсонъ.

Учащійся Л. Ф.

III. Спорные вопросы жизни и нравственности.

Мсе міросозерпання.

(Къ вопросу о матеріализмѣ и атеизмѣ).

Написать нижеизложенное міросозерпание меня заставило то обстоятельство, что, съ одной стороны, оно кажется мнѣ чрезвычайно распространеннымъ, хотя почему то, какъ это часто случается, почти никто не рѣшается высказать его вполне открыто; съ другой стороны, оно можетъ имѣть значеніе и для психологін. И то и другое даетъ мысль о близости его къ дѣйствительности. Мнѣ было бы желательно узнать, насколько читатели отдѣла Взаимопомощи будутъ согласны съ этимъ взглядомъ.

Ходъ мірового развитія заключается въ томъ, что атомы хаоса, будучи способны къ движению, подъ вліяніемъ тяготѣнія другъ къ другу, образовали мѣстныя скопленія матеріи — звѣзды, планеты, на которыхъ затѣмъ возникла оградическая жизнь. Последняя явилась уже результатомъ скопленій атомовъ, такъ какъ самое понятіе организма указываетъ на организованное соединеніе, скопленіе матеріальныхъ частей.

Далѣе, еще неорганизованная матерія проявила дѣятельность, выразившуюся въ движеніи и образованіи скопелій ея. Дѣятельность матеріи въ организованномъ состояніи даетъ подобныя же результаты первоначальный организмъ стремится поглотить какъ можно больше матеріальныхъ частицъ, т. е. присоединить ихъ къ себѣ.

Но до образованія организма движеніе каждаго атома было болѣе или менѣе независимо отъ движеній другихъ атомовъ. Между тѣмъ въ организмѣ движеніе однихъ атомовъ уже согласуется съ движеніемъ другихъ. Здѣсь мы видимъ организованное движеніе.

Организованность движенія — единственное отличіе организма отъ неоргани-

зованной матеріи. Атомы, соединившись другъ съ другомъ, образуютъ организацию. Но мы знаемъ, что никакая организация, возникающая безъ посторонней помощи, невозможна безъ общенія членовъ ея. Следовательно, мы должны признать за атомами способность къ общенію, но послѣдняя предполагаетъ самостоятельную жизнь, а также единство интереса и стремленій.

Рѣшающимъ моментомъ организациі является извѣстный химическій составъ въ извѣстной средѣ. Т. обр., дѣятельность организованной и неорганизованной матеріи имѣетъ одинаковый результатъ — соединеніе однихъ атомовъ съ другими; различіе только въ степени этого соединенія — въ организмѣ оно переходитъ тотчасъ же въ обменіе; при неорганизованномъ соединеніи послѣдняго можетъ и не быть.

Дѣятельность низшаго организма направлена на отысканіе и поглощеніе пищи, на увеличеніе своей организациі. Но въ ней происходитъ также и разрушеніе. Оно настолько значительно, а усвоеніе пищи настолько медленно, что большая часть поглощаемой пищи идетъ на ремонтъ и только, сравнительно, ничтожная часть ея — на увеличеніе организациі. Въ виду этого ростъ организма, сравнительно, очень медленъ. Клетка растетъ до извѣстнаго предѣла, когда выведеніе ненужныхъ, разрушившихся, частей вѣроятно, становится затруднительнымъ вотъ, въ цѣляхъ болѣе удобнаго выведенія такихъ частицъ, а можетъ быть и по другимъ причинамъ, клетки дѣлятся на 2 части. Черезъ опредѣленный періодъ эти клетки, какъ извѣстно, дѣлятся опять и т. д. По совокупленіи клетокъ является новое поколѣніе. Та-

жить образом стремление организма к расширению своей организации обращается уже в стремление к размножению подобных себя или, как говорят, к размножению своего рода. Но и послѣ раздѣленія клеток бывшія части ея не теряют наклонности къ общенію и организаціи, нѣкоторые виды клеток, не отдѣляясь окончательно другъ отъ друга, даже образуютъ своими комплексами новые, болѣе сложные виды организмовъ.

Жизнедѣтельность этихъ организмовъ остается той же, что и одноклеточныхъ, и заключается въ поглощеніи пищи для возмѣщенія потерь и въ производствѣ изъ себя другихъ, подобныхъ себѣ. Высшіе, подобно низшимъ, характеризуются стремленіемъ обрѣзывать своими комплексами новые, еще болѣе сложные организмы. Это проявляется въ стремленіи къ сохраненію своего рода и вида. Съ развитіемъ формъ жизни становится извѣстнымъ все большее количество проявленій жизни, а вмѣстѣ съ этимъ прогрессируетъ признаніе ея за другими организмами. Организмы сильнѣе чувствуютъ и понимаютъ жизнь другъ друга, видятъ другъ въ другѣ какъ бы продолженіе своей личности и все болѣе становятся склонны къ сохраненію и поддержкѣ другъ друга. Такъ кладется основаніе новой высшей организаціи, личности высшаго порядка.

Такимъ образомъ здѣсь мы видимъ послѣдовательныя фазы одного и того же процесса развитія. Движеніе атомовъ, возникши, благодаря всемірному тяготѣнію, приводятъ ихъ къ механическому соединенію. Механически соединенные атомы вступаютъ въ общеніе другъ съ другомъ и образуютъ добровольныя организаціи и т. д. Но если въ основѣ этого процесса лежитъ всемірное тяготѣніе, то онъ совершается на пространствѣ всей вселенной и долженъ привести къ установленію высшаго единства и общности жизни во всей вселенной. Мы видимъ, что фактически стремленіе къ цѣли часто оказывается борьбою за существованіе. Эта борьба обуславливается, очевидно, недостаточной степенью развитія. На низшей степени развитія эгоизмъ, поневоля, — единственный руководитель развитія; пока борьба существуетъ, мы не можемъ не констатировать ее.

Въ современной наукѣ существуетъ предположеніе, что ничто необходимо организму, какъ матеріалъ для химическихъ процессовъ, который будто бы является источникомъ его силъ и дѣятельности, подобно тому, какъ вода и дрова — источникъ силъ и дѣятельности паровика. Но такое предположеніе можетъ возбудить сомнѣніе. Человѣкъ — не паровикъ. Паровикъ тоже-организмъ, но возникшій и дѣйствующій при постоянной посторонней помощи; между тѣмъ, какъ организмъ, напр. человѣкъ, есть не что иное, какъ самостоятельно сложившееся общество атомовъ, индивидовъ, обладающихъ способностью болѣе или менѣе самостоятельнаго движенія и поэтому нѣтъ необходимости искать источники движенія въ химическихъ процессахъ.

Гораздо естественнѣе предположить, что установленныя общенія атомовъ дадутъ возможность новой, организованной формы движенія; между тѣмъ, какъ въ неорганизованномъ состояніи атомы препятствуютъ движению другъ друга. Если химическіе процессы играютъ важную роль въ организмѣ, то это можетъ быть объяснено иначе. Дѣло въ томъ, что организмъ есть общество индивидовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ, до нѣкоторой степени самостоятельную жизнь, гораздо короче жизни всего организма. Индивиды рождаются, умираютъ, на ихъ мѣсто являются другіе и т. д., а организмъ продолжаетъ существовать по прежнему. Но развѣ въ организмѣ оказываются отжившіе элементы, то необходимо ихъ удалить, т. е. они засариваютъ его и тормозятъ его дѣятельность. И вотъ горячія части приносятся въ соприкосновеніе съ воздухомъ и сжигаются; негорячія выводятся другими путями. Мѣсто умершихъ индивидовъ заступаютъ новое поколѣніе; для произведенія его необходимо питаніе производящихъ, что достигается принятіемъ организмомъ пищи и совершается также не безъ помощи химическихъ процессовъ. Такимъ образомъ послѣдніе имѣютъ мѣсто при выведеніи однихъ и постановкѣ другихъ частей и играютъ только служебную, а не главную роль.

Необходимо припомнить, что, по мнѣнію авторитетовъ науки, химическія процессы родственныя явленіямъ тяготѣнія и что такими единицами, въ которыхъ происходитъ обмѣнъ веществъ, являются уже самыя атомы организма. Отчего происходитъ смерть индивидовъ, — вопросъ болѣе общій и сюда не относящійся. Однако, не будучи специалистомъ въ естествознаніи, я не могу, конечно, быть авторитетомъ въ вопросѣ о родѣ химическихъ процессовъ.

Интересны выводы изложеннаго. Принятіе пищи было первоначально способомъ хоть сколько нибудь приблизиться къ основной цѣли — установленію общенія атомовъ всего міра. Когда цѣль будетъ достигнута, тогда принятіе пищи потеряетъ всякій смыслъ. Можно на этомъ основаніи предвидѣть, что съ постояннымъ развитіемъ организмовъ потребность въ употребленіи пищи будетъ падать. Какъ бы подтвержденіемъ этого, служитъ общепринятое у пидусовъ ученіе, что посвященный „можетъ поддерживать свое тѣло изъ внутреннихъ источниковъ, питаться крытой машиной“.

Если атомы въ своихъ движеніяхъ руководствуются стремленіемъ къ развитію, то организмъ, какъ комплексъ атомовъ въ случаѣ паденія съ высоты можетъ удержаться отъ стремительности паденія, если во время самаго паденія онъ ясно сознаетъ, что стремительность въ данномъ случаѣ будетъ имѣть только печальные результаты. Быть можетъ, рѣдкіе случаи счастливаго паденія съ высоты объясняются именно такимъ сознаніемъ нецѣлесообразности быстроты движенія. Вообще же ясное сознаніе дѣйстви-

тельности во время падения отсутствуют. Въ природѣ наблюдаются не только явленія притяжения, но и явленія отталкиванія. Быть можетъ въ такихъ случаяхъ соединеніе по-

служило бы только къ разрушенію существующей организаціи атомовъ. Такое міросозерцаніе относится, очевидно, къ ряду пантеистическихъ. М. П.

Кое-что о необоснованныхъ и обоснованныхъ гипотезахъ.

(По поводу письма г. подписчика Н. С. „Отбросьте необоснованныя гипотезы“)

Г. подписчикъ Н. С. въ своемъ письмѣ возражаетъ между прочимъ на мое письмо объ атеизмѣ, помѣщенное въ № 7 и 8 нашего журнала за 1906 г., и обращается ко мнѣ съ нѣкоторыми вопросами, на которые я съ большимъ удовольствіемъ дамъ отвѣтъ.

Г. Н. С. начинаетъ свое письмо съ упрековъ, которые я здѣсь позволю себѣ повторить:

1) „Подписчика, не понимая истинныхъ стремленій альтруистическихъ чувствъ здороваго человѣка“ и т. д. Но какой именно выводъ моего письма доказываетъ или подтверждаетъ такое мое непониманіе?

2) Приводятся мои слова о психической болѣзни Ницше. Но развѣ это не дѣйствительный фактъ?

3) Обращаясь ко мнѣ, г. Н. С. говоритъ: „Говоря объ альтруистическихъ чувствахъ любви и т. п., Вы тѣмъ самымъ себѣ противорѣчите, такъ какъ всякое стремленіе къ открытію міровой загадки, Вы называете большимъ, ненормальнымъ и т. п.“. Во первыхъ я не могу уяснить себѣ, въ чемъ именно заключается противорѣчіе, во вторыхъ я безусловно не считаю вовсе большимъ или ненормальнымъ стремленіе къ рѣшенію міровой загадки, напротивъ я твердо вѣрю, что это стремленіе вложено Творцомъ въ душу человѣка, и что тайна эта рано или поздно будетъ открыта, но открытіе ея во всей ея истинной полнотѣ не доступно атеизму, какъ отвергающему святую сущность бытія міра и Творца его—Бога.

4) Затѣмъ г. Н. С. обращается ко мнѣ съ вопросами: „Но гдѣ же конечный идеалъ Вашей вѣры? Гдѣ Вашъ Богъ? Почему же Вашъ Богъ, внимая такъ всегда Вашимъ молитвамъ о дарованіи побѣдъ христіанскому воинству, на тотъ разъ навѣрно спалъ, и японцамъ удалось разбудить Россію. Скажите, это почему? Я полагаю, что, Вамъ и вѣрующимъ извѣстны и стиги и складни, и Георгіи Побѣдоносцы и т. п.“. Мнѣ слышится въ этихъ вопросахъ какое-то враждебное настроеніе, нежеланіе понять меня, и я не безъ колебанія рѣшилась все же отвѣтить на нихъ. Мой идеалъ—полное духовное развитіе личности, приближеніе ея къ Богу, торжество истины, любви, красоты, добра. Мой Богъ—Онъ въ каждомъ человѣкѣ, хотя-бы тотъ отрицалъ Его, онъ вокругъ насъ, нѣтъ мѣста во вселенной, гдѣ бы не было Его. Богъ безусловно слышитъ каждую молитву, такъ какъ молитва есть единеніе съ Богомъ, и какъ таковая она приближаетъ насъ къ Нему, Источнику жизни. Но никакое ученіе

не говоритъ о томъ, чтобы всякая религія, содержащая въ себѣ просьбу о благодѣяніяхъ, неизмѣнно была услышана. Въ религіяхъ мы, какъ дѣти, обращаемся къ Отцу. Но неужели же найдется такой отецъ, который изъ любви къ дѣтямъ, не откажется имъ въ ихъ перазумныхъ подчасъ просьбахъ? Итакъ, еслибы я дѣйствительно горячо желала именно о дарованіи побѣдъ (на что, впрочемъ, въ моемъ письмѣ г. Н. С. не найти никакихъ указаній), то я во всякомъ случаѣ никогда не имѣла ни малѣйшаго предположенія, что моя молитва не будетъ услышана въ прямомъ смыслѣ слова. Что же касается стяговъ, складной и т. п., то все это такъ далеко отъ основной идеи Бога, какъ творческой силѣ и высшей мудрости и любви, что впадать въ объясненія ихъ значенія, исторіи ихъ происхожденія, той роли, которую они играютъ, я считаю совершенно излишнимъ. Далѣе г. Н. С. высказываетъ свое мнѣніе о томъ, что „абсолюта, нѣтъ творца, нѣтъ первоначала“ и т. д., и что „всегоамъ есть источникъ всѣхъ добродѣтелей“.

Ни съ тѣмъ, ни съ другимъ, изъ этихъ положеній я никакъ не могу согласиться. Впрочемъ, это просто голословныя утвержденія, такъ какъ имъ не предпосылается никакого, хотя бы краткаго, объясненія и ними не присоединяется ни одного доказательства.

Также неосновательны дальнѣйшія упреки мнѣ со стороны г. Н. С. Онъ обвиняетъ меня въ желаніи „прикрыть незнаніе фактами о личномъ Богѣ“, но я ни однимъ словомъ не выразила подобнаго желанія, и не могу этого сдѣлать, потому что я выше всего ставлю знаніе, стремленіе къ коему влечетъ въ нашу душу Богомъ, Который есть истинный источникъ истины. Если же это обвиненіе касалось моего личнаго незнанія, то я то же могу сказать и г. Н. С. Мы все пока познать міровую загадку не имѣемъ, и дальнѣе предположеній пути пока не имѣемъ.

Съ тѣмъ, чтобы ученіе о Богѣ „объясняло“ толку многихъ людей и лишило ихъ возможности правильно развитъ свой умъ“, я тоже не могу согласиться, такъ какъ такое ученіе есть стремленіе познать истину, и лично такого мнѣнія объ атеизмѣ, какъ г. Н. С. о вѣрѣ въ Бога, и это мое мнѣніе старалась объяснить въ моемъ письмѣ помѣщенномъ въ № 7 и 8 „В. Зн.“, за 1906 г.

Послѣдній упрекъ заключается въ томъ, что у меня „не достаетъ бодрости и смелости вступить на новый путь“. На это

...отвѣтитъ тѣмъ, что по моему, надо
...больше рѣшимости для того, чтобы
...на томъ пути, который многіе
...идутъ, тѣмъ для того, чтобы вступить
...съ большинствомъ на новый путь,
...и въ сущности оба пути почти одинако-
...стары, и второй имѣетъ не столько но-
...сколько преимуществомъ его является
...то въ настоящее время по нѣмъ стре-
...бится большинство). Но истина никогда не
...достоинствомъ толпы, и лишь избранные

приближались къ ней и достигали ее, идя
самостоятельнымъ путемъ.

Письмо г. Н. С. заканчивается совѣтомъ
отбросить сомнѣнія въ правильности при-
наннхъ матеріалистами идей, по тогда это
есть совѣтъ утѣрять въ матеріализмъ, по-
тому что гдѣ отбрасываются сомнѣнія, тамъ
начинается область вѣры, и г. Н. С., пори-
чая вѣру, самъ къ вѣрѣ же призываетъ.

Подписчица „В. Зн.“ № 8364. А. Рейде-
мейстеръ.

Можно-ли называть самоубійцу слабымъ?

(Отвѣтъ г. Гладышеву).

Лучи разума проникаютъ теперь въ самые
мелочные, безпристрастнымъ свѣтомъ. Многое,
что тысячелѣтіями казалось святымъ и совер-
шеннымъ, теперь рушится, рушится, какъ
падаютъ воздушные замки какого-нибудь
мечтателя, когда прикасается къ нимъ трез-
вая дѣйствительность. И это несомнѣнно
хорошо! Холодный и острый свѣтъ разума
намъ неслучайно дороже сумерекъ (хоть и
розовыхъ!) разныхъ тамъ мечтаній и жи-
вотныхъ. Все искусственное должно погибнуть, а на
мѣсто его выступить голая, неприкрашенная
правда. Особенно важно это при освѣщеніи
такихъ капитальныхъ вопросовъ, какъ цѣль
и значеніе человеческой жизни.

Общепринятымъ является мнѣніе, что фи-
лософія и естествознаніе значительно под-
няли въ глазахъ человека его собственное
достоинство, во вредъ ли это вѣрно. Наша
человѣческая природа такъ жалка и убога,
что всякій основанный на разумѣ анализъ—
а при созданіи вышеназванныхъ наукъ раз-
умъ является единственнымъ факторомъ—
откроетъ только мрачныя картины.

Я вполне согласенъ съ г. Гладышевымъ,
что безусловная, абсолютная цѣль жизни—
«созданіе сверхчеловѣка» и тоже вѣрно «что
настанетъ то время, когда человѣкъ во всей
совокупности подчинитъ себѣ міръ, завла-
дѣетъ органической и неорганической сти-
хіей, сдѣлается полновластнымъ ея господи-
номъ и будетъ центромъ мірового организма,
будетъ безсмертнымъ богомъ, идя все выше
и выше». Это все такъ, но невольно напра-
шивается вопросъ: зачѣмъ человѣкъ непре-
мѣнно долженъ стать богомъ? Идетъ ли чело-
вѣкъ къ богу по своей свободной волѣ, видя
въ томъ свой высшій идеалъ и счастье, или
его туда толкаетъ другая, падающая
внѣ его силъ, для которой онъ только звено
въ безконечномъ рядѣ твореній, а его апо-
теозъ—не болѣе, какъ ближайшая цѣль для
созданія еще болѣе совершенныхъ существъ?
(Вѣдь самъ Гладышевъ говоритъ, что разви-
тіе не стоитъ никогда на мѣстѣ, такъ отчего
не предположить, что оно продолжится и
тогда, когда на нашъ современный взглядъ
идти уже будетъ некуда). Если послѣднее по-
ложено вѣрно, то все значеніе человѣче-
ской жизни отпадаетъ само собой.

Мнѣ думается, что оно безусловно вѣрно.
Наука низвела человѣка съ того высокаго

педестала, на который онъ былъ постав-
ленъ первобытными легендами и вѣрованіями.
При свѣтѣ современной науки исчезло всякое
представленіе о «самовластіи» человѣка: мы
теперь знаемъ, что онъ далеко себѣ не гос-
подитъ. Еще Спиноза, углубляясь въ дебри
человѣческой души, открылъ, что человѣкъ
является только безвольнымъ существомъ, ко-
торымъ управляютъ аффекты и эмоціи. Кто
думаетъ, что онъ вполнѣ свободенъ въ сво-
ихъ поступкахъ, тотъ видитъ силы на яву...
Если бы камень могъ мыслить, онъ такъ же
бы думалъ, что падаетъ по своей волѣ, гово-
ритъ онъ въ своей «Этикѣ». Наука и ли-
тература новѣйшаго времени подтвердили это.
Стоитъ прочесть романы Зола или хоть лю-
бой курсъ биологіи, чтобы убѣдиться, какъ
самовластно управляютъ человѣкомъ вложен-
ная въ него природа страсти и инстинкты.
Нашъ духъ паритъ въ горнило, но тѣло при-
тягиваетъ его къ землѣ... Этотъ антагонизмъ,
подмѣченный уже ап. Павломъ, особенно
сильно чувствуется въ наше время, во время
общественнаго подъема, и ему мы обязаны
всѣми неврастениками, психопатами и дру-
гими ненормальными членами общества. При-
родѣ нуженъ былъ человѣкъ для дальнѣйшей
творческой работы, она, сѣдовательно, его
создала, а чтобы, узнавъ всю свою безпомощ-
ность, онъ не удралъ, она одарила его раз-
ными инстинктами, которые противъ разума
притягиваютъ его къ жизни.

Во первыхъ, къ жизни насъ притягиваютъ
два могучіе инстинкта—самосохраненія и про-
долженія рода. Излишне говорить, что борются
противъ нихъ никто не въ силахъ. Человѣкъ
попадаетъ на арестанта, конвоируемаго страж-
никами. Ни шагу онъ не смѣетъ сдѣлать по
своей волѣ, а все по волѣ своихъ грозныхъ
поработителей. Они заставляютъ его бороться
за мѣсто въ мірѣ, за кусокъ хлѣба, а также
призывать къ жизни другія существа, кото-
рымъ предстоитъ та-же печальная участь.

Но самый сильный факторъ, притягивающій
насъ къ жизни, это несовершенство нашей
природы, наша посредственность. Какъ ви-
дите, мудрый создатель нашъ не только облаго-
дѣтельствовалъ насъ строгой стражей, но и
падалъ на насъ лохмотья, чтобы мы еще
болѣе походили на арестантовъ. Наша по-
средственность не позволяетъ намъ подняться
выше сѣрыхъ будней, не позволяетъ отойти
отъ стада и заставить торжѣливо перене-

сить всякое порабощеніе. Мы не въ силахъ быть ни добрыми, ни злыми, а должны поддерживаться прикладной «золотой средины». Все свѣтъ такъ сѣръ и вялъ, что карастъ всякую попытку подняться выше «средины». «Злыхъ» гноять по тюрьмамъ, а на «добрыхъ» смотреть, какъ на шутовъ міра сего.

Отсюда ясно: всякій человекъ выше средняго, познавъ собственное убожество и безцѣльность существованія, теряетъ охоту жить. И въ этомъ заключается его великая сила. Онъ уже не представляетъ собою овечку,

созданную, чтобы жить и быть счастливым. Но человек не обманывает себя глубинными снами, он знает, что, идя свое жалкое существование в мире, он несет в себе груз грехов. Своим духом, он познает мир, познает самого себя, и как метеорит, он падает в собственном пламени. Я со своим ценным трепетом смотрю на самолеты, летящие в их смерти есть что-то божественное, величественное. Они олицетворяют протест против несправедливости природы и человеческого злого мироздания.

Подп. Хр. Беркмант.

О свободѣ личности.

Товарищ Петрачъ въ своемъ письмѣ, помѣщенномъ въ четвертой книжкѣ „Вѣстника Знаианъ“, впалъ въ очень грубую ошибку, отрицая духовную свободу. По моему, духовная свобода—единственная свобода, способствующая прогрессу человѣческой личности, а политическая и социальная свобода суть фикція, если не совсѣмъ fata-morgana. Это знаетъ и Христосъ, вотъ первый и, можетъ быть, крушительнѣйшій индивидуалистическій мыслитель, проповѣдывавшій духовную свободу, но ни словомъ не коснувшійся политической. И дѣйствительно, глядя на разыгравшуюся теперь революцію, нельзя не задаться вопросомъ: почему столько молодыхъ жизней губятъ себя изъ-за какихъ-то фиктивныхъ свободъ? Вѣдь добываемая ими „свобода“ ровно ничего не дастъ намъ для нашего духа, нашего личнаго самоусовершенствованія, а будетъ тяготѣть надъ нами тѣмъ же бременемъ, какъ тяготѣетъ теперь монархическій строй.

Попробую иллюстрировать свою мысль примером. — Скажем, тюрьмы и казармы теперешнего строя будут разрушены, но что воздвигнется на место них? — очевидно такая же казарма, но только более удобная для массы народа. Но все ли это равно? Казарма остается казармой. В старой казарме муштровали нас так, а в новой цинично иначе — и в этом заключается весь секрет новой казармы. Не безразлично ли, когда по освобождении от бремени, налагаемого бюрократией, нас нагрузят все теми же грузом социалистического государства, в котором будут те же обязанности перед обществом, те же уголовные законы, только в видоизмененной форме. В одном месте почувствуем себя вольготнее, но в другом все останется по прежнему.

Самой прекрасной, можно сказать, мечтой всего человеческого рода было возвратиться въ блаженныя долины Арія, гдѣ рѣки текутъ медомъ и масломъ, гдѣ агнецы спокойно спятъ возлѣ волка, но всѣ попытки проникнуть туда терѣли крушеніе, во-первыхъ, потому что главарь, ведущіе туда людей, считали всѣхъ людей равноцѣнными, а во-вторыхъ, потому что, если такая Арія и существовала бы, то наслаждаться въ ней въ братскомъ единеніи, незлобн и человеколюбн могли бы только одни глуше пошляки. Вѣдь, и Арія — казарма! Если въ ней не

господствуют законы сего грешного мира, то законы братолюбия, несамолюбия и так далее и давление на личность остается то же самое. Всякий закон и всякий шаг влево убивают человека. — Скажем, общество требует, чтобы я не убивал своего ближнего, и принимая ему вреда, но я от природы не боюсь, эгоистичен и смертельно ненавижу ближнего. Где же такой авторитет, который бы убивал меня в справедливости налагаемых на меня требований. Такоразумется, не найти, и обществу остается только одно средство — укротить меня насилем. Где же здесь свобода? Общество и личность находятся в вечнош антагонизме по той простой причине, что каждый человек имеет свою особую духовную физиономию и точку зрения на окружающий мир и самого себя. Последние обществотельство упустили из виду все теоретическое социалистического строя и потому сейчас можно сказать, что их теория человеческого прогрессу принесет мало пользы.

Вѣдь для массы законъ нельзя написать, если не желать, чтобы нѣкая единица этихъ массы были стѣснены. Положимъ, одинъ отъ тасть величайшимъ наслажденіемъ служить своимъ братьямъ, положить за нихъ свою душу, а другой желаетъ строить на трунѣ ближняго свое личное благополучіе. Кто изъ нихъ двухъ правъ?—Очевидно оба, и доказать правоту одного и неправоту другого, нѣтъ никакой возможности. Всѣмъ святымъ принято вычисленіе $2 \times 2 = 4$ за вѣрное, но если найдется кто-нибудь и станетъ спорить противъ правильности его, то доказать ему его ошибку нельзя; мы можемъ назвать его непорядочнымъ, помѣшаннымъ, но все-таки это не пересѣдетъ границы простой брани.

Значение неравноценности людей очень велико, и мы должны гордиться ею. Без этой неравноценности что бы стало от мира. Человечество превратилось бы в простой механизм без жизни и наслаждения жизнью. Психический мир человека постепенно атрофировался бы, а иначе неужетъ быть, ибо наш дух самодовольный и живъ только внутренними переживаниями, вызванными имъ самимъ.

Всякій політичеській строй, будь онъ такого совершенства, какое Марксу: назвир и не снилось, есть порабощеніе личности

живую душу удовлетворить не можеть, такъ жить, кромѣ отъявленныхъ трусовъ и негоже, какъ самый деспотическій строй не мо- даясь, которыми никто дорожить не ста- жеть никого прижать или совсѣмъ уничто- жеть. Подписчикъ 10638.

О хилыхъ людяхъ и борьбѣ съ ними.

Лаевскій безусловно вреденъ и опасенъ, какъ холерный микробъ.
(„Дуэль“ повѣсть А. П. Чехова).

Общество должно охранять нравственность.

Борьба съ хилыми людьми, борьба съ посетителями разврата—вотъ лозунгъ, кото- рый долженъ быть написанъ на знамени нашей молодежи. Былъ моментъ въ жизни нашего общества, когда, казалось, близокъ часъ смерти дряблага, ни къ чему не годнаго и непригоднаго человѣка. Но теперь среди интеллигенціи вновь появилась полоса этой дряблости, безжизненности; возрожда- ются герои чеховскихъ разсказовъ; а намъ надо принять по отношенію къ нимъ извѣст- ную позицію. Поэтому я считаю своевре- меннымъ напомнить товарищамъ—подписчи- камъ объ одномъ изъ такихъ героевъ.

У Чехова есть повѣсть: „Дуэль“. Одинъ изъ героевъ этой повѣсти Лаевскій до сво- его исправленія является передъ читателемъ какъ „холерный“, или, лучше сказать, какъ безпечетворный микробъ, какъ язва на организмъ современнаго общества.

Что такихъ личностей, какъ Лаевскій, хотя и менѣе его даровитыхъ, по часто, бо- лѣе его развращенныхъ въ современномъ обществѣ не мало, въ этомъ не можеть быть сомнѣнія. (Сдѣлаю оговорку. У Чехова въ повѣсти фигурируетъ Лаевскій до своего исправленія и, отчасти, Лаевскій исправив- шійся, поэтому предупреждаю, что рѣчь моя дѣлакомъ пойдетъ о Лаевскомъ до его исправ- ленія. Да и къ слову сказать, случася исправ- ленія Лаевскихъ почти не приходится наблюдать въ жизни.) Является вопросъ: какъ-же общество, хотя бы въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, относится къ самому факту появленія среди него Лаевскихъ?

„Я считаю твоего Лаевскаго мерзавцемъ“, говоритъ въ повѣсти фонъ-Коренъ. Дѣлая упрекъ доктору Самойленко, а въ его лицѣ и всему современному обществу, „не скриваю этого и отношусь къ нему, какъ къ мерзавцу, съ полною моею добросовѣстностью. Ну, а ты считаешь его своимъ ближнимъ—и подѣлуйся съ нимъ. Ближнимъ считаешь, а это значитъ, что къ нему ты относишься такъ же, какъ ко мнѣ и діакону, то-есть ни- какъ. Ты одинаково равнодушенъ ко всѣмъ.“ „Равнодушіе ко всѣмъ! Вотъ вина нашего общества! И этого мало сказать, что обще- ство только равнодушно и одинаково- безразлично относится къ такимъ антипо- дамъ въ нравственномъ отношеніи, какъ фонъ-Коренъ и Лаевскій. Нѣтъ. Лаевскій имѣетъ ушій у женщинъ“. Въ глазахъ общества „онъ милый малый, душа-человѣкъ; онъ такъ сердечно спускается къ человѣчо- скимъ слабостямъ; онъ съговорчивъ, пода- тливъ, покладистъ, не гордъ, съ нимъ и думать можно, и посудачить“... Общество без-

различно и одинаково равнодушно относится какъ къ фонъ-Корену, такъ и къ Лаевскому, и даже къ послѣднему иногда съ большей симпа- тией. Скерно то, что въ современномъ обще- ствѣ Лаевскіе чувствуютъ себя, какъ рыба въ водѣ. Бѣда въ томъ, что одинъ Лаевскій „угрожаетъ подарить міру дюжину Лаевскихъ, такихъ-же хилыхъ и извращенныхъ, какъ онъ самъ“. Подарить не только по закону паслѣдственности, но именно, дѣйствуя, какъ безпечетворный микробъ. Лаевскій (изъ повѣсти), проживъ всего два года на кавказ- скомъ побережьи, ввелъ въ мѣстномъ обще- ствѣ въ обычай пылство, игру въ винтъ, которой до него тамъ не знали, а также обычай жить явно съ чужими женами... Онъ заразителенъ въ высшей степени... Еще годъ-два, и онъ завоеуетъ все кавказское побережье. Вы знаете, до какой степени масса, особенно ея средній слой вѣрны въ интеллигентности, въ университетскую обра- зованность, въ благородство манеръ и антира- турность языка. Какую-бы онъ ни сдѣлалъ мерзость, всѣ вѣрятъ, что это хорошо, что это такъ и быть должно. Конечно, общество не считаетъ мерзости Лаевскихъ дѣлами похвальными, напротивъ, большинство даже возмущается ими, по... „мы порицаемъ по- рокъ только за глаза, а это похоже на ку- киншъ въ кармайтъ“. Найти способы „обезвре- дить Лаевскихъ, если не возможно поднять ихъ, вотъ обязанность общества! „Первобыт- ное челоѣчество, говорить фонъ-Коренъ д-ру Самойленко, было охраняемо отъ такихъ, какъ Лаевскій борьбой за существованіе и подборомъ, теперь-же наша культура значи- тельно ослабила борьбу и подборъ, и мы должны сами позаботиться объ уничтоженіи хилыхъ и негодныхъ, иначе, когда Лаевскіе размножатся, цивилизація погибнетъ и чело- ѣчество выродится совершенно. Мы бу- демъ виноваты“.

Первобытное и такъ называемое некуль- турное общество охраняло само, независимо отъ всякаго сверху правящаго авторитета, свои начала нравственности и права. Вспомнимъ хотя-бы то всеобщее презрѣніе, которому подвергаются у многихъ народовъ всякій только нарушившій обычай гостеприим- ства. А бѣжавшій съ поля битвы у кавказ- скихъ горцевъ! Невольно приходитъ на память слѣдующее мѣсто изъ стихотворенія Лермон- това, гдѣ родная мать говоритъ сыну:

Поди ты прочь! ты мнѣ не сынъ,
Ты не чеченецъ.—ты старуха!
Ты трусъ! ты раба!..“

В. Зинovieвъ.

Научная переписка.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Въ своемъ обращеніи къ читателямъ по поводу введенія въ журналъ отдѣла „научная переписка“, мы въ общихъ чертахъ развили идею этого отдѣла, могущаго имѣть не малое образовательное значеніе. Пользуемся, однако, случаемъ замѣтить, что письма столь крупнаго размѣра, какъ напр., подписчика К. Адамсона, въ высшей степени неудобны и на будущее время такія письма помѣщаемы не будутъ. Съ другой стороны, подписчики могутъ принять также участие и въ собираніи свѣдѣній, наблюденій и матеріаловъ самаго разнообразнаго характера, имѣющихъ значеніе научное, статистическое или только освѣдомительное, но полезныхъ какъ всякое наблюденіе очевидца. Современемъ такія научныя корреспонденціи могутъ принести значительную пользу, такъ какъ необъятная Россія еще очень и очень мало изслѣдована, и на громаднѣмъ ея пространствѣ многое совершается такое, чего бы не слѣдовало допускать: разрушаются историческія памятники, уничтожаются предметы доисторической культуры, палеонтологическія находки и т. д. Все это, съ развитіемъ кружковъ „Вѣст. Зн.“ не будетъ допускаемо.

Въ общемъ работа членовъ нашего Союза выразится съ этой стороны въ слѣдующемъ.

Такъ, произошло, скажемъ, наводненіе, землетрясеніе, подписчики собираютъ свѣдѣнія и присылаютъ краткое описаніе, дополняя его вырѣзками изъ мѣстныхъ газетъ, фотографическими снимками, рисунками и пр. Пролетѣлъ метеоръ, замѣчена комета, произошелъ большой обвалъ въ горахъ, наблюдалось полярное сіяніе, и т. п. — и тотчасъ кружокъ любителей природы, образованный изъ мѣстныхъ подписчиковъ

(гдѣ этого еще нѣтъ, надо позаботиться о его организаціи) шлетъ намъ сообщеніе. Особенно цѣнные работы будутъ награждаемы зачисленіемъ авторовъ въ число постоянныхъ почетныхъ подписчиковъ или на опредѣленный срокъ съ публикованіемъ имени въ особомъ спискѣ. Рекомендуемъ обратить вниманіе на сообщеніе свѣдѣній относительно неизвѣстныхъ историческихъ памятниковъ, на пополненіе или исправленіе извѣстныхъ о нихъ данныхъ, при чемъ надо присылать фотографіи, рисунки, вырѣзки изъ иллюстрированныхъ журналовъ (съ точнымъ указаніемъ, откуда взяты рисунки). Обращаемъ также вниманіе читателей на особенно заботливое отношеніе къ археологическимъ находкамъ, къ спасенію ихъ отъ варварскаго истребленія необразованными людьми. Тоже слѣдуетъ имѣть въ виду и въ отношеніи палеонтологическихъ находокъ — окаменѣлыхъ костей „допотопныхъ“ животныхъ, отпечатковъ растений и пр.

Помѣщаемая ниже корреспонденція о землетрясеніи въ Кара-Тагѣ, за которую приносимъ авторамъ особую благодарность, обязана, однако, какому-то недоразумѣнію. Очевидно, кто-то мистифицировалъ корреспонденцию отъ нашего имени. Такъ мы получили телеграмму: „слухи о Карѣ-Тагѣ обивчивы, ждите письма“. Потомъ пришла корреспонденція, изъ которой мы узнали, что кто-то просилъ сообщить свѣдѣнія о землетрясеніи намъ или кому-либо иному — этого выяснять не удалось. Мы были бы очень рады, если бы г.г. Тамбовцевъ и Черновъ объяснили намъ, откуда получилаcя просьба о корреспонденціи.

Землетрясеніе въ г. Каратагѣ.

Газеты уже сообщили подробности землетрясенія 8-го октября. Но намъ хотѣлось бы подѣлиться съ товарищами тѣми свѣдѣніями, источникомъ которыхъ являются наши собственные наблюденія, причемъ мы, конечно, для полноты воспользуемся также данными изъ газетъ.

Въ понедѣльникъ, 8-го Октября, Самаркандъ пережилъ тревожный день. Съ ранняго утра ощущались одно за другимъ волнообразныя колебанія почвы, изъ которыхъ особенно сильны были два: въ 8 ч. 52 м. и 9 ч. 7 м. утра. Колебанія сопровождались сильными подземными гуломъ, рѣзкими переходами

температуры, крикомъ животныхъ, плескомъ воды въ купальняхъ и звономъ церковныхъ колоколовъ.

Повидимому направлѣніе волны было съ юго-запада на сѣверо-востокъ, о чемъ можно судить по тому, что перпендикулярныя волнѣ стѣны домовъ наиболѣе потерпѣли отъ толчковъ, а параллельныя отходили.

Въ туземномъ городѣ пострадали памятники древности: въ медресе Ширъ-доръ обвалилась часть купола, въ медресе Биби-Ханымъ рухнули остатки арки, а въ Шах-Зида пѣкаторыя стѣны дали трещины. Минареты же стоятъ твердо.

Въ другихъ городахъ края, согласно полученнымъ отсюда 8-го Октября свѣдѣніямъ, землетрясѣніе ощущалось слабо: таковы — Кокандъ, Маргеланъ, Андижанъ, Катта-Курганъ и Бухара.

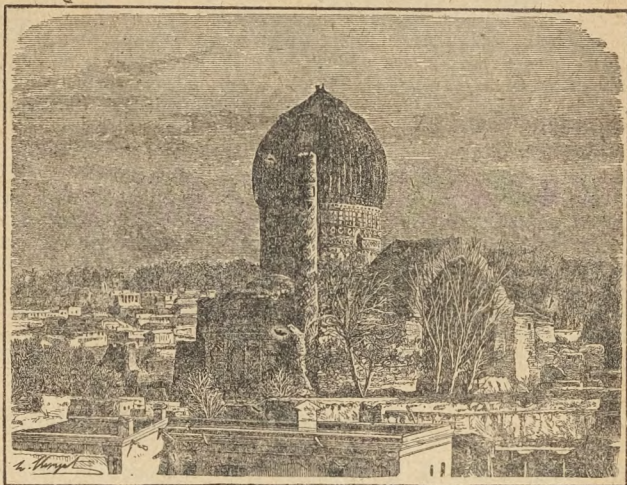
И долго еще послѣ этаго жителей Самарканда тревожили весьма частыя подземныя толчки, досажавшіе по силѣ своей 5 балловъ.

Но все вышеописанное ничтожно по сравненію съ несчастіемъ, постигшимъ городъ Каратагъ, находящійся въ Бухарскихъ владѣніяхъ, у верховьевъ рѣки Сурхана, притока Аму-Дарьи, на южномъ склонѣ Гиссарскаго хребта. Кромѣ Каратаги разрушено еще два ближайшихъ къ нему кишлака

(поселка); по подсчету туземцевъ, всего погибло около 15 000 чл., хотя надо думать, что эта цифра преувеличена.

Извѣстный альпинистъ и изслѣдователь Вили Рикмеръ Рикмерсъ пишетъ относительно несчастія въ Каратагѣ слѣдующее:

Извѣстіе сильно меня интересуетъ, во-первыхъ, потому, что я прекрасно знаю Гиссарскій хребетъ и нѣсколько разъ посѣтилъ Каратагъ, и, во-вторыхъ, потому, что я уже

Мечеть Ширъ-Доръ съ гробницей Тamerлана въ Самаркандѣ.

раньше высказалъ предположеніе, что мы не должны упускать изъ виду внезапныхъ тектоническихъ явленій (землетрясенія) въ раннія геологическія эпохи при построеніи теорій относительно геоморфологической и гидрографической формации системы Западнаго Памира. Въ особенности это касается перемѣщенія водораздѣловъ и рѣчныхъ долинъ, которыя я неоднократно наблюдалъ въ хребтѣ Петра Великаго (Каратегинъ и Дарвазъ). Въ менѣе спокойныхъ мѣстахъ при объясненіи подобныхъ измѣненій ограничиваются теоріей постепенныхъ нештучическихъ явленій. При полученіи извѣстій я тотчасъ подумалъ, что число жертвъ колоссально преувеличено, или случилась гигантская катастрофа совершенно необычайнаго характера.

Если бы дѣйствительно погибло 15 000 человекъ, тогда могло бы быть и рѣчи о простомъ землетрясеніи (какъ, напримѣръ, въ Андижанѣ), такъ какъ при плотности населенія тамошнихъ мѣстъ, которыя не особенно густо заселены (сравнительно съ Ферганой и Самаркандомъ), землетрясеніе должно было бы быть гораздо сильнѣе, чтобы охватить такую большую плейстосейсмическую область. Поголовная гибель людей, гдѣ только нѣсколькими лицамъ удалось спастись, почти никогда не имѣетъ мѣста при простыхъ землетрясеніяхъ (даже въ Санъ-Франциско это не имѣло мѣста), но

Общій видъ мечети Ширъ-Доръ послѣ землетрясенія.

только при вулканических извержениях (лава и др.) или же, главным образом, является следствием землетрясения (волна моря, падение горъ, прорывъ вода, пожары и т. д.).

Въ горныхъ странахъ падение горъ—частое послѣдствие землетрясения, какъ это можно уже наблюдать въ маломъ масштабѣ въ гранитныхъ скалахъ Агалыка.

Въ горахъ Туркестана обвалы горъ—частое явленіе, происходящее отъ температурныхъ явлений нашего климата (дневной жаръ и ночной холодъ). Еслибы въ Каратагъ (городъ самъ имѣетъ едва нѣсколько тысячъ жителей) были погребены 15.000 жителей, то съ Гиссарской цѣпи должно было бы сорваться пятьдесятъ кубическихъ верстъ камня, чтобы похоронить 30—50 кишлаковъ. Съ историческихъ временъ неизвѣстенъ ни одинъ обвалъ горы, который уничтожалъ бы болѣе нѣсколькихъ сотъ людей (Эльмъ, Гальдау); большая часть обваловъ случается въ необитаемыхъ мѣстахъ (ледяная лавина Гемин). Поэтому въ первый моментъ я подумалъ о водной катастрофѣ, жертвой которой очень легко могъ бы стать г. Каратагъ со всѣмъ, что въ немъ было живого,

Подобныя несчастія въ горныхъ мѣстахъ очень часты и требуютъ тѣхъ болѣе тщательныхъ, что населенныя мѣста естественной частью расположены въ долинахъ, береговъ рѣкъ. Вышедшая изъ долинъ водная масса, ставшая внезапно свободной, проливается со страшной силой въ вышину въ домы, изъ воды, замкнутой въ долинахъ. Извѣстныя подобнаго рода катастрофы въ St. Gervais Les Bains (при накопленіи воды въ глетчерѣ) и въ Ionstoibu' a (прорывъ искусственнаго зурвура). Въ Каратагѣ легко могла бы разыгратъ подобная катастрофа. Слѣдствіемъ землетрясения могъ бы быть обвалъ горы въ долину, лежащую надъ городомъ. Если бы мѣстительной Каратагъ-Дарья поднялся бы этой запрудой и въ концѣ концовъ прорвался бы ее. Этого было бы вполнѣ достаточно, чтобы стереть Каратагъ съ лица земли.

Подобныя катастрофы сопровождаются максимумомъ разрушенія при минимуме видоизмѣненія земной поверхности.

По дальнѣйшимъ свѣдѣніямъ, 18 числа въ Гиссарскомъ же *бегствѣ* погибъ городъ Кофирниганъ.

Подписч. „В. Зн.“ Тамбовцевъ, Членъ

Апокалипсисъ и Н. А. Морозовъ.

(По поводу статьи Н. А. Морозова „Апокалипсисъ съ астрономической точки зрѣнія“)

Никто не станетъ отрицать того, что „Апокалипсисъ“ Н. Морозова написанъ очень убѣдительно и съ астрономической точки зрѣнія, можетъ быть, и правильно, но съ точки зрѣнія исторіи у него получается, по моему мнѣнію, нѣкоторый абсурдъ.

Извѣстно, что появленіе Апокалипсиса относится къ I-му вѣку, но авторъ точно не извѣстенъ, хотя и предполагаютъ, что это былъ Іоаннъ Богословъ. Послѣдній умеръ въ самомъ началѣ II-го вѣка. Уже учителя церкви 2-го вѣка и знаменитый апологетъ Оригенъ, жившій въ III-мъ вѣкѣ, цитируютъ Апокалипсисъ.

Н. Морозовъ въ своихъ выводахъ утверждаетъ, что появленіе Апокалипсиса отно-

сится къ 395 г. и что наблюденія продолжались 80 сентября, ни днемъ раньше, ни днемъ позже.

Затѣмъ онъ считаетъ авторомъ Апокалипсиса Іоанна Златоуста только лишь потому, что онъ жилъ въ это время, былъ въ Александріи и также могъ быть на островѣ Патмосъ. Какимъ образомъ лица, жившія во II-мъ и III-мъ вѣкѣ, могли упоминать объ Апокалипсисѣ, написанномъ въ концѣ IV-го вѣка? Въдъ это абсурдъ. Какъ же объяснить А. Морозовъ его?

Членъ Николаевского кружка Союзъ „Наше Знание“.

О. Бушманъ.

Товарищамъ-фотографамъ

Въ № 5 „В. Зн.“ былъ поднятъ товарищемъ Н. Ростовцевымъ вопросъ объ устройствѣ при союзѣ „В. Зн.“ фотографическаго отдѣла. Товарищи навѣрно уже оценили достоинства этого отдѣла и поэтому я не вдаваясь въ разсужденія, предлагаю начать съорганизовываться.

Уставъ отдѣла.

1) Фотографическій отдѣлъ образуется при союзѣ „В. Зн.“ для совмѣстнаго изученія родной природы и культуры.

Проектъ.

2) Для осуществленія своихъ задачъ отдѣлъ устраиваетъ бібліотекѣ фотографическихъ изданій, бюро обѣдѣна картинныхъ музеевъ, удешевленную продажу фотографическихъ принадлежностей и журналъ, руководящій работами членовъ.

Товарищи, не медлите. Кто захочетъ присоединиться, припайте свой адресъ для организатора. Всѣ справки и адреса направлять въ редакцію „В. Зн.“, Москва, 1.

(При справкахъ на отвѣтъ прилагать конвертъ)

Подписнику № 21388. Для перехода отъ общиннаго землеуладѣнія къ подворному (по числу наличныхъ душъ) требуется согласіе $\frac{2}{3}$ домохозяевъ, пользующихся правомъ голоса на сходѣ. Обойти при разрѣшеніи вопроса о покупкѣ прилегающей къ крестьянской землѣ земельнаго участка, принадлежащаго церковному причту, землеустроительную комиссію, невозможно. Юр.—конс.

Подписнику № 7520. Искать жалованіе путемъ подачи прошенія Земскому Начальнику Вы не можете. Попытайтесь обратиться къ начальству съ прошеніемъ, въ которомъ объясните неосновательность устраненія отъ должности. Быть можетъ будетъ принято во вниманіе, что обвиненіе было лишено оснований и Вамъ возмѣстятъ понесенные убытки. Юр.—конс.

Подписнику № 8623. Лицамъ недостижимымъ совершеннолѣтія безъ согласія родителей паспорта не выдаются. Въ настоящее время паспорта изъ Вологодскихъ правленій пересылаются по почтѣ непосредственно, а не черезъ полицію. Для вступленія въ бракъ нужно имѣть метрическое свидѣтельство и удостовѣреніе о несостояніи въ бракѣ. Юр.—конс.

Подписнику № 8336. Вы пользуетесь льготой второго разряда. Для признанія означенной льготы Вамъ надо обратиться въ Воинское присутствіе по мѣсту прописки, приложивъ посемейный списокъ. Юр.—конс.

Подписнику № 25061. Вы пользуетесь льготой по отбыванію воинской повинности второго разряда. Имѣющие званіе начальнаго учителя, состоящаго преподавателя въ начальныхъ народныхъ, приходскихъ школахъ освобождаются отъ отбыванія воинской повинности съ тѣмъ, чтобы въ теченіе полныхъ 5 лѣтъ они не оставляли своей педагогической дѣятельности. Юр.—конс.

Подписнику № 20521. Если прошеніе отъ 8 декабря 1905 г. о пересмотрѣ дѣла будетъ оставлено Консисторіей безъ послѣдствій, то обратитесь съ жалобой въ Правительствующій Синодъ. Срокъ на принесеніе жалобы двухмѣсячный со времени объявленія рѣшенія или постановленія, подлежащаго обжалованію. Юр.—конс.

Подписнику № 10996. Согласно Указу 5 октября 1906 г. „объ отиѣтѣ нѣкоторыхъ ограниченій въ правахъ сельскихъ обывателей и лицъ другихъ бывшихъ податныхъ состояній“ сельскимъ обывателямъ предоставлено право перехода изъ податнаго состоянія путемъ поступленія на государственную службу и образовательнымъ цезомъ (средняго или высшаго учебнаго заведенія; отд. III Указа 5 октября). До выхода изъ сельскаго общества вы посете общественныя повинности. Юр.—конс.

Подписнику № 22438. Согласно Указу 9 ноября 1906 г. (ст. I отд. I) каждый домохозяинъ, владѣющій общинной землей, во всякое время можетъ требовать укрѣпленія за собою въ личную собственность причтающейся ему части изъ означенной земли. Такъ какъ въ Вашемъ обществѣ не было передѣловъ въ теченіе 21 лѣтъ, предшествующихъ заявленіямъ домохозяевъ, нынѣ добывающихся укрѣпленія за ними въ вѣчную собственность участковъ, то имъ по смыслу ст. 2 того же отд. I предоставляются сверхъ усадебнаго участка, еще состоящіе въ нихъ постоянномъ (не арендномъ пользованіи) участки общинной земли. Заинтересованныя лица, въ случаѣ недовольства постановленіемъ схода или земскаго начальника могутъ приносить жалобы въ 30-ти дневный срокъ мѣстному Уѣздному сѣзду или Губ. присутствію. Для принятія рѣшенія требуется согласіе простого большинства домохозяевъ на сходѣ. Что же касается вопроса о правѣ на пѣдра то по общему смыслу Указа и разъясненію отъ 14 августа с. г., а равно и 260 ст. Уст. Горн. право собственности должно остаться за сельскимъ обществомъ. Юр.—конс.

Подписнику № 6157. Для поступленія на государственную службу Вамъ нужно сдать экзаменъ на первый классный чинъ. Такія испытанія производятся по установленному порядку при Учебномъ Округѣ. Интересующее Васъ изданіе книжнаго магазина Чичинадзе исполнѣно достаточно для извѣщенія необходимыхъ свѣдѣній. Въ тотъ же книжный магазинъ обратитесь за справочнымъ изданіемъ о желѣзнодорожной службѣ. Юр.—конс.

школы, учреждаемыя какъ правительствомъ, такъ и обществами городскими, сельскими и частными лицами.

Юр.-конс.

Подп. Емеліану Платонову, Херсонъ.—Согласно Императорнаго Высочайшаго Указа 9 ноября 1908 г. (Собрание Указовъ. 11 ноября 1908 г. № 268, ст. 1854) а также въ силу манифеста 8 ноября 1905 г., коимъ отменено съ 1 января 1907 г. взысканіе выкупныхъ платежей за надѣлы земли, крестьяне приобрѣли право свободнаго выхода изъ общины, земли же освобождены отъ лежащихъ на нихъ, въ силу выкупного дѣла ограничений. Домохозяева приобрѣли право укрѣпленія въ собственность участковъ ихъ имущественнаго надѣла. Если у Васъ имѣются какіе-либо документы, коими Вы можете установить свое право собственности на землю, то порядокъ отчужденія (продажа) другому лицу Вашей земли, такой же какъ и при продажѣ всякой недвижимости, и отчужденіе совершается общимъ крѣпостнымъ порядкомъ (Полож. о нотар. части вѣд. 1892 г. ст. 66). Если же у Васъ такихъ документовъ нѣтъ, то Вы можете удостовѣрять право собственности: 1) крѣпостными актами; 2) владѣтельными записями; 3) рѣшеніями судебныхъ установлений, а равно волостныхъ судовъ и уѣздныхъ сѣздовъ по дѣламъ о правѣ собственности на недвижимое имущество, входящее въ составъ надѣла, и о насильствованіи въ этомъ имуществѣ (Общ. пол. крест. ст. 125, пп. 1 и 4, статьи 142, 159 и 161); 4) утвержденными уѣздными сѣздами, общественными приговорами или постановленіями земскихъ начальниковъ объ укрѣпленіи участковъ ихъ надѣльной земли, состоящей въ общинномъ пользованіи и 5) утвержденными земскимъ начальникомъ приговорами сельскихъ судовъ о томъ, что отчуждаемый участокъ принадлежить Вамъ на правѣ собственности.

Юр.-конс.

Подп. № 23220.—Степень слабости Вашего зрѣнія дастъ основаніе къ признанію Васъ негоднымъ къ службѣ. Вопросъ можетъ быть разрѣшенъ свидѣтельствомъ въ надсудномъ воинскомъ присутствіи.

Юр.-конс.

Подп. № 11023.—Запканіе, сопряженное съ судорожной болью, сопровождающееся неопытною рѣчью, по надеждамъ испытаніи въ лечебномъ заведеніи, можетъ служить основаніемъ къ освобожденію отъ службы. Свидѣтельство врача, пользовавшаго запку съ дѣтства, можетъ быть полезно. Заблаговременно можно подать соответственное заявленіе въ воинское присутствіе.

Юр.-конс.

Подп. № 25025.—Разъ Вы не можете считаться кормильцемъ семьи, то нѣтъ основаній въ законѣ для освобожденія Васъ отъ воинской повинности.

Юр.-конс.

Подп. № 7805.—Редакція, къ сожалѣнію, не можетъ помочь Вамъ указаніемъ повѣ-

ренныхъ на веденіе дѣлъ. Этихъ функцій редакція на себя не принимаетъ.

Юр.-конс.

Подп. № 24936. Судя по Вашему письму, Вы приобрѣли участокъ земли, по поводу котораго возникъ споръ, въ полную собственность. Разъ это такъ, то Вы можете защищаться противъ несправедливыхъ притязаній удостовѣреніемъ о принадлежности спорнаго участка Вамъ, тѣмъ болѣе, что покупка состоялась, по Вашимъ словамъ, съ согласія крестьянъ всей деревни. Въ отпущеніи усадебныхъ участковъ и въ обществахъ съ общиннымъ землепользованіемъ Ваше право собственности можетъ быть удостовѣрено также приговоромъ сельского схода, утвержденнымъ сельскимъ начальникомъ или соответствующимъ ему должностнымъ лицомъ.

Подп. № 10033. (вторичный отвѣтъ). Терминъ „незаконорожденный“ по дѣйствующему закону не существуетъ. Дѣти, рожденные вне брака (внѣбрачныя), пользуются правомъ на получение содержанія отъ отца. Необходимо установить происхожденіе ребенка отъ даннаго лица, причѣмъ фактъ связи можно указать свидѣтельскими показаніями. Отецъ внѣбрачнаго ребенка обязанъ (ст. 1324 т. X Св. зак. Гражд.) сообразно своимъ средствамъ и общественному положенію матери ребенка, нести издержки на его воспитаніе и содержаніе до его совершеннолѣтія. Въ случаѣ требованія опаеченнаго содержанія за прошедшее время, отецъ обязанъ возмѣстить такое не болѣе, чѣмъ за годъ до предъявленія такого требованія. Обязанность содержать ребенка можетъ быть прекращена и ранѣе совершеннолѣтія, если онъ въ состояніи будетъ самъ содержать себя до наступленія такового. То обстоятельство, что у матери второй ребенокъ, не можетъ измѣнять положеніе дѣла. Если сохранились какія-либо письма отъ отца къ матери ребенка, то разумѣется, спора быть не можетъ при установленіи факта связи.

Юр.-конс.

Подп. И. Квятковскому, Луцкъ. По смыслу ст. 750 улож. о нак. необходимо установленіе провоза товаровъ, между тѣмъ въ данномъ случаѣ можетъ идти рѣчь лишь о припѣшеніи 747 ст. улож. о нак. въ виду того, что были перевезены, помимо промъ. предмѣтъ, скрытые пассажиры. Что касается признанія, то оно можетъ быть дано и на судѣ.

Юр.-конс.

Подп. № 26813. I. Единственнымъ способомъ огражденія интересовъ родственниковъ расточительнаго—это учрежденіе опеки надъ его имуществомъ. II. Опека по расточительности надъ крестьянами учреждается па общимъ основаніи, а не по приговору сельскихъ сходовъ (Рѣш. Общ. Собр. 1837 г. № 28 и 1-го деп. Прав. Сената 28 ноября 1881 г. № 6612). Сельскому обществу не предоставлено право налагать опеку къ имуществу своихъ членовъ за расточитель-

ство (Указъ Общ. Собр. 1, 2 и Кассад. Деп. Прав. Сен. 30 июня 1888 г.). III. Для эти разрѣшаются и разсматриваются подлежащими Губернскими Правленіями, на постановленія коихъ могутъ быть приносимы жалобы въ 1-й Деп. Прав. Сен. IV. Недѣеспособность лица, признаннаго расточителемъ, къ совершенію какихъ-либо актовъ возникаетъ съ момента признанія сего лица расточителемъ, ибо въ силѣ самого опредѣленія подлежащей власти о признаніи его расточителемъ, онъ ограничивается въ своей дѣеспособности, какъ по распоряженію своимъ имѣніемъ, такъ и по заключенію какихъ-либо обязательствъ. Посему недѣйствительна продажа, учиненная лицами, состоящими подъ „законнымъ прещеніемъ“. Сюда относятся и расточители, когда ихъ имѣнія состоятъ въ опеку (ст. 1833, 1 ч., X т., Св. зак. Гражд.). Безъ согласія опекуна расточитель не вправе получать удостовѣренія по дѣламъ относящимся до его имущества. (Рѣш. Гражд. Касс. Деп. Прав. Сен. 1877 г. № 345; 1872 г. № 564).

Юр.-конс.

Подп. Влад. Новакъ.—Спсибо за письмо. Относительно языка „Народ. Унив.“ согласенъ. Относительно содержанія то же Ваши замѣчанія правильны. Что касается картинокъ то это самое большое мѣсто. Лакпровка составляетъ камень преткновенія для всѣхъ литографій, вѣчно оказывающихся неаккуратными и въ срокъ, и въ исполненіи. Переводныя картинки вышли бы дешево, но обращеніе съ ними гораздо мудренѣе и не всегда даетъ желательные результаты. Но самое большое препятствіе въ данномъ случаѣ—это необходимость изготовленія ихъ за границей, что значительно связываетъ руки редакціи. Тѣ картинки, о которыхъ говорите Вы, изготовляются милліонами экземпляровъ въ Германіи для всего міра, почему стоятъ дешево; но если заказать по рисункамъ нашихъ художниковъ и при тиражѣ, подобномъ нашему, то обойдется очень дорого. Мы подумаемъ теперь о томъ, не отказаться ли отъ лакпровки картинокъ, а предоставить ее самимъ подписчикамъ, пользуясь тѣмъ закономъ, рещенъ котораго былъ нами рекомендованъ. Такъ какъ картинкамъ пользуются не всѣ, а лишь незначительная часть подписчиковъ, которые, вѣроятно возьмутъ на себя трудъ и отлакировать картинки, то этимъ путемъ мы бы могли избавиться отъ большой тѣноты, и явилась бы возможность улучшить качество самихъ картинокъ, такъ какъ не было бы такой зависимости отъ литографій, любяя изъ которыхъ могла бы взяться за эту работу. Съ другой стороны, обращеніе (лакировка) съ такими картинками было бы значительно проще, чѣмъ переводъ переводныхъ картинокъ на стекло. Мало того, возможно, что мы могли бы давать кромѣ того и другія цвѣтныя картины прямо въ журналѣ.

Желательно было бы услышать по этому поводу мнѣніе возмож-

но большаго числа дѣлѣжковъ.

Подп. № 9135—Вашъ „не можетъ быть вычитанъ“.

Подп. В. Соловьеву и В. Смирнову. Вполнѣ раздѣляемъ Вашу точку зрѣнія, цензурнымъ условіямъ помѣстать въ журналъ.

Подп.-ицѣ А. Н. Рейдмейстеръ. Съ сожалѣніемъ сообщаемъ, что Ваше заступничество не позволило мнѣ присутствовать на Вашемъ бесѣду о нашемъ Вѣстникѣ.

Подп.—цѣ № 20923. Для того, чтобы право держать экзаменъ при поступленіи, нужно обязательно быть студентомъ. Предметы, читаемые на юридическомъ факультетѣ: 1) Римское право. Русское гражданское и торговое право. 2) Производство. 3) Уголовное право, и производство. 4) Исторія русскаго права. 5) Государственное право; 6) Местное право. 7) Финансовое право. 8) Семейное право 9) Политическая экономія. 10) Энциклопедія и исторія философіи права. Боже подробн. программы читайте въ Унив. (Универс. набор. 7) и въ книжномъ магазинѣ Мартынова, О. Вал., ут. Невск., а также кн. маг. Черткова, Невскій пр. 59. (Посл. письмо).

Подп. Мининъ. Для поступленія на юридическіе курсы нужно окончить сред. учеб. заведеніе. Платеніе возрастомъ не ограничено. Новоприбыльнѣе прилагаютъ письменное разрешеніе родителей, опекуновъ или попечителей. Плата за полное содержаніе въ годъ (общежитіе) полагается по 250 руб. въ годъ; приходящая плата за право слушанія лекцій по пятидесяти рублей въ годъ. Курсъ 4-хъ-лѣтній: С.-Петербургъ, Рождественская (посл. письмо).

Подп. Матвѣеву. Условія подписки на „Вѣстникъ“ и микроскопы будутъ нами предложены въ свое время. Пока на нихъ подписка еще не принимается.

Василію Дмитревскому. Вы просите сообщить Вамъ и не сообщаете своего адреса. Какъ же быть? Напишите свой адресъ, и Ваша просьба будетъ напечатана въ „Вѣстникѣ“.

Под. Григорьеву.—Не совѣтъ моему. Вы хотите. Можетъ быть, теперь, когда вы хотите издаться „Есерего“, Вы и можете желаемое?

Подписч. № 23320. Полная прогр. учеб. завед. ст. 1 руб. Любимъ книжничъ можетъ снабдить Васъ нужными книжками. Можете также написать директору нашу контору. Смот. отв. Ваше письмо. Григорьеву. „Наст. Энциклоп.“ выдаетъ городскіи подписчикамъ доставки. Но разсылка почтою встрѣчается ожиданное со стороны Почтамта. Простіе: отказано въ приѣмѣ на томъ основаніи, что это якобы не періодич. изданіе. Аналогичное изд. „Пол. Энци.“ разсылается. Мы не сомнѣваемся, что скоро кончится.

нотомъ въ нашу пользу, но пока изданіе не ждетъ въ ожиданіи, когда окончится канцелярская волокита. Второй выпускъ уже печатается. На третій вопросъ отвѣтить юристу, которому передано Ваше письмо.

Чит. Мандичу. Въ № 7 Общедепут. университета прилож. къ журн. „В. З.“ за 1904 г. въ книжкахъ „Новѣйшіе успѣхи матеріальной культуры“ были статьи по интересующему Васъ вопросу. Специальные учебники можно достать у Риккера (Невскій пр. 14).

Подписч. Биргелю. Перечислить всѣ нахожденія въ Россіи среднія, спеціальныя и общеобразовательныя уч. заведенія въ отвѣтъ невозможно. Но мы бы могли Вамъ легче отвѣтить, если бы Вы сообщали, къ чему стремитесь, чего хотите добиться. Эрисманъ „Краткій учебн. по гигиенѣ“. Изд. 2 допол. А. Карцева. Ц. 3 руб. Шмидтъ „Грудное воспитаніе гимнастики“ 1 р. 60 к. 3) Общедепут. альбюнкъ, составл. подъ редакціей профес. Быстрова, Тарханова и др. Ц. 3 р. Выписать всѣ учебники можете и через нашу контору.

Подписч. № 26913. „Новѣйш. Библиотека“ давно прекратила свое существованіе. А деньги лучше ужъ забыть: ихъ все равно вернете, Издателями были Рапопортъ, Ждановъ и др. подъ общ. фирмой „Сѣверное Книгоиздательство“. Потомъ осталось одинъ перерывъ и то, кажется, только фактически юридически же все было сдѣлано очень „ладно“, такъ что не съ кого было получить обратно денегъ.

Подписч. Антониновскому. Минскъ.—Въ Лѣсной Институтъ принимаютъ окончившихъ курсъ гимназій, реальныхъ училищъ (съ дополнительнымъ классомъ) духовныхъ семинарій по первому разряду и другихъ среднихъ учеб. заведен. по курсу средней аттестационной отѣтки въ аттестатъ по русскому языку, математикѣ и физикѣ. Плата 60 рублей въ годъ вносится по полугодіямъ. Лучшіе по успѣхамъ студенты получаютъ стипендію въ размѣрѣ 360 руб. въ годъ. Студенты, пользовавшіеся стипендіей, обязаны прослужить въ лѣсномъ ведомствѣ по 1 году за каждый годъ полученія стипендіи. Курсъ ученія 4-хъ лѣтъ. Окончившіе лѣсной институтъ, получаютъ званіе „ученаго лѣсовода“ I и II разрядовъ, смотря по успѣхамъ и пользуются правами, предоставляемыми получающимъ дипломы I и II разрядовъ российскихъ университетовъ.

Подписч. № 8734. Отдѣльные №№ каждого изъ журналовъ (В. Зн. Библи. Слест. Зн., В. д. Саморазв. и Нар. Унив.) для подписчиковъ съ пересыл. стоятъ по 50 коп. Вышла эта книжка—„Пути самообразования и служенія обществу“—и стоитъ 50 к.

Намъ издана книжка Шустера „Лекціи по высшей математикѣ“. Стоить она для подписчиковъ 1 р. 20 коп. По Химіи нами издана прекрасная книга проф. Оствальда „Школа Химіи“ т. 2 част. 2 р., для под. 1 р. 50 к. Въ будущемъ году будетъ „Органич. химія“ проф. Веде-

кинда. По физикѣ нами издано, кромѣ очень интерес. лекцій въ Общедепут. Универс. и др. книгъ еще „Курсъ Физики“ проф. Бальфура—Стюарта. Впрочемъ, изъ каталога Вы увидите сами. Изъ др. не нашихъ изданій: учеб. химіи ц. 1 р. 80 к. По физикѣ: Корольковъ и Матюшенко Учеб. ц. 50 к. Не знаемъ въ какой степени полно нужно вамъ ознакомиться съ этими науками. „Курсъ теоретической механики“. Ц. 2 р. 50 коп. „Основанія теоретической механики“. Цѣна 5 р. Изд. Риккера.

Подписч. № 26482—„Вѣстникъ Воспитанія“ Адресъ (Москва, Арбатъ д. Михайловой). Ц. 6 р. въ годъ, а также „Русская Школа“ С.-Пет. ц. 8 — Что касается книгъ, то литература слишкомъ обширна: Можетъ быть вы дождетесь выхода нашей „Общ. педагогикѣ“ проф. Циглера?

Подписч. Вальчихину Волшебный фонарь имѣетъ съ пересылкой для подписчиковъ тоитъ 4 р. 75 к. Фонарь не высылается, какъ приложение, на него нужно подписаться отдельно. „Всеобщая Библиотека“ давно уже не существуетъ. (Посл. письмо). **Подписч. № 11219.** Объявленіе Ваше будетъ напечатано во „Взаимопомощи“ „Обязательно выйдутъ“ вышли два выпуска Историческаго отдѣла. Въ Мартѣ кончается подписной годъ, но въ виду запозданія подписывающихся до этого срока будутъ продолжатъ получать выпуски и послѣ. Только тѣ, которые подписываются позже срока (для каждого отдѣла особый срокъ), приплачиваютъ за пересылку вышедшихъ ранѣе выпусковъ дополнительную плату. Напр. срокъ выхода Биологич. Отд. кончается ноябремъ, до этого времени вышло только три выпуска, значитъ новый подписной годъ начнется съ выпуска 4-го, который будетъ считаться № 1-мъ 1908 г. и всѣ ранѣе подписавшіеся будутъ продолжатъ получать изданіе безъ перерыва, сообразно внесенной платѣ (3 р. за 12 вып.) Новые же подписчики должны будутъ доплатить за пересылку первыхъ трехъ выпусковъ заказною бандеролью 30 к., что бы имѣть начало. Сколько выйдетъ, выпусковъ Историч. Отдѣла до марта, сказать трудно, но чѣмъ больше ихъ выйдетъ, тѣмъ дороже обойдется пересылка подписавшимся послѣ марта (позднѣе).—Такимъ образомъ, старые подписчики ничего не теряютъ, а новые немного приплачиваютъ. Крышки Вѣст. Зн. за 1905 г. стоятъ 2 р. 80 коп. съ пересылкой. Брошюрка высылается всѣмъ подписчикамъ.

Подписч. № 7522. Выписать картины можете только черезъ нашу редакцію, такъ какъ другіе картины не издавали. (Была, прочемъ, одна фирма теперь обанкротившаяся).

Подписч. № 21361. Такъ какъ нашъ волшебный фонарь построенъ на очень простыхъ и вполнѣ точныхъ оптическихъ принципахъ и вызываетъ многочисленныя одобренія, то мы можемъ только выразить, во-первыхъ, удивленіе, почему онъ въ Вашихъ рукахъ не действуетъ, а во вторыхъ, полную утѣренность въ томъ, что обращались Вы съ нимъ не вполнѣ

согласно, съ нашими указаніями въ журналѣ „Народ. Университ.“ и пасталепісмъ, приложеннымъ при волшебномъ фонарѣ. Возможно, что Вы не выдвигали объективной трубки. Она очень часто въ первый моментъ требуетъ значительнаго успія для выдвиганія (надо вращать и тянуть). Посмотрите хорошенько. Неудачъ быть не можетъ, если сдѣлать все, указанное нами.

Подписч. № 8295. 1) Торговая Школа С.-Петербург. Купечес. Общества (Звенигородская ул. 10). 2) Город. Торговая школа им. Имп. Петра I. С.-Петербург. Б. П о с а д о к а я. 3. Учит. К л е д н и ц к о й. Все интересующія Васъ книжки можете выписать черезъ нашу контору, выславъ предварительно деньги. Выписать журналъ „В. З.“ можете въ разсрочку, которая допускается въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. (Посл. писмо).

Подписч. № 7267. Мы очень рады, что Вы получили прекрасные результаты, принявъ указанный нами лакъ для картинъ, съ цѣью сдѣлать или исправить ихъ прозрачность. Гравюры у насъ не имѣются къ тому же надо замѣтить, что онѣ печатаются на толстой бумагѣ и врядъ-ли получать достаточную прозрачность. Мы будемъ въ будущемъ году давать въ каждомъ номерѣ картинки въ такомъ видѣ, чтобы ихъ можно было дѣлать прозрачными при помощи лака, рецептъ котораго былъ нами данъ. Картины для волшебнаго фонаря можете получить въ нашей конторѣ по цѣнѣ 75 коп. за 12 картинъ. Журналъ „Фельдшеръ“ цѣна 3 р. въ годъ. Морская 27.

Подписч. № 10658. Думаемъ, что за качели и гигантскіе шаги Вы никакимъ репрессіямъ не подвергнетесь даже и въ такое мрачное время, какъ наше. Это ужъ было-бы слишкомъ.

Подписч. № 7601. Соч. Чехова (прилож. къ журн. „Нива“) у букинист. стоитъ 6—7 руб. Достоевскій—прилож. къ „Нивѣ“ стоитъ 7—8 руб.

Подписч. № 25125. Обратитесь къ оптику Рихтеру (Невскій, 1) или Мильку (Невскій), Англійскій учебникъ Нурока; ц. 1 р. 50 к. Самоучитель Мемовскаго ц. 4 р.

Словарь синонимовъ рус. яз. Абрамова ст. 1 руб. Выписать можете черезъ магазинъ Риккера (Невскій пр.).

Учит. Фрунгову. Подписка на журн. „Вѣсти. Зп.“ стоитъ въ годъ 8 руб. „Научная Библіотека“ имѣетъ 6 отдѣловъ; каждый отдѣлъ стоитъ 3 руб., въ годъ. Разсрочка допускается самая широкая. Учебникъ „Эсперанто“ можете получить у насъ; ц. 75 к. для подписч. дешево. Вамъ будетъ выслана брошюрка „В. З.“, въ которой найдете Уставъ „С. В. З.“. Въ Тамбовской губер. имѣется круж. „С. В. З.“.

Подписч. № 14788. Въ нашей книжкѣ „Путь самообразов. и служен. обществу“, (стоитъ она 70 коп. съ пересыл.) Вы найдете перечень программъ для самообразованія. (Посл. П.)

Подписч. № 7484. Вопросы, поставленные

Вами, могутъ быть разрешены въ элементарнымъ руководствѣ по физикѣ. Въ трехъ строкахъ невозможно описать рецепты, которые можно было бы использовать во всѣхъ случаяхъ фотосъединенія. Проявители гущей: глицеринъ, гидроксидъ натрия, ацетонъ, доль и еще очень много. Держать картинку въ растворѣ сдѣлать до 10 мин. (и даже нѣсколько дольше), пока картинка не выйдетъ изъ раствора. Снимать картинку самѣтными. Фиксировать картинку въ 25% растворѣ гипосульфита (строго безъ кислой натрѣ) или кислаго фиксажа. Промывать картинку въ прѣсной водѣ, пока бѣлизна съ картинкой не исчезнетъ. Затѣмъ тщательное промываніе картинку въ прѣсной водѣ. Рекомендуемъ Вамъ выписать магазинъ Юхима (Невскій 8) или Карла (Михайловская 2) самыя дешевыя аппаратуры по фотографіи; тамъ Вы найдете подробные отвѣты на ваши вопросы. Впрочемъ, даже въ ихъ каталогахъ вы найдете краткія руководства.

Подписч. Краснополскому. Во всѣхъ специальныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Военно-Мед. Акад., Технол., Горно-Техничес. инст. Лѣсной инст. и др. нужны оба языка франц. и нѣм. Испытанія на аттестатъ зрѣлости, а также на латинскій языкъ. Обратитесь съ такимъ вопросомъ непосредственно въ канцелярію Университета. (Университетская библиотека, 7).

Подписч. № 8260. Военно-фельдшерская школа адресъ: (Нижегородская, 4). Школа имѣетъ цѣлью готовить медиковъ фельдшеровъ для службы по военному ведомству. Въ школу принимаютъ сыновей офицеровъ и нижнихъ чиновъ, а въ случаѣ свободныхъ вакансій дѣтей другихъ сословій. Количество вакансій 800; кроме того, имѣются еще 23 стипендіи казачьихъ子弟. Приходящіе ученики проходятъ курсы 4-хъ классовъ; курсъ 4-хъ лѣтъ, окончившіе школу выпускаются на службу мед. или медико-ветеринарными фельдшерами и получаютъ права вольноопредѣляющихся 3-го разряда. Пользовавшіеся казеннымъ содержаніемъ обязаны прослужить за 1 годъ обучения 1 1/2 года въ званіи военного фельдшера; причѣмъ послѣ трехъ лѣтъ службы переименовываются въ кандидата на высшую должность съ правомъ производства въ первый классъ чина.

Подп. уч. Боровскому. Выписать программу гимназій (можете черезъ нашу контору, выславъ предвар. деньги). Въ программахъ отмѣчены всѣ учебники, которые необходимо придерживаться. Наши курсы дополняютъ Ваши знанія. Если будете серьезно заниматься то, конечно, за два года вы подготовитесь вполне. Учебники можно заказать также изъ гор. Херсона, какъ и изъ близкаго къ вамъ.

Подписч. Краллу. Цѣна на Журн. „В. З.“ за 1903 г. совсѣмъ приложена для

множества понижена до 4 р. 50 к. съ поресыл. Библиографическая библиотека Павлинкова по 25 коп. за книжку. Сюда вошли биографии Галилея, Коперника и др. учен. Покровский „Путеводитель по небу“ Практ. руковод. по астроном. наблюд. повозоружен. глаз. или малой трубой. ц. 2 руб. Предтеченский „Астрономъ любителей“. Руководство къ ознаком. съ небесными явленіями и ихъ наблюденіемъ.

Подпич. № 24910. Редакція пока еще не принимаетъ подп. на микроскопъ и телескопъ; поэтому теперь условій объявить мы не можемъ. Обратитесь къ оптику Рихтеру (Невскій уг. Адмир.).

Подпич. Амадебашину. Журналъ „Билосъ“ закрытъ администраціей. Не можетъ быть будетъ издаваться подъ другимъ названіемъ. Обратитесь въ редакцію (Знаменская ул. д. 10).

Подпич. № 23519 Въ Военно-топографическое училище при нпм. отъ 17—до 22 л. Въ Пиротехнич.—артиллер. уч. отъ 16—22 л. Въ Технич.—Артиллер. приим. отъ 16 до 19 л. Въ Юнкер. Шхот. отъ 17 л.

Подп. Бойкову. Письмо Ваше передано юр.-конс.

Подп. № 20632. Макарова словари (рус.-фр.) ц. по 5 р. за томъ. Фр.-рус. ц. 5 р. Словарь фр.-рус.этимолог. Также ц. 10 р.

Подп. № 8441.—Курсы Черняева (Татарскій пер. б. уг. Кроновск. просп.) готовить на аттестатъ зрѣлости. Принимаютъ, сообразно уровню знаній. Кто больше знаетъ, раньше кончить. Курсы 4-хлѣтн. Плата въ I кл. 30 р., II кл. 54, въ III кл. 63 и IV кл. 72 р. Болѣе подр. свѣд. получ. въ канцеляріи курсовъ. Жизнь въ Петербургѣ дорога и, даже соблюдая строжайшую экономію, нужно не менее 25—30 р. въ мѣсяцъ. (досл. п.).

Чит. Щербиненко. Смотр. отвѣтъ выше подп. № 8441.

Подп. Жунову.—Самоучитель стенографіи будетъ Вамъ высланъ: цѣна съ пересылкой 1 руб.

Подп. № 22493. Изданный нами самоучитель рисованія будетъ Вамъ полезенъ. ц. 1 р. Умѣніе правильно рисовать геометрическія фигуры всюду необходимо для экзамена. Особенное же вниманіе обращать на черченіе и рисованіе при сдачѣ экзамена за курсъ реального училища. (посл. п.).

Подп. № 7623. Не торопитесь подпиской. (посл. письмомъ).

Подп. № 21565. Тригоном. Португалова ц. 1 р. Алгебра—его-же ц. 2 руб. 25 коп. о „Психологич. Издательствъ.“ мы не разъ высказывались отрицательно.

Шагову. Курсъ русскаго литературнаго языка отдѣльно стоитъ 2 р. 50 к. съ (пересл. болѣе 8-хъ р.). Если Вамъ писали, что „Виб. Сист. Зн.“ стоитъ 8 р., то этимъ хотѣли сказать, что гораздо выгоднѣе подписываться на это изданіе, заключающее со-

дѣніи, стоимость которыхъ въ отдѣльной продажѣ превосходитъ все изданіе.

Подп. № 22456. Относительно 1 вопроса Вашего смотр. отв. подп. № 21565. Наша „Нудѣя“ была приостановлена, главнымъ образомъ, изъ за соч. Толстого. Такъ что изданіе полнаго собр. его сочин. въ настоящее время дать невозможно. (п. п.).

Подп. № 6829. См. др. отв.

Подп. П. Яунлину. Барацъ. „Курсъ двойной бухгалтеріи“ ц. 2 р. 50 к. Виде-манъ „Торговая бухгалтерія“ ц. 1 р. 50 к. Выписать можете черезъ нашу контору, выславъ предварительно деньги. Лучшимъ учебникомъ считается бухгалтерія Бараца. У насъ въ будущемъ году будетъ дано краткое практическое руководство бухгалтеріи.

Подп. Тихомирову. Каталогъ Вамъ будетъ высланъ.

Подп. № 7956. Межеричеръ—учебникъ технического черченія. Его-же учебн. геометрич. черч., ц. 1 р. Долабаръ—геометрич. черч., ц. 1 р. 50 к. Учеб. низшей геодезій Вика издад. 2-е ц. 1 р. 50 коп. „Настольная энциклопедія“ (1-й вып.) вышла. Каталогъ Вамъ вышлютъ.

Подп. № 7309. Русская исторія проф. Ключевского 2. т. ц. 5 р. Выписать можете черезъ магаз. Риккера (Невск. 18) или черезъ нашу контору.

Подп. № 8846. Ознакомьтесь сначала съ однимъ языкомъ, а потомъ приступите къ изученію другого. О самоучител. смотр. №№ 5, 6 и 7 журн. „В. З.“ за текущій годъ, а также №№ прошлаго года.

Подп. Карнову. Лекцій проф. Ключевскаго по рус. ист. въ продажѣ нѣтъ. 2 тома его исторіи ст. 5 р. (1 т. распроданъ). Книги по педагогикѣ найд. въ отвѣтъ папись № 9425. Джемсъ. Психологія пер. Лапина 4 изд. 1902 г. 1 р. 50 к. Седли, Д. „Основ. общедост. психол. и ея примѣн. на воспит.“ 2 изд. 97 г. 1 р. 75 к. (п. п.).

Подп. № 26490. Въ иностранномъ обозрѣніи въ будущемъ году въ исперантскомъ журналѣ.

Подп. Сокольскому. Въ „Народ. Унив.“ будутъ помѣщены слѣдующія лекція: 1) по русской исторіи („три этапа въ развитіи рус. ист.“). 2) О Сьерп. Америкѣ. 3) о пчеловодствѣ. 4) Великія и грозныя явленія природы и друг. (п. п.).

Подп. № 25898. Самоучит. Туссена и Лангенштейда выписать можете черезъ нашу контору. Ц. 3 р. 50 к. (съ пересыл. 8 р. 90 коп.).

Подп. № 25614. „Гипнот. и родствен. явл. въ наукѣ и жизни“ ст. 70 к. Программа для подгот. на аттест. зрѣл. ст. 1 р.

К откову. Иллюстрир. Истор. религ.“ Шантели де-ля Соссей ст. 6 р. У насъ она выходитъ въ новомъ, роскошномъ изданіи въ Этическомъ отдѣлѣ „Научн. Библ.“

Подп. 21156.—Обязательно кончить курсъ духовной академіи по I разряду или курсъ гимназіи. Принимаютъ семинаристовъ по экзамену: изъ русск. яз., латыни, греческ.

аз. Выдержавшие испытан. прин. по кон-курсу баллов. Все студенты живут в Институте на казен. содерж. (Знач. пользуют. кварт. стол. и т. д.). Каждый поступающ. в Инст. обязывается подпис. прослуж. не менее 6 лѣт. въ вѣдом. М. Н. П. Вольнослушат. нѣтъ. Попасть не совсемъ легко: желающихъ много.

Подп. № 25146. Этотъ журналъ не выходитъ. Каждая книжка стоитъ около 1 руб. Устарѣла.

Подп. № 9058. 8-ой № „Народ. Универ.“ выстѣ съ пер. ст. 75 коп.

Свящ. Миловидову. Новѣйшая Библиот. не существуетъ. Втор. вып. Истор. отдѣла вамъ высланъ.

Подп. № 20238. Письмо ваше передано юр.-конс.

Н. Ефремову. Каталогъ вамъ будетъ высланъ, гдѣ найдете Уставъ „С. В. З.“ (п. п.).

Учит. Махровскому. Роско Химія (сер. первон. учеб.) ц. 30 к. Григорьевъ „Краткій курсъ химіи“ ц. 80 к. По аналит. хим. Федо „Домашняя лаборат.“ ц. 50 коп. Имѣете-ли вы изданную нами „Школу химіи“ въ 2 частяхъ проф. Оствальда?—Если нѣтъ, то горячо рекомендуемъ, это лучшее сочиненіе въ данной области. Обратитесь къ оптику Рихтеру (Невскій, уг. Адмир.) черезъ него можете выпис. микроск. и всѣ приб. (п. п.).

Подп. № 8728.—Пока мы не принимаемъ пожертвованій на „Народн. Академію“. Листки разсылались лишь для выясненія вопроса. Вѣроятнѣ всего пожертвованія придется направлять въ мѣстные (близжайшіе) отдѣлы Союза. Изъ тѣхъ пожертвованій будетъ образованъ фондъ для вознагражденія странствующихъ лекторовъ и на покрытие разныхъ расходовъ. Но самое главное теперь—это люди, люди и люди! Ихъ нѣтъ нигдѣ. Намъ нужны умные, энергичные помощники, съ организаторскими талантами, проникнутые идеальными стремленіями и жаждущіе дѣятельности.

Подп. А. Ф. Мощеникину, с. Ильинское.—Когда вы ознакомитесь съ полученнымъ Вами журналомъ за 1906 г., то увидите, что не отъ насъ зависѣло измѣненіе. Что касается учебника алгебры, то „въ Курсѣ низшей и высшей математикѣ“ Шустера дается больше, чѣмъ было обѣщано. Жалоба передана въ контору.

Подписч. № 22460. „Среди книгъ“ Рубакина, ц. 8 р. 50 коп. Програм. для самообраз., поможетъ Вамъ. Выписать можете черезъ нашу контору.

Подписч. Станиновичу. Черезъ нашу контору можете выписать всѣ книги, перечисленные Вами, выслать предварительно хотя бы третью ихъ стоимости. Ц. соч. Пушкина 1 р. 50 коп. и дороже; зависить отъ изданія. Соч. Лермонтова—1 р. 3 руб. и дороже; Гоголь—1 р. 25 коп. Толстой ст.—11 р. 85 к. (дешев. изд.) (посл. письмомъ).

Подписч. Флакеу. Мы помѣстили объяв-

леніе Ваше во „Взаимопомощь“, безъ согласія подписчиковъ мы этого выслать не можемъ.

Подписч. № 21235. Безъ помощи тѣля готовиться трудно, для объективнѣе обратиться къ „Взаимопомощи“ 4, 5, 6 №№ „В. З.“ за текущій годъ найдете указанія о самоучителяхъ фр. и нѣм. Намъ изданъ самоучитель русск. (75 коп.), который, конечно, принесетъ Вамъ нѣкоторую пользу.

Подписч. Слотвинскому. Купить картины можете у Пето (Караванная ул., 6). Если подлинитъ нужно черезъ это отверстие конденсаторъ водой, тогда картины будутъ яркими и большими. Очевидно Вы не прочли инструкціи къ фонарю. (Посл. письмомъ).

Подписч. № 5932.—Неясность изображенія происходитъ отъ слѣдующ. прич. 1) Конденсаторъ не наполненъ водой. 2) Нѣтъ онъ не на мѣстѣ. (На мѣстѣ конденсаторъ считается тогда, когда, удаливъ объективъ, получаемъ изображение пламени на экранѣ. 3) Не выдвинута объективная трубка. Картины у насъ имѣются. Каждая серія стоитъ 75 коп. (Посл. п.) Не торопитесь подниматься. Прочтите предыдущій №.

Подписч. № 24047.—При заправкѣ картины надо водить кистью по обратнымъ сторонамъ. Оба рецепта одинаково хороши, обратитесь только вниманіе на инструкціи, опечатки; не 50 гр. парафина, а толченого. Книгачитъ на плитѣ. Въ любомъ антикварномъ магазинѣ можно купить все, что нужно для лака, а приклеиваютъ ходитъ въ ботинки синтетикомъ и даже простымъ клеемъ. Рекомендуемъ во избѣжаніе потери свѣта, вслѣдствіе поглощенія его стеклами; помѣстите картинку между картонными рамками, соответственнымъ вырѣзомъ.

Подписч. № 20945. Объявленіе Ваше помѣстили во „Взаимопомощь“. Оба языка нужны и латынь. Аттестатъ зрѣл. необходимъ, иначе нельзя получ. дипломъ Университет. Читать нужно последовательно, переходя отъ болѣе легкихъ къ болѣе труднымъ книгамъ. Программа для самообразованія Шапова „Домашняя Библиотека“ поможетъ Вамъ въ этомъ дѣлѣ.

Подписч. № 9797. „Коллекція Флауэра“, издаваемая „Психологическимъ Издателствомъ“, никакого вниманія не заслуживаетъ, это предпріятіе рассчитанное на невѣжество публики.

Подписч. № 26067. Журналъ „Новѣйшая Библиотека“ давно не существуетъ, о чемъ мы неоднократно сообщали.

Подписч. № 9425.—Въ будущемъ году будетъ дано сочиненіе проф. Циглера по педагогикѣ кромѣ того. Янъ Амось Камелскій, педаг. соч. 1 р. 50 к. К. Ушинскій соч. 1 р. 50 к. Локкѣ Д. „Мысли о воспитаніи“. Ц. 1 р. 50 к. Каптеревъ „Новая русская педагогика, ея главнѣйшія идеи, изъясненія и дѣйств.“ ц. 80 коп. Вамъ будетъ выслана брошюра, въ которой найдете уставъ „С. В. З.“ (п. п.).

Подписч. Улезко. Въ керосиновой лампѣ керосинъ незамѣнимъ, надо только заботиться о качествѣ керосина. Прозрачный экстракт. Картины высланы вторично. Журналъ, о которомъ Вы спрашиваете, одинъ изъ тѣхъ, которые объявляли подписку въ расчетъ на легковѣрные публички. Денегъ, конечно, получить не съ кого. (п. п.).

Подписч. Кауфману. Брошюрки будутъ Вамъ высланы. Объявление помѣстимъ въ „Взаимопомощи“.

Подписч. № 8239. Волшебный фонарь ст. 4 р. 75 к. съ перес. Въ отдѣлѣ „Научн. Бил.“ ст. 18 р. „На рубежѣ столѣтій.“ В. В. Битнера ц. по 3 р. 50 к. за томъ съ перес. Третій томъ не выходилъ: вышло только два первыхъ. Объявленіе Ваше помѣстимъ въ „Взаимопомощи“.

Подписч. № 23515.—Мы можемъ порекоменд. лѣчебники, котор. будутъ Вамъ полезны. 1) Рамманоуъ—общедоступ. лѣчеб. п. 60 к. Флоринскій „Домашняя медицина“ лечебн. для народа ц. 3 р. 50 к. Изучить же медицину хотя-бы въ обѣихъ фальдисерскихъ курсовъ, исключительно по книжкамъ, невозможно; потому что знаніе медицины основано, главнымъ образомъ, на практическихъ занятіяхъ. Выписать всѣ учебники можете черезъ нашу контору, выславъ предварительно деньги (п. п.).

Подписч. № 8178.—Имѣющая дипломъ „Домашн. учительн. можетъ открыт. низшее или среднее учеб. зав. до 8-ми классовъ“. Фонарь и книжка Вамъ уже давно высланы, справьтесь на почтѣ.

Подп. М. І. Шаревскому, въ Самаркандѣ.—Вы насъ ставите въ невозможное положеніе, присылая деньги на изданіе, противъ которыхъ мы уже высказывались достаточно энергично. Одно изъ нихъ—сипошная возмутительнѣйшая порнографія, разсчитанная на самые низменные инстинкты; другое—„журналъ“, подписку на который (до сихъ поръ не выходилъ и будетъ ли еще выходить—вопросъ) принимаетъ фирма, уже зарекомендовавшая себя тѣмъ, что собирала подписку на журналъ въ расчетъ на то, что въ худшемъ случаѣ совѣтъ не выпуститъ ни одного номера, или же будетъ издавать до тѣхъ поръ, пока выгодно, и въ любой моментъ прекратитъ изданіе, не удовлетворивъ подписчиковъ. Такъ эта фирма уже разъ поступила: собрала деньги съ нѣсколькихъ тысячъ подписчиковъ и не выпустила ни одного номера. У насъ было очень много жалобъ и просьбъ получить обратно деньги съ конторы этого „издательства“. Но, понятно, послѣдняя категорически отказывалась выдать деньги подъ разными предлогами... Мы, конечно, категорически не отказываемся передать деньги и въ эти журналы, такъ какъ контора исполняетъ порученія подписчиковъ и въ отношеніи подписки на периодическія изданія, но такъ какъ въ данномъ случаѣ намъ приходится совершать заведомо сомнительную сдѣлку, то мы считаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ сообщить Васъ о

характерѣ изданій, на которые Вы хотѣли подписаться черезъ посредство нашей конторы. И только, если Вы и послѣ нашего предупрежденія будете настаивать на своемъ желаніи подписаться на эти „журналы“, тогда Ваша просьба будетъ исполнена безъ замедленія. Итакъ, будемъ ждать Вашихъ распоряженій, тѣмъ болѣе, что промедленіе въ такихъ случаяхъ вреда никогда не причинитъ...

Под. І. Гикабара, Кіевъ, Ново-Тарасовск. пр.—Этого изданія мы не знаемъ, тѣмъ болѣе, что не указана и фамилія издателя. Но имена выставлены въ значительной степени почтенныя, частью даже наши сотрудники. Не допуская возможности здѣсь какой-либо фальсификаціи, можно стало быть сказать, что намѣренія похвальны и, если имѣются достаточныя средства, чтобы выдержать неизбѣжный въ началѣ неуспѣхъ, то подписаться можно было бы. Но... здѣсь все основано на *если*. Поэтому опять такъ скажемъ,—„обождите“, не торопитесь, дайте составитъ обѣ изданія понятіе по первымъ выпускамъ. Въдь можетъ быть оно начинается безъ денегъ; тогда неизбежно оно долго просуществовать не можетъ, и Вы бы рисковали своими деньгами.

Подп. А. Бор — икну.—Вамъ былъ данъ отвѣтъ письмомъ и въ журналѣ.

П. д. № 8345.—Просба Ваша исполнена. Прочтите книгу „Гигіена умственной жизни“, данную намъ въ этомъ году въ приложеніи.

Подп. Біол. Отд. Науч. Библ. Езерскому.—Судя по всему, Вы читаете „В. З.“, почему и отвѣчаемъ здѣсь. Дѣйствительно, Ваше письмо недостаточно ясно. Вы говорите, что врачъ знающій и толковый; что лѣченіе его Вамъ помогло, такъ чего же еще? Продолжайте въ томъ же духѣ. Если же Вы къ тому же прочтете изданную нами книгу „Гигіена умственной жизни“, то Вамъ многое будетъ понятно. Вообще, лицамъ, страдающимъ нѣкоторыми болѣзнями, отражающимися на психикѣ, нельзя не совѣтовать хорошо познакомиться съ этою полезною книгою. Что касается другой половинны В. письма, то отвѣтомъ на нее явится статья нашего сотрудника В. О. Тотоміаца, которая будетъ помѣщена въ № 12 „Вѣст. Зн.“ Изъ нея Вы многое узнаете и тогда можете задать болѣе конкретный, не столь общій вопросъ, какъ теперь, на который очень трудно отвѣчать.

Подп. учиг. К — у.—Въ данномъ случаѣ полезно примѣненіе электричества (обыкновенный Шпаметовскій аппаратъ). Обратитесь къ врачу. Если поближе итѣ опытнаго врача, то можно даже лѣчиться и самому; но тогда вѣдь придется покупать. Поэтому лучше побывать у врача. Обыкновенно нѣсколькихъ сеансовъ бываетъ достаточно, при сохраненіи режима, о которомъ мы не разъ писали въ отвѣтахъ (просмотрите внимательно прежніе №№). Если же врачъ не знаетъ бы, какъ поступить, тогда напишите вновь, и мы сообщимъ для его свѣдѣнія.

Не можетъ ли кто изъ подписчиковъ

„Вѣстника Знанія“ отозваться на мою просьбу. Страдая постоянными почными галлюцинаціями, уже продолжавшимися около 8-хъ лѣтъ, вслѣдствіе дурныхъ привычекъ влѣдствіе, и испробовавъ для излѣченія всѣ бромистыя успокоительныя препараты, прописываемыя докторами, которые мнѣ не помогли, прошу товарищей помочь кто чѣмъ можетъ: совѣтами и указаніями, за что буду очень благодаренъ.

Расходы по перепискѣ принимаю на себя.

Корреспонденцію прошу адресовать: *гор. Рига. Главный почтамтъ до востребованія подъ лит. Tibus.*

Подписч. № 27093 Обратитесь къ оптику Рихтеру (Цевскій 1) Такого журнала уже не существуетъ. Обратитесь въ книж. магаз. Риккера (Цевскій 14).

Подписч. № 9957.—Самоучитель бухгалтеріи Лимоншталя. Коммерческая Ариомет. Луисаго ц. 1 р. о др. учеб. бухгалт. см. отв. подписч. Аупинину. Практиковать, конечно надо; сразу вести хорошо бухгалт. не всегда удается. Выписать всѣ учебники можете через нашу контору, выслать предварительно деньги полностью или 1/2 задат. см. др. отв. Изданная нами для подп. математики Мартенса ц. 80 к. практическая Шустова курсъ низш. и высш. математики, а также въ будущемъ году Лосаца, основы математики.

Подписч. Мясковскому. Общеобразоват. курсы Черняева готовить къ поступленію въ Университетъ или Политехникумъ. (Гаттарскій переул., 5 уг. Крошверск просн.)

Журналъ, о которомъ спрашивали, выходитъ. На эту сумму, правда, очень скромно, прожить можно въ буржѣ. (п. п.)

Подписч. № 6731. 1) Охтенское Инженерн. училище С.-Петер. М. Охтенская, 9. 2) С.-Петербург. Инженерн. училище. Стекланннхъ, С. Ляная ул. 9. СПб. училище дальнѣйшаго образованія В. О., 22 лнн. 9. (п. п.)

Подписч. № 24576—Физика Крестовника ц. 2 р. 50 коп. Геометр. Давидова. ц. 1 р. 35 к. Вышлите 1/3 стоим. всѣхъ пересылаемыхъ книгъ, тогда вышлемъ налогъ. (п. п.)

Подписч. Спасовой. Для поступленія въ Медицинскій женск. инст. требуется аттестатъ зрѣлости. Вамъ, слѣдовательно, придется держать дополнительный экзаменъ по математикѣ, физикѣ, русскому языку, латинск. и одному изъ новыхъ яз. Изучайте, подготовит. курсъ при Институтѣ ит. И въ Институтѣ выѣтся общежитіе (нѣтъ, гдѣ плата, 300 въ годъ, вносится до полугодіямъ. За право ученія вносится 100 р. за годъ, также по полугодіямъ. Вы можете поступить на Высшіе Женск. курсы Расава. Или на женскіе естеств.-науч. курсы, гдѣ принимаютъ епархіалокъ. (п. п.) И педагогич. курсы примимъ безъ экзаменовъ. сурсъ сред. учеб. зав. съ наградами не позже, какъ черезъ два года послѣ окончанія его.

Widener Library

3 2044 111 856 928

HD